

Научно-
теоретический
и информационно-
методический журнал

ЮРИСТ ПРАВОВЕД

№ 1 (100)
2022

Выходит 4 раза в год

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
17 октября 2017 г.

Регистрационный номер
ПИ № ФС 77-71313

Главный редактор:
К.А. Плясов,
доктор юрид. наук, доц.

**Заместитель главного
редактора:**
С.В. Пахомов,
канд. юрид. наук, доц.

Редакционная коллегия:

Ю.В. Анохин, д-р юрид. наук, доц.;
П.П. Баранов, д-р юрид. наук, проф.;
М.В. Баранова, д-р юрид. наук, проф.;
Е.В. Безручко, д-р юрид. наук, доц.;
М.О. Баев, д-р юрид. наук, проф.;
М.А. Бучакова, д-р юрид. наук, доц.;
Н.Л. Бондаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Варданян, д-р юрид. наук, проф.;
К.В. Вишневецкий, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Ендольцева, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Ильяшенко, д-р юрид. наук, проф.;
М.В. Костенников, д-р юрид. наук, проф.;
С.И. Коновалов, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Куракин, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Кузбагаров, д-р юрид. наук, проф.;
Д.Н. Лозовский, д-р юрид. наук, доц.;
Ю.А. Ляхов, д-р юрид. наук, проф.;
И.А. Макаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.П. Мясников, д-р юрид. наук, проф.;
Г.Г. Небратенко, д-р юрид. наук, проф.;
Р.В. Нигматуллин, д-р юрид. наук, проф.;
А.И. Овчинников, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Победкин, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Позднышов, д-р юрид. наук, проф.;
И.М. Рассолов, д-р юрид. наук, доц.;
С.Б. Россинский, д-р юрид. наук, доц.;
О.А. Рузакова, д-р юрид. наук, проф.;
С.А. Синенко, д-р юрид. наук, доц.;
В.И. Третьяков, д-р юрид. наук, проф.;
О.В. Химичева, д-р юрид. наук, проф.

Учредитель и издатель:
федеральное государственное казенное
образовательное учреждение
высшего образования
«Ростовский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

© ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2022

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Шевелева С.В., Позднякова Е.В.** Теоретико-правовые
основы института безопасности личности 7
- Шатилов С.П., Шатилова О.А.** Деятельность прокуратуры
Алтайского края по надзору за законностью в деятельности
органов милиции в годы Великой Отечественной войны
(1941–1945 гг.) 12
- Агакишиев С.А. оглы, Комахин Б.Н.** Вопросы обеспечения
общественной безопасности. От Устава к новому
Наставлению 17

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

- Безручко Е.В.** Противодействие преступлениям
экстремистской направленности, совершаемым
в учреждениях уголовно-исполнительной системы 21
- Майоров В.И., Дунаева О.Н., Пестов Р.А.** Механизмы
противодействия коррупции (на примере Российской Федерации
и Китайской Народной Республики) 28
- Баграмян С.Л.** Особенности реконструкции личностных
свойств преступника по следам преступлений, предусмотренных
ст. 243.2 УК РФ 34
- Столбова Н.А.** Проблемы, возникающие при возбуждении
уголовных дел по преступлениям, связанным с незаконным
оборотом оружия с использованием информационно-
телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет 41

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Назаров С.Н.** Исторические основы понятия «уголовное
преследование» 47
- Айвазова О.В.** Вопросы участия в уголовном
судопроизводстве представителей потерпевших –
юридических лиц 53
- Бутенко Т.А.** Целесообразность выделения уголовных дел
при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве 58
- Верещагина А.В.** Доказывание по уголовным делам
о неуважении к суду (ст. 297 Уголовного кодекса
Российской Федерации) 64
- Ищенко Д.П., Ищенко Г.К., Шараева Я.А.** Актуальные
вопросы наложения ареста на имущество в уголовном
процессе 70

Выпускающий редактор:
И.А. Мосенцева

Над выпуском работали:
Е.Е. Пелехатая,
Н.А. Чуб,
В.С. Степанова

Оформить подписку на журнал
можно через интернет-каталоги
www.akc.ru и www.pressa-rg.ru
Индекс – 80032

Подписано в печать
29.03.2022
Выход в свет
30.03.2022

Формат 60x84/8
Объем п. л. 27,5.

Набор компьютерный.
Гарнитура Таймс.
Печать офсетная.

Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. – 24,64.
Тираж 300 экз.
Заказ № 30.

Отпечатано в ГПиОП НИиРИО
ФГКОУ ВО
РЮИ МВД России.
344015, г. Ростов-на-Дону,
ул. Еременко, 83

Цена подписки на издание
за минимальный подписной
период – 352.86 руб.

Адрес редакции издателя:
344015, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону,
ул. Еременко, 83,
тел.: 8 (863) 207-86-34

Электронная почта:
ruiperiodika@mvd.ru

Официальная информация
о журнале:
<https://рюи.мвд.рф>

Летелкин Н.В., Кудряшова Е.С. Пути совершенствования
действующего отечественного уголовно-процессуального
законодательства, регламентирующего порядок
производства сокращенного дознания 77
Черников С.В. Об участии в процессуальных действиях лица,
в отношении которого осуществляется производство
о применении принудительных мер медицинского характера 83

КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Андреев А.С. Стадии и объекты посткриминальной деятельности
в науке криминалистике и практике раскрытия,
расследования и предупреждения преступлений 88
Варданян А.В., Плясов К.А. Оперативно-розыскное
обеспечение предупреждения, раскрытия и расследования
преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности 94
Щербаченко А.К. Следственные осмотры как составляющая
криминалистических операций базовой методики
расследования мошенничеств, совершенных группой лиц 100
Чиненов Е.В. Расследование преступлений экономической
направленности, совершаемых на железнодорожном
транспорте и объектах транспортной инфраструктуры,
как система организационно-управленческой деятельности 106
Шатов Д.В., Барсуков С.С. Криминалистическая
идентификация по венозному рисунку кистей:
современные возможности и проблемы применения 117
Серго С.В., Снежкова Ж.Ю. К вопросу о реорганизации
баз данных дактилоскопических учетов 123

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС, АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Капанова Ю.В. Феномен избирательных технологий
в современной России 128
Фомичев А.А. О сущностных характеристиках
органов внутренних дел 134

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОТРАСЛЕВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Адаховская С.В. Сравнительно-правовой анализ
положений российского законодательства о применении
физической силы, специальных средств, огнестрельного
оружия, боевой и специальной техники в зависимости
от субъекта применения 141
Давыдов М.В., Лубский Р.А. Правоприменительные
проблемы, перспективы и тенденции развития
нового законодательства об административных
правонарушениях 147
Колесников Ю.А. Законодательное стимулирование
небанковского финансирования субъектов малого и среднего
бизнеса: финансово-правовой аспект 153

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ АНАЛИТИКА

Рыбалка Е.А., Казанцева Е.В. Эмансипация несовершеннолетних по семейному, трудовому и гражданскому законодательству: сравнительно-правовой анализ	159
Горшкова Н.А. Теоретико-прикладной анализ пенализации кражи (статья 158 УК РФ) на современном этапе	166

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ, ТЕРРОРИЗМ, НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Топилина А.В. Проблемы правового обеспечения национальной безопасности в сфере идеологии посредством борьбы с фальсификациями российской истории	171
---	-----

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Блинова Ю.В. Правовая природа и стороны договора о предоставлении лечения по немецкому законодательству	176
Кобец П.Н., Бражников Д.А., Брюхнов А.А. Современные правовые основы борьбы с коррупцией в Индии	180

Трибуна молодого ученого

Горенко Д.В. К вопросу о специфике объектов авторского права, размещаемых в информационно-цифровом пространстве	188
Делов Н.С. О необходимости развития систем знаний о криминалистическом обеспечении раскрытия, расследования и предупреждения умышленного уничтожения и повреждения имущества	194
Милос А.И. Некоторые особенности взаимодействия следователя с органом дознания и иными должностными лицами при расследовании и раскрытии краж нефти и нефтепродуктов при осуществлении их хранения и транспортировке	200
Морозов А.П. Кровь как объект молекулярно-генетической экспертизы: проблемы теории и практики	206
Никулина А.В. Факторы, обуславливающие влияние прав человека на качество ведомственного нормотворчества	211
Умярова Р.Р. Судебная власть, правосудие, судебный контроль: взаимосвязь в уголовном судопроизводстве	215

CONTENTS

SCIENTIFIC AND THEORETICAL FOUNDATIONS OF LEGAL ACTIVITY

Sheveleva S.V., Pozdnyakova E.V. Theoretical and legal foundations of the institute of personal security	7
Shatilov S.P., Shatilova O.A. The activities of the prosecutor's office of the Altai territory for the supervision of legality in the activities of the police during the Great Patriotic War (1941–1945)	12
Agakishiev S.A. ogly, Komakhin B.N. Issues of public safety. From the Charter to the new Instruction	17

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Bezruchko E.V. Countering extremist crimes committed in institutions of the penitentiary system	21
Mayorov V.I., Dunaeva O.N., Pestov R.A. Anti-corruption mechanisms (on example of the Russian Federation and the People's Republic of China)	28
Bagramyan S.L. Features of reconstruction of the personal properties of the criminal in the trace of crimes provided by art. 243.2 of the Criminal Code of the Russian Federation	34
Stolbova N.A. Problems arising during the initiation of criminal cases on crimes related to illegal arms trafficking using information and telecommunication networks, including the Internet ...	41

CRIMINAL PROCEDURE LAW AND CRIMINAL PROCESS

Nazarov S.N. Historical foundations of the concept of «criminal prosecution»	47
Aivazova O.V. Issues of participation in criminal proceedings of representatives of victims – legal entities	53
Butenko T.A. The expediency of allocating criminal cases when concluding a pre-trial cooperation agreement	58
Vereshchagina A.V. Proving in criminal cases of contempt of court (art. 297 of the Criminal Code of the Russian Federation)	64
Ishchenko D.P., Ishchenko G.K., Sharaeva Ya.A. Actual issues of seizure of property in criminal proceedings	70
Letelkin N.V., Kudryashova E.S. Ways to improve the current domestic criminal procedure legislation regulating procedure for the production of an abbreviated inquiry	77
Chernikov S.V. On participation in procedural actions of the person in respect of which proceedings on the use of coercive measures of a medical nature	83

CRIMINALISTICS AND OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES, FORENSIC EXPERT ACTIVITIES

Andreev A.S. Stages and objects of post-criminal activity in the science of criminology and practice of disclosure, investigation and prevention of crimes	88
Vardanyan A.V., Plyasov K.A. Operational and investigative support for the prevention, disclosure and investigation of crimes in the sphere of foreign economic activity	94
Shcherbachenko A.K. Investigative examinations as a component of forensic operations of the basic methodology of investigation of frauds committed by a group of persons	100
Chinenov E.V. Investigation of economic crimes committed on railway transport and transport infrastructure facilities as a system of organizational and managerial activities	106
Shatov D.V., Barsukov S.S. Forensic identification by the venous pattern of hands: modern possibilities and issues of application	117
Sergo S.V., Snezhkova Zh.Yu. On the issue of reorganization of databases of fingerprint records	123

ADMINISTRATIVE LAW AND PROCESS, ADMINISTRATIVE ACTIVITY

Kapranova Yu.V. Phenomenon of electoral technologies in modern Russia	128
Fomichev A.A. On the essential characteristics of the internal affairs bodies	134

ISSUES OF IMPROVING INDUSTRY LEGISLATION

Adakhovskaya S.V. Comparative legal analysis of the provisions of Russian legislation on the use of physical force, special means, firearms, combat and special equipment, depending on the subject of application	141
Davydov M.V., Lubsky R.A. Law enforcement issues, prospects and trends in the development of new legislation on administrative offences	147
Kolesnikov Yu.A. Legislative stimulation of non-bank financing of small and medium-sized businesses: financial and legal aspect	153

CRIMINAL LAW AND CIVIL LAW ANALYTICS

Rybalka E.A., Kazantseva E.V. Emancipation of minors under family, labor and civil law: comparative legal analysis	159
Gorshkova N.A. Theoretical and applied analysis of theft penalization (article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation) at the present stage	166

POLITICAL EXTREMISM, TERRORISM, NATIONAL SECURITY

Topilina A.V. Issues of legal provision of national security in the sphere of ideology through the fight against falsifications of the Russian history	171
---	-----

FOREIGN EXPERIENCE

Blinova Yu.V. Legal nature and parties of contract for the provision of treatment under the German law	176
Kobets P.N., Brazhnikov D.A., Bryukhnov A.A. Modern legal foundations of the fight against corruption in India	180

TRIBUNE OF THE YOUNG SCIENTIST

Gorenko D.V. On the issue of specifics of copyright objects placed in the information and digital space	188
Delov N.S. On the need to develop knowledge systems on forensic support for disclosure, investigation and prevention of intentional destruction and damage to property	194
Milius A.I. Some features of the investigator's interaction with the body of inquiry and other officials in the investigation and disclosure of thefts of oil and petroleum products during their storage and transportation	200
Morozov A.P. Blood as an object of molecular genetic examination: problems of theory and practice	206
Nikulina A.V. Factors determining the impact of human rights on the quality of departmental rulemaking	211
Umyarova R.R. Judicial power, justice, judicial control: the relationship in criminal proceedings	215

Правила для авторов и условия публикации статей

1. Редакцией принимаются рукописи научных статей, оформленные строго в соответствии с требованиями журнала.
2. Объем научной статьи должен составлять от 8 до 15 страниц (включая схемы, таблицы, рисунки), объем научных обзоров, отзывов и рецензий на уже опубликованные издания – от 2 до 4 страниц.
3. Материалы представляются в редакцию:
 - на электронном оптическом носителе (или по электронной почте), выполненные в текстовом редакторе Microsoft Word (шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, левое поле – 3 см, сверху и снизу – 2 см, справа – 1 см). Название файла – фамилия и инициалы автора.
 - на бумажном носителе (на стандартных листах белой бумаги формата А4 с одной стороны). Распечатанный текст должен полностью соответствовать электронному варианту статьи.
4. К научной статье прилагается следующая информация на русском и английском языках: название статьи, аннотация (3–4 предложения), ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний), контактная информация, сведения об авторе (авторах) (должность, место работы, ученая степень, ученое звание), список использованной литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5–2008, который размещается в конце статьи. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница.
5. Таблицы и рисунки нумеруются в порядке упоминания их в тексте статьи, каждая таблица и рисунок должны иметь свой заголовок.
6. Используемые в тексте сокращения должны быть расшифрованы, за исключением общеупотребительных (названия мер, физических, химических и математических величин и терминов).
7. Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат несет автор.
8. Вместе со статьей в редакцию журнала представляется заявка на публикацию (размещена на официальном сайте ФГКОУ ВО РЮИ МВД России).
9. Внешняя рецензия предоставляется в редакцию автором научной статьи, не имеющим ученой степени. Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя. Подпись рецензента заверяется печатью организации, в которой он работает. Рецензент должен иметь ученую степень доктора либо кандидата наук в соответствующей научной области.
10. Рецензированию подлежат все рукописи научных статей, поступающие в редакцию журнала.
11. Статья, поступившая в редакцию журнала после доработки, рассматривается в порядке общей очереди.
12. Не подлежат обязательному рецензированию обзоры и рецензии на уже опубликованные издания.
13. Редакция оставляет за собой право в случае необходимости осуществлять техническое и художественное редактирование представленных материалов.
14. Плата за публикацию статей с авторов не взимается.
15. Материалы публикуются на безгонорарной основе.
16. Статьи, не принятые к изданию, авторам не возвращаются.

**Уважаемые авторы, в случае невыполнения вышеперечисленных условий
статья опубликована не будет!**

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 342.9
ББК 67.401

© 2022 г. Шевелева Светлана Викторовна,

декан юридического факультета Юго-Западного государственного университета,
доктор юридических наук, доцент.
E-mail: decan46@yandex.ru

Позднякова Елена Владимировна,

заведующий кафедрой административного и трудового права Юго-Западного государственного
университета, кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: decan46@yandex.ru

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИНСТИТУТА БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ*

В статье рассматривается теоретико-правовая проблематика института безопасности личности в Российской Федерации. Анализируются угрозы безопасной жизнедеятельности человека. Дается авторское определение социально-правового феномена института безопасности личности.

Ключевые слова: институт безопасности, личность, деятельность, обеспечение, усовершенствование.

Sheveleva Svetlana Viktorovna – Dean of the Faculty of Law, the Southwestern State University,
Doctor of Law, Associate Professor.

Pozdnyakova Elena Vladimirovna – Head of the Department of Administrative and Labor Law, the Southwestern
State University, PhD in Law, Associate Professor.

THEORETICAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF THE INSTITUTE OF PERSONAL SECURITY

The article deals with the theoretical and legal problems of the Institute of personal security in the Russian Federation. The threats to the safe life of a person are analyzed. The author's definition of the socio-legal phenomenon of the institute of personal security is given.

Keywords: institute of security, personality, activity, provision, improvement.

Вопросы безопасности личности и ее обеспечение в Российской Федерации относятся к числу приоритетных государственных задач, а их содержание является достаточно объемным и включает различные не только философско-социологические, но и правовые аспекты.

В Российской Федерации правовым фундаментом обеспечения безопасности стал Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» [1], который определяет основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической, безопасности личности, иных видов, предусмотренных законодательством Российской Федерации, а также полномочия и функ-

ции федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления в области безопасности, а также статус Совета Безопасности РФ.

Принятый Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [2] утвердил положение о том, что лишь только гармоничное сочетание сильной державы и благополучия человека обеспечит формирование справедливого общества и процветание России, где высшее значение имеют соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, повышение благосостояния народа, защита достоинства граждан Российской Федерации.

* Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания на 2020 г. № 085102020-0033 «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюции личности, общества и государства».

Обращает на себя внимание, что под национальными интересами в данном правовом акте понимаются «объективно значимые потребности личности, общества, государства в безопасности и устойчивом развитии». Данное определение нацеливает на понимание взаимосвязи интересов личности с интересами общества и государства, а также на то обстоятельство, что Россия должна двигаться по пути своего развития с учетом двух ключевых категорий: безопасности (как состояния защищенности); устойчивого развития (как социально-экономического фундамента).

Стратегия государственной национальной политики РФ указывает, что объектами защиты системы обеспечения национальной безопасности являются: гражданин, его права и свободы; общество, его духовные и материальные ценности; государство, его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность [3].

Для современной политико-правовой мысли является основным признание человека важнейшей ценностью общества и государства. Такой подход приводит к соответствующим изменениям в понимании самой безопасности, которое основывается, в первую очередь, на гуманистических принципах утверждения приоритета заботы о каждом отдельном индивиде во всей системе мировых общественных отношений [4]. Такой подход требует определения вопроса, связанного с возможностью ограничения личных прав и свобод для обеспечения безопасности общества, государства. Круг личных прав, определенный Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, условно можно разделить на те, которые ни при каких обстоятельствах не могут быть ограничены в интересах общества и государства (ст. 3, 12, 13, 14 Конвенции), и те, которые могут быть ограничены в интересах национальной безопасности и общественного порядка, (ст. 8, 9, 10, 11 Конвенции), что соответствует принципу гуманизма.

Отметим, что гуманизм, с одной стороны, предусматривает создание обществом, государством необходимых условий для самореализации личности во всех сферах жизни, а с другой – необходимость заботы о людях, которые в ней нуждаются. Отсюда основной целью и задачей каждого демократического государства является адекватное отражение в реальности индивидуализации личности.

Обеспечение индивидуальной (личной) безопасности является отправной точкой в исследовании и обеспечении ее других уровней – общественного, государственного, регионального, международного.

В связи с многосторонностью потребностей личности, на удовлетворение которых направлена вся деятельность государства, можно выделить следующие аспекты безопасности: личная (физическая), заключающаяся в охране и защите жизни, здоровья, чести и достоинства человека; общественная (политическая) – обеспеченность реализации провозглашенных политических прав и свобод; экологическая, которая гарантирует право на благоприятную окружающую среду; имущественная – воплощается в обеспеченности и защите имущественных прав [5] и т. д.

В соответствии с общепринятой классификацией основных прав и свобод граждан, с учетом необходимости обеспечения их надлежащей реализации, охраны и защиты в демократическом обществе, выделяются такие виды безопасности личности: гражданская (личная), политическая, экономическая, социальная, культурная, экологическая. Вышеприведенная классификация позволяет утверждать, что содержание безопасности личности заключается в обеспечении благоприятных условий для жизнедеятельности и самореализации.

Таким образом, учитывая, что личность является высшей ценностью, то из всех существующих уровней безопасности – безопасность личности является главным объектом внимания и основой безопасности общества и государства. Соответственно, любое ограничение личной свободы или права человека должно, во-первых, проистекать исключительно из законодательных требований, во-вторых, основываться на следующей презумпции: ограничить свободу или право человека можно только тогда, когда для обеспечения безопасности общества и государства других способов не существует.

Признание государством правового статуса личности на индивидуальном уровне, предполагает создание условий – гарантий его реализации, т. е. создание единого государственного механизма, целью деятельности которого является недопущение, выявление и пресечение угроз в отношении каждого индивида. Содержание юридических гарантий заключается в том, что они выступают

специально-правовым средством реализации, охраны, защиты прав и свобод человека и гражданина, и, соответственно, безопасности личности.

Основой указанного механизма в Российской Федерации является система органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления, проводимая ими политика в ракурсе обеспечения общественного порядка, общественной безопасности и личной безопасности каждого человека [6].

Согласимся с мнением, что среди важнейших элементов механизма обеспечения безопасности также необходимо выделять: постоянный мониторинг происходящих социальных явлений в обществе; разработку критериев, качественных и количественных индикаторов состояния социальной стабильности как всего государства, так и каждого субъекта; прогнозирование комплекса факторов, определяющих угрозу безопасности; создание моделей социально значимых проектов; разработка комплексных мер по выходу государства в целом или субъекта из зоны социальной опасности [7].

В реальной жизни человека повсеместно сопровождают различные негативные факторы и их проявления, представляющие угрозы его безопасному существованию. С этой точки зрения, безопасность личности заключается в предупреждении и противодействии угрозам его жизнедеятельности и наличии условий для его всестороннего развития.

К таким угрозам относят: угрозы среды человеческой деятельности; чрезвычайные угрозы биосферы и техносферы; угрозы, связанные с преступными посягательствами; внешние и внутренние угрозы государству (в данном случае объектом защиты выступает не отдельный человек, а совокупность людей, которые являются членами общества, нации); угрозы общечеловеческой деятельности (рост населения, распространение наркотических средств, оружия) и т. п.

Следовательно, различают виды безопасности, объектом защиты которых выступает человек или совокупность людей. Это, в свою очередь, формирует соответствующие системы, на основании которых можно выделить: безопасность (охрану) труда; физическую безопасность человека; обеспечение безопасности или защиту при чрезвычайных ситуациях; криминогенную безопасность; систему

безопасности государства; национальную безопасность; глобальную безопасность, финансовую безопасность и др. [8].

Анализ составляющих феномена безопасности, как с правовой, так и социальной точек зрения, дает основания выделить в системе безопасности соответствующие институты, регулирующие свои стороны общественных отношений: институт безопасности личности, институт национальной безопасности, институт общественной безопасности с присущими им как общими и характерными только для них особенностями.

Предлагаем институт безопасности личности рассматривать как составляющую системы безопасности государства совокупность социально-юридических норм, регулирующих общественные отношения в сфере обеспечения личной безопасности человека в конкретном социуме, государстве, на обеспечение которой создан и функционирует весь механизм государственной власти и местного самоуправления, а также объединения граждан.

Закрепить правовое положение понятия «институт» безопасности личности предлагаем путем его введения в соответствующие нормативно-правовые акты, что позволило бы: официально закрепить юридическую природу института безопасности личности; придать рассматриваемому понятию обязательное значение; сформировать четкие критерии для отграничения его от смежных институтов безопасности; обеспечить единство дальнейшей правотворческой и правореализационной деятельности в деле обеспечения надлежащего уровня безопасности субъектов защиты системы обеспечения безопасности в РФ, прежде всего, безопасности человека и гражданина; предоставить органам обеспечения безопасности личности, а также общественным объединениям уверенности в правильности решений, принимаемых в связи с обеспечением безопасности личности; повысить уровень правовой активности граждан в борьбе с угрозами.

Наиболее целесообразным является определение безопасности личности или права безопасности в широком значении этого слова, как состояния его наиболее благополучной жизнедеятельности в определенных конкретно-исторических условиях [9].

Среди элементов института безопасности личности можно выделить безопасность этнических и социальных групп; безопасность

трудовых коллективов; безопасность общественных организаций и политических партий; безопасность государства; безопасность общества в целом. Это так называемый вертикальный или субъектный срез общей структуры безопасности государства. Каждый субъект нуждается в особом режиме безопасности.

Для решения проблемы соотношения интересов субъектов соответствующего уровня безопасности необходимо определить единую точку отсчета, приоритеты интересов в сфере безопасности, ведь вопросы ее обеспечения являются весьма сложными и многогранными.

Как было сказано, единственным и неделимым субъектом любого социума является человек, выступающий на уровне социальных связей как личность. Именно личность – точка отсчета различных социальных систем, имеющая принципиальную социальную ценность и значимость [10].

Личность выступает носителем широкого спектра общественных отношений, т. к. выполняет много социальных ролей для удовлетворения разносторонних потребностей. Она является необходимым, конечным элементом каждой из выделенных подсистем общества, одновременно участвуя в обеспечении всех уровней безопасности государства.

Таким образом, в основе государственной безопасности всех уровней (общества, социальной и этнической группы и т. п.) лежит безопасность личности, которая органично вплетена в них как составной элемент. При этом речь, соответственно, идет не о конкретном человеке, а об абстрактной совокупной модели в определенном обществе. Указанные выше соотношения наглядно подтверждают провозглашенный ранее тезис о центральном месте личности в структуре безопасности любого государства и о выделении в системе обеспечения безопасности правовой категории «институт безопасности личности».

В соответствии с этим можно сделать вывод, что интересы личности в сфере безопасности должны иметь приоритет среди интересов других объектов системы обеспечения безопасности, а институт безопасности личности – безусловный приоритет при создании соответствующей системы.

При этом надо четко представлять, что подобный подход, характерный для демократической политико-правовой традиции, не может быть абсолютным и свидетельствует

лишь о том, что интересы последующих элементов указанного соотношения не могут достигаться за счет тех, которые им предшествуют и должны быть согласованы с ними.

При рассмотрении значения института безопасности личности как подсистемы безопасности всего государства (системы, состоящей из определенных компонентов общества разных уровней), следует также обратиться к теории надежности, применяемой в управленческой деятельности. Согласно ей, достичь надежного функционирования и развития системы можно через повышение надежности ее элементов. Именно человек как сложная биоэнергетическая система (формируется с физической, психической и душевной составляющих, каждая из которых также является системой) является таким элементом. Отсюда можно предположить: только увеличивая надежность функционирования и развития человека возможно достичь цели надежности системы безопасности [11; 12].

Таким образом, сформулируем следующие основные выводы:

1. Безопасность личности на современном этапе развития государственно-правовой мысли превращается из понятия, производного от понимания безопасности других уровней и качеств, на фундаментальное, что отражает, прежде всего, потенциал общечеловеческих ценностей и интересов в условиях с любой спецификой.

2. Наличие правового статуса личности на индивидуальном уровне предполагает создание условий – гарантий его реализации, т. е. создание единого государственного механизма безопасности личности, целью деятельности которого является недопущение, выявление и пресечение угроз в отношении каждого индивида. Содержание юридических гарантий заключается в том, что они выступают специально-правовым средством реализации, охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина, и соответственно, безопасности личности, а их реализация и обеспечивается в процессе применения мер государственного принуждения.

3. Институт безопасности личности предлагаем рассматривать как составляющую системы безопасности государства, совокупность социально-юридических норм, регулирующих общественные отношения в сфере обеспечения личной безопасности человека в конкретном социуме, государстве.

Литература

1. О безопасности: федер. закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Стратегия государственной национальной политики до 2025 года: указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 (ред. 06.12.2018). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Ловцов Д. О парадигме национальной безопасности // Обозреватель. 1999. № 9.
5. Квашин А. Основные вызовы в сфере безопасности // Международная жизнь. 1999. № 12.
6. Толкачев К.Б., Хабибулин А.Г. Органы внутренних дел в механизме обеспечения личных конституционных прав и свобод граждан. Уфа, 1991.
7. Масанова М. Социальная безопасность государства: концептуальные подходы [Электронный ресурс]. URL: <http://uk-archive.narod.ru/1998/n02/s98-2-11.htm> (дата обращения: 14.12.2021).
8. Белорус О.Г., Лукьяненко Д.Г. Глобальные трансформации и стратегии развития. Киев, 2000.
9. Ракша Н.С., Поправко А.К. Правовое обеспечение миграционной политики Российской Федерации // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки. 2019. № 10.
10. Дергачев А. Безопасность как атрибут государственности // Политическая мысль. 2007. № 1.
11. Возжеников А.В. Система обеспечения национальной безопасности и характеристика ее элементов // Бизнес и политика. 2008. № 1.
12. Лихачев С.В. Административная деятельность. Особенная часть: учебное пособие / С.В. Лихачев, Н.С. Ракша, С.П. Гончаров и др. Курск, 2016.
13. Дзлиев М.И., Потрубач Н.Н. Основы обеспечения безопасности жизнедеятельности: курс лекций. М., 1996.
14. Конституция Российской Федерации. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

Bibliography

1. About security: feder. law of December 28, 2010 № 390-FL. Access from the legal reference system «ConsultantPlus».
2. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 № 400. Access from the legal reference system «ConsultantPlus».
3. Strategy of the state national policy until 2025: Decree of the President of the Russian Federation of December 19, 2012 № 1666 (as amended on December 6, 2018). Access from the legal reference system «ConsultantPlus».
4. Lovtsov D. On the paradigm of national security // Obozrevatel. 1999. № 9.
5. Kvashin A. The main challenges in the field of security // International life. 1999. № 12.
6. Tolkachev K.B., Khabibulin A.G. Internal Affairs Bodies in the Mechanism of Ensuring Personal Constitutional Rights and Freedoms of Citizens. Ufa, 1991.
7. Masanova M. Social security of the state: conceptual approaches [Electronic resource]. URL: <http://uk-archive.narod.ru/1998/n02/s98-2-11.htm> (date of access: 12.14.2021).
8. Belorus O.G., Lukyanenko D.G. Global transformations and development strategies. Kyiv, 2000.
9. Raksha N.S., Popravko A.K. Legal support of the migration policy of the Russian Federation // Bulletin of the Donbass Law Academy. Legal Sciences. 2019. № 10.
10. Dergachev A. Security as an attribute of statehood // Political Thought. 2007. № 1.
11. Vozzhenikov A.V. The system for ensuring national security and the characteristics of its elements // Business and Politics. 2008. № 1.
12. Likhachev S.V. Administrative activity. Special part: textbook / S.V. Likhachev, N.S. Raksha, S.P. Goncharov et al. Kursk, 2016.
13. Dзлиев M.I., Potrubach N.N. Fundamentals of ensuring life safety: a course of lectures. Moscow, 1996.
14. The Constitution of the Russian Federation // Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

© 2022 г. Шатилов Сергей Петрович,

доцент кафедры тактико-специальной подготовки Барнаульского юридического института
МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: shatilov_sp@mail.ru

Шатилова Оксана Анатольевна,

доцент кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института
МВД России, кандидат исторических наук, доцент.
E-mail: shatilova_oa@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРАТУРЫ АЛТАЙСКОГО КРАЯ ПО НАДЗОРУ ЗА ЗАКОННОСТЬЮ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МИЛИЦИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 ГГ.)

В статье на основе архивных материалов дается историко-правовой анализ деятельности органов прокуратуры Алтайского края по надзору за законностью в деятельности органов милиции. Подробному анализу подвергнут порядок регистрации совершенных преступлений, их учета, возбуждения уголовных дел и их расследование, содержание в комнатах предварительного заключения, выдача паспортов и пропусков.

Ключевые слова: прокуратура, прокурорский надзор, сотрудники прокуратуры, народный следователь, органы милиции, Великая Отечественная война.

Shatilov Sergey Petrovich – Associate Professor, the Department of Tactical and Special Training, the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

Shatilova Oksana Anatolyevna – Senior Lecturer, the Department of Criminal Law and Criminology, the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in History, Associate Professor.

THE ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE ALTAI TERRITORY FOR THE SUPERVISION OF LEGALITY IN THE ACTIVITIES OF THE POLICE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

The article, based on archival materials, provides a historical and legal analysis of the activities of the Prosecutor's office of the Altai Territory for the supervision of police bodies. A detailed analysis will be made of the procedure for registering committed crimes, their registration, initiation of criminal cases and their investigation, detention in pre-trial detention rooms, issuance of passports and passes.

Keywords: prosecutor's office, prosecutor's supervision, prosecutors, people's investigator, police, the Great Patriotic War.

Великая Отечественная война обусловила изменения в социальных, экономических, политических и иных сферах общественной жизни, что в свою очередь потребовало правового регулирования. На протяжении всего периода войны органам государственной власти пришлось принять сотни нормативно-правовых актов, регулирующих различные сферы общественной жизни. Существенные изменения произошли и в уголовном праве путем перевода в разряд криминальных значительного числа противоправных проявлений, возникших в сфере обеспечения обороны страны. В процесс усиления уголовной ответственности за преступления, опасность которых в условиях войны многократно возрастала, были введены новые составы пре-

ступлений, упрощено судопроизводство по ряду категорий уголовных дел.

Чрезвычайная ситуация внесла некоторые коррективы в методы и формы осуществления прокурорского надзора, в содержание работы прокуратуры, в результате деятельность прокуроров в сфере общего надзора стала весьма многогранной [1, с. 42].

С введением военного положения в стране прокуратура, как и в довоенный период, осуществляла следующие основные виды прокурорского надзора: надзор за соответствием постановлений и распоряжений отдельных ведомств СССР, союзных республик и местных органов власти – Конституции Союза ССР постановлениям и распоряжениям правительства СССР; наблюдение за пра-

вильным и единообразным применением законов судебными учреждениями; надзор за законностью и правильностью действий правоохранительных органов.

Следует отметить, что в рассматриваемый период органы милиции столкнулись с двумя проблемами, повлиявшими на качество их работы. Во-первых, по сравнению с другими правоохранительными органами существенно возросла нагрузка на сотрудников милиции. Кроме основных задач, которые они выполняли в довоенное время (укрепление законности, охрана общественного порядка, борьба с преступностью, обеспечение прав и свобод граждан и т. д.) на них были возложены совершенно новые не свойственные им специальные задачи, связанные с обороной страны, укреплением тыла и содействием фронту: прием и размещение эвакуированного населения; поддержание особого режима охраны общественного порядка в городах, которые имели большое народно-хозяйственное и оборонное значение; деятельность по охране эвакуированного государственного имущества от хищений, бесхозяйственности; борьба с трудовым дезертизмом; оказание помощи военкоматам в мобилизации на фронт лиц призывного возраста.

Во-вторых, некомплект органов милиции, который был вызван мобилизацией сотрудников милиции в ряды Красной Армии, а также увеличением штатов на протяжении всего периода войны, откомандированием сотрудников милиции в освобожденные районы от немецкой оккупации [2, с. 29].

На освобожденные места в органы милиции приходили лица из партийных и комсомольских организаций, получившие увечья и контузии, не пригодные к службе в рядах Красной Армии, а также женщины, т. е. те, кто не имел как юридических знаний, так и практического опыта.

Естественно при сложившейся ситуации сотрудники милиции не могли в полной мере выполнять возложенные на них задачи. В рассматриваемый период органы прокуратуры стали уделять особое внимание надзору за законностью в деятельности органов милиции.

Прокурором Алтайского края был издан Приказ от 3 февраля 1942 № 20, в котором говорилось, что все прокуроры городов и районов Алтайского края должны проводить ежемесячную проверку уголовных дел, находящихся в производстве у сотрудников милиции, с точки зрения обоснованности их пре-

ращения. Не реже одного раза в квартал проводить проверки приостановленных и прекращенных милицией уголовных дел, два раза в месяц проводить проверку комнат предварительного заключения [3, с. 71]. Не реже 1 квартала проводить проверку работы административных комиссий, паспортных столов и работу о законности выдачи пропусков на выезд. О результатах проведенной проверки составлять акт по каждому объекту в отдельности, копии которых направлять в краевую прокуратуру в отдел по надзору за милицией [1, с. 24].

В период войны, выполняя распоряжение прокурора Алтайского края, сотрудники прокуратуры при проведении проверок столкнулись с нарушением законности в деятельности сотрудников милиции в части порядка регистрации совершенных преступлений, их учета, с порядком возбуждения уголовных дел и их расследованием, с незаконным задержанием, с содержанием в комнатах предварительного заключения, с незаконной выдачей паспортов и пропусков.

Во время проверок органов милиции сотрудники прокуратуры выявляли факты нарушения порядка регистрации совершенных преступлений с целью скрывания неудовлетворительной работы по раскрытию преступлений. Заместители начальников НКВД и сотрудники уголовного розыска, т. е. должностные лица, в обязанности которых входило проведение учета преступлений, не всегда его осуществляли. Кроме того, тяжкие преступления такие как кражи, грабежи, разбои в ряде районов края не регистрировались, меры к раскрытию не принимались, в отчетах перед Краевым Управлением милиции данные преступления не указывались.

Так, заместителем начальника Зонального РО НКВД в 1944 г. было скрыто от учета 8 краж 16 лошадей, по данным преступлениям никаких оперативных мер не было принято, уголовные дела не были возбуждены. Аналогичные факты укрывательства нераскрытых преступлений и непринятия мер к их раскрытию были обнаружены в Яминском, Ельцовском, Тогульском, Б-Истокском, Шарчинском и ряде других районах края [4, л. 51].

В процессе проверки также было установлено, что в городах и районах Алтайского края неудовлетворительно организована работа по учету карманных краж, заявления не принимались, в том случае если и принимались, то не регистрировались, карманники не

выявлялись. В тех случаях, когда карманники при совершении кражи задерживались, по причине слабой доказательной базы к уголовной ответственности не привлекались.

В некоторых случаях допускалась фальсификация статистической отчетности совершенных преступлений. Так начальник 1-го и 3-го отделений ГО НКВД г. Бийска на 1 января 1945 г. указали меньшее количество совершенных преступлений, чем их было в действительности. По 1-му отделению было не раскрыто квалифицированных краж – 52, в отчете значилась цифра 14, по 3-му отделению было не раскрыто – 33, в отчете было показано – 16 квалифицированных краж [4, л. 52].

Как уже отмечалось, по результатам проверки прокуратурой уголовных дел, находящихся в производстве у сотрудников милиции, а также приостановленных и прекращенных милицией уголовных дел, составлялись акты, которые направлялись в отдел по надзору за органами милиции прокуратуры Алтайского края. На основании данных актов отдел по надзору за органами милиции проводил обобщение практики расследования уголовных дел, как в целом, так и по отдельным категориям.

При проверке в г. Бийске городского отдела милиции было установлено, что в 1942 г. из 537 уголовных дел было расследовано в срок свыше 2 месяцев 23 дела, прекращено 12,8 %, возвращено на доследование судом и прокуратурой 51 дело. В 1943 г. из 421 уголовного дела расследовано в срок свыше 2 месяцев 47 дел, прекращено по различным основаниям 12,6 % [5, л. 162].

В конце 1942 г. по преступлениям, предусмотренным ст. 59-3, 162 пп. «г» и «д», 167 УК РСФСР и закона от 7 августа 1932 г. было установлено, что расследование проводилось по ряду дел неудовлетворительно.

К общим недостаткам расследования по этим категориям дел было отнесено: неполное выявление социального происхождения обвиняемых и рода их занятий, нарушение сроков расследования, недостаточная полнота расследования, влекущая за собой возвращение дел на доследование.

По делам о хищении социалистической собственности, квалифицированным по ст. 162 п. «д» УК РСФСР и закона от 7 августа 1932 г., часть преступников во время следствия оставались на свободе, не точно устанавливалось количество и стоимость похищенного, не накладывался арест на имущество обвиняемых.

По делам о разбое и бандитизме ст. 167, 59-3 УК РСФСР протоколы осмотра места преступления составлялись небрежно, что не давало общей картины совершенных преступлений. Имели место случаи, когда протоколы составлялись при одном понятии, отсутствовали протоколы осмотра вещественных доказательств и постановления приобщения их к делу, тем самым нарушалась ст. 67 УПК РСФСР [6, л. 129].

Расследование дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, на 93 % проводила милиция. Допросы проводились без присутствия родителей или педагогов, возраст определялся с их слов, расследование заканчивалось в срок свыше 10 дней, по большинству дел не выявлялись подстрекатели из числа взрослых, не уточнялись условия проживания несовершеннолетних, не требовались характеристики из школ об их поведении и успеваемости.

По делам всех перечисленных категорий планы расследования отсутствовали [6, л. 130].

В 4 квартале 1943 г. при изучении уголовных дел в трех городских отделениях милиции г. Барнаула отделом по надзору за органами милиции прокуратуры Алтайского края было установлено: отсутствие в них надлежащего учета уголовных дел; в основном по уголовным делам обвинения предъявлялись через 14 дней, по некоторым делам и позже, чем нарушались ст.ст. 128 и 145 УПК РСФСР; имели место факты, когда после выполнения ст. 206 УПК РСФСР по делам не выносились обвинительные заключения до 10 дней.

В ходе проверки также было установлено, что по 36 районам края, представившим сведения, в 11 РО НКВД имелись 16 уголовных дел с нарушением ст. 116 УПК РСФСР; в Элекмонарском РО НКВД Ойротской Автономной области Алтайского края были выявлены факты нарушения законности, где из-за отсутствия должного контроля со стороны начальника уголовного розыска криминальной милиции Ойротской автономной области обвиняемые после ареста в течение нескольких дней не допрашивались и обвинения им не предъявлялись, уголовные дела не регистрировались.

Так, арестованная 4 августа 1943 г. гр. Т. по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст. 109 и 169 ч. 2 УК РСФСР, не допрашивалась до 27 августа 1943 г.

При проверке органами прокуратуры первого отдела УНКВД СССР по Алтайскому краю на 25 июля 1943 г. за органами милиции

числилось заключенных под стражу с нарушением ст. 116 УПК РСФСР – 300 чел., из них по г. Барнаулу – 124 чел. (ОУР – 43 чел., ОБХСС – 16 чел., 1 ГОМ – 28 чел., 2 ГЛМ – 32 чел., 3 ГОМ – чел.) [7, л. 263].

По делам, находящимся у участкового уполномоченного того же РО НКВД, было установлено, что арестованный 4 августа 1943 г. гр. П. находился в КПЗ до 27 августа без постановления на арест, санкции прокурора и допроса.

Арестованный 4 августа 1943 г. гр. З. содержался под стражей до 27 августа 1943 г. без допроса и предъявления обвинения.

В некоторых районах Алтайского края работники милиции не знали порядка возбуждения ходатайства о продлении срока следствия и содержания обвиняемого под стражей.

Так, заместитель начальника Тюменцевского РО НКВД вместо обвинительного постановления написал отношение Краевому Прокурору с просьбой продлить срок следствия и содержания под стражей по делу гр. Т., в котором просил воздействовать на ОБХСС уголовного розыска криминальной милиции УНКВД по Алтайскому краю по выполнению отдельного требования в части допроса свидетелей.

В результате проверки заключенных в КПЗ при РО НКВД было освобождено по 13 районам 27 чел., содержащихся под стражей без законных оснований [8, л. 264].

Во время проверки камер предварительного заключения были выявлены факты того, что ключи от камер в ночное время хранились не у дежурного по РО НКВД, а у дежурных по КПЗ милиционеров. Ответственные дежурные в ночное время не проверяли дежурных по КПЗ, в результате последние спали [4, л. 82об].

При проверке КПЗ РО НКВД Мамонтовского района было выявлено, что арестованные в КПЗ поступали без санобработки, в камерах отсутствовала питьевая вода, а также содержались арестованные без санкции прокурора [9, л. 82об].

В 1944 г. при проверке КПЗ г. Барнаула было установлено, что из 22 чел. арестованных, содержащихся в КПЗ, с грубым нарушением установленного 10 дневного срока содержалось 10 чел. Из них 6 чел. числились за народными судами, 4 чел. арестованных в КПЗ содержались по 34 дня. Арестованные гр. «К» – 21 день, гр. «Х» – 14 дней, гр. «Я» – 22 дня и гр. «М» – 18 дней [4, л. 129].

На 24 июня 1943 г. по уголовным делам за органами милиции содержалось с нарушением

сроков и ст. 116 УПК РСФСР 59 чел. [5, л. 162].

При проверке районного отдела милиции Шарчихинского района было установлено, что со стороны начальника РО милиции П. имело место незаконное задержание в порядке ст. 100 УПК на срок выше 24 часов [5, л. 42].

В 3 квартале 1944 г. при проверке паспортного стола отдела милиции Зонального района сотрудниками прокуратуры была выявлена нехватка – 1 временного удостоверения и оправдательных документов на 13 пропусков; по Грязнухинскому – 5 паспортных книжек и временных удостоверений; по Алтайскому району – 16 подлежащих уничтожению после замены паспортов; по Усть-Пристанскому району – 1 временного удостоверения и оправдательных документов на – 2 выданных пропуска; по Быстро-Истокскому району – 1 пропуск.

Справедливости ради следует отметить, что сотрудники прокуратуры не всегда надлежащим образом особенно в первую половину Великой Отечественной войны осуществляли надзор за органами милиции. Так, при проверке, проводимой за 1942 г., РО отдела милиции Сорокинского района Алтайского края было установлено, что из 175 уголовных дел законченных и направленных по подсудности, было возвращено на доследование прокурором и судом 48 уголовных дел или 26,6 %, к общему числу направленных по подсудности. В 1 квартале 1943 г. процент возвращенных органу милиции уголовных дел из суда составил 17,7 % к числу дел направленных в суд. Дела, находящиеся в производстве работников органов милиции, прокуратурой проверялись от случая к случаю [9, л. 151]. Имели место и другие случаи ненадлежащей работы органов прокуратуры по надзору за органами милиции.

С целью устранения подобных фактов прокурором края был издан приказ от 22.12.1941 № 287, в котором он потребовал от прокуроров городов и районов края возглавить борьбу с преступностью посредством проведения оперативных совещаний с работниками ГОРО НКВД, следствия и суда. На совещании обсуждать вопросы борьбы с преступностью, имеющей тенденцию роста, предварительно детально изучив вопрос подлежащий обсуждению. В первую очередь с кражами социалистической собственности, спекуляцией, преступлениями, связанными с нанесением ущерба животноводству. По делам о хищении социалистической собственности лиц, подозреваемых в совершении преступления, в обяза-

тельном порядке арестовывать. Во всех случаях хищения социалистической собственности, бандитизма, спекуляции накладывать арест на имущество обвиняемых [7, л. 433]. Принимать участие в расследовании дел, проводимых милицией, имевших важное общественно-политическое значение, путем допроса обвиняемых, основных свидетелей, при очных ставках. Рекомендовать работникам милиции, ведущим расследование, составлять план следственных действий по каждому делу [6, л. 61].

Таким образом, деятельность прокуратуры Алтайского края по надзору за законностью в деятельности органов милиции в годы Великой Отечественной войны осуществлялась с завидным постоянством. Прокурорские работники ответственно подходили к выполнению своих служебных обязанностей, связанных с выявлением различных нарушений за-

кона в деятельности органов милиции, несмотря на возросшую нагрузку. Посредством различных методов прокурорского надзора ими выявлялись серьезные нарушения закона как при регистрации сообщений о преступлениях, выражавшиеся в укрывательстве тяжких и особо тяжких преступлений, так и при расследовании уголовных дел, начиная от нарушения сроков расследования, заканчивая нарушениями при составлении процессуальных документов. Несмотря на все трудности, связанные с войной, работники прокуратуры старались своевременно реагировать на выявленные нарушения закона, сопровождая свои действия различными актами прокурорского надзора, в которых требовали устранить все перечисленные в них нарушения, с указанием на недопущение подобных впредь и привлечением лиц их допустивших к установленной законом ответственности.

Литература

1. Суверов Е.В., Москвитин Ю.Н., Антропов В.М., Миронов Е.В. История органов внутренних дел Алтая. Барнаул, 2017.
2. Шатилов С.П., Шатилова О.А. Структура органов милиции в годы Великой Отечественной войны // Вестник Алтайской науки. 2004. № 1.
3. Шатилов С.П. Органы милиции в реализации правоохранительной функции Советского государства в период Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект). Барнаул, 2008.
4. Отдел реабилитации и архивной информации информационного центра ГУВД Алтайского края (ОРАИИЦ ГУВД АК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 8.
5. Архив прокуратуры Алтайского края (АПАК). Ф. Р-1474. Оп. 2л. Д. 7.
6. Архив прокуратуры Алтайского края (АПАК). Ф. Р-1474. Оп. 2л. Д. 5.
7. Архив прокуратуры Алтайского края (АПАК). Ф. Р-1474. Оп. 2л. Д. 4.
8. Отдел реабилитации и архивной информации информационного центра ГУВД Алтайского края (ОРАИИЦ ГУВД АК). Ф. 4. Оп. 4. Д. 1.
9. Архив прокуратуры Алтайского края (АПАК). Ф. Р-1474. Оп. 2л. Д. 6.
10. Отдел реабилитации и архивной информации информационного центра ГУВД Алтайского края (ОРАИИЦ ГУВД АК). Ф. 4. Оп. 4. Д. 11.

Bibliography

1. Suverov E.V., Moskvitin Yu.N., Antropov V.M., Mironov E.V. History of the Altai internal affairs bodies. Barnaul, 2017.
2. Shatilov S.P., Shatilova O.A. The structure of the police during the Great Patriotic War // Bulletin of Altai Science. 2004. № 1.
3. Shatilov S.P. Police bodies in the implementation of the law enforcement function of the Soviet state during the Great Patriotic War (historical and legal aspect). Barnaul, 2008.
4. Department of Rehabilitation and archival information of the information center of the Department of Internal Affairs of the Altai Territory (ORAIITS GUVDAK). F. 4. Op. 1. D. 8.
5. Archive of the Prosecutor's Office of the Altai Territory (APAC). F. R-1474. Op. 2l. D. 7.
6. Archive of the Prosecutor's Office of the Altai Territory (APAC). F. R-1474. Op. 2l. D. 5.
7. Archive of the Prosecutor's Office of the Altai Territory (APAC). F. R-1474. Op. 2l. D. 4.
8. Department of Rehabilitation and archival information of the information center of the Police Department of the Altai Territory (OAIIC GUVDAK). F. 4. Op. 4. D. 1.
9. Archive of the Prosecutor's Office of the Altai Territory (APAC). F. R-1474. Op. 2l. D. 6.
10. Department of Rehabilitation and archival information of the information Center of the GUVDA of the Altai Territory (ORAIITS GUVDAK). F. 4. Op. 4. D. 11.

© 2022 г. Агакишиев Саявуш Арази оглы,

адъюнкт Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.
E-mail: siya-x@rambler.ru

Комахин Борис Николаевич,

профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук.
E-mail: kamakhin@yandex.ru

ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ. ОТ УСТАВА К НОВОМУ НАСТАВЛЕНИЮ

В статье рассматриваются существующие точки зрения в отношении понятий «общественный порядок», «общественная безопасность» и «правопорядок», соотношение этих понятий между собой. Исследуется деятельность строевых подразделений патрульно-постовой службы через призму Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России, интеграции и законодательного закрепления в служебной деятельности новых цифровых технологий в административно-правовой форме охраны общественного порядка.

Ключевые слова: общественный порядок, общественная безопасность, патрульно-постовая служба, участковый уполномоченный, правопорядок, полиция, цифровые технологии.

Agakishiev Sayavush Arazi ogly – Adjunct, the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot’.

Komakhin Boris Nikolaevich – Professor, the Department of Administrative Law, the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot’, Doctor of Law.

ISSUES OF PUBLIC SAFETY. FROM THE CHARTER TO THE NEW INSTRUCTION

The article discusses the existing points of view regarding the concepts of «public order», «public security» and «law and order», the relationship of these concepts to each other. The activity of combat units of the patrol service is studied through the prism of the Manual on the organization of the service activities of combat units of the patrol service of the police of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the integration and legislative consolidation of new digital technologies in the official activity in the administrative-legal form of public order protection.

Keywords: public order, public security, patrol service, district commissioner, law and order, police, digital technologies.

Обеспечение общественной и правовой безопасности – неперенная составляющая социального государства. Без сохранения и обеспечения безопасности во всех сферах общественной жизни немисливо развитие общества. Одной из целей является достижение и поддержание необходимого уровня защищенности прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов организаций и общественных объединений, материальных и духовных ценностей общества от угроз криминального характера [1].

В сфере охраны общественного порядка одну из ведущих ролей играют органы внутренних дел, в том числе полиция, в функционировании которой, обеспечение правопорядка в общественных местах определяется

как одно из основных направлений деятельности. Охрана общественного порядка реализуется посредством применения различных форм и методов, таких как патрулирование (пешее, с использованием различных транспортных средств), несение службы на стационарных постах и т. д.

Как справедливо отмечает С.Т. Шефрукова, понятия общественного порядка и правопорядка в настоящее время достаточно активно исследуются представителями различных общественных наук [2, с. 10], потому имеется достаточно большое число исследований в этой сфере. С появлением в повседневной жизни граждан огромного числа технических средств законодательное закрепление их использования в деятельности полиции стало

лишь вопросом времени. Однако процедура, формы и методы использования технических средств являются предметом дискуссии среди ученых и практических работников.

В сфере права понятиям «общественный порядок» и «правопорядок» неоднократно давались определения, в том числе М.И. Еропкиным, Л.Л. Поповым, И.И. Времеенко.

И.Д. Хомяков под общественным порядком понимает систему волевых общественных отношений, складывающихся и развивающихся главным образом в общественных местах на основе соблюдения норм права и иных социальных норм, направленных на обеспечение личной безопасности граждан, на создание благоприятных условий для нормального функционирования предприятий, учреждений, организаций и общественных объединений, для труда и отдыха граждан, уважения их чести, человеческого достоинства и общественной нравственности [3, с. 140].

Понятие «правопорядок» определялось такими учеными, как Ю.Е. Аврутин, С.С. Алексеев, А.П. Коренев, А.Ф. Черданцев. Эта категория определяется как порядок общественных отношений, складывающихся в результате соблюдения и исполнения законов и основанных на них других юридических актов. Правопорядок определялся ими как результат действия законности [4, с. 389].

В законодательных актах не содержится определения общественного порядка. В юридической литературе этот вопрос носит дискуссионный характер. Понятие общественной безопасности дано в Концепции общественной безопасности, утвержденной Президентом России от 14.11.2013 № Пр-2685.

Реализация охраны правопорядка в том или ином виде возложена на все службы и подразделения полиции. Это и дежурные части, оперативные подразделения, подразделения патрульно-постовой службы, дорожно-патрульная служба, служба участковых уполномоченных полиции, подразделения по делам несовершеннолетних.

Но ведущее положение в сфере охраны общественного порядка принадлежит строевым подразделениям полиции: патрульно-постовой службе (далее – ППС) и дорожно-патрульной службе, а также службе участковых уполномоченных полиции. Переосмыслению организации служебной деятельности, вслед за службой участковых уполномочен-

ных полиции, на законодательном уровне подверглась патрульно-постовая служба.

Функциональные обязанности по предупреждению преступлений и правовой пропаганде должны быть дополнены и рассмотрены в ведомственных нормативных актах о статусе и порядке деятельности всех правоохранительных органов [5].

Роль основополагающего документа в организации деятельности подразделений патрульно-постовой службы помимо федерального законодательства более десяти лет выполнял Устав ППС. В качестве нового нормативно-правового акта с августа 2021 г. таковым выступает Наставление, регулирующее вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции.

Приказом МВД России от 16.08.2021 № 610 признан утратившим силу приказ от 29.01.2008 № 80 «Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции».

Приказом МВД России от 28.06.2021 № 495 утверждено Наставление об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России (далее – Наставление).

Устав ППС определял порядок и процесс организации деятельности службы. Наставление, как и Инструкция по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке, вводит в оборот ведомственной терминологии понятие служебной обязанности. Этот термин содержится в положениях Федерального закона «О полиции», но в ведомственных приказах МВД России он закрепили относительно недавно.

Так, одной из обязанностей сотрудника полиции согласно п. 2 ст. 27 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» является выполнение служебных обязанностей в соответствии с должностным регламентом (должностной инструкцией).

Согласно п. 3 Наставления подразделения ППС являются одним из субъектов обеспечения правопорядка. Исходя из анализа положений Наставления, можно прийти к выводу, что законодатель ставит знак равенства между понятиями «охрана общественного порядка», «обеспечение общественной безопасности» и «обеспечение правопорядка».

Эта новелла отражает современное понимание юридической сути порядка в общественных местах и роли полиции по его обеспечению [6].

Так же как и в ранее действовавшем Уставе патрульно-постовой службы полиции, одной из основных задач определялось обеспечение правопорядка.

Под общественной безопасностью в Концепции понимается состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [1].

Несомненно, такое определение шире и охватывает значительно больший круг общественных отношений, чем тот, который подразумевается в нормативных актах МВД России. Обеспечение общественного порядка в данном случае сводится к обеспечению правопорядка, т. е. соблюдению субъектами правоотношений норм права в общественных местах.

Под общественными местами в Наставлении понимаются улицы, площади, скверы, парки и иные общественные места городов, муниципальных образований и населенных пунктов, а также объекты транспорта и транспортной инфраструктуры.

Новацией в Наставлении стало закрепление использования в служебной деятельности ППС средств видеофиксации. Фактическое использование специальных (цифровых) средств на данном этапе нашло свое законодательное обоснование. При поступлении на службу сотрудники обязаны иметь при себе:

- видеорегистратор носимый;
- мобильное устройство удаленного доступа к сервисам «Интегрированная система обработки данных» (далее – ИСОД) МВД России.

Видеорегистраторы, которые сотрудники обязаны носить во время дежурства, в современных условиях стали жизненно необходимым элементом обеспечения деятельности, и в первую очередь в части защиты интересов самих сотрудников.

Такое техническое обеспечение сотрудников позволяет фиксировать действия лица, совершившего административное правонарушение, и сотрудника полиции, что позволит:

- осуществлять аудио- и видеофиксацию событий, в случае совершения правонарушения;
- объективно оценивать действия сотрудника во время несения службы с точки зре-

ния законности и соблюдения служебной дисциплины.

Мобильное устройство удаленного доступа к сервисам ИСОД, несомненно, действенный инструмент в работе сотрудников, позволяющий оперативно получать необходимую оперативную информацию для осуществления служебной деятельности.

Исходя из положений Инструкции по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке, сведения об осуществлении служебных обязанностей вносятся в модуль «Участковый».

Учитывая законодательное закрепление такого вида материально-технического оснащения, у сотрудников появилась реальная возможность взаимодействовать, например, со службой участковых уполномоченных круглосуточно, в период исполнения сотрудниками служебных обязанностей.

Для чего необходимо предоставить доступ сотрудникам ППС к сведениям, содержащимся в модуле «Участковый». При своевременном полном и достоверном внесении сведений в модуль, такая информация может быть учтена при анализе реально складывающейся оперативной обстановки и расстановке нарядов ППС в краткосрочной и долгосрочной перспективах, при принятии решений сотрудниками по месту совершения правонарушений. Например, правонарушитель является владельцем оружия, либо состоит на административном учете.

Пунктом 24.6 Наставления предусмотрен сбор и хранение информации, полученной с использованием средств видеорегистрации. Срок хранения такой информации составляет не менее 30 суток. Информация, получаемая с использованием средств видеорегистрации, подразделяется на три группы, в зависимости от источника ее получения:

- а) индивидуальные средства аудио и видеофиксации, носимые сотрудником;
- б) средства аудио- и видеофиксации, находящиеся в патрульном автомобиле (рабочем салоне и отсеке для задержанных);
- в) аппаратно-программные комплексы видеонаблюдения для фиксации дорожной обстановки.

Предполагаемый срок хранения информации в течение 30 суток представляется необоснованным в той ее части, которая в дальнейшем будет использована при рас-

следовании и рассмотрении дел об административных правонарушениях и уголовных дел. Представляется, что хранение такой информации должно осуществляться до момента вступления в законную силу судебных актов.

Изменился и порядок контроля за организацией и несением службы нарядами ППС. Кроме традиционных гласных и негласных проверок согласно Наставлению, контроль должен осуществляться с применением аппаратно-программного комплекса видеонаблюдения и АПК «Безопасный город».

В Наставлении впервые для сотрудников ППС законодательно закреплено применение

технических средств при выполнении ими служебных обязанностей. Использование таких средств поможет не только в процессе собирания доказательств и проведении анализа служебной деятельности ППС, но и выступит в качестве средства защиты непосредственно для самого сотрудника.

Учитывая все новшества, привнесенные в деятельность строевых подразделений, обеспечивающих правопорядок, остается надеяться на полное и повсеместное материально-техническое обеспечение сотрудников всем необходимым для выполнения служебных обязанностей.

Литература

1. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации, утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Шефрукова С.Т. Категории общественного порядка и правопорядок в истории политико-правовой мысли и их обеспечение в Российском государстве: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Краснодар, 2010.
3. Хомяков И.Д. Понятие «Охрана общественного порядка» // Экономика, социология и право. 2016. № 1.
4. Черданцев А.Ф. Теория государства и права: учебник. М., 2001.
5. Комахин Б.Н., Хазов Е.Н. Инновационное развитие служебной деятельности в правоохранительных органах на основе политики модернизации // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 4.
6. Комментарий к Федеральному закону «О полиции» (постатейный) / Ю.Е. Аврутин, С.П. Булавин, Ю.П. Соловей и др. М., 2012.

Bibliography

1. Concept of public security in the Russian Federation. President of the Russian Federation 14.11.2013 Pr-2685 // Access from the legal reference system «ConsultantPlus».
2. Shefrukova S.T. Categories of public order and law and order in the history of political and legal thought and their provision in the Russian state: author. ... dis. cand. legal Sciences. Krasnodar, 2010.
3. Khomyakov I.D. The concept of «Protection of public order» // Economics, sociology and law. 2016. № 1.
4. Cherdantsev A.F. Theory of state and law: textbook. Moscow, 2001.
5. Komakhin B.N., Khazov E.N. Innovative development of service activities in law enforcement agencies based on the policy of modernization // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 4.
6. Commentary on the Federal Law «On Police» (item-by-article) / Yu.E. Avrutin, S.P. Bulavin, Yu.P. Nightingale et al. Moscow, 2012.

© 2022 г. Безручко Евгений Валерьевич,

заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Ростовского филиала
Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации,
доктор юридических наук, доцент.
Тел.: + 7 918 545-87-26.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫМ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

В статье исследуются актуальные вопросы противодействия преступлениям экстремистской направленности, совершаемым в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Аргументирована необходимость выработки комплекса правовых и криминологических мер, направленных на противодействие преступлениям экстремистской направленности, совершаемым в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: преступления экстремистской направленности, учреждения уголовно-исполнительной системы, противодействие преступлениям экстремистской направленности.

Bezruchko Evgeny Valerievich – Head of the Department of Criminal Law and Criminology, the Rostov Branch of the Saint-Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor.

COUNTERING EXTREMIST CRIMES COMMITTED IN INSTITUTIONS OF THE PENITENTIARY SYSTEM

The article examines topical issues of countering extremist crimes committed in the institutions of the penitentiary system. The necessity of developing a set of legal and criminological measures aimed at countering extremist crimes committed in the institutions of the penitentiary system is argued.

Keywords: crimes of an extremist orientation, institutions of the penal system, counteraction to crimes of an extremist orientation.

В учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС) могут быть совершены все преступления, входящие в понятие преступлений экстремистской направленности и в их соответствующий перечень, исходя из многообразия деяний, входящих в «Перечень № 20 преступлений экстремистской направленности» [1], преступлений экстремистской направленности согласно примечанию 2 к ст. 282.1 УК РФ.

В статье исследуются материалы практики Верховного Суда Российской Федерации, материалы обзоров судебной практики (бюллетени и обобщения судебной практики) судов отдельных субъектов Российской Федерации, однако значимые существенные проблемные вопросы уголовно-правовой оценки преступлений экстремистской направленности, совершаемых в учреждениях УИС, в данных материалах судебной практики либо практически отсутствовали, либо имелись проблемы,

связанные с назначением наказания или процессуальными аспектами.

Практически каждое преступление экстремистской направленности, в том числе и совершаемое в учреждениях УИС, совершается с использованием информационно-коммуникационных технологий и сети Интернет.

Так, Следственным управлением УФСБ России по Республике Калмыкия 10.06.2020 возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 280 УК РФ в отношении А., который с 30.01.2015 по 07.04.2018 отбывал наказание в ФКУ «Исправительная колония № 1 УФСИН России по Республике Калмыкия». В период времени с 25.12.2017 по 03.03.2018 осужденный А., являющийся приверженцем радикальной исламской идеологии и преследуя цели по ее дальнейшему распространению, находясь на территории ИК-1 и используя мобильное средство связи, действуя под именем Абдул-Хамет, в мессенджере Telegram создал группу

под названием «Анти куфр» с количеством не менее 39 участников, выступив в качестве ее администратора, разместил текстовые и аудиоматериалы [2].

Пенитенциарная система России столкнулась с угрозой распространения экстремизма в рамках УИС, сами учреждения УИС становятся источником размножения радикальной идеологии. Перед сотрудниками УИС встает задача противодействия и ресоциализации экстремистов, оказавшихся в учреждениях УИС. Данная задача является сложной в плане неподготовленности сотрудников к ее выполнению в полном объеме, т. к. имеются отличия в содержательной структуре личностной характеристики таких осужденных. Поэтому при отсутствии специальной правовой, психологической, религиозной подготовки у сотрудников УИС такая работа с данными группами осужденных является малоэффективной.

Осужденные за совершение преступлений экстремистской направленности, находясь в местах лишения свободы, в учреждениях уголовно-исполнительной системы, продолжают распространение экстремистских идей среди осужденных, а также осуществляют вербовку в свои ряды новых адептов, создавая на территории учреждений УИС ваххабитские ячейки и так называемые тюремные джамааты.

По мнению специалистов, находящийся в учреждении УИС осужденный за преступления экстремистского толка, активно проповедующий идеологию радикального ислама, способен за короткий срок привлечь в ряды своих сторонников 5–7 и более человек [3]. При этом почти все осужденные – экстремисты не прекращают экстремистскую деятельность после отбытия наказания, по некоторым данным свыше 70 % таких осужденных вновь принимают участие в экстремистской деятельности [4, с. 22–24].

Сложность реализации задачи, поставленной перед сотрудниками пенитенциарной системы по противодействию экстремизму в рамках учреждений УИС, обусловлена не только отсутствием полной картины и совокупности реальных сведений о том, что происходит с осужденными по делам о преступлениях экстремистской направленности в учреждениях УИС, но и отсутствием специальных познаний, методических рекомендаций, практических пособий по противодей-

ствию распространения экстремизма в условиях учреждений УИС, основанных на современных знаниях религиозного толка, психологии и педагогики.

Так, осужденный обратился в суд с административными исками о признании незаконными действий сотрудников ФСИН России. По мнению истца, у него изъяли Коран для проверки его на экстремизм, который ранее администрация исправительного учреждения уже проверяла с проставлением соответствующей печати. Иск осужденного в части признания незаконными действий администрации исправительного учреждения был удовлетворен [5]. По аналогичному делу также требования заявителя были удовлетворены. Сотрудниками администрации исправительного учреждения, где истец отбывал наказание, было предложено сдать религиозную литературу для проверки на предмет радикального и экстремистского содержания, несмотря на то, что вышеназванная религиозная литература ранее была проверена, о чем проставлены соответствующие отметки [6].

Помочь в противодействии совершению преступлений экстремистской направленности должен приказ ФСИН России от 24.11.2017 № 1111 «Об организации мероприятий по противодействию терроризму, экстремистской деятельности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы» [7]. Данный приказ достаточно конкретно определяет перечень мероприятий по противодействию экстремистской деятельности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы. В соответствии с требованиями ст. 82 УИК РФ и Приказом Минюста России от 20.05.2013 № 72 (ред. от 02.11.2018) «Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы» (зарегистрировано в Минюсте России 27.05.2013 № 28535) лица, осужденные за совершение преступлений экстремистской направленности, изучающие, пропагандирующие, исповедующие либо распространяющие экстремистскую идеологию, склонные к совершению преступлений террористического характера и экстремистской направленности, берутся на профилактический учет [8].

При втягивании новых адептов в экстремистские сообщества в условиях учреждений

УИС такие осужденные основываются на идеях равенства, братства, справедливости, противодействия коррупции, алкоголизму, наркомании, проституции, идеях чистоты властных структур, идеях борьбы с бездействием органов государственной власти, приводя цитаты из известных религиозных источников. По мнению экстремистов, нельзя достичь справедливости в условиях современного общества потребления, где достижение финансового успеха, разврат, уход от традиционных форм сексуального воспитания и семьи, проявление агрессии и насилия ставится в основу норм современного общежития и существования общества. Сами лица, осужденные за совершение преступлений экстремистской направленности, призывают менять жизнь именно путем насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации, ведь вся идеология экстремизма и его важнейшей составляющей – терроризма построена именно на насилии.

Проблема распространения экстремизма в учреждениях УИС связана с увеличением числа осужденных, нарушающих установленный режим отбывания наказания; с наличием групп, пропагандирующих криминальную субкультуру и потворствующих распространению экстремистской идеологии в местах лишения свободы; с наличием достаточно большого количества осужденных, находящихся в учреждениях УИС и страдающих алкоголизмом и наркоманией. Также следует отметить негативную деятельность общественных организаций, получающих денежные средства из-за рубежа, работа которых направлена на подрыв национальной безопасности Российской Федерации любыми способами, включая содействие экстремистской деятельности осужденных в учреждениях УИС. В качестве значимой причины распространения экстремизма в учреждениях УИС следует отметить и активное содействие в виде идейной и финансовой поддержки от преступной среды лиц, находящихся на свободе, и активное использование современных технических средств и гаджетов в сфере пропаганды экстремистских идей через средства массовой информации и сеть Интернет.

Осужденный, находясь длительное время в местах лишения свободы, весьма часто попадает в условия психотравмирующей ситуации, которая влияет на возможность его ис-

правления и усиливает антисоциальную направленность личности, становясь предметом воздействия в рамках традиций криминальной субкультуры. Весьма часто распространены случаи вовлечения осужденных в экстремистскую деятельность одновременно с принятием ислама на территории исправительного учреждения УИС. Так, перед осужденным, у которого имелся непогашенный денежный долг, поставили условие прощения долга в виде принятия ислама, что и было реализовано (за долг рассчитался осужденный З., имеющий авторитет среди осужденных-мусульман ФКУ ИК-6 УФСИН России по Омской области) [4, с. 22–24].

Для квалификации вовлечения осужденных в экстремистскую деятельность важное значение имеет момент окончания преступления. Данное преступление признается оконченным в случае установления самого факта вовлечения независимо от совершения лицом реальных преступлений экстремистской направленности. И здесь складывается такая ситуация, когда с увеличением количества осужденных за преступления экстремистской направленности, связанных с участием в экстремистских организациях, осужденных к наказанию в виде лишения свободы, увеличивается опасность того, что данные осужденные продолжают распространять в учреждениях УИС свои убеждения, связанные с осуществлением экстремистской деятельности. Причем круг таких экстремистских организаций может быть достаточно широк.

Так, следственным управлением УФСБ России по Республике Адыгея 13.03.2020 возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 282.2 УК РФ в отношении осужденного П., который в период исполнения наказания в ФКУ ИК № 1 пгт Тлюстенхабль, поддерживая идеи международного религиозного объединения «Ат-Такфир валь-Хиджра» стал участником данного религиозного объединения и склонил к участию в его деятельности лицо, осужденное за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205 УК РФ. В отношении данного осужденного также возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 282.2 УК РФ. 13.03.2020 возбуждены уголовные дела по ч. 1 и ч. 2 ст. 282.2 УК РФ в отношении осужденного Г., который в период исполнения наказания в ФКУ ИК № 1 пгт Тлюстенхабль принял участие в деятельности, запрещенной организацией «Правый сектор» [2].

21.08.2020 возбуждены уголовные дела по ч. 1 и ч. 2 ст. 282.2 УК РФ (УД № 12007790001000023, УД № 12007790001000024) в отношении осужденного Р., 13.10.1986 г.р., который в период исполнения наказания в ИК-1 УФСИН России по Республике Адыгея принимал участие и склонял осужденных к участию в деятельности экстремистской организации «Ат-Такфир валь-хиджра». 26.11.2020 в отношении этого же осужденного возбуждено уголовное дело (УД № 12007790001000036) по ч. 1 ст. 282.3 УК РФ, который в период исполнения наказания в ИК-1 УФСИН России по Республике Адыгея совершил покушение на сбор денежных средств для экстремистской организации «Ат-Такфир валь-хиджра» [2].

Следственным отделением УФСБ России по Республике Калмыкия 08.02.2021 возбуждено уголовное дело № 12107850001000003 по ч. 1 ст. 282.2 УК РФ в отношении осужденного Д., 16.02.1989 г.р., который, отбывая наказание в ФКУ ИК-1 УФСИН России по Республике Калмыкия, организовал деятельность экстремистской организации «Арестантское уголовное единство», состоящей из числа осужденных, отбывающих наказание в ФКУ ИК-1 УФСИН России по Республике Калмыкия. 08.02.2021 возбуждено уголовное дело № 12107850001000003 по ч. 2 ст. 282.2 УК РФ в отношении осужденного О., 05.10.1998 г.р., и осужденного К., 07.07.1992 г.р., которые, отбывая наказание в ФКУ ИК-1 УФСИН России по Республике Калмыкия, принимали участие в деятельности экстремистской организации «Арестантское уголовное единство» [2].

Пропагандистская и вербовочная деятельность осужденных за экстремизм и терроризм приобретает большую активность, влияя на динамику совершения преступлений экстремистской направленности, причем в учреждениях УИС наряду с уже имеющимися терминами «красная зона», «черная зона», появился новый термин «зеленая зона» (по аналогии с цветом знамен ислама), означающий нахождение в таком учреждении УИС ячейки экстремистской и террористической направленности.

Поэтому задача противодействия совершению преступлений экстремистской направленности в учреждениях УИС, задача ресоциализации таких осужденных являются не только задачами пенитенциарной системы, но и задачами обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в целом.

В связи с этим сотрудники УИС должны уметь не только разъяснить осужденному за проявления экстремизма противозаконность его действий, но и показать, что ложно поняты источники Священных Писаний ведут не к праведной загробной жизни, а причиняют вред прежде всего самим осужденным, их близким и единоверцам, насаждая ложное восприятие мира и способов реализации поставленных ложных целей. При проведении профилактической работы необходимо основываться именно на общепринятом понимании и толковании положений Священных Писаний о бытии мира, сущности человека и о стремлении постичь Бога и Божественном начале в себе самом, указывая, что не следует причинять вред другим людям, а, проходя череду испытаний на жизненном пути, следует приближаться к Божественной сущности с учетом происходящих изменений в объективной реальности. Представляется, что данные утверждения применимы не только при ресоциализации осужденных за проявления экстремизма, приверженных идеям исламского радикализма и фундаментализма, но и в отношении иных экстремистских организаций («родноверие», «сатанисты», молодежные экстремистские группировки и пр.).

В учреждениях УИС встречаются различные по своей сути экстремисты. Есть политические экстремисты, которые фактически не смогли реализовать себя в политической сфере. Такие экстремисты преступили закон, обладая, по сути, комплексом неполноценности в этом смысле и свою деятельность целиком направили на достижение результата в этом направлении преступным путем. Есть экстремисты религиозные, чья деятельность связана с террористической. Такие лица не смогли найти себе применения в нормальной жизни общества, их деятельность стала основываться на псевдорелигиозных взглядах, идеях, воззрениях, идеологии насилия и крайних формах реализации своих намерений.

В практике все чаще встречаются случаи, когда осужденные националисты, принадлежащие к титульной нации Российской Федерации, принимают ислам в местах лишения свободы, становясь адептами экстремистских сообществ.

Религиозные экстремисты желают совершить насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, они

являются мировоззренческими, идейными противниками существующего политического уклада нашего государства, да и мирового в целом. При этом у религиозных экстремистов и террористов имеется навязанная ошибочная убежденность в том, что им легко умереть в любой момент, распрощавшись с тяготами и лишениями современных реалий сегодняшнего бытия, и взамен их ждет жизнь на небесах, полная блаженства и умиротворения, за те негативные ужасающие деяния, фактически направленные против мира и безопасности человечества, которые они с легкостью совершают сейчас.

Безусловно, есть лица, которые занимаются экстремистской и террористической деятельностью, имея корыстную мотивацию в основе своей деятельности, и такие осужденные – не редкость. Более того, занимаясь делом, связанным с финансированием экстремистской и террористической деятельности, такие лица в основе своей имеют корыстную заинтересованность, связанную с возможностью хищения денежных средств из таких незаконных источников [9, с. 66–70]. Нередко такими экстремистами становятся наемники, побывавшие в различных горячих точках, которые порой воевали то на одной, то на другой стороне. Их целью является извлечение прибыли из всего этого любыми способами и методами. Данные осужденные имеют специфические психологические характеристики, им все равно, против кого воевать, важно, кто заплатит больше.

Особую роль в формировании личности экстремиста проявляют средства массовой информации, сеть Интернет, которые воздействуют на личность, транслируя ежедневно совершение тех или иных негативных проявлений преступного характера. При этом воздействию подвергаются и лица с различными психическими аномалиями, которые внушили сами себе (либо им кто-то внушил) комплекс превосходства над другими людьми. При этом средства массовой информации, сеть Интернет раскрывают не только способы и средства совершения экстремистской деятельности, но и популяризируют исполнителей преступлений экстремистской направленности.

Еще у экстремистов имеется такая личностная психологическая особенность, как осознание принадлежности себя к чему-то грандиозному, масштабному, общемировому, к группе единомышленников, способных

изменить мир в лучшую сторону. Все это проявляется на фоне активных неудач личностного характера у таких людей в образовательной деятельности, невозможности найти себе применение в желаемых сферах жизни, устроиться без образования на высокооплачиваемую работу, найти себе достойного спутника (спутницу) жизни и т. п. Такие лица осуществляют поиск источников своих неудач вне себя, проецируют низкую самооценку на общество, власть, правоохранительные органы.

Исследования показывают, что в большинстве случаев осужденные за преступления экстремистского толка – это молодежь в возрасте до 25–30 лет. Данная ситуация обусловлена незавершенностью формирования личности молодых лиц в связи с недостаточной социально-психологической зрелостью, негативными процессами, происходящими в обществе, государстве, мировом сообществе, склонностью к максимализму, семейными проблемами, проблемами в воспитании и социальной адаптации личности, массовой атакой средств информации и сети Интернет на молодежь о легкой возможности достижения любых целей экстремальными способами и методами, превозношения потребительского характера и отношения к жизни лозунгами «бери от жизни все», «живи здесь и сейчас» и т. п. Вербовщики экстремистов и террористов в большинстве случаев делают ставку именно на молодежь.

В целом вербовщики в целях совершения ими экстремистских преступлений ищут и находят те факты и события в жизни человека, за которые можно зацепиться при вовлечении его в экстремистское сообщество, в экстремистскую деятельность, используют психологические приемы и методы, которые применяются адептами сект при втягивании лица в определенное деструктивное сообщество.

Среди осужденных экстремистов имеются лица, которые справедливо наказаны государством за совершение различных преступлений и считают себя незаслуженно осужденными. Для данных осужденных экстремизм, совершение преступлений экстремистской направленности становится отменением власти, государству, правоохранительным органам. Они таким образом, противопоставляя себя всему обществу, государству, правоохранительным органам, добиваются значимости в своих глазах и среди

осужденных, причисляя себя к борцам против системы, мирового уклада в целом.

Особо следует выделить лидеров экстремистов. Данные лица могут быть различных типов: идейно-идеологического; имеющего боевой опыт; смешанного типа (идейно-идеологического типа с боевым опытом). Выявление данных экстремистов, определение их психодиагностической характеристики является важной задачей, стоящей перед сотрудниками учреждений УИС в сфере противодействия совершению преступлений экстремистской направленности.

Конечно, сотрудникам УИС сложно одновременно научиться и обладать фундаментальными мировоззренческими, духовными знаниями обо всех мировых религиях, в этом активную помощь должны оказывать общественные и религиозные организации традиционных верований.

Сложность профилактической работы с осужденными-экстремистами заключается в том, что обычные методы убеждения в этом случае являются малоэффективными, за такими осужденными внимательно следят их преступные сообщники с воли, такие осужденные не нарушают режима исправительных учреждений, соблюдают правила внутреннего распорядка. Осужденные за преступления иных категорий, находясь в учреждениях УИС, не препятствуют распространению экстремизма, считая осужденных-экстремистов политическими заключенными, жертвами политического режима.

В систему подготовки сотрудников УИС по противодействию экстремизму следует включить соответствующую дисциплину, которая условно может быть названа «Противодействие совершению преступлений экстремистской направленности в учреждениях уголовно-исполнительной системы» в рамках обучения сотрудников ФСИН по программам высшего образования, а также в рамках дополнительного профессионального образования при повышении квалификации сотрудников ФСИН России.

Таким образом, необходима актуальная информация о видах, количестве, динамике преступлений экстремистской направленности, совершаемых в учреждениях УИС; необходима актуальная информация о количестве осужденных, характеристике личности таких экстремистов; информация о причинах совершенных ранее такими лицами преступлений

экстремистской направленности. Необходима специальная подготовка сотрудников УИС, следует акцентировать их деятельность на осуществление воспитательной работы с такими лицами, на осуществление психологической работы с осужденными-экстремистами. Необходимо осуществление планомерной работы по контролю лиц, поставленных на профилактический учет как экстремистов. Необходима разработка научно-практической литературы, содержащей правовые, методические, педагогические, психологические, философские и богословские материалы, направленные на предупреждение, противодействие совершению преступлений экстремистской направленности в учреждениях УИС, а также на ресоциализацию осужденных за совершение экстремистских преступлений. Необходима планомерная качественная работа по выявлению причин и условий преступной деятельности осужденных за совершение преступлений экстремистской направленности, находящихся в учреждениях УИС. Следует планомерно наладить работу по выявлению и пресечению каналов, по которым к подозреваемым, обвиняемым, осужденным за совершение преступлений экстремистской направленности поступают предметы, запрещенные к использованию в учреждениях УИС. Надлежит выявлять лиц, склонных к совершению преступлений экстремистской направленности; выявлять организаторов и активных участников группировок отрицательной направленности, принимать меры к их разоблачению. Нужно проводить постоянную работу по выявлению информации о замышляемых, подготавливаемых преступлениях экстремистского характера; по склонению подозреваемых, обвиняемых, осужденных за совершение преступлений экстремистской направленности к отказу от совершения противоправных действий. Лиц, осужденных за преступления экстремистской направленности, активно вовлекающих в ряды экстремистов других осужденных, на период отбывания наказания изолировать путем направления в тюрьмы или иные помещения камерного типа, исключив их контакт с другими осужденными. Требуется своевременное и качественное проведение администрациями исправительных учреждений УИС обысков для изъятия у осужденных запрещенных предметов, а также литературы экстремистского толка. Следует свое-

временно сверять списки экстремистских материалов и литературы (изданий) с федеральным списком экстремистских материалов, размещаемым Министерством юстиции РФ в сети Интернет. Следует проводить целенаправленную антикоррупционную рабо-

ту по профилактике совершения сотрудниками УИС должностных и коррупционных преступлений, которые в целом способствуют распространению экстремистской идеологии в учреждениях УИС.

Литература

1. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генпрокуратуры России № 738/11, МВД России от 25.12.2020 № 3. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. URL: https://мвд.рф/мвд/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen.

3. URL: http://фсин.рф/news/index.php?element_id=110276.

4. Агапов П.В., Сотченко С.Д. Противодействие распространению экстремистской идеологии в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Законность. 2016. № 8.

5. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 28.07.2021 № 88А-4879/2021. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 28.07.2021 № 88А-4878/2021. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

7. URL: <https://66.fsin.gov.ru/upload/territory/Sverdlovsk/New%20Folder/1111.pdf>.

8. Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы: приказ Минюста России от 20.05.2013 № 72 (ред. от 02.11.2018). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Ищенко Д.П., Дашков Т.К. Терроризм в сфере компьютерных технологий // Актуальные проблемы применения уголовного законодательства [Электронное издание]: сб. материалов Международной науч.-практ. конф. / отв. ред. Н.С. Сорокун. Ростов н/Д, 2021.

Bibliography

1. On the introduction of the lists of articles of the Criminal Code of the Russian Federation used in the formation of statistical reporting: Instruction of the Prosecutor General's Office of Russia № 738/11, the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 25.12.2020 № 3. Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

2. URL: https://мвд.рф/мвд/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen.

3. URL: http://fsin.rf/news/index.php?Element_id=110276.

4. Agapov P.V., Sotchenko S.D. Counteracting the spread of extremist ideology in the institutions of the penal system // Legality. 2016. № 8.

5. The cassation ruling of the Fifth General Jurisdiction Court of Cassation dated July 28, 2021 № 88А-4879/2021. Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

6. The cassation ruling of the Fifth General Jurisdiction Court of Cassation dated July 28, 2021 № 88А-4878/2021. Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

7. URL: <https://66.fsin.gov.ru/upload/territory/Sverdlovsk/New%20Folder/1111.pdf>.

8. On approval of the Instruction for the prevention of offenses among persons held in institutions of the penal system: Order of the Ministry of Justice of Russia of 05/20/2013 № 72 (revised on 02.11.2018) (Registered in the Ministry of Justice of Russia on 05/27/2013 № 28535). Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

9. Ishchenko D.P., Dashkov T.K. Terrorism in the field of computer technology // Current problems of the application of criminal legislation [Electronic publication]: a collection of materials of the International Scientific and Practical Conference / executive editor N.S. Sorokun. Rostov-on-Don, 2021.

© 2022 г. **Майоров Владимир Иванович,**

профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, доктор юридических наук, профессор.

E-mail: 1955715@rambler.ru

Дунаева Ольга Николаевна,

старший преподаватель кафедры современных образовательных технологий Южно-Уральского государственного университета (Национальный исследовательский университет).

E-mail: dunaevaon@gmail.com

Пестов Роман Аркадьевич,

доцент кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: 79185927828@ya.ru

МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ)

В статье рассматриваются основные направления антикоррупционной политики в России и Китае. Представлены этапы формирования антикоррупционной политики в КНР за последние два десятилетия. На основе анализа показан как универсализм, так и специфика «китайской модели» противодействия коррупции, представлены этапы ее развития.

Ключевые слова: государственная антикоррупционная политика, коррупция, коррупционер, эффективность мер, антикоррупционное законодательство, Россия, Китай.

Mayorov Vladimir Ivanovich – Professor, the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies, the Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor.

Dunaeva Olga Nikolaevna – Senior Lecturer, the Department of Modern Educational Technologies, the South Ural State University (National Research University).

Pestov Roman Arkadievich – Associate Professor, the Department of Administrative Law, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

ANTI-CORRUPTION MECHANISMS (ON EXAMPLE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA)

The article discusses the main directions of anti-corruption policy in Russia and China. The stages of the formation of anti-corruption policy in the PRC over the past two decades are presented. Based on the analysis, both the universalism and the specifics of the «Chinese model» of combating corruption are shown, and the stages of its development are presented.

Keywords: state anti-corruption policy, corruption, corrupt official, effectiveness of measures, anti-corruption legislation, Russia, China.

В современном мире коррупция относится к одному из самых опасных социальных явлений и содержит реальную угрозу развитию общественных отношений и стабильному социально-экономическому развитию, что в результате ослабляет, делает уязвимой национальную безопасность любого государства. Искоренение коррупции требует от государств долгосрочных и системных мер, которые должны совершенствоваться по мере развития общественных отношений. Несмотря на

то, что все страны мира предпринимают меры по преодолению коррупции, конечный результат не всегда бывает эффективным.

Актуальность темы связана с тем, что коррупция оказывает негативное влияние на все сферы жизнедеятельности общества, подрывая основы государственных институтов.

Социальная актуальность подтверждается тем, что коррупция порождает стереотип необходимости нарушения обязанностей для получения результата.

Практическая значимость обусловлена высокой латентностью и многоаспектностью явления, а ущерб от коррупционных деликтов только в Российской Федерации ежегодно составляет более 50 млрд рублей.

В последнее десятилетие опубликовано значительное количество научных работ, посвященных противодействию коррупции, однако анализа зарубежного опыта на примере Китая практически не проводилось, что позволяет сделать вывод о необходимости такого исследования, т. к. именно это государство успешно ведет национальную антикоррупционную политику.

Целью исследования выступает анализ и обобщение опыта действия юридических механизмов противодействия коррупции в Китае и России, и на этой основе выработка предложения по совершенствованию законодательства в данной сфере.

В государственном секторе используется Corruption Perception Index – Индекс восприятия коррупции (ИВК), который рассчитывается по методике международной неправительственной организации Transparency International. Инструментами сбора информации являются открытые статистические источники, опросы населения стран мира, оценки экспертов. В этом контексте измерения коррупции такими данными, как количество уголовных дел или судебных приговоров, не отражают реального положения, а скорее свидетельствуют об эффективности работы правоохранительных органов [1]. Результаты ИВК публикуются ежегодно. Сравним результаты данного рейтинга двух стран за два года с пятилетним интервалом. По данным 2020 г. первые позиции стран, имеющих самый низкий уровень коррупции, занимают: Новая Зеландия, Дания, Финляндия, Швейцария, Сингапур, Швеция, Нидерланды, Люксембург, Германия, Канада. В 2015 г. Китай (из 180 стран мира) находился в первой половине (83 место), Россия – 119 место. По версии данного исследования за 2020 г., Китай – 78 место, что свидетельствует об улучшении ситуации, Россия – 129 место, т. е. позиция снизилась на десять рангов, что говорит об ухудшении ситуации.

В Российской Федерации создана и действует нормативно-правовая база по противодействию коррупции. Понятие «коррупция» закреплено законодателем в Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»: 1) как «социально-юридическое явление»; 2) как «коррупционное правонарушение» – отдельное проявление коррупции, влекущее за собой дисциплинарную,

административную, уголовную или иную ответственность. «Противодействие коррупции» – скоординированная деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления муниципальных образований, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц по предупреждению коррупции, уголовному преследованию лиц, совершивших коррупционные преступления, минимизации и (или) ликвидации ее последствий.

Насколько эффективна деятельность по противодействию коррупции в России, можно рассматривать с нескольких точек зрения. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представляет данные мониторингового исследования о восприятии населением уровня коррупции в стране. По результатам масштабного аналитического обзора за 2018 г., действия властей по борьбе с коррупцией становятся для россиян все более заметными. В позитивных результатах работы в этом направлении уверены 55 % граждан, тогда как об ухудшении ситуации утверждают только 13 %. Расследования и судебные процессы за коррупционные преступления над отдельными политиками и чиновниками высокого уровня, произошедшие за последние годы, 42 % россиян воспринимают как свидетельство реальной борьбы властей с данным явлением, «не взирая на ранги». Такие «показательные» аресты и краткие сообщения о них в СМИ в целом не окажут значительного влияния на коррупционное поведение государственных служащих, отмечают 47 % опрошенных [2]. Особо следует обратить внимание, что 24 % респондентов убеждены, «во взяточничестве погрязло все общество», это опасно тем, что влечет, по мнению социологов и психологов, «самоисполняющееся пророчество», т. е. в силу социальной установки люди готовы реализовывать коррупционное поведение (как принимающая, так и предлагающая стороны) именно в силу убежденности, что так поступают все.

Эффективное противодействие коррупции носит комплексный характер, требует системного воздействия и совершенствования мер, научного обоснования, изучения позитивного зарубежного опыта. В России исследования в данной сфере осуществляются в нескольких направлениях: коррупция изучается как социально-психологическое явление в обществе [3]; выявляются психологические характеристики коррумпированной личности, в том числе и сотрудников правоохранительных органов [4]; оценивается эконо-

мический эффект от реализации антикоррупционной политики и деятельности правоохранительных органов [5]; осуществляется разнообразие правоведческих исследований [6; 7]; разрабатываются наиболее эффективные меры предупреждения и противодействия [8; 9]; анализируется позитивный зарубежный опыт [10; 11]; развивается международное сотрудничество в данной сфере [12]. Коррупция – труднопреодолимое явление, но вполне достижимое, в этом контексте изучение позитивного зарубежного опыта, в том числе и Китая, научно целесообразно.

Китайская Народная Республика (далее – КНР) поддерживает торгово-экономические отношения со 180 странами мира. При этом крупными торговыми партнерами Китая являются США, страны Евросоюза, Россия. Одновременно активно преобразуется и внутренняя жизнь Китая, многократно увеличилось госрасходы, что создает коррупционные «соблазны» для госслужащих всех рангов. Происходящие социально-политические изменения в стране, темпы экономического развития способствовали реформированию государственной службы, изменению мер противодействия коррупции, в том числе и в полиции.

Коррупцию обычно трактуют как использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных прав, а также связанных с официальным статусом авторитета, возможностей в целях личной выгоды. Коррупция опасна тем, что ключевые решения принимаются не в интересах государства и общества, а конкретных лиц.

Коррупция в Китае имеет культурно-исторические корни и связана с возникновением государства и бюрократического аппарата. Одним из первых известных юридических актов по борьбе с коррупцией является «Правовой кодекс» империи Цин (1644 г.), закрепивший для чиновников, замеченных в мздоимстве, санкции с учетом размера полученной взятки. Социально-психологические корни коррупции скрыты в желании делать подарки «гуанси», чтобы добиться расположения. Дорогой подарок выделял человека среди других просителей и способствовал скорейшему выполнению его просьбы. Исходя из этико-политических идеалов и традиций, заложенных еще Конфуцием в VI в. до н. э., чиновники должны бескорыстно заботиться о порядке и справедливости, довольствоваться жалованием. Но на практике и в современном Китае многие стремятся воспользоваться своим положением для тайного увеличения доходов [13].

Современным руководством широкомасштабная борьба с коррупцией активизировалась с начала XX в. и прошла несколько эволюционных этапов развития, учитывая основные цели, стратегии и меры противодействия.

В 2002 г. на XVI Съезде Коммунистической партии Китая (далее – КПК) был взят курс на реализацию государственной антикоррупционной политики. Обозначена концепция и основные направления: во-первых, развитие государственности и институциональных инноваций; во-вторых, усиление дисциплины, ужесточение контроля; в-третьих, модернизация управления; в-четвертых, создание рабочего механизма борьбы против «разложения» (в китайском менталитете «разложение» понимается как нарушение гармонии и переход в противоположность – хаос, если не будет приложено достаточных усилий для достижения результата).

В 2007 г. на XVII Съезде КПК антикоррупционная политика была продолжена. Для изучения современных причин возникновения коррупции и наиболее эффективных методов ее искоренения на государственной службе создано Государственное управление по предупреждению коррупции. В КНР противодействие коррупции осуществляется на всех уровнях. Так, в 2012 г. раскрыта коррупционная сеть. В итоге Лай Чансин – крупный предприниматель, Чжуан Жуншунь – заместитель начальника полиции провинции Фуцзянь, Ли Цзичжоу – заместитель министра общественной безопасности КНР были приговорены к смертной казни (позже замененной пожизненным заключением).

В 2012 г. решением Политбюро ЦК КПК принят доктринальный документ «Восемь правил по улучшению стиля работы и укреплению связей с народными массами». «Восемь правил» (нумерологический концепт числа «8» в китайском менталитете несет значение достаточности) можно считать основными стратегическими направлениями и активаторами реализации нового этапа антикоррупционной политики в Китае для государственных служащих: 1) отказ от пышных торжеств за государственный счет; 2) отказ принимать участие в коммерческих мероприятиях; 3) бережное и обоснованное использование государственных средств; 4) понимание актуальных запросов населения, уменьшение дистанционности и др.

В 2013 г. генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин, выступая на XVIII Съезде партии, обозначил новый этап государственной политики и решительных мер по преодолению

нию коррупции. Чиновники в своей деятельности ориентируются на формализм и бюрократизм, что свидетельствует об их оторванности от народа в решении насущных проблем. Это наносит вред авторитету и снижает эффективность усилий государственной власти, а также дестабилизирует общество. Необходимо поднять на более высокий уровень общественное сознание людей, формировать новые устои нетерпимости гражданского общества к фактам коррупции [14].

В деятельности государственного аппарата КНР задействованы около 70 млн чиновников, но для огромного населения страны 1 395 млн человек данное количество признано умеренным. В рейтинге по проценту количества чиновников от всех трудоспособных граждан Китай находится на 26 месте – 8,8 % (для сравнения: Россия в том же рейтинге входит в первую пятерку наиболее бюрократических стран с результатом 25 – 30 %). Если, согласно официальным данным Верховной народной прокуратуры Китая, в период 2006–2009 гг. выявлены и наказаны 67 тыс. государственных чиновников, то по итогам 2017 г. за дисциплинарные нарушения «Восьми правил» наказаны 71,6 тыс. госслужащих. Следует отметить, что применение информационных технологий содействует снижению коррупции: 1) сокращение штата чиновников; 2) улучшение качества их работы; 3) введение четких критериев оценки работы; 4) сведение к минимуму коррупционных рисков деятельности.

Выстраиванию обновленных отношений между государственными органами и обществом для формирования объективной оценки происходящих событий подключены все современные медиасредства КНР. В СМИ открыто показывают недостойное поведение чиновников всех рангов (баснословные траты, шикарные особняки, роскошные автомобили), а также их последующее «позорное» снятие с должностных постов, исключение из рядов КПК, лишение права занимать государственную должность, в СМИ транслируют «речи покаяния» бывших чиновников из тюремных камер.

В Китае опыт борьбы с коррупцией при помощи широкой огласки в СМИ дает значимый эффект не только как «устрашение и предупреждение», но в силу социокультурных традиций открытая «потеря лица» перед обществом является дополнительным наказанием, т. к. отражается на членах семьи и родственниках (позор, презрение, отчуждение). Антикоррупционная кампания в Китае решает три задачи: 1) снизить экономический ущерб от коррупционных преступлений; 2) довести

до чиновников понимание неизбежности сурового наказания; 3) вернуть в обществе доверие к государственной власти.

Одним из направлений по противодействию коррупции в Китае является совершенствование деятельности органов прокуратуры. В процессе создания антикоррупционного законодательства были внесены изменения и в УК КНР. Установленное наказание в виде лишения свободы варьируется от 5 лет до смертной казни, в зависимости ототягчающих обстоятельств. Нарушение положений закона влечет применение санкций как на предоставляющую, так и принимающую сторону, а также посредников, что отражено в тезисе: «Бить и по тиграм, и по мухам». Усиление борьбы с коррупцией отразилось на организационной структуре, во всех прокуратурах КНР созданы специализированные антикоррупционные управления [15].

В то же время антикоррупционные преследования сталкиваются с проблемой массового оттока подозреваемых в другие страны. Согласно статистике, более половины уличенных правительственных чиновников скрываются в США, Канаде и Австралии, которые не подписали с Китаем соглашения об экстрадиции, поэтому во многих случаях не удается добиться выдачи коррупционеров-беглецов [16]. В рамках антикоррупционной программы «Охота на лис» в 2014 г. в КНР опубликован «Настойчивый призыв к преступникам, совершившим экономические преступления и сбежавшим за границу», вернуться на родину и отдать похищенные средства.

В 2017 г. на XIX Съезде КПК антикоррупционная политика продолжилась и усовершенствовалась. В 2017 г. в КНР были возвращены около 1,3 тыс. фигурантов коррупционных дел, включая 347 членов КПК и чиновников госаппарата. Результатом этих усилий стало возвращение в казну более 1 млрд юаней. При этом общая сумма похищенных и выведенных из страны бюджетных средств оценивается в 126 млрд юаней. Но полный экономический ущерб от коррупции трудно оценить в силу ее латентности. Непосредственно расследование коррупционных преступлений в Китае сталкивается с «тремя трудностями»: 1) выявление факта преступления; 2) ведение следствия и получение доказательств; 3) осуществление наказания. Наличие высоких покровителей и «поддержка» со стороны членов коррупционной связи позволяют избежать реального наказания чиновников-коррупционеров даже при наличии весомых доказательств.

В марте 2018 г. в Конституцию Китая внесены изменения, которыми создано единое антикоррупционное ведомство, объединяющее отдельные подразделения китайского правительства, прокуратуры и ЦКПД КПК. При этом новое ведомство наделено широкими полномочиями, включая проведение следственных действий, наложение ареста на имущество и банковские счета, а также задержание подозреваемых. Создание общенационального внепартийного органа, нацеленного на борьбу с коррупцией, на всех уровнях, включая высший уровень руководства, является важным шагом в решении данной проблемы.

В КНР стали разрабатываться новые научные подходы и концепции преодоления коррупции, с учетом «китайской специфики», разработанные в соответствии с долгосрочными стратегиями развития Китая до 2049 г. (к 100-летию образования КНР). Современная концепция преодоления коррупции рассматривается как трехэтапный процесс, включающий следующие механизмы регулирования от жестких до мягких мер: во-первых, «не осмеливаться», совершенствование законодательства по выявлению и наказанию фактов коррупции (жесткие меры); во-вторых, «не допускать», минимизировать возможности и источники коррупции, т. е. исключить риск-условия коррупционного поведения; в-третьих, «не желать коррупции», повышение индивидуальной профессиональной этики, морального и правового сознания общества (мягкие меры). Рассмотренная выше хронология противодействия коррупции в КНР показывает, что вначале был использован первый метод – жесткое наказание (пожизненное заключение, смертная казнь), и он принес свои результаты на первом этапе, но без исключения «условий и источников» коррупции он не может быть эффективным в долгосрочной перспективе. Китайские эксперты констатируют, что в настоящее время осуществляется второй этап противодействия коррупции. Следует отметить, что третий этап и метод этико-морального совершенствования индивидуального и общественного соз-

нания также несут в себе значительный ресурс, т. к. полностью соответствуют основным принципам конфуцианства, традиционным культурным ценностям и национальному менталитету. Таким образом, конечная цель: формирование культуры общества без коррупции.

На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Развитие механизмов международного сотрудничества в противодействии коррупции, успешная национальная антикоррупционная политика стабилизирует внутреннюю и внешнюю экономическую безопасность Китая, повышает авторитет государства на международной арене.

2. Эффективность сложившейся «китайской модели» противодействия коррупции была достигнута системным и последовательным воздействием мер на политико-правовом и управленческо-организационном уровнях, формированием в обществе нетерпимости к коррупционным проявлениям.

3. Для России изучение успешного зарубежного опыта, в том числе «китайской модели» противодействия коррупции, может способствовать развитию государственной политики в долгосрочной перспективе, совершенствованию законодательства, применению наиболее эффективных мер по противодействию коррупции на государственной службе.

4. В России для повышения эффективности необходимо «сконцентрироваться на направлениях, обеспечивающих реализацию антикоррупционной политики, а именно контроль за ее исполнением (в том числе и путем антикоррупционного мониторинга) и назначением персональных санкций в отношении ответственных лиц за ненадлежащую реализацию антикоррупционных планов и программ» [17, с. 94].

5. Решающим фактором эффективной реализации антикоррупционной политики в России является укрепление гражданского общества: создание атмосферы нетерпимости к коррупционным проявлениям, развитие правовой культуры граждан, правовая интеграция общества.

Литература

1. URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2020/index/nzl>.
2. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9139>.

Bibliography

1. URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2020/index/nzl>.
2. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9139>.

3. Социально-психологические исследования коррупции / отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.А. Китова, В.А. Соснин. М., 2017.
4. Елисов П.П., Строчилова Н.В. Личность коррупционного преступника // Научный портал МВД России. 2017. № 4(40).
5. Грачев А.В. Экономический аспект оценки эффективности деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции // Научный портал МВД России. 2017. № 1(37).
6. Майоров В.И. Урегулирование конфликта интересов в системе государственной службы как мера социального противодействия коррупции // Виктимология. 2014. № 2(2).
7. Майоров В.И. Рецензия на диссертацию А.М. Ломова Административно-правовые аспекты противодействия коррупции в ОВД // Административное право и процесс. 2010. № 4.
8. Нечевин Д.К., Поляков М.М. Административно-правовые формы и методы противодействия коррупции. М., 2018.
9. Фролов В.В. Анализ опыта борьбы с коррупционными преступлениями // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 300-летию рос. полиции). СПб., 2016.
10. Латов Ю.В. Зарубежный опыт противодействия коррупции в полиции // Terrf Economicus. 2013. Т. 11. № 2.
11. Майоров В.И., Дунаева О.Н. Зарубежный опыт эффективного противодействия коррупции в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: Япония, Южная Корея, Сингапур // Евразийский юридический журнал. 2019. № 11(138).
12. Турнцевский Ю.В., Севальнев В.В., Сухаренко А.Н. Противодействие коррупции в Китае: законодательство и правоприменение. М., 2018.
13. Хао Лун. Социокультурный контекст реформирования государственной службы Китая // Вестник МГУКИ. 2014. № 4(60).
14. URL: <http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2013-01/22/>.
15. Ху Жунь. Правовые проблемы борьбы с коррупцией Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе и пути их решения // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4.
16. Ван Хай Цзюнь. Стратегия КНР по преследованию и возвращению в принудительном порядке и международное сотрудничество // Социальное наблюдение. 2015. № 1.
17. Майоров В.И. Летаева Е.А. Современные направления антикоррупционной политики в отношении государственных гражданских служащих // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2018. № 2.
3. Socio-psychological studies of corruption / otv. ed. A.L. Zhuravlev, D.A. Kitova, V.A. Sosnin. Moscow, 2017.
4. Elisov P.P., Stochilova N.V. Personality of a corrupt criminal // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 4(40).
5. Grachev A.V. The economic aspect of evaluating the effectiveness of the activities of units of economic security and combating corruption // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 1(37).
6. Mayorov V.I. Settlement of the conflict of interests in the system of public service as a measure of social counteraction to corruption // Victimology. 2014. № 2(2).
7. Mayorov V.I. Review of the thesis by A.M. Lomova Administrative and legal aspects of combating corruption in the police department // Administrative law and process. 2010. № 4.
8. Nechevin D.K., Polyakov M.M. Administrative and legal forms and methods of combating corruption. Moscow, 2018.
9. Frolov V.V. Analysis of the experience of combating corruption crimes // State and law: evolution, current state, development prospects (to the 300th anniversary of the Russian police). St. Petersburg, 2016.
10. Latov Yu.V. Foreign experience in combating corruption in the police // Terrf Economicus. 2013. Vol. 11. № 2.
11. Maiorov V.I., Dunaeva O.N. Foreign experience of effective combating corruption in the countries of the Asia-Pacific region: Japan, South Korea, Singapore // Eurasian Law Journal. 2019. № 11(138).
12. Turnsevsky Yu.V., Sevalnev V.V., Sukharensko A.N. Anti-Corruption in China: Legislation and Law Enforcement. Moscow, 2018.
13. Hu Jun. Legal problems of China's fight against corruption in the Asia-Pacific region and ways to solve them // Actual problems of economics and law. 2015. № 4.
14. URL: <http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2013-01/22/>.
15. Hao Long. Socio-cultural context of reforming the public service in China // Vestnik MGUKI. 2014. № 4(60).
16. Wang Hai Jun. PRC Strategy for Persecution and Forced Return and International Cooperation // Social Observation. 2015. № 1.
17. Mayorov V.I. Letaeva E.A. Modern directions of anti-corruption policy in relation to public civil servants // Bulletin of the Tyumen Institute for Advanced Studies of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 2.

© 2022 г. Баграмян Самвел Лаврентьевич,

преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России.
E-mail: sambagr.71@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕКОНСТРУКЦИИ ЛИЧНОСТНЫХ СВОЙСТВ ПРЕСТУПНИКА ПО СЛЕДАМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 243.2 УК РФ

В статье исследуются характерные черты корреляции элементов в системе «личность преступника – действия на месте преступления – следы преступления» по делам, возбужденным по ст. 243.2 УК РФ. Анализируются возможности и особенности реконструкции личностных свойств подозреваемого по таким элементам криминалистической характеристики преступления, как место совершения противоправного деяния, способ поиска и изъятия археологических предметов из мест залегания, предмет преступного посягательства, действия, связанные с подготовкой преступления и сокрытием его следов.

Ключевые слова: реконструкция личностных свойств преступника, психологический профиль, поведенческая деятельность, археологический предмет, объект культурного наследия, шурф, технические средства поиска.

Bagramyan Samvel Lavrentievich – Lecturer, the Department of Special Disciplines, the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

FEATURES OF RECONSTRUCTION OF THE PERSONAL PROPERTIES OF THE CRIMINAL IN THE TRACE OF CRIMES PROVIDED BY ART. 243.2 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines the characteristic features of the correlation of elements in the system «criminal identity – actions at the crime scene – traces of crime» in cases initiated under art. 243.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. The possibilities and features of the reconstruction of the suspect's personal characteristics are analyzed according to such elements of the criminalistic characteristics of the crime as the place of commission of an illegal act, the method of searching and removing archaeological objects from the places of occurrence, the subject of criminal encroachment, actions related to the preparation of a crime and concealment of its traces.

Keywords: reconstruction of the criminal's personal properties, psychological profile, behavioral activity, archaeological object, cultural heritage object, pit, technical means of search.

Помимо совокупности материальных отображений объективной реальности, формирующих обстановку места происшествия, одним из значимых условий, формирующих разное изображение следовой картины на месте преступления, выступает безмерная многогранность особенностей личности преступника, в том числе его психологическая составляющая, обуславливающая модели поведения до, во время и после совершения преступления [1, с. 57].

О наличии такой взаимосвязи говорили многие известные криминалисты XX в., утверждавшие, что место происшествия – это выраженная в материальном мире психология преступников [2].

Так, один из основоположников отечественной криминалистики И.Н. Якимов утверждал, что «отражение психической индивидуальности на деятельности человека настолько велико, что он многое совершает по

раз и навсегда избранному им способу или приему. Эта особенность человеческой психики наблюдается в области совершения преступлений наряду с другими областями человеческой деятельности» [3, с. 9].

Данная корреляция наделяет субъекта расследования потенциальной возможностью реконструировать по выявленным материальным и идеальным следам преступления некоторые личностные особенности подозреваемого, причем не только антропологические, но и психологические.

Основным триггером применения в правоохранительной деятельности процедуры реконструкции личностных особенностей подозреваемого выступает возрастающая необходимость разработки и реализации в следственной практике научно обоснованных методов диагностики и информационного моделирования личности преступника или

его отдельных свойств, рассматриваемых в контексте внешнего отображения психофизиологических особенностей подозреваемого на обстановку места происшествия. Такое моделирование позволяет сформировать самостоятельное мнение о механизме совершения деяния, а также оптимизировать и повысить эффективность поиска и выявления преступника, личность которого неизвестна [4, с. 156].

Современная криминалистическая наука рассматривает две основные поисково-реконструктивные методики определения содержания процесса реконструкции личностных особенностей преступника по следам преступления.

Первая методика, разработанная в США в конце 80-х гг. XX в. группой исследователей под руководством Д. Дугласа и М. Олшейкера, предполагает построение психологического профиля неизвестного преступника на основе постулата, что повторяющиеся привычные движения человека совершаются «автоматически», при этом техника выполнения является неосознанной и слабо подлежит волевому контролю [5].

Второй способ получил название «методика географического профилирования неизвестного преступника», основные положения которой базируются на анализе пространственных элементов события преступления, таких как тип обстановки места преступления, транспортная структура региона, использование преступником территории [6].

Среди советских и российских ученых, внесших значительный вклад в изучение данного вопроса, необходимо отметить Ю.М. Антоняна, Р.Л. Ахмедшина, Н.Т. Ведерникову, И.А. Горькову, А.В. Дулова, М.И. Еникеева, А.В. Морозова, А.Р. Ратинова, В.В. Тимошенко, В.Е. Эминова и др.

Рассмотрим возможности и некоторые особенности реконструкции личностных свойств преступника применительно к типичным следам, выявляемым в ходе осмотра места преступления, связанного с незаконным поиском и (или) изъятием археологических предметов из мест залегания (ст. 243.2 УК РФ) [7].

Среди основных элементов криминалистической характеристики преступлений рассматриваемого вида, полно отображающих личностные особенности подозреваемого, выделим такие, как: место совершения преступления; способ поиска и изъятия археологических предметов из мест залегания; пред-

мет преступного посягательства; действия, связанные с подготовкой преступления и сокрытием его следов.

При характеристике *места совершения преступления*, предусмотренного ст. 243.2 УК РФ, следует обозначить их относимость к двум категориям. Первая – местом преступления выступает ранее выявленный объект культурного наследия, включенный в единый государственный реестр [8], и вторая – иная территория, ранее не отнесенная к объектам культурного наследия.

Обнаружение следов незаконных раскопок в месте, относимом к какому-либо из указанных категорий, вполне логично может обусловить некоторые личностные свойства субъекта преступления. При выявлении следов преступления на месте, ранее не известном как «археологический объект», уместно предположение о наличии у подозреваемого определенного уровня знаний или специального образования в области археологии и истории, доступа к каким-либо историческим документам или хранилищам таких документов (музеи, библиотеки), позволяющим самостоятельно определять вероятные места залегания археологических артефактов.

В то же время обнаружение следов незаконных раскопок на ранее выявленных объектах культурного наследия может свидетельствовать о владении подозреваемым информацией, раскрывающей дислокацию данных территорий (сообщения СМИ о проводимых раскопках, проживание в районе расположения объекта, самостоятельное выявление и т. п.), и отношении к археологии (члены археологических экспедиций, работники музеев, сотрудники образовательных учреждений и т. п.).

Необходимо также обозначить наличие интерференции между местом расположения объекта посягательства и следов противоправного деяния с классификацией преступления. Так, если следы незаконного поиска или изъятия археологических предметов из мест залегания выявлены на территории объекта культурного наследия, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, или выявленного объекта культурного наследия, то классифицироваться данное деяние будет по ч. 2 ст. 243.2 УК РФ.

При рассмотрении *способа незаконного поиска и изъятия археологических предметов*

из мест их залегания как совокупности осознанной и неосознанной деятельности субъекта на месте происшествия следует подчеркнуть, что к наиболее выраженным следам незаконного поиска археологических предметов, укрытых в земле, относятся изменения, внесенные преступником на поверхности земли в виде вырытых колодцев, шурфов, ям, траншей [9, с. 191]. В зависимости от обстоятельств их численность может варьироваться от одного-двух до десятка, имеющих различную глубину, ширину и локализацию. Как показывает следственная практика, такие шурфы и ямы могут быть вырыты как с помощью обычных сельскохозяйственных инструментов (лопата, кирка, лом), так и с использованием специальных землеройных машин [10; 11; 12]. Следы применения их рабочего оборудования (лезвие лопаты, коронка ковша, грейфера, рыхлителя), а также следы ходовой части транспортных средств (колес, гусениц) непосредственно отображаются в вырытых шурфах и ямах, отвалах грунта, на прилегающей к ним поверхности земли в виде объемных отпечатков, что позволяет решать идентификационные и диагностические задачи при их исследовании.

Факт обнаружения на месте происшествия следов применения землеройной техники свидетельствует о наличии у подозреваемых должных навыков управления специальной техникой, достаточного уровня образования, а также высокой вероятности осуществления определенной профессиональной деятельности. Однако рытье шурфов и ям является конечной стадией незаконного изъятия археологических предметов из мест залегания. Предварительно, данному процессу предшествует стадия поисковых мероприятий на местности.

Основными инструментами «черных копателей», позволяющими определить наличие археологических предметов в местах залегания, чаще всего являются находящиеся в свободной продаже различные металлоискатели, радары, магнитные приборы и другие технические средства, в основном зарубежного производства [13, с. 94]. Использование преступниками таких приборов косвенно свидетельствует, во-первых, о материальном достатке подозреваемого (наличие возможности траты нескольких тысяч рублей на приобретение специального устройства), а во-вторых, о его интеллектуальных способностях, обеспечиваю-

щих возможность использования технического прибора с электронной «начинкой».

Следы пространственной организации перемещений преступника на месте незаконных раскопок и поиска археологических предметов отражают закономерности динамического и эмоционального стереотипа и отражаются в следующих формах:

1. Направление движения определяет значимость для преступника различных объектов на месте преступления. Чем чаще субъект пребывал в данном пространстве, тем привычнее для него обстановка и меньше «холостой ход» (когда преступник совершает излишние нерациональные перемещения, характерные для поисковых действий). Человек, знакомый с местом проведения легальных раскопок или выявленных памятников культурного наследия, совершает целенаправленные передвижения к местам, где, по его мнению, могут залегать археологические предметы.

2. Дублирование перемещений характеризует волевые качества преступника, нервозность в непривычной обстановке или непривычных действиях. Такие перемещения свойственны неопытным преступникам, недавно начавшим заниматься «черной археологией».

3. Игнорирование или отрицание пространства.

В данном случае игнорирование преступником тех или иных мест на объекте выявленного культурного наследия может свидетельствовать об осведомленности о результатах проведенных ранее раскопок. Преступник, обладая такой информацией, выбирает места, где целесообразно проводить раскопки, и игнорирует объекты, где уже ранее «поработали» археологи.

Следует отметить, что следы использования технических средств поиска и изъятия археологических предметов из мест залегания могут быть как в виде материальных предметов и их отображений (материальные следы), так и в виде показаний свидетелей и очевидцев (идеальные следы). Во всех случаях следователь должен тщательно анализировать имеющиеся сведения, стараясь выделить данные, способствующие реконструкции информационной модели личности подозреваемого. Важно, что в условиях неочевидности совершения преступлений, предусмотренных ст. 243.2 УК РФ, криминалистическое значение будут иметь не только отдельные следы преступлений, но и совокупность выявлен-

ных между ними корреляций с учетом места обнаружения.

Обстоятельства, указывающие на использование специальных технических средств поиска и (или) землеройных машин, при реализации действий, указанных в диспозиции ч. 1 ст. 243.2 УК РФ, классифицируют деяние уже по ч. 3 ст. 243.2 УК РФ, что предусматривает более жесткую санкцию.

При анализе *предмета преступного посягательства* как источника формирования информационной модели личности подозреваемого согласимся с мнением Р.Л. Ахмедшина, который, рассматривая его через призму значимости в структуре личностных ценностей преступника, придает ему статус одного из основных информационных составляющих реконструкции психологических особенностей подозреваемого [4, с. 165].

Как показывает следственная практика, перечень объектов, которые выступают в качестве предмета посягательства по преступлениям, связанным с незаконной археологической деятельностью, в большинстве случаев включает в себя ювелирные изделия, старинные монеты, предметы быта, одежды и другие археологические артефакты [14; 15; 16]. В одних случаях из места незаконного поиска изымаются практически все выявленные археологические предметы, а в других – присутствует избирательность преступников по отношению к предмету посягательства.

Как пример такой избирательности можно привести действия на месте преступления охотников, связанные со старинным холодным и огнестрельным оружием, старинными монетами или ювелирными изделиями, которые целенаправленно ведут поиск интересующих их объектов, игнорируя иные археологические предметы.

Среди психологических особенностей таких лиц можно выделить высокую целеустремленность, настойчивость, высокие волевые качества, но в то же время однообразие и предсказуемость действий, выражающихся в выполнении на месте преступления повторяющихся процедур с определенной устойчивой последовательностью. Таким лицам свойственен «почерк» совершения преступ-

ления, отображающий их психофизиологические особенности, а также навыки преступной деятельности.

Одним из основных маркеров такой поведенческой деятельности преступников, в следовой картине места происшествия выступает значительное количество (до десятка) вырытых шурфов, ям и колодцев. Такой образ действий выражает патологическое стремление подозреваемого вести поиск до конца, пока не будет обнаружен нужный предмет или хотя бы частично удовлетворены поисковые цели. Сами размеры шурфов, их глубина и диаметр могут указывать на физическую силу, рост преступника, а в совокупности со следами ног, выявленных рядом с ямами, на количество участников преступного деяния.

Отличным от вышеуказанного типа поведения является деятельность преступников, посягающих на археологические предметы, которые, на первый взгляд, не представляют материальной ценности (старинные предметы быта, одежды, посуды и т. д.), однако обладают определенной исторической и археологической значимостью.

Выраженная предпочтительность подозреваемых к таким объектам свидетельствует об эстетических свойствах личности или даже о некотором уровне духовного развития, стремлении к самовыражению или статусности в определенной общественной среде, склонности к коллекционированию.

Отдельное место среди таких лиц (с «нематериальным»* мотивом поведения в отношении археологических предметов) занимают коллекционеры предметов старины. Среди особенностей их психологического портрета некоторые ученые указывают такие личностные свойства, как азартность, склонность к накопительству, эмоциональность, чувство сопричастности, врожденное стремление к собирательству, тщеславие [17, с. 34].

Указанные обстоятельства позволяют обоснованно говорить о многовекторности интересов субъектов преступлений, предусмотренных ст. 243.2 УК РФ, в отношении объектов посягательства, обусловленной не только совокупностью внешних оценок, но и внутренними побуждениями, зависящими от уровня личност-

* Имеется в виду отсутствие выраженной заинтересованности в денежной оценке артефакта. Похищенный археологический предмет служит источником удовлетворения определенных личностных потребностей или амбиций владельца, позволяя ему чувствовать себя причастным к каким-то исторически значимым событиям или фактам, повышая его самооценку и статус среди единомышленников.

ных ценностей индивида, его психологических особенностей, преступным опытом, образованностью, уровнем духовного развития и иными личностными свойствами [4, с. 164].

Действия преступника, связанные с подготовкой преступления и сокрытием его следов (допреступное и постпреступное поведение), характеризуются его сознательным и подсознательным уровнем коммуникативной и организационной деятельности, рационализмом и плановостью мышления.

Одной из демонстраций рационалистического начала в деятельности преступника, проявляющейся в его поведении, Р.Л. Ахмедшин выделяет организацию преступления, включающую: приискание эффективного орудия преступления (технических средств поиска, землеройных механизмов и орудий); активный поиск объектов посягательства (в том числе незаконные исследования объектов археологического наследия); пассивное наблюдение (определяется в процессе анализа локализации следов преступления в районе совершения преступного деяния) [4, с. 173]. Относительно преступлений рассматриваемого вида к указанному перечню необходимо добавить также действия по маскировке непосредственных следов незаконного изъятия археологических предметов из среды залегания (вырытых ям, шурфов, траншей), а также обустройство с использованием особенностей окружающего ландшафта, временных схронов добытых археологических артефактов.

В некоторых случаях обнаруженные вблизи места происшествия следы-предметы (окурки сигарет, консервные банки, остатки еды, пластиковая посуда и т. п.) или замаскированные ветками деревьев вырытые шурфы могут свидетельствовать о длительном пребывании преступников в районе совершения преступления и ведении наблюдения за объектами посягательства (допреступное поведение), а также об осторожности подозреваемых, поиске ими безопасных возможностей сбыта похищен-

ных археологических предметов (постпреступное поведение).

Указанные факты свидетельствуют о преимущественно рациональном образе мышления, наличии криминального опыта, сдержанности, проявлении устойчивости после стрессового события, гибкости поведения подозреваемого. Следовательно, совершение преступления без подготовки демонстрирует преобладание эмоционального начала человека, импульсивности как присущей преступнику черты характера [4, с. 174]. В любом случае следователь, планируя свою деятельность, еще на первоначальном этапе расследования обязан тщательно анализировать все детали сложившейся следственной ситуации и материальной обстановки на месте происшествия, характерные особенности способа совершения преступления, выявлять связующие элементы, оценивать их значимость для реконструкции личностных свойств подозреваемого и формирования криминалистических версий [18, с. 156].

Следует отметить, что в статье проанализированы некоторые особенности корреляции типичных следов, выявленных на месте преступления, связанного с незаконным поиском и (или) изъятием археологических предметов из мест залегания, с личностными свойствами преступника, формирующими его осознанную и неосознанную поведенческую деятельность. Выявление таких закономерностей является одним из тех «ключей», которые позволяют раскрыть информацию о волевых и эмоциональных свойствах подозреваемого, его характере, темпераменте, мотивации. Несмотря на то, что идентификация личности субъекта, исходя из типовой для него модели поведения, носит некоторый вероятностный характер, выявленные причинно-следственные связи элементов в системе «личность преступника – действия на месте преступления – следы преступления» имеют высокую информативную ценность для расследования преступления, позволяя оптимизировать процесс розыска подозреваемых лиц.

Литература

1. Ахмедшин Р.Л. Криминалистическая характеристика личности преступника: природа и содержание // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 283.
2. Бразоль Б.Л. Очерки по следственной части: История. Практика. Петроград, 1916;

Bibliography

1. Akhmedshin R.L. Criminalistic characteristics of the criminal's personality: nature and content // Bulletin of Tomsk State University. 2004. № 283.
2. Brazol B.L. Essays on the investigative part: History. Practice. Petrograd, 1916; Vedernikov N.T., Dergach N.S. On the issue of improving

Ведерников Н.Т., Дергач Н.С. К вопросу о повышении эффективности осмотра места происшествия // Актуальные вопросы государства и права на современном этапе. Томск, 1983; Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М., 1967; Цветков П.П. Исследование личности обвиняемого. Л., 1973.

3. Якимов И.Н. Опознавание преступника. М., 1928.

4. Ахмедшин Р.Л. Криминалистическая характеристика личности преступника: монография. Томск, 2005.

5. Burgess A.W., Hartman C.R., Ressler R.K. Sexual Homicide. A Motivational Model // Journal of Interpersonal Violence. 1986. Vol. 1. № 3.

6. Rossmo D.K. Geographic Profiling: target patterns of serial murderer. Simon Fraser University, 1995; Rossmo D.K. Geographic Profiling // Offender Profiling: Theory, Practice and Research. New-York, 1999.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

8. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: федер. закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ // Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

9. Макаров Н.А. Археология и грабительские раскопки: комментарий к общеизвестному // Российская археология. 2013. № 2.

10. Приговор № 1-228/2019 от 23.12.2019 по делу № 1-228/2019 Икрянинского районного суда (Астраханская область). [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 22.01.2022).

11. Приговор № 1-118/2019 от 23.12.2019 по делу № 1-118/2019 Нахимоского районного суда (Севастополь) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 01.12.2021).

12. Приговор № 1-27/2018 от 08.07.2018 по делу № 1-27/2018 Нейского районного суда (Костромская область) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 12.12.2021).

13. Панфилов А.Н. Проблемы правового регулирования использования металлоискателей для целей, не связанных с поиском и изъятием археологических предметов из мест залегания // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т 6. № 2.

the efficiency of the inspection of the scene of the accident // Topical issues of state and law at the present stage. Tomsk, 1983; Ratinov A.R. Forensic psychology for investigators. Moscow, 1967; Tsvetkov P.P. Investigation of the identity of the accused. L., 1973.

3. Yakimov I.N. Identification of the criminal. Moscow, 1928.

4. Akhmedshin R.L. Criminalistic characteristics of the criminal's personality: monograph. Tomsk, 2005.

5. Burgess A.W., Hartman C.R., Ressler R.K. Sexual Homicide. A Motivational Model // Journal of Interpersonal Violence. 1986. Vol. 1. № 3.

6. Rossmo D.K. Geographic Profiling: target patterns of serial killer. Simon Fraser University, 1995; Rossmo D.K. Geographic Profiling // Offender Profiling: Theory, Practice and Research. New-York, 1999.

7. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996. Access from the legal reference «Garant».

8. About objects of cultural heritage (historical and cultural monuments) of the peoples of the Russian Federation: feder. law dd. 25.06.2002 № 73-FL. Access from the legal reference «Garant».

9. Makarov N.A. Archeology and predatory excavations: commentary on the well-known // Russian archaeology. 2013. № 2.

10. Sentence № 1-228/2019 from 23.12.2019 case № 1-228/2019 Ikryaninsky district court (Astrakhan oblast). [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru> (date of access: 22.01.2022).

11. Sentence № 1-118/2019 of 23.12.2019 case № 1-118/2019 Nanimokamo district court (Sevastopol) [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru> (date of access: 01.12.2021).

12. Verdict № 1-27/2018 of 08.07.2018 case № 1-27/2018 of the Neysky District Court (Kostroma region) [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru> (date of access: 12.12.2021).

13. Panfilov A.N. Problems of legal regulation of the use of metal detectors for purposes unrelated to the search and removal of archaeological objects from the sites of occurrence // Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal studies. 2020. T 6. № 2.

14. Sentence № 1-1/2019 1-76/2018 of 14.01.2019 case № 1-1/2019 of the Yuryev-Polsky District Court (Vladimir region) [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru> (date of access: 17.12.2021).

15. Sentence № 1-103/2018 of 05.07.2018 case № 1-103/2018 Zelenchuk district court

14. Приговор № 1-1/2019 1-76/2018 от 14.01.2019 по делу № 1-1/2019 Юрьев-Польского районного суда (Владимирская область) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 17.12.2021).

15. Приговор № 1-103/2018 от 05.07.2018 по делу № 1-103/2018 Зеленчукского районного суда (Карачаево-Черкесская Республика) [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.11.2021).

16. Приговор № 1-194/2019 от 10.12.2019 по делу № 1-194/2019 Балаклавского районного суда города Севастополя [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 05.12.2021).

17. Корепанова И.А., Журкова Е.А. Коллекционирование – феномен культурный и психологический // Культурно-историческая психология. 2007. № 4.

18. Варданян А.В. Следственные ситуации, возникающие на первоначальном этапе расследования преступлений, предусмотренных ст. 191.1 УК РФ // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2018. № 3(86).

(Karachay-Cherkessia) [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru> (date of access: 15.11.2021).

16. Sentence № 1-194/2019 of 10.12.2019 case № 1-194/2019 Balaklavskiy district court of the city of Sevastopol [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru> (date of access: 05.12.2021).

17. Korepanova I.A., Zhurkova E.A. collecting the phenomenon of cultural and psychological // Cultural-historical psychology. 2007. № 4.

18. Vardanyan A.V. Investigative situations arising at the initial stage of the investigation of crimes under Art. 191.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 3(86).

© 2022 г. Столбова Наталья Алексеевна,

преподаватель кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России.

E-mail: stolna_85@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ ОРУЖИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ, В ТОМ ЧИСЛЕ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В настоящее время все более востребованным у преступного мира является обращение к современным технологиям и средствам связи. Цель настоящей статьи – это выявление основных проблем, которые могут возникнуть при возбуждении уголовных дел по преступлениям, связанным с незаконным оборотом оружия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. Предоставлен краткий анализ стадии возбуждения уголовного дела, а также специфика такой стадии относительно незаконного оборота оружия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет.

Ключевые слова: незаконный оборот оружия, незаконный оборот оружия в сети Интернет, возбуждения уголовного дела по незаконному обороту оружия, проблемы возбуждения уголовного дела незаконного оборота оружия в сети Интернет.

Stolbova Natalya Alekseevna – Lecturer, Department of Criminal Procedure, the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

PROBLEMS ARISING DURING THE INITIATION OF CRIMINAL CASES ON CRIMES RELATED TO ILLEGAL ARMS TRAFFICKING USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS, INCLUDING THE INTERNET

Nowadays the appeal to modern technologies and means of communication is increasingly in demand among the criminal world. The purpose of this article is to identify the main problems that may arise when initiating criminal cases on crimes related to illegal arms trafficking using information and telecommunications networks, including the Internet. A brief analysis of the stage of initiation of a criminal case is provided, as well as the specifics of such a stage regarding illegal arms trafficking using information and telecommunications networks including the Internet.

Keywords: illegal weapon trafficking, illegal weapon trafficking on the Internet, initiation of criminal proceedings on illegal weapon trafficking, problems of initiation of criminal proceedings of illegal weapon trafficking on the Internet.

Институт возбуждения уголовного дела – это один из наиболее значимых институтов современного уголовно-процессуального права. Рассматривая стадию возбуждения уголовного дела как уголовно-процессуальный институт, ее можно определить, как комплекс уголовно-процессуальных норм, посредством которых происходит регламентирование правоотношений, связанных с приемом, регистрацией, рассмотрением, разрешением сообщения о преступлении. Также возбуждение уголовного дела можно воспринимать как первую, самостоятельную стадию уголовного процесса, включающую в свой состав процесс установления компетентными государственными органами фактов и условий, которые требуются для производства по голов-

ному делу, а также для вынесения решения о возбуждении уголовного дела либо отказа в возбуждении [2, с. 247]. Особый интерес для изучения представляет стадия возбуждения уголовных дел по преступлениям, связанным с незаконным оборотом оружия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, что связано со спецификой и относительной новизной данного вида преступления.

В свою очередь, как специфика, так и новизна незаконного оборота оружия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, обуславливают ряд проблем, возникающих на стадии возбуждения уголовного дела по данному виду преступления.

Актуальность изучения проблем, выявленных при возбуждении уголовных дел по преступлениям, связанным с незаконным оборотом оружия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, можно подтвердить тем, что расследование таких преступлений сопровождается дополнительными сложностями для их раскрытия на самых различных стадиях, включая первую.

Кроме того, общая статистика преступлений, совершенных в сети Интернет, свидетельствует о возрастающем интересе преступного мира к современным технологиям.

Так, в 2019 г. 294,4 тыс. преступлений было совершено с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что на 68,5 % больше, чем в 2018 г. [2]. В 2020 г. данный показатель составил 510,4 тыс. преступлений, что на 73,4 % больше, чем показатель прошлого года [3]. В 2021 г. число преступлений, совершенных при помощи обращения к информационно-телекоммуникационным технологиям, достигло 517,7 тыс. Тем самым показатель прошлого года был увеличен на 1,4 % [4]. Благодаря статистическим данным, приведенным выше, становится ясным, что преступления, совершаемые путем обращения к информационно-телекоммуникационным технологиям, ежегодно увеличивают свою динамику. Однако существенным недостатком видится отсутствие статистики, которая велась бы по отдельным видам преступлений, поэтому не отражает всю полноту ситуации преступности, в которой фигурирует использование информационно-телекоммуникационных средств, включая сеть Интернет. Это касается и незаконного оборота оружия.

Прежде чем перейти к анализу проблем, сопутствующим возбуждению уголовных дел по преступлениям, связанным с незаконным оборотом оружия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, кратко охарактеризуем данную стадию.

Поводы и основания, необходимые для возбуждения уголовного дела, содержатся в ст. 140 УПК РФ, в которой в качестве поводов для возбуждения уголовного дела законодатель выделил (ч. 1 ст. 140 УПК РФ):

1. Заявление о преступлении.
2. Явку с повинной.

3. Сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников.

4. Постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании [5, с. 125].

Согласно ч. 2 ст. 140 УК РФ основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

Соответственно, стадия возбуждения уголовного дела по преступлениям, связанным с незаконным оборотом оружия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, подразумевает выявление обстоятельств, позволяющих судить о совершении преступления.

В.Ю. Иванов подчеркивает, что проверка сообщений о преступлениях рассматриваемой категории дел реализуется путем обращения к оперативно-розыскным мероприятиям, помимо того анализ следственной практики демонстрирует, что главный повод для возбуждения уголовного дела по незаконному обороту оружия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, – это рапорт сотрудника следственного аппарата об обнаружении признаков, указывающих на совершения преступления.

После того, как материалы предварительной проверки будут детально проверены, в случае наличия достаточных на то оснований выносится решение о возбуждении уголовного дела, которое будет иметь некоторые достаточно существенные различия от возбуждения уголовных дел по преступлениям, совершенным более традиционным способом, т. е. без использования новых технологий и средств телекоммуникаций.

Так, оперативные сотрудники преимущественно получают информацию о незаконном обороте оружия в сети Интернет от лиц, ранее осужденных за аналогичные преступления, которые на конфиденциальной основе сотрудничают с органами внутренних дел. Кроме того, информация о незаконном обороте оружия поступает оперативникам от сотрудников, отнесенных к иным подразделениям и службам. В свою очередь, такие сотрудники могут получить информацию о совершении незаконного оборота оружия в сети Интернет от задержанных, ссылающихся на источник незаконного приобретения оружия.

Еще один значимый информационный источник, позволяющий выявить признаки преступления, заключающегося в незаконном обороте оружия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, – это тематические сайты, форумы, а также торговые интернет-площадки, мониторинг которых позволит выявить факт соответствующего преступного деяния.

Выделим проблему, возникающую при возбуждении уголовных дел в связи с незаконным оборотом оружия, суть которой сводится к тому, что заявление о преступлении, поступившее анонимно, не может выступать как повод для возбуждения уголовного дела, что закреплено ч. 7 ст. 141 УПК РФ [5, с. 125]. При этом в Приказе МВД «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» определено, что данная инструкция не распространяет свое действие на анонимные сообщения, в которых содержатся данные либо о готовящихся, либо об уже свершившихся противоправных деяниях. Исключения составляют преступления террористической направленности [1].

Таким образом, складывается ситуация, в которой лица, случайно оказавшиеся осведомленными о незаконном обороте оружия, могут не сообщать о преступлении в связи с нежеланием затрачивать личное время на коммуникацию с правоохранительными органами. Однако возможность подачи анонимного заявления о незаконном обороте оружия в сети Интернет (по аналогии с преступлениями террористической направленности) позволила бы существенно расширить круг источников информирования правоохранителей о совершении рассматриваемого вида преступлений, что, в свою очередь, приведет к большей эффективности возбуждения уголовных дел по данному виду преступлений. Кроме того, специалисты отмечают тесную взаимосвязь, существующую между терроризмом и незаконным оборотом оружия.

Об этом упоминала К.А. Исаева, подчеркивающая связь незаконного оборота оружия с терроризмом [6, с. 175]. Т.М. Миронов при анализе факторов, способствующих предотвращению террористических угроз, указал на борьбу с незаконным оборотом оружия [7, с. 160].

А.П. Леплявкин подчеркнул, что незаконный оборот оружия – это катализатор иных, еще более общественно опасных преступных деяний, в том числе террористических преступлений [8, с. 117].

В данном аспекте востребованным можно назвать мнение М.В. Ретиха, считающего, что существуют категории преступлений, возбуждение которых не требует данных об анонимном заявителе. По мнению исследователя, справедливым данное утверждение будет в отношении, например, анонимного заявления о раскладывании наркотических средств в придомовых территориях [9, с. 161].

Таким образом, как и в случае с терроризмом, допустимость анонимного заявления о незаконном обороте оружия в сети Интернет способствовала бы увеличению динамики дел, возбужденных на основании выявления признаков данного вида преступлений. Одновременно с этим внедрение обозначенного шага в практическую деятельность правоохранительных органов позволило бы снизить латентность незаконного оборота оружия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, что в полной мере соответствует принципу высокого уровня раскрываемости преступлений.

Отметим, что указанный принцип исходит из того, что лица, не понесшие наказание за преступление, – это один из основных факторов, формирующих условия для самовоспроизводства преступности. И, напротив, уверенность лица в том, что в отношении него будут задействованы уголовно-правовые меры, может предупредить дальнейшую преступную деятельность. В целом же данный принцип подразумевает высокое значение латентной преступности для общего процесса борьбы с преступностью.

Следующая проблема, возникающая при возбуждении уголовных дел по преступлениям, связанным с незаконным оборотом оружия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, определяется тем, что данный вид преступлений характеризуется специфическими особенностями по подготовке материалов, необходимых для возбуждения уголовного дела. По этой причине возбуждение уголовных дел в отношении конкретного лица по преступлениям, в способе совершения которых фигурирует использование информаци-

онно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, происходит достаточно редко.

Помимо прочего, на этапе сборов материалов, необходимых для возбуждения уголовного дела, сотрудники сталкиваются с проблемой того, что сбор всей необходимой информации затруднительно получить за короткий срок. Так, получение выписок по банковскому счету, детализация телефонных разговоров, а также получение некоторой иной информации возможны лишь на этапе предварительного расследования, а не возбуждения уголовного дела [10, с. 27].

Отметим, что подобная информация при возбуждении уголовных дел по преступлениям, связанным с незаконным оборотом оружия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, является чрезвычайно важной, т. к. именно она может указать на наличие признаков, характерных для данного вида преступлений. При проверке сообщения о преступлении реализация указных действий невозможна.

Помимо этого, в случае направления запросов в сотовые компании, банки в целях получения данных, требуемых для возбуждения уголовного дела, время ожидания может быть затяжным, из-за чего происходит превышение сроков, установленных законодательством для возбуждения уголовного дела. Кроме того, это затрудняет выработку обоснованных подозрений конкретного лица в совершении преступления. Таким образом, даже в случае возбуждения уголовного дела по незаконному обороту оружия может отсутствовать конкретное лицо, являющееся подозреваемым, что в последующем приводит к усложнению предварительного расследования преступления.

При выявлении места совершения преступного деяния, определения места расследования в некоторых ситуациях требуется дополнительно брать в расчет место регистрации IP-адреса, с которого был произведен выход в сеть Интернет, в процессе которого и было совершено преступление. По наблюдениям Н.В. Вирысовой, не будет редкостью несовпадение места совершения преступления, совершенного в сети Интернет, с местом расследования [11, с. 54]. Подобное положение дел может формировать сложности для возбуждения уголовного дела, заключающиеся в проверке материалов, необходимых для такового.

На сложности, возникающие при возбуждении уголовных дел по преступлениям, совершенным при помощи сети Интернет, указала Е.Ю. Самолаева, позиция которой может коррелироваться также с незаконным оборотом оружия в сети Интернет. В частности, автор пишет, что в преступлениях, где присутствуют телекоммуникационные технологии, местом преступления признается не один лишь физический, т. е. традиционный адрес, но и определенная часть информационного пространства (сайт, домен), где фактически активным пользователем совершалось преступление. Таким примером выступает сайт, зарегистрированный на определенном сервере, который имеет физическое местоположение, и его пользователь, т. е. лицо, которое при совершении преступления находится на конкретном адресе [12, с. 259].

Следственная практика показала, что зачастую временные атрибуты файлов подвергаются преступниками фальсификации. Например, это может произойти с помощью специализированных программ, а также путем перевода часов назад или вперед. Из-за таких действий правоохранительным органам затруднительно оценить достоверность сведений, размещенных в сети Интернет, что не позволяет отнести их к сведениям, указывающим на признаки преступления.

Таким образом, при возбуждении уголовного дела по преступлениям, связанным с незаконным оборотом оружия, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, может возникнуть следующий наиболее существенный комплекс проблем:

1. Отсутствие возможности подать анонимное заявление о совершении незаконного оборота оружия в сети Интернет, что сужает круг информаторов о данном виде преступления. В свою очередь, это приводит к тому, что по ряду фактов незаконного оборота оружия возбуждение уголовного дела не происходит вовсе, т. к. гражданские лица, которым стало известно о преступлении такого рода, не желают сообщать о данных фактах от своего имени.

2. Затруднения, связанные с запретом на получение материалов, необходимых для возбуждения уголовного дела на стадии возбуждения уголовного дела (ряд действий допускается лишь на стадии предварительного расследования).

3. Зачастую на стадии возбуждения уголовного дела отсутствует конкретный подозреваемый, что приводит к увеличению объема и сроков расследования уголовного дела.

4. Несовпадение места преступления, совершенного с использованием сети Интернет, с местом его расследования.

Таким образом, проблемы, возникающие при возбуждении уголовных дел по преступлениям, связанным с незаконным оборотом оружия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, во многих моментах исходят от специфики данного вида преступлений, в ча-

стности, информирования о нем. Так, круг субъектов, позволяющих информировать правоохранительные органы о незаконном обороте оружия в сети Интернет, в настоящий момент не является полным, из-за чего латентность такого вида преступлений возрастает. Следовательно, сам факт возбуждения уголовного дела по рассматриваемой категории преступлений способен привести к дальнейшему падению динамики. Также имеется ряд иных проблем разнопланового характера, которые могут отрицательно сказаться не только на самом возбуждении уголовного дела, но и на его последующем расследовании.

Литература

1. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях (с изменениями на 9 октября 2019 года): приказ МВД России от 29.08.2014 № 736 // Российская газета. № 260.

2. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 года. М., 2020.

3. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 года. М., 2021.

4. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2021 года. М., 2022.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Российская газета. 2001. 22 дек.

6. Исаева К.А. Основные факторы, влияющие на активизацию криминальной деятельности ОПГ в сфере терроризма и незаконного оборота оружия в отдельных странах // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 4(89).

7. Мironov T.B. Криминологическая характеристика террористической преступности // Сборник статей II Международной научно-практической конференции. Пенза, 2021.

8. Леплявкин А.Н. Некоторые проблемные аспекты оценки предмета преступных деяний, совершаемых с незаконным оборотом оружия // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 5(132).

9. Ретих М.В. К вопросу о регистрации органами внутренних дел анонимных

Bibliography

1. On approval of the Instructions on the Procedure for Receiving, Registering and Resolving Applications and Reports on Crimes, Administrative Offenses, Incidents in the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (with amendments to October 9, 2019): Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia d.d. 29.08.2014 № 736 // Rossiyskaya Gazeta. № 260.

2. The state of crime in Russia for January–December 2019. Moscow, 2020.

3. The state of crime in Russia for January–December 2020. Moscow, 2021.

4. The state of crime in Russia for January–December 2021. Moscow, 2022.

5. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation № 174-FL of 18.12.2001 (ed. of 30.12.2021) // Rossiyskaya Gazeta. № 249. 22.12.2001.

6. Isaeva K.A. The main factors influencing the intensification of criminal activity of organized criminal groups in the field of terrorism and illegal arms trafficking in certain countries // Actual problems of Russian law. 2018. № 4(89).

7. Mironov T.V. Criminological characteristics of terrorist crime // Collection of articles of the II International Scientific and Practical Conference. Penza, 2021.

8. Leplyavkin A.N. Some problematic aspects of assessing the subject of criminal acts committed with illegal arms trafficking // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2021. № 5(132).

9. Retikh M.V. On the issue of registration of anonymous messages by internal affairs bodies // Collection of abstracts of the All-Russian (with international participation) scientific conferences of cadets, trainees and students. Barnaul, 2021.

сообщений // Сборник тезисов Всероссийской (с международным участием) научной конференции курсантов, слушателей и студентов. Барнаул, 2021.

10. Жукова Н.А. Проблемы расследования преступлений, совершенных с использованием интернета, с применением сокращенной формы дознания // Актуальные проблемы раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием интернета. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Белгород, 2021.

11. Вирясова Н.В. О территориальной подследственности и определении места совершения преступлений, совершенных с использованием сети Интернет // Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары, 2021.

12. Самолаева Е.Ю. Организационно-тактические особенности обеспечения расследования преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Сборник статей Международной научно-практической конференции. М., 2018.

10. Zhukova N.A. Problems of investigation of crimes committed using the Internet, using an abbreviated form of inquiry // Actual problems of disclosure and investigation of crimes committed using the Internet. Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference. Belgorod, 2021.

11. Viryasova N.V. On territorial jurisdiction and determination of the place of commission of crimes committed using the Internet // Materials of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference. Cheboksary, 2021.

12. Samolaeva E.Yu. Organizational and tactical features of ensuring the investigation of crimes committed using information and telecommunication technologies // Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. Moscow, 2018.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.123
ББК 67.410

© 2022 г. Назаров Сергей Николаевич,

профессор кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского
юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор.
E-mail: nazarovdon@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОНЯТИЯ «УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ»

В статье представлен ретроспективный анализ возникновения понятия «уголовное преследование». Дана характеристика изменений его содержания в дореформенный и пореформенный периоды развития уголовно-процессуального законодательства России. На основе анализа нормативных правовых актов указанного периода автор выделяет в качестве этапов преследования полицейское преследование, предварительное расследование, прокурорское преследование.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, досудебное производство, уголовное преследование, судебный следователь, полицейское преследование, предварительное расследование, прокурорское преследование.

Nazarov Sergey Nikolaevich – Professor, Department of Forensic Science and Operational-Search Activities, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor.

HISTORICAL FOUNDATIONS OF THE CONCEPT OF «CRIMINAL PROSECUTION»

The article presents a retrospective analysis of the emergence of the concept of «criminal prosecution». The characteristic of changes in its content in the pre-reform and post-reform periods of the development of criminal procedure legislation of Russia is given. Based on the analysis of normative legal acts of the specified period, the author identifies as stages of prosecution police prosecution, preliminary investigation, prosecution.

Keywords: criminal proceedings, pre-trial proceedings, criminal prosecution, judicial investigator, police prosecution, preliminary investigation, prosecutorial prosecution.

Законодательное определение уголовного преследования в действующем УПК РФ как процессуальной деятельности, осуществляемой стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ), является дискуссионным.

В современных научных исследованиях отмечается, что непонятно, в чем заключается деятельность по изобличению подозреваемого и обвиняемого в совершении преступления [1, с. 16], что изобличение в качестве процессуальной деятельности само нуждается в определении как понятие, тождественное «установление виновности» [2, с. 15], что толкование уголовного преследования в УПК РФ имеет неопределенный характер, не раскрывает его содержания, не указывает периода начала и окончания этой деятельности [3, с. 83].

Подход современного законодателя к определению уголовного преследования согласуется с содержанием соответствующих норм

Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС). В связи с этим представляется актуальным исследование генезиса понятия «уголовное преследование», установление содержания, определяющего его сущность.

Впервые в отечественном законодательстве понятие «уголовное преследование» было введено УПК РСФСР 1922 г., ст. 4 которого предусматривала основания прекращения уголовного преследования.

До этого словосочетание «уголовное преследование» в отечественном уголовном судопроизводстве и юридической науке отсутствовало. Его использованию предшествовало введение отечественной юридической наукой в первой половине XIX в. понятия «преследование преступлений».

Профессор, доктор права Яков Иванович Барышев в руководстве по уголовному судопроизводству «Основания уголовного судопроизводства» (1841 г.), изданному после выхода Свода законов Российской империи

1832 г., определяет особенностью следственного процесса в инициировании органом государства «преследования учиненного преступления». Цель уголовного процесса, указывает ученый, состоит в собирании материалов, необходимых для верного и справедливого приговора относительно вины или невиновности изобличаемого в каком-либо преступлении лица, признании его виновным или достойным известного наказания. Понятие «преследование» используется ученым как «преследование преступлений», «преследование банкротства» [4, с. 32, 35].

В самом же нормативном акте «О судопроизводстве по преступлениям», включенном в пятнадцатый том Свода законов Российской империи использовались другие понятия – «производство уголовных дел» (ст. 766 УУС), «производство следствия» (ст. 767 УУС). Производство расследования состояло «в следствии или в изыскании всех обстоятельств дела или происшествия, составляющего преступление, и в собирании доказательств к открытию и обличению виновного» (ст. 766 УУС).

При этом необходимо учитывать два важных для исследуемой проблемы обстоятельства. Первое правовое регулирование этого исторического периода предусматривало два вида следствия, осуществляемого до суда, – предварительное и формальное.

Назначение предварительного следствия состояло в том, чтобы «увериться в справедливости поводов и причин к процессу и привести на первый раз в возможную известность состав преступления, собрать определенные улики относительно виновника его. Оно могло быть просто и коротко по причине, ежели кто-нибудь будет застигнут во время учинения преступления или по причине скорого, в самом начале удавшегося, собирания доказательств» [4, с. 76]. Таким образом, предварительным следствием рассматривалась деятельность по раскрытию преступления и установлению лица, которое его совершило.

Следствие же формальное состояло «в производстве его над известным уже лицом, которое по предварительному следствию могло быть поставлено в состояние обвинения, чтобы привести в полную известность преступление, которое в предварительном следствии доведено только до вероятности, объяснить всю степень вины или невиновность того лица, которое признано в нем подозрительным» [4, с. 76, 94].

В отличие от следствия предварительного, на котором устанавливалось лицо, совершившее преступление, следствие формальное осуществлялось против конкретного лица для выяснения всех обстоятельств преступления (способа совершения, соучастников и т. д.).

Вторым значимым обстоятельством является то, что оба вида расследования составляли компетенцию одного органа – полиции.

Соотношение понятий расследование уголовных дел («следственный процесс») в значении раскрытия преступления («собирании доказательств к открытию»), установления совершившего его лица («обличению виновного») и «преследование учиненного преступления» свидетельствует об общности их содержания [4].

Из изложенного следует, что понятие «преследование преступлений» в указанном историческом периоде означало расследование уголовного дела, включающее деятельность по раскрытию преступления (следствие предварительное) и деятельность в отношении подозреваемого и обвиняемого (следствие формальное).

Отсутствие в Своде законов Российской империи 1832 г. понятия «преследование» объясняется тем, что он представлял собой не новый правовой акт, а собрание уже действующих законов, начиная от Соборного Уложения 1649 г., с сохранением используемой в них терминологии.

Следует отметить, что в указанный период термин «преследование» использовался в зарубежном законодательстве. Французский Кодекс уголовного расследования 1808 г. (*Code d'instruction criminelle* 1808), содержал понятия *l'action publique* и *poursuite*. Первое означало «уголовное преследование» в широком смысле (в значении «уголовный иск»), т. е. возможность применения средств государственного принуждения к лицам, совершившим преступление, посредством уголовного судопроизводства, а второе – «преследование» в узком смысле, т. е. процессуальную деятельность, осуществляемую в отношении конкретного лица [5, с. 29].

Безусловно, Я.И. Барышев был знаком с французским Кодексом уголовного расследования, что не могло не оказать влияние на введение им в отечественный научный оборот понятия «преследование» в уголовном судопроизводстве.

Подтверждением этому служит совпадение подходов к определению уголовного преследования во французском кодексе в его широ-

ком смысле (*l'action publique*) и широкое значение «преследования», предложенное Я.И. Барышевым, – «преследование преступлений».

В современной юридической литературе высказана критическая оценка словосочетанию «преследование преступлений». Р.В. Мазюк считает, что сочетание понятий «преследование» и «преступление» противоречит правилам русского языка, т. к. преступление всегда является ретроспективным событием, имевшим место в прошлом, в то время как преследование может осуществляться только в отношении того, что существует в настоящем. Автор утверждает, что категория «преследование преступления», означающая в современной интерпретации «раскрытие преступления», в статьях УУС 1864 г. являлась катахрезой [6, с. 16].

Обращает на себя внимание утверждение, что исследуемое словосочетание противоречит правилам русского языка». Справедливо уточнение: каким правилам русского языка противоречит словосочетание «преследование преступлений»: правилам XIX в., когда оно использовалось, или правилам современного русского языка?

Оценивая с современных позиций сочетание слов «преследование преступлений» как соединение противоречивых понятий, исходя из их буквальных значений (катахреза от греч. *katachresis* – злоупотребление), автор не соблюдает основополагающее требование принципа историзма в научном исследовании, исключая возможность применения современного подхода к прошлому.

Язык подвержен историческим изменениям, поскольку представляет собой развивающееся явление. Динамика словарного состава языка сопровождается не только обогащением, но и переходом ряда слов и словосочетаний из активного словарного состава в пассивный. К таким словосочетаниям, именуемых историзмами, следует отнести и не используемое (небесспорно) в настоящее время понятие «преследование преступлений».

На законодательном уровне понятие «преследование» в сфере уголовного судопроизводства впервые получило закрепление в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС). В УУС используются понятия «судебное преследование», «преследование виновных в преступлениях и проступках», «преследование прокурорской властью», «проступки, преследуемые не иначе как по жалобам частных лиц».

Содержание соответствующих статей УУС свидетельствует об использовании законодателем значения понятия «преследование» в соответствии с французским Кодексом предварительного расследования 1808 г.

Так, в УУС указывалось, что «судебное преследование возбуждается как должностными, так и частными лицами» (ст. 2 УУС); «обличение обвиняемых пред судом предоставляется потерпевшим от преступных действий частным лицам, а также полицейским и другим административным властям» (ст. 3 УУС); «по уголовным делам, подведомственным общим судебным установлениям, обличение обвиняемых пред судом возлагается на прокуроров и их товарищей (ст. 4 УУС).

В Комментарий УУС (1866 г.), именуемом «Судебные уставы с изложением рассуждений, на коих они основаны» (далее – Комментарий УСС), этих статей указывается на «преследование виновных в преступлениях и проступках» (ст. 2 Комментария УСС) [7, с. 7].

Приведенные правовые нормы свидетельствуют о содержании преследования в значении следственной деятельности, осуществляемой в отношении конкретного лица.

На преследование в более широком значении как деятельности по расследованию преступлений указывает содержание ст. 24 УУС. Мировому судье согласно этой норме подведомственны дела о преступлениях и проступках по сообщениям полицейских и других властей об обнаруженных ими или дошедших до них сведениях **о преступлениях и проступках, подлежащих преследованию** независимо от жалоб частных лиц.

Статьей 511 УУС предусматривается, что «дело, возникшее в порядке частного обвинения, не изымается из ведения прокурора, если следствием обнаружено такое **преступное деяние, которое подлежит преследованию** (выделено авт. – С.Н.) прокурорской властью».

Используемые в приведенных статьях фразы «сведения о преступлениях, подлежащих преследованию» и «преступное деяние, подлежащее преследованию» представляют собой некоторое уточнение понятия Я.И. Барышева («преследование преступлений»), полностью соответствуя ему содержательно.

Важной новацией судебной реформы 1864 г. является сущностно-функциональное разграничение дознания и предварительного следствия, исключаящее соединение у одного органа противоположных функций. Изменены названия этапов расследования уголовных дел: следствие предварительное и следствие

формальное преобразованы в дознание и предварительное следствие.

Содержание дознания в УУС в целом соответствует той деятельности полиции, которая в дореформенный период именовалась следствием предварительным. Так, при производстве дознания согласно ст. 254 УУС полиция все нужные ей сведения собирает посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением, не производя ни обысков, ни выемок в домах.

В соответствии с Примечанием к ст. 1 УУС «меры, принимаемые полицейскими и другими административными властями для предупреждения и пресечения преступлений и проступков в порядке, установленном законами, к судебному преследованию не относятся». Однако содержание ст. 24 УУС, предусматривающее, что «обнаруженные полицейскими властями или дошедшие до них сведения о преступлениях подлежат преследованию», свидетельствует об осуществлении полицией иного вида преследования – полицейского.

Полицейское преследование в соответствии с полномочиями полиции в ст. 254 УУС осуществлялось преимущественно посредством негласной деятельности, т. е. оперативно-розыскной. К компетенции полиции относилось установление признаков преступления, фиксация следов преступления, обнаружение и задержание заподозренного (дознание).

На этапе расследования уголовных дел полиция должна была «оказывать деятельное пособие судебным следователям и лицам прокурорского надзора в раскрытии обстоятельств дела» (ст. 483 УУС).

Предварительное следствие осуществлялось представителями судебной власти – судебными следователями, но они субъектами преследования ввиду их судейского статуса не являлись. В Комментариях к УУС указывалось, что «судебному следователю как представителю судебной власти не должно было бы вовсе предоставлять права возбуждать уголовное преследование по собственному его усмотрению, потому что это право составляет принадлежность обвинительной власти» [7, с. 133–134].

Отнесение предварительного расследования к судебной деятельности вызвано его правоприменительным характером, что присуще власти судебной, а также тем, что «само достоинство судьи будет и для правительства, и для частных лиц надежным ручательством в беспристрастных поступках следователя» [7, с. 111–112]. Следственные действия

рассматривались как реализующие судебные полномочия и составляли исключительную прерогативу судебного следователя. Однако применение права при расследовании уголовного дела связано с оценкой виновности лица в совершении преступления и относится к обвинительной деятельности, но ее судебный следователь формально не осуществляет.

Такое искусственное противопоставление процессуального статуса следователя (судейского) и осуществляемой им деятельности (следственной) сопровождалось наделением судебного следователя обвинительным полномочием – вызывать и допрашивать лицо в качестве обвиняемого. Согласно ст. 396 УУС при наличии «достаточного к тому основания обвиняемые призываются или приводятся к следствию». Статья 403 УУС предусматривает, что следователь объявляет обвиняемому, в чем он обвиняется, после чего осуществляется допрос обвиняемого.

Необходимость вынесения какого-либо процессуального документа о привлечении лица в качестве обвиняемого УУС не предусматривал. Следователь принимал решение о вызове лица и его допросе в качестве обвиняемого исходя из оценки собранных по делу доказательств, а процессуальным документом обвинения следует рассматривать протокол допроса обвиняемого.

Обвинительная деятельность в уголовном судопроизводстве принадлежала прокурору (ст. 4 УУС), осуществлявшему преследование прокурорской властью (ст. 479 УУС). Прокурор, реализуя это полномочие, после окончания расследования на этапе предания суду составлял обвинительный акт как самостоятельный процессуальный документ. В обвинительном акте излагались событие преступления, сущность доказательств, правовая оценка содеянного (ст. 519, 520 УУС).

И.Я. Фойницкий отмечал, что УУС не дает ответа по существу на главный вопрос, по которому проводится следствие, т. е. на вопрос о виновности, которого он может касаться лишь косвенно, принимая те или иные меры предварительного следствия. Наш устав, не зная понятия сторон в предварительном следствии, допускает в нем прокурора, но не в качестве стороны, а лишь в качестве двигателя процесса [8, с. 371].

Соотношение содержания деятельности полиции, судебного следователя и прокурора в досудебном производстве наглядно иллюстрируется при применении трехчленного

подхода к периодизации расследования. На первоначальном (неотложном) этапе, характеризующимся неопределенностью или отсутствием исходной информации о преступлении, ее поиск осуществлялся посредством полицейского преследования; на последующем этапе осуществлялось производство следственных действий и формирование судебным следователем предварительного обвинения; на завершающем этапе, состоящем в аналитико-систематизирующей и процессуально-оценочной деятельности, преследование обвиняемого шло посредством составления прокурором итогового обвинительного документа.

Формальное «ограждение» судебного следователя от осуществления уголовного преследования, определение его деятельности как «производство предварительных исследований» вызваны намерением реализовать в УУС идеализированный подход, согласно которому вопросы «кто и в чем виновен?» рассматривались, как вопросы судебные, а не следственные. Но поскольку преследование осуществляется только посредством следственных действий, а единственным субъектом их проведения являлся судебный следователь, который по закону преследование не производил, возникает вопрос, кем же оно на данном этапе осуществлялось?

Ответ: прокурором, обвинительная власть которого состояла в «обнаружении преступлений и преследовании виновных. Существо этой власти по производству предварительных исследований проявляется в постоянном наблюдении прокуроров за производством следствий с правом присутствовать при всех следственных действиях, рассматривать во всякое время производство следствия и предъявлять требования по всем предметам, относящихся к исследованию преступления и собиранию доказательств» [8, с. 121–122].

И.Я. Фойницкий отмечает, что «мы примкнули к французскому типу прокуратуры. Она – не только обвинительная сторона в уголовном процессе, как по англо-шотландскому праву, но вместе с тем контрольный орган правительственной власти, обязанный наблюдать за правильным применением закона судебными установлениями» [9, с. 524–525].

При характеристике полномочия прокурора осуществлять «возбуждение уголовного дела» (ч. 4 ст. 297 УУС) знаменитый русский юрист А.Ф. Кони указывает, что прокурор «начинает преследование и ведет его под своим

надзором» [10, с. 414]. Субъектом уголовного преследования А.Ф. Кони рассматривает прокурора, но не следователя, учитывая его судейский статус.

Обоснованным представляется суждение по данному вопросу другого известного русского юриста Н.М. Муравьева – министра юстиции Российской империи исследуемого периода, осуществлявшего введение судебных уставов 1864 г. в Российской империи. Авторитетный отечественный ученый и практик также рассматривал преследование в значении всего производства по уголовному делу. Обвинение, справедливым считал он, составляет часть уголовного преследования – «одним из процессуальных его моментов, ограниченным собственно судебным разбирательством» [11, с. 1].

Осуществление преследования обвиняемого в судебном разбирательстве, а не на следствии соответствует правовому регулированию в УУС, согласно которому обвинительный акт, определяющий статус лица в качестве обвиняемого, составлялся прокурором на этапе предания суду.

Небесспорной представляется позиция составителей УУС об осуществлении уголовного преследования при расследовании только посредством надзорной деятельности прокуратуры. Содержание «обвинительной власти» прокурора на досудебных стадиях свидетельствует о возможности его влияния на следственную деятельность, но само преследование в значении «обвинения кого-либо в преступном деянии» (ст. 299 УУС) прокурор непосредственно не осуществлял. В УУС указывается, что «прокуроры и их товарищи предварительных следствий сами не производят, но дают только предложения о том судебным следователям и наблюдают постоянно за производством сих следствий» (ст. 278 УУС).

Эффективным средством влияния прокурора на процесс расследования уголовного дела, в отличие от современных полномочий прокурора по УПК РФ, являлась обязанность судебного следователя «исполнять законные требования прокурора» (ст. 281 УУС), а также «непосредственная зависимость от прокуроров полицейских чинов» (ст. 279 УУС). Практика реализации УУС показала приверженность судебного следователя к осуществлению уголовного преследования.

Таким образом, понятие «преследование» введено в отечественное уголовное судопроизводство в XIX в. под влиянием французского Кодекса предварительного расследования 1808 г.

В первой половине XIX в. Я.И. Барышевым предложено понятие «преследование преступлений», что содержательно соответствует его значению как деятельности по расследованию преступлений. Субъектом осуществления расследования уголовных дел в соответствии со Сводом законов Российской империи 1832 г. являлась полиция.

Во второй половине XIX в. понятие «преследование» получило законодательное закрепление в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. в значениях процессуальной деятельности, осуществляемой в связи с преступлением (преследование в широком смысле), и процессуальной деятельности, осуществляе-

мой в отношении лица, совершившего преступление (преследование в узком смысле).

Субъектом преследования рассматривался не судебный следователь, имевший судейский статус, а прокурор посредством осуществления надзора за расследованием. На досудебном уголовном судопроизводстве имела место двойственность реализации преследования: непосредственное (фактическое) преследование, осуществляемое судебным следователем, и опосредованное (формальное) преследование, осуществляемое прокурором.

Этапами преследования являлись полицейское преследование, предварительное расследование, прокурорское преследование.

Литература

1. Джатиев В.С. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: шаг вперед или два шага назад? // Фундаментальные и прикладные проблемы управления расследованием преступлений. М., 2005.

2. Мазюк Р.В. Уголовное преследование в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012.

3. Волженкина В. Суд и уголовное преследование // Уголовное право. 2008. № 1.

4. Барышев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. М., 2001.

5. Мазюк Р.В. Об использовании понятий «уголовное преследование», «судебное преследование», «преследование» в уставе уголовного судопроизводства 1864 г. // Глаголь правосудия. 2014.

6. Мазюк Р.В. О влиянии французского кодекса уголовного расследования 1808 года на российский устав уголовного судопроизводства 1864 г. (к 150-летию устава) // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2014.

7. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. С изложением рассуждений, на коих они основаны. Устав уголовного судопроизводства. СПб., 1866.

8. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1910. Т. 2.

9. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1912. Т. 1.

10. Кони А.Ф. Собрание сочинений. М., 1967. Т.4.

11. Муравьев Н. Задачи прокурорского надзора // Журнал гражданского и уголовного права. 1884. № 7.

Bibliography

1. Dzhatiev B.C. Criminal Procedure Code of the Russian Federation: one step forward or two steps back? // Fundamental and applied problems of crime investigation management. Moscow, 2005.

2. Mazyuk R.V. Criminal prosecution in Russian criminal proceedings: abstract. diss. ... Dr. of Law. Moscow, 2012.

3. Volzhenkina V. Court and criminal prosecution // Criminal law. 2008. № 1.

4. Baryshev Ya.I. Grounds of criminal proceedings with application to Russian criminal proceedings. Moscow, 2001.

5. Mazyuk R.V. On the use of the concepts of «criminal prosecution», «prosecution», «prosecution» in the statute of criminal proceedings of 1864 // Glagol of justice. 2014.

6. Mazyuk R.V. On the influence of the French Code of Criminal Investigation of 1808 on the Russian Statute of criminal proceedings of 1864 (to the 150th anniversary of the statute) // Siberian Criminal procedural and criminalistic readings. 2014.

7. Judicial statutes of Nov. 20, 1864 With a statement of the reasoning on which they are based. The Statute of Criminal Proceedings. St. Petersburg, 1866.

8. Foynitsky I.Ya. Course of criminal proceedings. St. Petersburg, 1910. Vol. 2.

9. Foynitsky I.Ya. Course of criminal proceedings. St. Petersburg, 1912. Vol. 1.

10. Koni A.F. Collected works. Moscow, 1967. Vol. 4.

11. Muravyev N. Tasks of prosecutorial supervision // Journal of Civil and Criminal Law. 1884. № 7.

© 2022 г. Айвазова Ольга Владиславовна,

профессор кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: olgavladislavovna72@rambler.ru

ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПОТЕРПЕВШИХ – ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Автор обращается к проблемам, связанным с участием юридических лиц в производстве по уголовным делам. Законодатель не решил отдельные взаимосвязанные существенные аспекты, регламентировав возможность наделения юридических лиц процессуальным статусом потерпевшего. Это побудило автора изложить рекомендации по существу обозначенных проблем.

Ключевые слова: организация, юридическое лицо, потерпевший, гражданский истец, вред, адвокат, права и законные интересы, допрос, доказательства, уголовное дело.

Aivazova Olga Vladislavovna – Professor, the Department of Forensic Science and Operational-Search Activities, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

ISSUES OF PARTICIPATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS OF REPRESENTATIVES OF VICTIMS – LEGAL ENTITIES

The author addresses the problems associated with the participation of legal entities in criminal proceedings. The legislator did not resolve certain interrelated significant aspects, regulating the possibility of granting legal entities the procedural status of the victim. This prompted the author to make recommendations on the merits of the identified problems.

Keywords: organization, legal entity, victim, civil plaintiff, harm, lawyer, rights and legitimate interests, interrogation, evidence, criminal case.

Действующий уголовно-процессуальный закон, провозгласив защиту прав и законных интересов организаций, потерпевших от преступлений, в качестве одного из элементов назначения уголовного судопроизводства лаконично регламентирует гарантии реализации данного руководящего положения. При этом формирование в Российской Федерации свободных рыночных отношений, основанных на свободе предпринимательской и иной не запрещенной законом деятельности, в сочетании с относительной простотой создания и государственной регистрации юридических лиц как самостоятельных субъектов гражданского общества, стимулировало их высокую активность во всех сферах жизнедеятельности. Разумеется, что вскоре юридические лица оказались вовлечены и в уголовно-процессуальные отношения, выступая по уголовным делам в качестве потерпевших, гражданских истцов или гражданских ответчиков [1, с. 61–66]. Конструкции составов преступлений, в результате совершения которых были нарушены законные интересы юридических лиц, предусматривают в качестве субъектов деяний как неопределенно широкий круг лиц (физических лиц

либо сотрудников конкурирующих организаций), так и руководителей или сотрудников данной организации, использующих предоставленные им служебные полномочия вопреки интересам службы [2, с. 3–9; 3, с. 55–58]. Нередко деяния, совершенные в отношении юридических лиц, характеризующиеся сложным, завуалированным и неочевидным характером, требуя активной позиции потерпевшего в уголовном судопроизводстве.

Признав возможность наделения юридических лиц статусом потерпевшего по уголовному делу (при условии причинения в результате совершения преступления вреда их имуществу и/или деловой репутации – ч. 1 ст. 42 УПК РФ), законодатель указал на осуществление прав и законных интересов данной категории потерпевших исключительно через их представителей (ч. 9 ст. 42 УПК РФ). Объем прав представителей тождественен правам самих представляемых ими лиц (ч. 3 ст. 45 УПК РФ). При этом в качестве представителей потерпевших юридических лиц (в соответствии с ч. 1 ст. 45 УПК РФ) по общему правилу допускаются адвокаты. Если юридическое лицо обладает статусом не только

потерпевшего, но и гражданского истца, то в качестве представителя могут быть признаны также лица, имеющие право представлять интересы соответствующих организаций согласно гражданскому законодательству РФ [4, с. 38–44]. Очевидно, что в данном случае речь идет о руководителях организации, наделенных правом, представляя интересы вверенной организации, действовать без доверенности, либо об иных специально уполномоченных сотрудниках (руководителях юридических подразделений, помощниках по юридической работе и пр.), вступление которых в уголовное судопроизводство от имени организации может подтверждаться доверенностью. Если деяние совершено самим руководителем, действовавшим вопреки законным интересам вверенной ему организации, в связи с чем и осуществляется расследование [5, с. 49–52; 6, с. 50–53], то в качестве представителя участвует лицо, которому данные полномочия предоставлены советом директоров, собранием акционеров, учредителей, участников, иным коллективным органом управления организации.

Практика показывает, что в подавляющем большинстве случаев в качестве представителей организаций, потерпевших от преступлений, выступают не адвокаты, а руководители либо специально уполномоченные сотрудники. УПК РФ не предусматривает возможность участия адвоката по назначению в представителе юридического лица – потерпевшего от преступления. Поэтому если юридическое лицо, вовлеченное в орбиту уголовно-процессуального закона, ранее не вступало в договорные отношения с организациями, специализирующимися на профессиональном оказании юридических услуг на постоянной основе в виде полного юридического сопровождения, то приглашение потерпевшей организацией адвоката специально для участия в уголовном судопроизводстве менее вероятно, нежели участие штатного представителя организации.

Если организация не сочла необходимым заявление гражданского иска (тем более, что в рамках уголовного судопроизводства, как показывают материалы следственно-судебной практики, зачастую наблюдается весьма декларативный подход к доказыванию вреда, причиненного деловой репутации, либо вреда имуществу в виде не прямой, а упущенной выгоды; рассмотрение этих вопросов в

рамках судебного заседания не происходит, а потерпевшему предлагается дополнительно обратиться с гражданским иском в формате гражданского судопроизводства), то она проходит по уголовному делу только в качестве потерпевшего, а не гражданского истца. Буквальное прочтение положений ч. 1 ст. 45 УПК РФ указывает на возможность участия в качестве представителя юридического лица, являющегося только потерпевшим (а не гражданским истцом), адвоката.

Представляется, что такой подход законодателя не является корректным. Необходимо предоставить в качестве приоритетной – то есть по общему правилу и без всяких условий – возможность допуска в качестве представителей юридических лиц, потерпевших от преступлений (независимо от наличия или отсутствия у них одновременно статуса гражданского истца), – руководителей либо уполномоченных сотрудников данной организации (последних – при наличии доверенности от организации). Участие адвоката в качестве представителя юридического лица необходимо регламентировать в качестве факультативного – на усмотрение данной организации в лице ее уполномоченных субъектов, наделенных управленческими функциями и вправе принимать решения, касающиеся основных вопросов жизнедеятельности организации.

Участие же в качестве представителя организации, потерпевшей от преступления, адвоката, которое в действующей редакции ч. 1 ст. 45 УПК РФ считается приоритетным, не только декларативно и не вполне соответствует реалиям правоприменительной практики, но и, как это ни парадоксально, лишает потерпевшего ряда гарантий защиты его прав и законных интересов.

Так, одним из базовых средств защиты потерпевшим своих прав и законных интересов в уголовном судопроизводстве является дача показаний [7, с. 127–133]. Основным предметом допроса потерпевшего являются обстоятельства, в связи с которыми совершено преступное посягательство: время и место преступления, обстоятельства обнаружения факта совершенного деяния, следы, указывающие на вероятную причастность определенных лиц, их мотивацию преступного поведения, данные о предмете преступного посягательства, характер и размер причиненного вреда, из каких элементов он складывается и пр. [8, с. 130–134].

Однако очевидно, что при участии в качестве представителя адвоката, последний не может быть допрошен в качестве потерпевшего. Поскольку адвокат осуществляет оказание юридической помощи своему доверителю, он не может одновременно быть допрошенным по правилам допроса потерпевшего. Кроме того, адвокат не имеет личной психологической связи с организацией-потерпевшим от преступления, что также указывает на целесообразность его допроса от имени указанного потерпевшего.

Понятно, что следователь либо дознаватель вправе допросить в качестве свидетелей различных сотрудников организации относительно обстоятельств преступления, известных данным лицам, в результате получить определенный объем доказательственной информации, имеющей значение для расследования и входящей в содержание предмета доказывания [9, с. 60–62]. Однако свидетели – по общему правилу (безотносительно к описываемой ситуации) лица, не имеющие собственного интереса к результатам расследования. И хотя применительно к реальным условиям так бывает далеко не всегда, тем не менее, с учетом общих концептуальных положений процессуального статуса свидетеля, объем прав свидетелей в уголовном судопроизводстве гораздо сужен по сравнению с правами лиц, имеющих личный интерес к итогам расследования и выступающих в качестве представителей сторон.

Иными словами, участие адвоката в качестве представителя организации, потерпевшей от преступления, несмотря на профессиональный уровень оказания этим субъектом юридической помощи, как это ни парадоксально, фактически лишает данную организацию ряда прав, которые предоставлены непосредственно потерпевшим в качестве средств защиты их законных интересов в уголовном судопроизводстве.

Другая сторона рассматриваемой проблемы проявляется в том, что, утверждая о тождественности прав представляемых и представителей в уголовном судопроизводстве, а также о наделении представителей юридических лиц правами потерпевших, законодатель так и не предусмотрел процессуальную форму допроса представителя юридического лица, выступающего потерпевшим по уголовному делу. Ориентируясь в приоритетной степени на участие в качестве потерпевших по

уголовным делам физических лиц и формулируя правила производства допроса потерпевших, законодатель практически упускает особенности формирования и получения показаний от лиц, реализующих права организаций, потерпевших от преступлений. Не уточняет предмет допроса субъекта в качестве представителей юридического лица, не оговаривает возможность и случаи участия данного лица от имени организации (собственно, как представителя) или от собственного имени, не возлагает на представителя юридического лица должного объема полномочий – прав, обязанностей, ограничений в связи с наделением данного субъекта специфическим процессуальным статусом.

Кроме того, в перечне доказательств по уголовному делу, предусмотренном ст. 74 УПК РФ, не содержится такой источник, как показания представителя потерпевшего (прежде всего – потерпевшего юридического лица, что важно в силу невозможности получения показаний непосредственно от юридического лица как правовой фикции).

Согласно материалам изученных уголовных дел, судебно-следственная практика в данном ключе характеризуется отсутствием единообразия. В одних случаях следователи или дознаватели оформляют допрос этого лица в качестве допроса потерпевшего (что не вполне соответствует фактическому содержанию). В других случаях состоявшийся допрос так и именуется – допросом представителя потерпевшего (что не вполне соответствует системе доказательств, предусмотренной ст. 74 УПК РФ) [10, с. 45–48]. В третьих случаях представитель юридического лица допрашивается в качестве свидетеля (что, во-первых, не соответствует его процессуальному статусу, во-вторых, свидетельствует о смешивании статусов потерпевшего и свидетеля как участников судопроизводства).

Аналогичная ситуация складывается и при производстве многих других следственных действий. Разумеется, по данному критерию не вызывает сложностей участие представителя потерпевшего юридического лица в производстве следственных действий материально-фиксированного характера (например, осмотра помещения, принадлежащего юридическому лицу, обыска или выемки на территории юридического лица), где предусмотрена ведущая роль следователя и пассивная роль лиц, проходящих по делу. Но далеко не

все однозначно при участии этого же субъекта в производстве следственных действий вербального (очная ставка) либо комплексного характера (проверка показаний на месте, предъявление для опознания, следственный эксперимент), где от данного лица предполагается получение показаний либо пояснений как от самостоятельного источника вербальной доказательственной информации.

Проблемный характер ситуации обусловлен отсутствием при регламентации оснований и порядка производства соответствующих следственных действий указанного участника. В связи с этим представляется, что назрела необходимость более детальной законодательной регламентации участия представителей юридических лиц в производстве следственных лиц.

Разрешение проблемы видится двояко. Одним вариантом может выступать дополнение ч. 9 ст. 42 УПК РФ, звучащей в действующей редакции следующим образом: «В случае признания потерпевшим юридического лица его права осуществляет представитель», фразой такого содержания: «Доказательства, полученные путем производства следственных действий с участием представителя юридического лица – потерпевшего от преступления, имеют единую процессуальную форму с доказательствами, полученными путем производства

следственных действий с участием физического лица – потерпевшего от преступления». В этом случае под показаниями потерпевшего будут пониматься устные сведения, сообщаемые в ходе допроса как потерпевшим – физическим лицом, так и представителем потерпевшего – юридического лица. Аналогичным образом будут трактоваться другие доказательства, полученные с участием от имени потерпевшего юридического лица его официально-го представителя.

Другой вариант, возможно, более экстенсивный, но и одновременно более конкретизированный. В этом случае следует дополнить систему доказательств по уголовным делам (ст. 74 УПК РФ) таким подвидом (по отношению к показаниям потерпевшего), как показания представителя потерпевшего – юридического лица; в таком же контексте следует дополнить ст. 78 УПК РФ «Показания потерпевшего». Также необходимо законодательно конкретизировать процессуальную форму допроса представителя потерпевшего юридического лица: предмет допроса, порядок проведения допроса, внести уточнения в нормы, регулирующие порядок проведения различных следственных действий – в части возможности и особенностей участия в их производстве представителя потерпевшего юридического лица.

Литература

1. Коновалов С.И. Юридическое лицо как субъект уголовно-процессуальных правоотношений: дискуссионные вопросы / С.И. Коновалов, А.Ю. Никулин // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 1–2.
2. Варданян А.В. Механизм злоупотребления полномочиями субъектами управленческих функций в коммерческих и иных организациях как методологическая основа для формирования частной криминалистической методики расследования преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2015. № 4–2.
3. Варданян А.В. Осуществление управленческих полномочий в коммерческой или иной организации вопреки интересам службы: актуальные проблемы расследования // Философия права. 2014. № 6(67).
4. Коновалов С.И. О дифференциации форм представительства юридических лиц в

Bibliography

1. Konovalov S.I. A legal entity as a subject of criminal procedural legal relations: debatable issues / S.I. Konovalov, A.Yu. Nikulin // Izvestiya Tula State University. Economic and legal sciences. 2016. № 1–2.
2. Vardanyan A.V. The mechanism of abuse of authority by subjects of managerial functions in commercial and other organizations as a methodological basis for the formation of a private forensic methodology for investigating crimes // Izvestiya Tula State University. Economic and legal sciences. 2015. № 4–2.
3. Vardanyan A.V. Exercising managerial powers in a commercial or other organization contrary to the interests of the service: actual problems of investigation // Philosophy of Law. 2014. № 6(67).
4. Konovalov S.I. On differentiation of forms of representation of legal entities in the Russian criminal process // Izvestiya Tula State University. Economic and legal sciences. 2017. № 4–2.

российском уголовном процессе // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 4–2.

5. Варданян А.В. Злоупотребление управленческими полномочиями в коммерческой или иной организации: опыт правоприменительной практики и некоторые проблемы возбуждения уголовного дела и предварительного расследования // Юрист-Правоведъ. 2015. № 2 (69).

6. Варданян А.В. Методологические проблемы классификации исходных следственных ситуаций, типичных для расследования злоупотреблений полномочиями лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях // Юрист-Правоведъ. 2013. № 1(56).

7. Порубов Н.И. Допрос на предварительном следствии // Публичное и частное право. 2010. № 2(6).

8. Варданян А.В. Общие положения допроса свидетелей и потерпевших по делам о злоупотреблениях полномочиями лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях // Общество и право. 2017. № 3(61).

9. Варданян А.В. Формирование перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию при расследовании злоупотреблений полномочиями в коммерческих и иных организациях: гносеологический и криминалистический аспекты // Юрист-Правоведъ. 2013. № 3(58).

10. Пермяков А.Л. Некоторые тактические особенности проведения допроса представителя потерпевшего при расследовании преступлений против собственности предприятий с государственным участием в капитале // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 3(7).

5. Vardanyan A.V. Abuse of managerial authority in a commercial or other organization: the experience of law enforcement practice and some problems of initiating a criminal case and preliminary investigation // Jurist-Pravoved. 2015. № 2(69).

6. Vardanyan A.V. Methodological problems of classification of initial investigative situations typical for the investigation of abuse of authority by persons performing managerial functions in commercial and other organizations // Jurist-Pravoved. 2013. № 1(56).

7. Porubov N.I. Interrogation at the preliminary investigation // Public and private law. 2010. № 2(6).

8. Vardanyan A.V. General provisions of interrogation of witnesses and victims in cases of abuse of authority by persons performing managerial functions in commercial and other organizations // Society and Law. 2017. № 3(61).

9. Vardanyan A.V. Formation of a list of circumstances to be proved in the investigation of abuse of authority in commercial and other organizations: epistemological and criminalistic aspects // Jurist-Pravoved. 2013. № 3(58).

10. Permyakov A.L. Some tactical features of the interrogation of the victim's representative during the investigation of crimes against the property of enterprises with state participation in capital // Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. 2018. № 3(7).

© 2022 г. Бутенко Татьяна Александровна,

преподаватель кафедры уголовного процесса Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат философских наук.
E-mail: t.a.butenko@yandex.ru

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ВЫДЕЛЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

В статье анализируется целесообразность принятия на досудебной стадии решения о выделении уголовных дел в отношении лиц, сотрудничающих со следствием и заключивших об этом соглашение. Автор приводит примеры судебной-следственной практики с точки зрения момента выделения уголовных дел по указанному основанию. Рассмотрены случаи соединения судом уголовных дел, ранее выделенных по рассматриваемому основанию.

Ключевые слова: обвиняемый, досудебное соглашение о сотрудничестве, прокурор, выделение уголовных дел, подозреваемый, следователь, соединение уголовных дел.

Butenko Tatyana Alexandrovna – Lecturer, the Department of Criminal Procedure, the Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Philosophy.

THE EXPEDIENCY OF ALLOCATING CRIMINAL CASES WHEN CONCLUDING A PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT

The article analyzes the expediency of making a decision at the pre-trial stage on the allocation of criminal cases against persons cooperating with the investigation and concluding an agreement on this. The author gives examples of judicial and investigative practice from the point of view of the moment of separation of criminal cases on the specified basis. The cases of joining by the court of criminal cases previously separated on the grounds under consideration are considered.

Keywords: accused, pre-trial agreement on cooperation, prosecutor, division of criminal cases, suspect, investigator, joining of criminal cases.

В первом полугодии 2021 г. на территории нашей страны наблюдается рост числа осужденных лиц, который составил более 46 тыс. (293 тыс. лиц в текущем году против 247 тыс. в первом полугодии 2020 г.). Просматривается и увеличение количества приговоров, вынесенных в порядке требований гл. 40.1 УПК РФ, т. е. в отношении лиц, заключивших досудебное соглашение с надзирающим прокурором и добросовестно выполнивших свои обязательства по нему, что является обязательным условием для рассмотрения дела в особом порядке. Рост составил с 1 160 до 1 413 человек [1].

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве в рамках уголовно-процессуальной деятельности был введен законодательно в России уже более двенадцати лет назад, однако при расследовании уголовных дел, в рамках которых подозреваемый/обвиняемый заключили со стороной обвинения соглашение, остается ряд аспектов, неоднозначно оцениваемых до сих пор при их практической реализации.

К таковому можно отнести отсутствие четкой регламентации определения момента выделения уголовного дела в отдельное производство в отношении сотрудничающего со следствием лица, заключившего об этом соглашение. Неоднозначно оценивается сотрудниками органов предварительного расследования и сама обязательность выделения в отдельное производство уголовных дел в отношении указанной категории лиц.

Дословная трактовка положений ст. 154 УПК РФ [2] не позволяет рассматривать принятие решения о выделении уголовного дела в отношении сотрудничающего лица в качестве обязательного действия следователя. Указанная статья дает лишь такое право должностному лицу ориентироваться на целесообразность выделения в каждом конкретном случае.

При принятии решения следователь должен определить, имеются ли в уголовном деле обстоятельства, не позволяющие дальнейшее расследование в едином уголовном деле. Такими обстоятельствами являются, например,

поступившие угрозы жизни и здоровью лица в связи с заключением им досудебного соглашения о сотрудничестве и дачи обличающих его подельников показаний. Либо еще не поступившие, но, исходя из объективных обстоятельств, вполне прогнозируемые к поступлению и последующей реализации такие угрозы.

Норма права также содержит указание на недопустимость выделения, если это отразится на объективности и всесторонности предварительного расследования и последующего разрешения дела.

Вместе с тем, согласно позиции Пленума ВС РФ, изложенной еще в 2012 г. [3], если следователем уголовное дело не было выделено еще до выполнения требований ст. 215–217 УПК РФ, судам необходимо поступившее дело вернуть прокурору в порядке, установленном ст. 237 УПК РФ.

Данная формулировка не оставила возможности следствию для направления уголовных дел рассматриваемой категории единым уголовным делом. ВС РФ посчитал целесообразным, не ориентируясь на фактическое существование либо отсутствие обстоятельств, свидетельствующих о наличии реальной угрозы для жизни или здоровья обвиняемого или членов его семьи, выделять уголовные дела в отдельное производство в отношении каждого, решившего сотрудничать с органами предварительного расследования и заключившего об этом соглашение.

Как же этот вопрос решается на практике? Понимая, что зачастую большинство следственных и процессуальных действий, необходимых для установления всех обстоятельств совершенного преступления, по «основному» и подлежащим выделению уголовным делам совпадают, нередко следователи выделяют уголовные дела непосредственно перед уведомлением об окончании производства следственных действий, что экономит и время, и трудовые ресурсы сотрудников следствия.

Расследуя уголовное дело в отношении группы лиц, следователь одного из отделов СУ СК РФ по Приморскому краю А., ходатайствуя о продлении срока домашнего ареста одного из обвиняемых в совершении ряда преступлений, с использованием служебного положения указал, что ему необходимо дополнительно допросить потерпевшую ФИО12 и свидетеля ФИО13, истребовать заключения комиссионных медицинских судебно-

ных экспертиз в отношении потерпевших, предъявить ФИО1, ФИО14 и ФИО15 обвинение в окончательной редакции и только после этого решить вопрос о выделении уголовного дела в отношении сотрудничающего со следствием обвиняемого. После этого запланировано ознакомление имеющих на это право участников уголовного судопроизводства с материалами уголовного дела и составление обвинительного заключения [4].

Рассмотрим в качестве примера уголовное дело, расследованное в отношении организованной группы лиц в составе 5 человек, обвиняемых по нескольким эпизодам преступлений.

13.12.2018 прокурором с обвиняемым А. заключено досудебное соглашение о сотрудничестве.

Окончательная формулировка обвинения А. предъявлена лишь 07.06.2019 и в этот же день следователем принято решение о выделении в отношении него уголовного дела в отдельное производство.

Спустя три дня, 10.06.2019, обвиняемый А. и его защитник С.В.А. в порядке ст. 215 УПК РФ были уведомлены об окончании следственных действий и в этот же день ознакомились со всеми материалами выделенного уголовного дела, которое 17.06.2019 было направлено прокурору, утвердившему обвинительное заключение. Уголовное дело поступило с соответствующим представлением о рассмотрении дела в соответствии с гл. 40.1 УПК РФ в Пятигорский городской суд.

Следом в порядке ст. 220 УПК РФ прокурору было направлено «основное» уголовное дело в отношении остальных фигурантов.

26.07.2019 обвинительное заключение по нему было утверждено, и уголовное дело для рассмотрения по существу также направлено в Пятигорский городской суд [5].

Как видим, дело было выделено после проведения всего объема следственных действий по основному уголовному делу, в связи с чем в рамках выделенного дела они не проводились вообще. Такая позиция объясняется в первую очередь тем, что экономится время, трудочасы, т. к. не приходится дублировать проведение одних и тех же следственных и процессуальных действий. Кроме того, зачастую позиция надзирающей прокуратуры свидетельствует о том, что лицу, с которым заключено соглашение, в обязательном порядке должно быть предъявлено обвинение в

окончательной формулировке в рамках расследования «основного» дела, что происходит после сбора всего объема доказательств, т. е. в конце расследования «основного» уголовного дела.

Аналогично поступили органы следствия и в деле по обвинению Ф.

14.03.2018 следователем следственного комитета возбуждено уголовное дело по факту мошеннических действий.

Через месяц на основании ходатайства с Ф. заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. 28.10.2019 ему предъявлено обвинение в окончательной редакции. После чего 30.10.2019 в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве уголовное дело в отношении обвиняемого выделено в отдельное производство, и на следующий день 31.10.2019, Ф. и его защитник, адвокат М., уведомлены об окончании следственных действий [6].

Как видим, в приведенном примере дело также было выделено непосредственно перед началом ознакомления участников уголовного судопроизводства с материалами, после проведения всего комплекса следственных и процессуальных действий.

Анализ судебной практики показал, что при нахождении одновременно «основного» и «выделенного» уголовного дела в суде, судом может быть принято решение об их соединении.

20.05.2019 прокурором в связи с изъятием желанием С.Р. о сотрудничестве обвиняемого заключено соответствующее соглашение. Исходя из правовой позиции Пленума ВС РФ, 15.11.2019 уголовное дело было выделено. В феврале 2020 года надзирающим прокурором уголовное дело в отношении С.Р. было направлено в суд субъекта Федерации. Несмотря на требования ст. 317.6 УПК РФ, судья, сославшись на основания, предусмотренные ст. 239.2 УПК РФ, при этом указав, что они не связаны с нарушением С.Р. соглашения о сотрудничестве, принял решение о соединении в одно производство с уголовным делом в отношении С.К.С. и Ф.В.И., из которого следователем и было выделено дело в отношении С.Р. и, как следствие, рассмотрение данного уголовного дела с соблюдением ординарной процедуры судебного заседания. При постановлении приговора судья Нижегородского областного суда, указав на соблюдение С.Р.Ю. досудебного соглашения, применил положения ст. 64 УК РФ [7].

Приведенный пример показывает, что суд посчитал оптимальным рассмотрение уголовных дел единым процессом, что может свидетельствовать о целесообразности внесения изменений в требования, изложенные Верховным Судом РФ, об обязательности выделения уголовных дел рассматриваемой в статье категории.

Кроме того, изучение практической реализации института досудебного соглашения о сотрудничестве показывает, что зачастую рассмотрение в порядке гл. 40.1 УПК РФ уголовного дела в отношении сотрудничающего со следствием лица, задолго до «основного» уголовного дела, расследование которого было продолжено в отношении остальных, привлекаемых к уголовной ответственности лиц, приводит к различной окончательной квалификации судами одних и тех же преступных деяний при рассмотрении уголовных дел разным порядком проведения заседания. Это часто влечет пересмотр судебного решения, вынесенного в особом порядке.

Не стоит при этом забывать, что приговор суда, вынесенный с соблюдением требований гл. 40.1 УПК РФ в отношении сотрудничающего со следствием лица, не имеет преюдициальной силы. Соответственно, такой приговор не может предрешать виновность лиц, являющихся подсудимыми по «основному» уголовному делу. При обратной последовательности вынесения приговоров – сначала в общем порядке судебного заседания, а затем в особом порядке – давало бы возможность суду при рассмотрении в соответствии с требованиями гл. 40.1 УПК РФ опираться на преюдициальный приговор по «основному» уголовному делу.

Однако такая последовательность тоже имеет ряд недостатков. Как показала практика, большая часть досудебных соглашений заключается по делам, в которых предъявлено обвинение в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, потому как с июля 2020 года в особом порядке, без заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, рассмотрение возможно лишь по делам небольшой и средней тяжести. Изменения были внесены в том числе и для того, чтобы поднять интерес к сотрудничеству с правоохранительными органами.

При расследовании дел по обвинению в совершении тяжких и особо тяжких преступлений мера пресечения обычно варьируется

между заключением под стражу и домашним арестом, в связи с чем не рассматривать уголовное дело в особом порядке, ожидая окончания более длительной процедуры рассмотрения основного уголовного дела в порядке ординарной процедуры не совсем гуманно в отношении лица, добровольно согласившегося на «сделку со следствием», активно оказывающего содействие в раскрытии и расследовании преступлений.

Таким образом, наличие законодательно закрепленных полномочий у следователя принимать решение о целесообразности выделения уголовного дела в отдельное производство в отношении сотрудничающего лица сократило бы количество пересмотренных приговоров по выделенным уголовным делам.

Рассмотрим еще один пример из практики.

По результатам рассмотрения в особом порядке в соответствии с положениями гл. 40.1 УПК РФ 25.03.2015 Ессентукским городским судом Ставропольского края Т.М.Р. был осужден по ч. 2 ст. 210 УК РФ и по ч. 4 ст. 159 УК РФ.

Квалифицируя действия подсудимого по указанным статьям, суд основывался на том, что согласно собранным доказательствам преступное сообщество создал и руководил им П.О.; обвинение по ч. 4 ст. 159 УК РФ, а также участие в преступном сообществе было предъявлено и иным лицам, а именно: С.В.Л., Д.Р.М., Б.В.В., К.Е.В., Н.В.В., Л.С.К., Б.Р.М., М.А.Г., Б.Б.А., Ш. А.Н., Д.Т.Р., в отношении которых в общем порядке было рассмотрено уголовное дело, из которого было ранее выделено уголовное дело в отношении сотрудничающего со следствием Т.М.Р.

При этом тем же Ессентукским городским судом 15.12.2017 в рамках «основного» уголовного дела все подсудимые были оправданы по обеим частям ст. 210 УК РФ в связи с отсутствием в их действиях состава преступления, что было подтверждено апелляционным определением краевого суда.

В связи с изложенным, постановлением кассационной инстанции в открытом заседании было рассмотрено кассационное представление заместителя прокурора Ставропольского края, который указал, что в двух судебных решениях, касающихся одних и тех же фактических обстоятельств, содержатся противоположные выводы относительно создания преступного сообщества П.О. и участия в нем других осужденных,

в том числе и Т.М.Р., в связи с чем приговор в отношении последнего подлежит изменению и указание об осуждении по ч. 2 ст. 210 УК РФ подлежит исключению как излишне вмененной [8].

В связи с тем, что в отношении сотрудничающего лица был вынесен приговор, не имеющий преюдициальной силы, т. к. рассмотрен в соответствии с положениями гл. 40.1 УПК РФ, то приоритет в вопросе квалификации отдается приговору суда, вынесенному в порядке ординарной процедуры с непосредственным исследованием доказательств.

В рассматриваемом примере на основании ч. 1 ст. 401.5 УПК РФ президиум находит приговор суда первой инстанции подлежащим изменению ввиду нарушения судом требований уголовного и уголовно-процессуального законов, повлиявших на исход дела на основании ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ.

При таких обстоятельствах президиум исключил из приговора осуждение Т.М.Р. квалификацию его деяний по ч. 2 ст. 210 УК РФ, согласившись с позицией прокуратуры об отсутствии у осужденного права на реабилитацию.

Аналогичную ситуацию мы можем наблюдать при вынесении кассационного постановления № 44У-95/2019 4У-204/2019 от 10.04.2019 президиумом Ставропольского краевого суда при пересмотре приговора в отношении осужденного К.А.В.

Из постановления следует, что К.А.В. апелляционным определением судебной коллегии Ставропольского суда, изменившим приговор Промышленного районного суда г. Ставрополя от 11.01.2018 был осужден по ч. 2 ст. 210 и пяти эпизодам ч. 3 ст. 171.2 и одному эпизоду по ч. 1 ст. 171.2 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний, с учетом заключения им и в последующем выполнении условий досудебного соглашения о сотрудничестве, к лишению свободы на срок 3 года с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

Основанием для пересмотра приговора послужила кассационная жалоба адвоката М.Д.А., согласно которой в отношении его подзащитного К.А.В. был постановлен приговор 11.01.2018, тогда как дело в отношении его соучастников было рассмотрено позднее в общем порядке с изучением всех доказательств,

и приговор по ним вступил в законную силу лишь 29.11.2018.

В ходе судебного разбирательства по «основному» уголовному делу, рассмотренному в порядке ординарной процедуры, факт создания преступного сообщества и участие в нем не нашел своего подтверждения, в связи с чем в части совершения преступлений, предусмотренных ч.ч. 1 и 2 ст. 210 УК РФ все подсудимые были оправданы.

В связи с изложенным, адвокат в кассационной жалобе просил пересмотреть в отношении его доверителя как приговор суда первой инстанции, так и апелляционное определение.

Жалоба была удовлетворена, приговор суда первой инстанции и апелляционное определение были изменены с исключением из осуждения К.А.В. ч. 2 ст. 210 УК РФ [9].

Как видим, в обоих случаях пересмотр осуществлялся в кассационном порядке, хотя четкая регламентация такого пересмотра действующим уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрена. Согласно положениям гл. 40.1 УПК РФ, пересмотр вступившего в законную силу приговора в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, возможен при

установлении фактов умышленного сообщения ложных сведений и (или) умолчания о важных обстоятельствах, имеющих значение для дела. При этом указано, что пересмотр осуществляется в порядке главы XV, регламентирующей не только кассационное, но и надзорное производство, а также пересмотр ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Исходя из требований ст. 401.15 и 412.9 УПК РФ, пересмотр в кассационном и надзорном производствах возможен лишь при наличии существенных нарушений уголовного и уголовно-процессуального закона, повлиявших на исход дела, тогда как в рассмотренных нами примерах, несмотря на ссылку именно на указанные нормы уголовно-процессуального закона, оправдание соучастников в части квалификации их действий по ст. 210 УК РФ не является существенным нарушением при рассмотрении в особом порядке приговора по выделенному уголовному делу.

Таким образом, целесообразнее позволить следователю в каждом конкретном уголовном деле, исходя из установленных обстоятельств, принимать решение о необходимости выделения уголовного дела в отношении соучастника лица.

Литература

1. Статистические данные // Официальный интернет-портал Судебного департамента при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 12.01.2022).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с изм. и доп.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Апелляционное постановление № 22-2166/2020 22К-2166/2020 от 17 июня 2020 г. по делу № 3/12-28/20 // Официальный интернет-портал Судебного департамента РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 02.01.2022).
5. Копии материалов уголовного дела № 11801070035290518 // Архив СЧ ГСУ ГУ

Bibliography

1. Statistical data // Official Internet portal of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (date of access: 12.01.2022).
2. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation dated December 18, 2001 № 174-FL (as amended and supplemented). Access from reference legal system «ConsultantPlus».
3. On the practice of applying by courts of a special procedure for the trial of criminal cases when concluding a pre-trial agreement on cooperation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2012 № 16. Access from the reference legal system «ConsultantPlus».
4. Appeal Resolution № 22-2166/2020 22K-2166/2020 dated June 17, 2020 in case № 3/12-28/20 // Official Internet portal of the Judicial Department of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru/> (date of access: 02.01.2022).
5. Copies of the materials of the criminal case № 11801070035290518 // Archive of the SCH

МВД России по Ставропольскому краю, материалы контрольно-накопительного дела.

6. Апелляционное постановление № 22К-1957/2020 от 23 июля 2020 г. по делу № 3/14-11/2020 // Официальный интернет-портал Судебного департамента РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 22.01.2022).

7. Приговор № 2-16/2020 от 4 июня 2020 г. по делу № 2-16/2020 // Официальный интернет-портал Судебного департамента РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.01.2022).

8. О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 (с изм. и доп.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Постановление № 44У-95/2019 4У-204/2019 от 10 апреля 2019 г. по делу № 1-77/18 // Официальный интернет-портал Судебного департамента РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 27.12.2021).

GSU of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Stavropol Territory, materials of the control and accumulation case.

6. Appeal Resolution № 22K-1957/2020 dated July 23, 2020 in case № 3/14-11/2020 // Official Internet portal of the Judicial Department of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru/> (date of access: 22.01.2022).

7. Sentence № 2-16/2020 dated June 4, 2020 in case № 2-16/2020 // Official Internet portal of the Judicial Department of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru/> (date of access: 01.01.2022).

8. On the practice of considering complaints by courts in accordance with Article 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 10, 2009 № 1 (as amended and supplemented). Access from reference legal system «ConsultantPlus».

9. Decree № 44U-95/2019 4U-204/2019 dated April 10, 2019 in case № 1-77/18 // Official Internet portal of the Judicial Department of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru/> (date of access: 27.12.2021).

© 2022 г. Верещагина Алла Васильевна,

заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: vereschagina_alla@mail.ru

ДОКАЗЫВАНИЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О НЕУВАЖЕНИИ К СУДУ (СТ. 297 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Анализируется состав преступления, который предопределяет параметры и алгоритм доказывания по конкретному уголовному делу. Представлены результаты изучения судебной практики судов Сибирского федерального округа, иллюстрирующие обусловленность доказывания содержанием уголовно-правового запрета, предусмотренного ст. 297 УК РФ. Делается вывод о том, что основными доказательствами, посредством которых устанавливается факт неуважения к суду, являются показания участников процесса, протоколы следственных и судебных действий и иные документы. Очевидность, речевой характер и место совершения преступления, детерминирующие особенности субъектного состава уголовного дела, актуализируют необходимость оптимизации принятия решений по этой категории уголовных дел.

Ключевые слова: неуважение к суду, доказательства, иные документы, оскорбление, лингвистическая экспертиза, допрос специалиста.

Vereshchagina Alla Vasilyevna – Head of the Department of Criminal Law Disciplines, the Vladivostok State University of Economics and Service, PhD in Law, Associate Professor.

PROVING IN CRIMINAL CASES OF CONTEMPT OF COURT (ART. 297 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

The composition of the crime is analyzed, which determines the parameters and the algorithm of proof in a specific criminal case. The results of studying the judicial practice of the courts of the Siberian Federal District are presented, illustrating the conditionality of proof by the content of the criminal law prohibition provided for in Article 297 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is concluded that the main evidence by which the fact of contempt of court is established is the testimony of participants in the process, protocols of investigative and judicial actions and other documents. The obvious crime, the verbal nature and the place of the crime determining the features of the criminal case, actualize the need to optimize decision-making in this category of criminal cases.

Keywords: contempt of court, evidence, other documents, insult, linguistic expertise, interrogation of a specialist.

Вопросы соотношения состава преступления и предмета доказывания достаточно активно исследовались и исследуются российскими учеными [1; 2], отмечающими взаимную связь феноменов, определяющими их соотношение и т. п. [3; 4]. Реже встречаются публикации, в которых состав преступления и предмет доказывания изучаются через призму судебной практики [5; 6].

В статье предпринята попытка проиллюстрировать обусловленность доказывания составом преступления по конкретной категории дел – неуважение к суду (ст. 297 УК РФ) [7].

Преступления, предусмотренные ст. 297 УК РФ, имеют следующие основные особенности: 1) совершаются в условиях очевидности; 2) все участники в момент совершения преступления имели какие-либо процессуальные

статусы; 3) место совершения преступления – помещение суда; 4) вербальный способ совершения преступления, хотя изредка оскорбление наносится иным способом [8]. Отмеченные специфические черты обуславливают алгоритм и набор средств доказывания.

Эмпирической основой исследования являются 70 решений судов Сибирского федерального округа, отобранных методом основного массива по критерию доступности.

В рассматриваемой категории уголовных дел используются все виды доказательств, предусмотренные законом. Однако их соотношение и структура специфичны. Наибольший удельный вес составляют в порядке убывания показания участников процесса (подсудимых, потерпевших и свидетелей) – 40,66 %; иные документы – 27,8 %; протоколы следственных

Уголовно-процессуальное право и уголовный процесс

действий – 19,08 %; заключения экспертов и специалистов – 12,44 % (диаграмма № 1).

Такое распределение доказательств по видам детерминировано отмеченными выше особенностями объективной стороны преступления. Место, очевидность совершения и вербальный характер преступления не требуют проведения большинства следственных действий. Основным способом получения информации являются допросы обвиняемого (подсудимого), потерпевшего, свидетелей. Объект преступления – общественные отношения, обеспечивающие и поддерживающие авторитет судебной власти, честь и достоин-

ство судьи и других участвующих в процессе лиц – коррелирует достаточно высокий удельный вес иных документов, которыми устанавливаются факты оскорбления судьи или неуважительного отношения к суду (рапорты должностных лиц, фиксирующие противоправное деяние, и документы, подтверждающие должностной и процессуальный статус потерпевшего).

Детализация распределения доказательств в выделенных группах (диаграмма № 1) подтверждает сформулированный выше тезис о детерминированности средств доказывания составом преступления (диаграмма № 2).

Диаграмма № 1. Виды доказательств

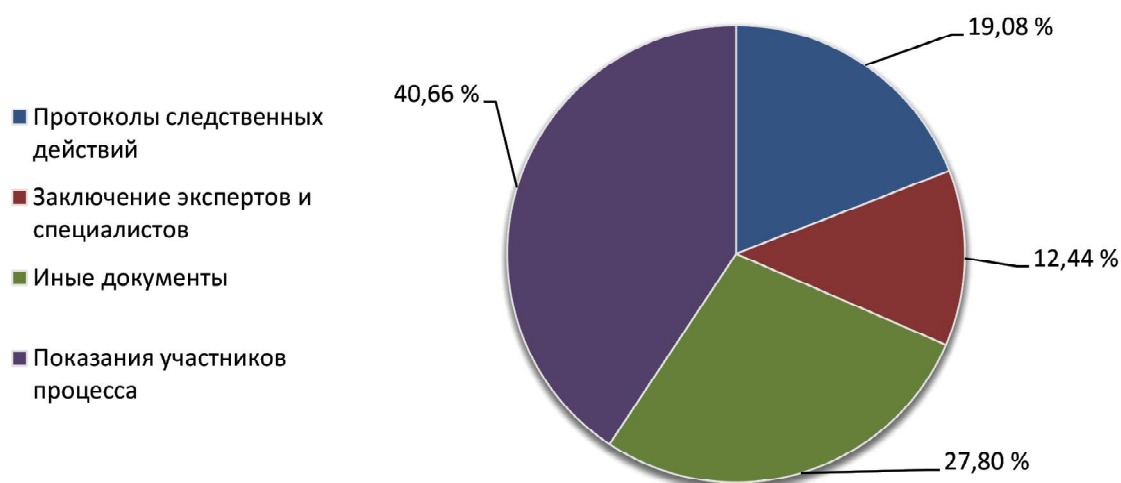
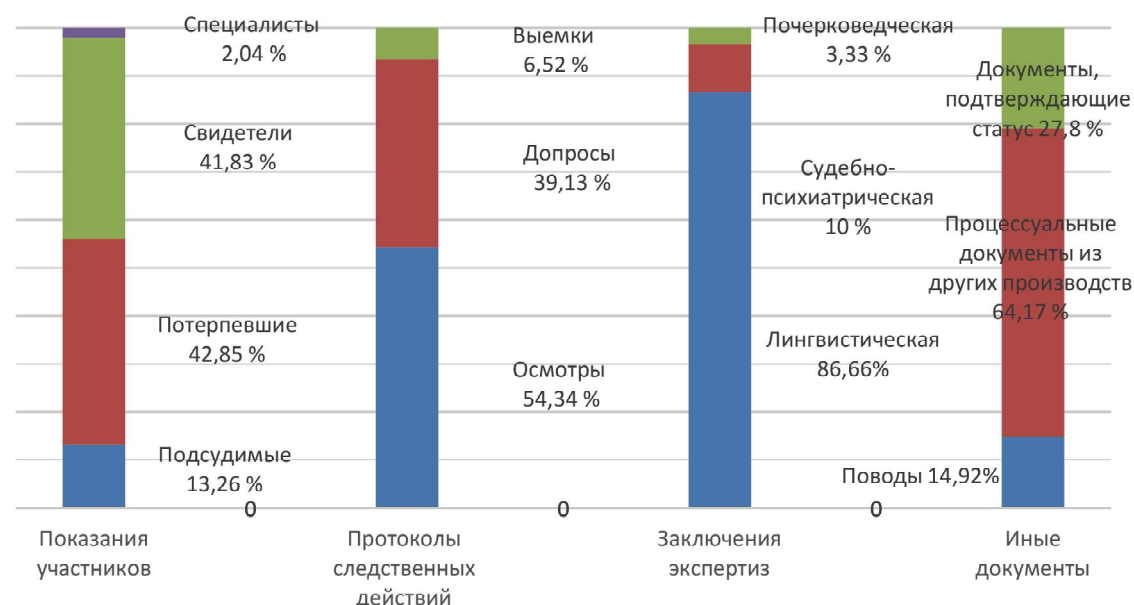

Диаграмма № 2. Структурирование видов доказательств

I. Показания участников процесса. Наибольший удельный вес занимают показания потерпевших – 42,85 %, далее в порядке убывания: свидетелей – 41,83 %, подсудимых – 13,26 %, специалистов – 2,04 %. Такое соотношение показаний между участниками процесса объясняется следующим образом. 1. Все, привлекаемые к уголовной ответственности по ст. 297 УК РФ, в момент совершения преступления являлись участниками какого-либо судопроизводства (в 89,28 % случаев – уголовного) и имели по ним в основном статус подсудимого (93,54 %). 2. Подсудимые преимущественно не признают себя виновными (58,33 %), ссылаясь на отсутствие умысла, т. к., высказываясь нецензурно, они использовали обычную для себя лексику и не хотели никого оскорблять, их «захлестнули» эмоции, они находились в сильном душевном волнении, психологическом напряжении, на грани нервного срыва, высказывания не носили адресного характера и т. п. [9; 10; 11]. 3. Потерпевшие и свидетели по делам этой категории обладают должностным и процессуальным статусом. В подавляющем большинстве потерпевшими являются профессиональные участники процесса – 81,06 %, из них наибольший удельный вес составляют судьи – 52,7 %. В качестве свидетелей выступают находящиеся в суде по долгу службы конвоиры, судебные приставы, государственные обвинители, секретари судебных заседаний и т. п. Например, по делу К.-Х. В. Оюна в качестве свидетелей допросили судебного пристава, конвоиров, переводчика [12]; по делу В.Л. Тырышкина свидетели – это государственный обвинитель, секретарь судебного заседания [13].

Отмеченные особенности субъектного состава влекут непоследовательность показаний подсудимых, обусловленную тактикой защиты, формируемой с учетом имеющегося опыта привлечения к уголовной ответственности и отражающей присущие для таких лиц асоциальные установки и последовательность показаний потерпевших и свидетелей. Трудно представить ситуацию, когда допрошенные в досудебном производстве судья, государственный обвинитель, следователь, судебный пристав и др. изменят свои показания. Служебная занятость этих лиц не всегда позволяет участвовать в судебном разбирательстве, что восполняется оглашением протоколов следственных действий и исследовани-

ем иных документов. Подобная асимметрия в пользу производных доказательств не соответствует непосредственности судебного разбирательства – основе формирования внутреннего убеждения судьи. Содержащаяся в протоколах следственных действий информация – это результат осмысления лицом, производящим предварительное расследование, увиденного и услышанного более или менее адекватно отраженного в процессуальных документах.

II. Система протоколов следственных действий подтверждает сформулированный выше тезис об обусловленности алгоритма доказывания уголовно-правовым запретом и, как результат, «однообразии» производимых следственных действий. В процессе доказывания наиболее часты осмотры – 54,34 %, из них 17,39 % – места происшествия, 36,95 % – вещественных доказательств и документов.

Можно констатировать некоторую избыточность доказывания, проявляющуюся в производстве осмотров места происшествия и копий и выписок из протоколов судебного заседания, уголовных дел и т. п. [14]. Во-первых, вербальное преступление, коим является неуважение к суду, не может оставить каких-либо следов на месте преступления (ст. 176 УПК РФ). Для установления «других обстоятельств» (еще одна цель производства осмотра места происшествия) уместнее проводить не осмотр, а другое процессуальное действие – следственный эксперимент. Во-вторых, спорно отнесение протоколов судебных заседаний или их копий или выписок из них, уголовных дел и т. п. к вещественным доказательствам (ч.1 ст. 81 УПК РФ). Перечисленные выше документы являются иными документами с соответствующим процессуальным режимом [15].

III. Довольно часто, в сравнении с другими видами речевых правонарушений, по делам о неуважении к суду назначаются судебные, обычно лингвистические, экспертизы (12,44 %, см. диаграммы № 1, 2). Интенсивность назначения экспертиз при расследовании и рассмотрении дел по другим речевым правонарушениям значительно ниже. По результатам изучения 40 дел о клевете (ст. 128¹ УК РФ); 132 дел об оскорблении (ст. 5.61 КоАП РФ) [16] и 161 дела о защите чести, достоинства и деловой репутации (ст. 152 ГК РФ) [17] удельный вес заключений экспертиз в системе доказательств

составляет соответственно 0 %, 6 % и 5 % [18, с. 143–146]. По речевым правонарушениям необходимо привлекать к участию в каждом деле экспертов или специалистов. При нанесении оскорбления, унижении чести, достоинства и репутации важны не только использованные лексические единицы, но и контекст их произнесения, что может оценить только носитель специальных знаний. Примером может служить заключение лингвистической экспертизы № 290 от 18.09.2013, в которой дана оценка как высказываний («не все неприличны по форме»), так и обстоятельств их произнесения («в официальной формальной коммуникативной ситуации, в юридической сфере общения ... являются оскорбительными...») [19].

Отсутствие специальных исследований восполняется мнением судьи по поводу оскорбительности (неоскорбительности) суждений. Так, Красноярский краевой суд согласился с позицией суда первой инстанции, отказавшего в назначении судебной лингвистической экспертизы, «в силу очевидности и недвусмысленности характера высказываний» [20]. Такой же довод содержится в решении Алтайского краевого суда: «оскорбительный, неприличный характер высказываний очевиден, в связи с использованием нецензурных выражений, поэтому не требуется привлечения эксперта» [21].

Подобные рассуждения противоречат принципу состязательности и положению о недопустимости совмещения процессуальных статусов судьей, который в приведенных выше извлечениях из решений фактически выступает не только в роли судьи, но и специалиста (ст. 15, п. 2 ч. 1 ст. 61 УПК РФ). Производство судебной экспертизы требует времени, но есть достаточно простой выход из таких ситуаций – привлечение к участию в деле специалистов, в ходе допроса которых можно получить компетентную оценку высказываний в «очевидных» случаях.

IV. Особенности доказывания по делам о неуважении к суду заключаются также в активном использовании иных документов (диаграммы № 1, 2). Массив иных документов можно разделить на три группы: 1) поводы к возбуждению уголовного дела (14,92 %); 2) копии и выписки из процессуальных документов по другим делам, при рассмотрении которых совершены преступления, предусмотренные ст. 297 УК РФ (64,17 %); 3) копии документов, удостоверяющих статус потерпевших (20,89 %).

Три четверти поводов – это рапорты должностных лиц (судебных приставов, представителей гособвинения, командиров конвойных взводов, следователей) об обнаружении признаков преступления, предусмотренного ст. 297 УК РФ.

Вариативен перечень процессуальных документов. Это не только копии и выписки из протоколов судебных заседаний, но и процессуальные решения, при и после оглашения которых прозвучали оскорбления, аудиозаписи судебных заседаний на различных носителях и т. п. Так, в апелляционном постановлении Томского областного суда по делу А.В. Новосельцева в качестве доказательств указаны: 1) выписка из протокола судебного заседания; 2) копия приговора суда; 3) копия постановления суда об отклонении замечаний к протоколу судебного заседания [22].

Не менее разнообразны способы подтверждения должностного и процессуального статусов потерпевших, что необходимо для квалификации деяния по ст. 297 УК РФ: копии удостоверений, указов Президента РФ о назначении на должность судьи, приказов о принятии на службу в прокуратуру и т. д. К примеру, по делу В.Н. Егорова должностной и процессуальный статус потерпевшего – гособвинителя подтвержден выпиской из приказа прокурора области о том, что он состоит в должности заместителя прокурора и поручением прокурора о поддержании государственного обвинения [23].

Таким образом, доказывание по уголовным делам о неуважении к суду (ст. 297 УК РФ) обусловлено составом преступления и конкретными обстоятельствами его совершения. Очевидность, речевой характер и место совершения преступления, очерчивающие субъектный состав (лица, имеющие процессуальный и зачастую служебный статус), упрощают расследование и рассмотрение уголовных дел о неуважении к суду и актуализируют необходимость оптимизации процедуры по этой категории дел. Образчиком такого подхода может служить уголовно-процессуальное законодательство Республики Молдова, оперирующее понятием «явное преступление», т. е. раскрытое в момент совершения или сразу же после совершения (п. 10 ст. 6 УПК Республики Молдова), производство по которому происходит в сжатые сроки в упрощенном порядке (гл. V УПК Республики Молдова) [24].

Литература

Bibliography

1. Гавриленко А.А. Проблемы характеристики содержания предмета доказывания по уголовному делу // Сибирский юридический вестник. 2010. № 2(49).

2. Корнакова С.В., Завгороднева Е.В. Состав преступления и предмет доказывания: к дискуссии о соотношении понятий // Всероссийский криминологический журнал. Т. 15. 2021. № 4.

3. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1.

4. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2008.

5. Иванчин А.В. О взаимосвязи уголовного и уголовно-процессуального права (на примере конструирования состава преступления) // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. 2019. № 18.

6. Муравьев К.В. Оптимизация предмета доказывания в контексте межотраслевых связей уголовного и уголовно-процессуального законодательства // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XXIV Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2019.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2021)) // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Приговор Центрального районного суда г. Красноярска по делу № 1-409/2017 от 16.10.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/468098.html> (дата обращения: 02.01.2022).

9. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Алтай от 16.04.2020 по делу № 1-144/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 02.01.2022).

10. Апелляционное постановление Омского областного суда от 13.03.2017 по делу № 22-885/2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 02.01.2022).

11. Апелляционное постановление Томского областного суда от 28.06.2018 по делу № 22-1025/2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 02.01.2022).

12. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Тыва от 10.11.2016 по делу № 22-1441/2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 02.01.2022).

13. Апелляционное постановление Новосибирского областного суда от 09.03.2016 по

1. Gavrilenko A.A. Problems of characterization of the content of the subject of evidence in a criminal case // Siberian Legal Bulletin. 2010. № 2(49).

2. Kornakova S.V., Zavgorodneva E.V. The composition of the crime and the subject of proof: to the discussion on the correlation of concepts // All-Russian Journal of Criminology. Vol. 15. 2021. № 4.

3. Strogovich M.S. Course of the Soviet criminal process. Moscow, 1968. Vol. 1.

4. Shafer S.A. Evidence and proof in criminal cases: problems of theory and legal regulation. Moscow, 2008.

5. Ivanchin A.V. On the relationship of criminal and criminal procedural law (on the example of constructing the corpus delicti) // Actual problems of theory and history of the legal system of society. 2019. № 18.

6. Muravyev K.V. Optimization of the subject of proof in the context of intersectoral relations of criminal and criminal procedure legislation // The activity of law enforcement agencies in modern conditions: collection of materials of the XXIV International scientific and practical conference. Irkutsk, 2019.

7. The Criminal Code of the Russian Federation dd. 13.06.1996 № 63-FL (ed. of 30.12.2021)) // Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

8. The verdict of the Central District Court of Krasnoyarsk in case № 1-409/2017 dd. 16.10.2017. [Electronic resource] // URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/468098.html> (date of access: 02.01.2022).

9. Appeal decision of the Supreme Court of the Altai Republic dated 16.04.2020 in case № 1-144/2019. [Electronic resource] // URL: <https://sudact.ru> (date of access: 02.01.2022).

10. The appeal decision of the Omsk Regional Court of 13.03.2017 in case № 22-885/2017 [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru> (date of access: 02.01.2022).

11. Appeal the resolution of the Tomsk regional court on 28.06.2018 case № 22-1025/2018 [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru> (date of access: 02.01.2022).

12. Appeal a decision of the Supreme Court of the Republic of Tuva from 10.11.2016 case № 22-1441/2016 [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru> (date of access: 02.01.2022).

13. Appeal decision of the Novosibirsk regional court 09.03.2016 in case № 1641/2016 [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru> (date of access: 02.01.2022).

делу № 1641/2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 02.01.2022).

14. Апелляционные постановления Верховного Суда Республики Тыва от 17.06.2014 по делу № 22-862/2014; по делу № 22-1457/2016 от 10.11.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 02.01.2022).

15. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

16. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022) // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

17. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть I от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

18. Верещагина А.В., Петренко А.С. Судебная лингвистическая экспертиза и некоторые вопросы доказывания по делам о речевых правонарушениях // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. № 4.

19. Апелляционное постановление Красноярского краевого суда от 17.06.2014 по делу №22-3424/2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 02.01.2022).

20. Апелляционное постановление Красноярского краевого суда от 22.05.2018 по делу № 22-3127/2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 02.01.2022).

21. Апелляционное постановление Алтайского краевого суда от 25.11.2016 по делу № 22-5000/2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 02.01.2022).

22. Апелляционное постановление Томского областного суда от 15.01.2015 по делу № 22-40/2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 02.01.2022).

23. Апелляционное постановление Томского областного суда от 15.01.2015 по делу № 22-40/2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 02.01.2022).

24. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14.03.2003 № 122 [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.justice.md/viewdoc.php?id=326970&lang=2> (дата обращения: 14.01.2022).

14. Appeals of the decision of the Supreme Court of the Republic of Tuva from 17.06.2014 in case № 22-862/2014; in case № 22-1457/2016 dated 10.11.2016. [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru> (date of access: 02.01.2022).

15. The code of criminal procedure of the Russian Federation dated 18.12.2001 n 174-FL (as amended on 21.12.2021) // Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

16. The Code of the Russian Federation on Administrative Offences of 30.12.2001 № 195-FL (as amended on 30.12.2021) (with amendments and additions, intro. effective from 10.01.2022) // Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

17. The Civil Code of the Russian Federation. Part I of 30.11.1994 № 51-FL (ed. of 21.12.2021) // Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

18. Vereshchagina A.V., Petrenko A.S. Forensic linguistic expertise and some issues of proof in cases of speech offenses // The territory of new opportunities. Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service. 2016. № 4.

19. Appeal decision of the Krasnoyarsk Regional Court of 17.06.2014 in case № 22-3424/2014. [Electronic resource] // URL: <https://sudact.ru> (date of access: 02.01.2022).

20. Appeal a decision of the Krasnoyarsk regional court dated 22.05.2018 in case № 22-3127/2018 [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru> (date of access: 02.01.2022).

21. Appeal decision of the Altai regional court dated 25.11.2016 case № 22-5000/2016 [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru> (date of access: 02.01.2022).

22. Appeal the resolution of the Tomsk regional court 15.01.2015 in case № 22-40/2015 [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru> (date of access: 02.01.2022).

23. Appeal decision of the Tomsk Regional Court of 15.01.2015 in case № 22-40/2015 [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru> (date of access: 02.01.2022).

24. Criminal Procedure Code of the Republic of Moldova № 122 dated 14.03.2003 [Electronic resource]. URL: <https://lex.justice.md/viewdoc.php?id=326970&lang=2> (date of access: 14.01.2022).

© 2022 г. **Ищенко Дмитрий Петрович,**

доцент кафедры уголовного процесса Ростовского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук.
E-mail: idp161@yandex.ru

Ищенко Галина Константиновна,

доцент кафедры уголовного права и криминалистики Донского государственного технического университета, кандидат юридических наук.
E-mail: ishchenko.galia@yandex.ru

Шараева Яна Анатольевна,

доцент кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.
E-mail: yana-sharaeva@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Авторами рассмотрены проблемы реализации в правоприменительной деятельности такой предупредительной меры, как наложение ареста на имущество. В современных реалиях при активном развитии науки и техники – современных устройств, средств связи и систем – электронных платежей, которые дают возможность подозреваемому и обвиняемому скрыть имущество и денежные средства от ареста, органы следствия не могут оперативно реагировать на незаконные действия.

Ключевые слова: право, закон, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, арест, штраф, взыскание.

Ishchenko Dmitry Petrovich – Associate Professor, the Department of Criminal Procedure, the Rostov Branch of the Saint-Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, PhD in Law.

Ishchenko Galina Konstantinovna – Associate Professor, the Department of Criminal Law and Criminalistics, the Don State Technical University, PhD in Law.

Sharaeva Yana Anatolievna – Associate Professor, the Department of Criminal Procedure, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

ACTUAL ISSUES OF SEIZURE OF PROPERTY IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The authors analyze the problems of implementing such preventive measure as the seizure of property. In modern realities, with the active development of science and technology – modern devices, means of communication and electronic payment systems which enable the suspect and the accused to hide property and funds from arrest, the investigative authorities cannot respond to illegal actions promptly.

Keywords: law, victim, suspect, accused, arrest, fine, penalty.

Наложение ареста на имущество – необходимая предупредительная мера по сокрытию имущества, которое на законных правах должно быть изъято у конкретного лица для обеспечения имущественных взысканий. Данный правовой институт регламентирован процессуальным законом как обязательная мера обеспечения имущественных вопросов приговора суда как для обеспечения гражданского иска, так и взыскания процессуальных издержек уголовного преследования и судопроизводства.

В ходе предварительного следствия необходимо принимать меры для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имуществен-

ных взысканий или возможной конфискации имущества.

Статьей 35 Конституции Российской Федерации закреплено право на частную собственность и недопустимость изъятия данного имущества, кроме как на основании судебного решения. В тоже время конституционные положения обеспечивают право потерпевших от преступления на компенсацию причиненного ущерба [1]. Работа в данном направлении является одним из приоритетных направлений деятельности следственных органов Российской Федерации. Во время обращения в правоохранительные органы потерпевшие надеются на помощь в защите

нарушенных прав, в том числе компенсацию, соразмерную вреду, причиненному преступлением, что требует от органов предварительного расследования уже на первоначальном этапе расследования принять все необходимые и соразмерные меры, направленные на наложение ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого.

В действительности реализация полномочий по наложению ареста может вызывать у следователя ряд процессуальных проблем и зачастую невозможность использования указанной меры процессуального принуждения [2, с. 62–65].

1. Одна из проблем, на которую следует обратить внимание, – это возможность подозреваемого и обвиняемого свободно использовать в полном объеме достижения науки и техники, например, современные устройства, средства связи и системы электронных платежей для сокрытия имущества, подлежащего аресту. Органы следствия не могут оперативно и своевременно реагировать на незаконные действия подозреваемого, обвиняемого из-за недостаточности законодательного урегулирования данной сферы [3, с. 182–186].

Современные информационные технологии позволяют дистанционно распоряжаться денежными средствами, находящимися на счетах в кредитных учреждениях, с помощью мобильных приложений (мобильный банк), которые могут быть установлены на любой современный гаджет не только подозреваемого, обвиняемого, но и находиться в пользовании третьих лиц.

Процессуально закрепленная процедура наложения ареста на счет понятна и продиктована необходимостью защиты прав граждан, поэтому ее соблюдение требует значительного времени. Следователь должен установить, какие счета имеются у подозреваемого и в каких кредитных учреждениях обвиняемого, получить документальное подтверждение из кредитной организации о наличии счета, его реквизитов и размере денежных средств на нем. На практике реализовать указанные положения закона возможно только по истечении значительного срока времени, что обусловлено отсутствием кредитных организаций на территории муниципального образования по месту проведения предварительного расследования, расположения следственного органа, а также длительным рассмотрением запросов следователя – на прак-

тике от суток до 30 суток. Пока следователь предпримет все требуемые меры по наложению ареста на счет, в это время денежные средства могут быть перечислены в адрес третьих лиц и, соответственно, сокрыты от органов следствия.

Федеральное законодательство обязывает следователя установить денежные средства и другое имущество, подготовить ходатайство в суд о наложении ареста на имущество для обеспечения возмещения причиненного вреда и обеспечения гражданского иска [4].

Закон при принятии решения о порядке наложения ареста защищает право собственности, обеспечивая соблюдение требований ст. 35 Конституции Российской Федерации. Однако, учитывая существующие современные реалии и стремительно развивающиеся цифровые технологии, целесообразно рассмотреть вопрос о принятии мер, позволяющих незамедлительно, фактически с момента возбуждения уголовного дела, блокировать возможность снятия, перевода крупной суммы денег.

Считаем, что под крупной суммой денег логично установить размер, превышающий минимальный размер оплаты труда, обеспечивая право на пользование необходимыми для жизни денежными средствами. Без принятия соответствующих законодательных изменений право на возмещение вреда, гарантированное ст. 52 Конституции РФ, затруднительно реализовывать в полной мере.

Для эффективного правоприменения целесообразно законодательно закрепить право следователя направлять запросы и получать ответы в электронном виде и принимать решение о временном ограничении снятия, переводе денежных средств с предъявлением в кредитную организацию соответствующего постановления от имени следователя. Срок действия постановления возможно ограничить на определенное время до получения по указанному вопросу решения суда. Данная мера позволит следственным органам в полной мере реализовать свои права по наложению ареста на имущество и защитить законные права и интересы потерпевшего и государства.

Предложенный выше порядок по аналогии можно сравнить с правом следователя задерживать лицо по подозрению в совершении преступления в порядке, предусмотренном ст. 91 УПК РФ [5]. Известно, что заключение под

стражу в качестве меры пресечения применяется по судебному решению в отношении подозреваемого, но для реализации указанной нормы следователю предоставлена возможность незамедлительно и самостоятельно задержать подозреваемого, проводить необходимые следственные действия, которые позволят принять законное и обоснованное решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. В данном случае речь идет о предоставлении следователю реальной возможности исполнять свои обязанности по соблюдению прав потерпевших.

Без четкого закрепления в законе права следователя принимать меры по наложению ареста на имущество подозреваемого или обвиняемого, находящегося на счетах в кредитных организациях, указанная норма будет оставаться неэффективной, и с каждым годом практика сокрытия таких денежных средств будет приобретать большие масштабы.

Уголовно-процессуальный закон предусматривает право следователя применить к подозреваемому или обвиняемому меру процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество в целях обеспечения уголовного судопроизводства и надлежащего исполнения приговора. Несмотря на нормативную урегулированность данного правового института, все же возникают проблемы при его реализации. Например, при принятии решения о наложении ареста на автомобиль, иную специальную технику, недвижимое имущество следователь может в течение суток получить необходимые сведения и предоставить суду мотивированное и основанное на нормативных требованиях ходатайство с целью наложения ареста. В тоже время при принятии решения о наложении ареста на денежные средства на расчетных счетах на практике органы следствия зачастую сталкиваются с рядом проблем, затрудняющих реализацию указанной нормы.

Важное правоохранительное направление – арест имущества, добытого преступным путем. В некотором смысле такое имущество является прямым доказательством не только совершения преступления, но и вины лица, его совершившего.

Кроме того, обнаружение, наложение ареста, изъятие имущества, добытого преступным путем, способствуют выявлению дополнительных преступлений, в том числе легализации доходов, полученных преступным путем.

Эффективная реализация такого правового инструмента, как наложение ареста, не только блокирует возможность распоряжаться криминогенным имуществом, а также защищает нарушенные права граждан, но и реализует предупреждение совершения преступлений.

Наложение ареста на имущество должно быть эффективной мерой по пресечению вывода незаконного добытого имущества и обеспечения имущественных споров и исполнения приговора суда.

Несомненно, ограничение распоряжения имуществом в виде наложения ареста – необходимая мера в уголовно-процессуальном законодательстве для обеспечения принципа справедливости при распределении материальных ресурсов либо ограничении пользования таковыми.

Арест возможно наложить на имущество только определенных участников уголовного процесса, к которым относятся: подозреваемые, обвиняемые, а также лица, которые несут материальную ответственность. При этом уголовно-процессуальное законодательство также предусматривает возможность ареста имущества, которое перешло во владение и распоряжение других лиц, но принадлежит лицу, в отношении которого ведется уголовное преследование. Однако одной информации, что имущество принадлежит лицу, преследуемому в уголовном порядке, недостаточно, необходимы веские основания.

Как правило, возникают вопросы правомерности ареста имущества в случаях его законного приобретения еще до совершения преступления, также встречаются практические сложности при фактической либо фиктивной передачи в целях сокрытия от ареста, возможного штрафа или конфискации третьим лицам на хранение и пользование. Буквальное толкование ч. 3 ст. 115 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что при перечисленных обстоятельствах имущество арестовать не представляется возможным [5].

Вместе с тем достаточным поводом для наложения ареста может выступать информация о том, что имущество использовалось или используется как орудие либо средство совершения преступления. Однако данная информация должна быть процессуально подтверждена законными доказательствами. При этом следует учитывать, что в рамках уголовного преследования лица, привлекае-

мые к уголовной ответственности, обладают полным набором процессуальных инструментов по защите своих законных прав и интересов.

Наложение ареста на имущество ограничивает право человека на пользование, поэтому процессуальным основанием данного действия является исключительно решение суда, в остальных случаях – считается грубейшим нарушением прав человека и гражданина, следовательно, будет признано незаконным.

На практике наложение ареста на деньги, ценные бумаги, недвижимость и иные ценности имеет свою специфику. Индивидуальный порядок ареста перечисленных выше объектов обусловлен спецификой самих объектов. Прежде всего, их довольно трудно изъять, т. к. ценные бумаги зачастую предназначаются для пользования лицом, которое в них указано. Эти объекты имеют документальное закрепление, что ими владеет, пользуется и распоряжается только одно конкретное лицо, указанное в документах, а процедура их передачи из одних рук в другие сложна как фактически, так и юридически.

К сожалению, в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует регламентация возможности ареста имущества независимо от места его нахождения. Содержание статей процессуального кодекса приводит к весьма условному выводу.

2. Особенности порядка наложения ареста на ценные бумаги (ст. 116 УПК РФ). Ценные бумаги – документы, соответствующие установленным законом требованиям и удостоверяющие обязательственные и иные права, осуществление или передача которых возможны только при предъявлении таких документов (документарные ценные бумаги) (ч. 1 ст. 142 ГК РФ). В соответствии с гражданским законодательством к ценным бумагам относятся: государственная облигация, облигация, вексель, чек, депозитный и сберегательный сертификаты, банковская сберегательная книжка на предъявителя, коносамент, акция, приватизационные ценные бумаги и другие документы, которые законами о ценных бумагах или в установленном ими порядке отнесены к числу ценных бумаг [6].

Как правило, денежные средства в рублях и иностранной валюте, драгоценные металлы и драгоценные камни, ювелирные и другие изделия из золота, серебра, платины и металлов платиновой группы, драгоценных

камней и жемчуга, а также лом и отдельные части таких изделий, обнаруженные при описи имущества, на которое наложен арест, подлежат обязательному изъятию. Передача на хранение реализуется в соответствии с требованиями финансового права. Вещи и иное имущество, подвергающиеся быстрой порче, изымаются и передаются для реализации немедленно.

На судебных стадиях реализация судебного решения о наложении ареста на ценные бумаги должна осуществляться в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 12.08.1998 № 934 «Об утверждении порядка наложения ареста на ценные бумаги» [7, с. 234]. Во время предварительного расследования установленные в нем требования могут применяться аналогично.

Не подлежат аресту ценные бумаги на предъявителя, находящиеся у добросовестного приобретателя (ч. 2 ст. 116 УПК РФ), а арестовываются денежные средства, хранящиеся на депозитных и расчетных счетах.

Финансовая организация обязана исполнять постановления о наложении ареста на ценности, в том числе незамедлительно прекратить расходные операции по счету полностью или частично в пределах арестованных средств. Важно, что арест налагается не на сам банковский счет, а на имеющиеся на нем средства в пределах, установленных в постановлении суда, поэтому это не влечет приостановления приходных и расходных операций по данному счету.

Федеральным законом от 21.07.1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (далее – Закон о регистрации) предусмотрена обязательная государственная регистрация ограничений (обременений) прав на недвижимое имущество [8]. Закон о регистрации относит наличие условий, запрещающих, стесняющих правообладателя при осуществлении права собственности либо иных вещных прав на конкретный объект недвижимого имущества (сервитута, ипотеки, доверительного управления, аренды, ареста имущества и др.). Государственная регистрация производится путем внесения записи о праве в Единый государственный реестр прав (далее – ЕГРП) на недвижимое имущество и сделок с ним на основании представленных документов с соблюдением порядка, установленного Законом о регистрации. Статьей 12 Закона о

регистрации и Правилами ведения ЕГРП предусмотрен порядок внесения в ЕГРП записи об ограничении (обременении), к которым относится арест имущества [9].

Внесение в ЕГРП записи об аресте имущества означает, что права собственника на распоряжение данным имуществом ограничены. В период действия ареста собственник не может отчуждать данное имущество или по-иному распоряжаться им.

Очевидно, что как правоохранительным, судебным, так и законодательным органам необходимо выработать правовой механизм, пресекающий действия сокрытия обвиняемым (подозреваемым) имущества при содействии третьих лиц, и предусмотреть возможность его ареста и изъятия, потому что в современной правоприменительной практике такие случаи достаточно распространены.

У правоохранителей должен быть эффективный инструментарий наложения ареста на имущество без излишних задержек и волокиты. Порядок оперативного принятия решения по «блокированию» имущества – это исключительное право только налоговых органов, реализуемое по результатам налоговой проверки.

Однако для эффективного уголовного преследования по уголовным преступлениям всех видов преступных посягательств аналогичный правовой инструментарий отсутствует. Проведение предварительного следствия растягивается на продолжительный срок. За это время подследственные, опять же не без помощи третьих лиц, скрывают или выводят свои средства или имущество. Установление, подтверждение криминального происхождения имущества, подготовка ходатайства, длительная процессуальная процедура наложения ареста дают возможность преступнику и лицам, оказывающим ему содействие, избежать ареста имущества. Следует отметить, что существуют нечистоплотные юристы, которые оказывают услуги по приданию правомерного вида имуществу, приобретенному преступным путем, перерегистрации и выводу имущества из собственности.

Правоохранительные и судебные органы постоянно работают над повышением результативности наложения ареста на имущество. Сейчас с момента уголовного преследования правонарушители успевают распродать имущество, вывести капиталы и даже обанкротиться. При этом отсутствуют механизмы,

препятствующие выводу либо обременению активов.

3. Другая проблема, возникающая при реализации данной нормы, – это соразмерность арестовываемого имущества. Согласно судебной практике, а именно п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19 «О практике рассмотрения ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан», в случае заявления ходатайства о наложении ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части исполнения наказания в виде штрафа или для обеспечения гражданского иска судам следует учитывать, что стоимость имущества, на которое налагается арест, не должна превышать максимального размера штрафа, установленного санкцией статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, либо должна быть соразмерна причиненному преступлением ущербу. В связи с этим судья вправе принять решение об удовлетворении ходатайства о наложении ареста на соответствующую по стоимости часть имущества [10].

Следователь при расследовании уголовного дела, возбужденного по ч. 1 ст. 318 УК РФ [11], с целью обеспечения приговора суда и обеспечения гражданского иска, установил имущество подозреваемого, на которое возможно наложить арест, – автомобиль стоимостью четыре миллиона рублей. При рассмотрении ходатайства следователя судом отказано в наложении ареста на указанное имущество, мотивируя несоразмерностью суммы имущества, на которое возможно наложить арест и возможной сумме штрафа. Причина в том, что эквивалентная стоимость имущества, на которое правоохранительные органы ходатайствуют о наложении ареста, в разы больше максимального размера штрафа, предусмотренного диспозицией ч. 1 ст. 318 УК РФ, а именно 200 тыс. руб. и сумму гражданского иска в размере 100 тыс. руб.

Указанная проблема известна на федеральном уровне, однако эффективных мер, направленных на изменение ситуации, до настоящего времени не принято.

Согласно п. 4 обзора практики рассмотрения судами ходатайств о наложении ареста на имущество по основаниям, предусмотренным ч. 1 ст. 115 УПК РФ, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации,

«Обобщение судебной практики показало, что суды руководствуются п. 13 постановления Пленума от 01.06.2017 № 19 и признают ходатайства обоснованными лишь в том случае, когда стоимость имущества, указанного в ходатайстве, соразмерна имущественным взысканиям, для обеспечения которых налагается арест. Согласно разъяснениям, в случае заявления ходатайства о наложении ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части наказания в виде штрафа или гражданского иска стоимость имущества, на которое налагается арест, не должна превышать максимального размера штрафа, установленного санкцией статьи Особенной части УК РФ, либо должна быть соразмерна причиненному преступлением ущербу. В связи с этим ходатайство о наложении ареста может быть удовлетворено частично, арест наложен на соответствующую по стоимости часть имущества» [12].

При этом следует учесть, что наложить арест на часть автомобиля невозможно, из-за чего суд лишен возможности удовлетворить частично ходатайство следователя и отказывает в его удовлетворении полностью. В тоже время отсутствие у привлекаемого к уголовной ответственности лица иного имущества, на которое можно наложить арест, приводит к тому, что следственные органы не могут реализовать возможность наложения ареста на имущество по уголовному делу.

Соответственно, указанный подход судебной системы ставит под сомнение принцип неотвратимости наказания. Зачастую еще до вынесения приговора, подозреваемый (обвиняемый) с целью уклонения от уплаты штрафа имеет возможность продать имеющееся у него имущество, а вырученные деньги сокрыть.

Таким образом, перед следователем встает вопрос о целесообразности в будущем ходатайствовать перед судом о наложении ареста в аналогичных ситуациях. С одной сто-

роны, он обязан принять меры по аресту имущества, а с другой – тратит свое рабочее время в ущерб остальным следственным действиям. В данном случае теория на практике не реализуется должным образом.

Указанные пробелы в законодательстве зачастую используются стороной защиты для противодействия следствию. Рассмотренная ситуация создает дисбаланс между законными интересами и правами участников уголовного судопроизводства.

В описанной ситуации суд встает на сторону лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, и защищает его право личной (частной) собственности, при этом не учитывается, что с другой стороны игнорируются права потерпевшей стороны, а также интересы общества и государства.

Несомненно, расширение полномочий определенно несет риск необоснованного нарушения прав и законных интересов законопослушных граждан, что требует тщательного подхода к разработке законодательных инициатив и изменений.

Считаем, что целесообразно на законодательном уровне предусмотреть возможность наложения ареста на имущество, стоимость которого кратно превышает причиненный ущерб, пока подозреваемый или обвиняемый самостоятельно не предложит иное имущество или денежный эквивалент указанной суммы, на которые возможно наложить арест, и после чего следует принять соответствующее судебное решение о снятии ареста.

Возможно, указанная процедура доставит подозреваемому или обвиняемому определенные неудобства, но в данном случае такой порядок учитывает права подозреваемого, обвиняемого и предоставляет возможность самостоятельно принять решение о том, каким имуществом они готовы пожертвовать с целью искупления своей вины за совершенное преступление.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Химичева О.В. Наложение ареста на имущество: баланс частных и публичных интересов // Академическая мысль. 2019. № 4(9).

Bibliography

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

2. Khimicheva O.V. Seizure of property: balance of private and public interests // Academic thought. 2019. № 4(9).

3. Ищенко Д.П., Ищенко Г.К. Проблемные вопросы наложения ареста на имущество в уголовном процессе // Актуальные проблемы предварительного расследования: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. Волгоград, 2021.

4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве: федер. закон от 28.12.2013 № 432-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 08.07.2021). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Валеев Д.Х. Комментарий к Федеральному закону «Об исполнительном производстве» (с постатейными материалами). М., 2014.

8. О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним: федер. закон от 21.07.1997 № 122-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

9. О банках и банковской деятельности: федер. закон от 02.12.1990 № 395-1-ФЗ (ред. от 02.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.09.2021). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

10. О практике рассмотрения ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан: постановление Пленума Верховного суда РФ от 01.06.2017 № 19. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.01.2022). Ст. 1. Ч. 1. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств о наложении ареста на имущество по основаниям, предусмотренным ч. 1 ст. 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.03.2019). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Ishchenko D.P., Ishchenko G.K. Problematic issues of seizure of property in criminal proceedings // Actual problems of preliminary investigation: collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference. Volgograd, 2021.

4. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation to improve the rights of victims in criminal proceedings: fed. law d.d. 28.12.2013 № 432-FL. Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

5. Criminal procedure code of the Russian Federation: fed. law d.d. 18.12.2001 № 174-FL (ed. d.d. 01.07.2021). Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

6. The Civil Code of the Russian Federation (Part one): fed. law d.d. 30.11.1994 № 51-FL (ed. d.d. 28.06.2021, with amendments. from 08.07.2021). Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

7. Valeev D.H. Commentary to the Federal Law «On enforcement proceedings» (with article-by-article materials). Moscow., 2014.

8. On state registration of rights to immovable property and transactions with it: fed. law d.d. 21.07.1997 № 122-FL. Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

9. On Banks and Banking activities: fed. law d.d. 02.12.1990 № 395-1-FL (as amended on 02.07.2021) (with amendments and additions, intro effective from 10.09.2021). Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

10. On the practice of considering petitions for investigative actions related to the restriction of constitutional rights of citizens: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. 01.06.2017 № 19. Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

11. The Criminal Code of the Russian Federation: feder. law d.d. 13.06.1996 № 63-FL (from 28.01.2022). Art. 1. P. 1. Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

12. Review of the practice of consideration by courts of petitions for seizure of property on the grounds provided for in P. 1 of art. 115 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 27.03.2019). Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

© 2022 г. Летелкин Николай Владимирович,

начальник кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России,
кандидат юридических наук.
E-mail: letelkin.nn@mail.ru

Кудряшова Елена Семеновна,

заместитель начальника кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России,
кандидат юридических наук.
E-mail: uvd95@yandex.ru

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕГО ПОРЯДОК ПРОИЗВОДСТВА СОКРАЩЕННОГО ДОЗНАНИЯ

Статья посвящена исследованию путей совершенствования российского уголовно-процессуального законодательства, связанного с применением норм, регламентирующих порядок производства дознания в сокращенной форме.

Ключевые слова: дознание в сокращенной форме, совершенствование законодательства, эффективность досудебного производства.

Letelkin Nikolay Vladimirovich – Head of the Department of Criminal Procedure, the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

Kudryashova Elena Semenovna – Deputy Head of the Department of Criminal Procedure, the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

WAYS TO IMPROVE THE CURRENT DOMESTIC CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION REGULATING PROCEDURE FOR THE PRODUCTION OF AN ABBREVIATED INQUIRY

The article is devoted to the study of ways to improve the Russian criminal procedure legislation related to the application of norms regulating the procedure for conducting an inquiry in an abbreviated form.

Keywords: inquiry in abbreviated form, improvement of legislation, efficiency of pre-trial proceedings.

Ученые-процессуалисты и правоприменители предлагают новые пути совершенствования дознания, в частности, его сокращенной формы. Одни решают кардинальным образом изменить действующее законодательство, другие видят смысл в незначительных преобразованиях законодательных норм, регулирующих правоотношения в сфере уголовного процесса. Рассмотрим некоторые из них.

Б.Я. Гаврилов предложил свое видение построения схемы сокращенного дознания:

1) форма расследования должна зависеть только от тяжести совершенного противоправного деяния;

2) должностное лицо органа предварительного расследования принимает решение о производстве сокращенного дознания, руководствуясь нормами уголовно-процессуального законодательства, при этом мнение подозреваемого не учитывается;

3) имеющееся право потерпевшего возражать против сокращенного дознания, установленное п. 6 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ, должно применяться только по уголовным делам частного и частно-публичного обвинения [1];

4) общий срок производства дознания в сокращенной форме не должен превышать 30 суток [2, с. 27].

В зависимости от указанных обстоятельств Б.Я. Гаврилов предложил конкретные процессуальные составляющие сокращенного дознания и судебного разбирательства, среди которых выделил основные:

– возвращение в уголовное законодательство норм, характеризующих уголовный проступок, на базе которых предусматривается увеличение ряда преступных деяний, подследственных органам дознания;

– значительное преобразование формы расследования преступлений рассматриваемой категории. По мнению Б.Я. Гаврилова,

требуется переход на протокольную форму расследования преступлений, что благоприятно скажется на результативности деятельности органов предварительного расследования;

- производство по уголовному делу с применением протокольной формы допускается по преступлениям небольшой и средней тяжести, подследственных и органам дознания, и органам предварительного следствия (в частности, в случае факта хищения с причинением незначительного ущерба, но имеющего квалифицирующие признаки);

- при осуществлении протокольной формы предусматривается запрет на производство иных следственных действий, кроме нижеперечисленных: осмотр, допрос потерпевшего, свидетеля и подозреваемого, изъятие предметов (документов), производство экспертизы;

- к протоколу должна прилагаться справка с данными, характеризующими личность подозреваемого в совершении преступления, а также список лиц для вызова в судебное заседание и др.;

- предполагаемый срок для производства по уголовному делу должен составлять не более 2 суток, что обуславливается очевидностью факта преступного деяния, наличием данных о лице, его совершившем, а также простотой в доказывании. Эти моменты подтверждают необходимость отнесения некоторых составов преступлений к категории уголовных проступков;

- в целях обеспечения быстроты и эффективности расследования и дальнейшего рассмотрения уголовного дела в суде лица, совершившие преступления, в обязательном порядке должны задерживаться по правилам, установленным нормами ст. 91, 92 УПК РФ, на срок не более 48 часов, что, без сомнения, позитивно отразится на снижении количества лиц, объявленных в розыск;

- при поступлении уголовного дела от прокурора в суд судья без промедления назначает судебное заседание, вместе с тем разрешает вопрос о продлении срока задержания еще на 72 часа, одновременно с этим рассматривает уголовное дело;

- возможность осуществления расследования предоставляется не только дознавателям, но и иным должностным лицам органа дознания, в частности участковым уполномоченным полиции [3, с. 13–15].

Таким образом, по мнению Б.Я. Гаврилова, предложенный им вариант расследования уголовных дел в сокращенной форме и последующего судебного разбирательства может быть реализован по 150–200 тыс. преступлений.

М.М. Сеидов считает целесообразным поддержать разработанный по инициативе МВД России законопроект «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части введения особого порядка досудебного производства)», который может составить достойную альтернативу существующей сокращенной форме дознания [4, с. 210].

Е.В. Горкина и И.В. Казначей предлагают исключить гл. 32.1 УПК РФ как неэффективную модель досудебного уголовного судопроизводства, вернуться к протокольной форме досудебной подготовки материалов, содержащей необходимые элементы [5, с. 517]:

- расследование уголовных проступков (преступлений небольшой тяжести, за совершение которых не предусмотрено наказание в виде лишения свободы);

- начало производства должно считаться с момента регистрации сообщения в органе внутренних дел и продолжаться не более 10 суток;

- лицо, совершившее преступление, должно признавать свою причастность к нему, характер и размер вреда, правовую оценку своих действий, при этом участие защитника обязательно;

- необходимость в согласии потерпевшего отпадает;

- отсутствие как мер пресечения, так и иных мер принуждения, причем предоставляется возможность применения обязательства о явке, в обратном случае должно производиться дознание в общем порядке;

- сбор доказательственной информации осуществляется посредством производства незначительного количества процессуальных действий, таких как: получения объяснений, изъятия предметов и документов, осмотра места происшествия и ряда других;

- окончание расследования заключается в том, что составляется протокол, который подлежит утверждению начальником органа дознания и прокурором, после этого он направляется в суд вместе с сопутствующими документами;

- уголовное дело возбуждается судом и рассматривается в особом порядке.

Ряд процедурных моментов является спорным. Так, посягательства, относящиеся к преступлениям небольшой тяжести (уголовные проступки), невозможно правильно квалифицировать без производства экспертиз (ст. 115, 116.1, 207 УК РФ и т. д.). Доля таких преступлений от общего количества деяний, расследуемых дознавателями, крайне мала, что ставит под сомнение эффективность применения протокольной формы, предложенной авторами.

С.И. Гирько сделал вывод о том, что правовая регламентация дознания в сокращенной форме в целом соответствует стоящим перед ней задачам и отражает международные стандарты аналогичных производств [6, с. 63]. Для увеличения количества уголовных дел, расследуемых в сокращенном и рассмотренных в особом порядке, необходимо выработать ориентир – «пропускную способность» судов. Он предлагает детально проработать вопрос, связанный с предельными возможностями судов рассматривать дела, оконченные в сокращенной форме, «без ущерба для работы по делам других категорий». В свою очередь, рекомендует установить конкретные нормативы регионального либо усредненно-го характера [7, с. 71].

Т.С. Дворянкина, как и многие процессуалисты, считает, что правила гл. 32.1 УПК РФ «не способны сокращать и ускорять дознание» по всем уголовным делам, которые подследственны органам дознания, не могут исключить нерациональное расходование сил и средств органов, осуществляющих досудебное производство, а напротив, могут повлечь за собой прекращение сокращенного производства и проведение дознания в общем порядке. Из-за неопределенности и противоречивости некоторых положений рассматриваемой главы реализация предусмотренных законом правил усложнена. Т.С. Дворянкина предлагает законодательно закрепить процессуальную самостоятельность дознавателя, выражающуюся в необходимости исключения нормы, устанавливающей принятие решения о производстве дознания в сокращенном формате в зависимости от волеизъявления заинтересованного участника. Свою позицию этот автор объясняет публичным началом уголовного преследования, причем дознаватель в этом случае осуществляет полномочия органа дознания [8, с. 165].

Высказываются мнения относительно некоторых изменений в нормах уголовно-про-

цессуального законодательства, характеризующих сокращенное дознание. В целях обеспечения разумного срока уголовного судопроизводства предлагается установить конкретный срок (3 суток со дня возбуждения уголовного дела) для разъяснения дознавателем участникам уголовного процесса их прав (подозреваемому – ходатайствовать о сокращенном дознании, а потерпевшему – возражать о таком производстве) [9, с. 10]. Иными авторами вносятся предложения об исчислении сроков дознания в сокращенной форме с момента возбуждения уголовного дела [10, с. 199].

Кроме того, предлагается нововведение, касающееся прав заинтересованных участников, в заявлении ходатайства о прекращении производства дознания в сокращенной форме и дальнейшем дознании в общем порядке только в ходе досудебного производства, до момента направления уголовного дела прокурору с обвинительным постановлением. Данное предложение, по мнению авторов, даст возможность исключить принятие судьей решения о возвращении уголовного дела для дополнительного расследования по причинам, не зависящим от лица, производившего дознание [10, с. 200].

Некоторые ученые-процессуалисты высказывают мнения относительно расширения полномочий прокурора при осуществлении прокурорского надзора за сокращенным дознанием. Так, Ю.С. Митькова предлагает наделить прокурора правом истребовать материалы доследственной проверки, проводимой органом дознания, по его письменному запросу. Кроме того, прокурор должен быть наделен полномочием по внесению требования об устранении нарушений законодательства, допущенных в стадии возбуждения уголовного дела. Наконец, по ее мнению, срок рассмотрения жалобы прокурором, поданной в порядке ст. 124 УПК РФ, касающейся ходатайства подозреваемого о сокращенном дознании и о ходе расследования уголовного дела в данной форме, должен составлять не более 2 суток [11, с. 58].

Необходимо отметить, что такие незначительные преобразования не смогут в целом существенно повысить эффективность применяемой сокращенной формы дознания.

Вместе с тем можно и дальше развивать суждения ряда исследователей относительно внедрения информационных технологий в сферу уголовного судопроизводства [9, с. 13].

М.П. Перякина и С.В. Унжакова считают возможным эффективно использовать тактические приемы допроса участников уголовного процесса при производстве дознания в сокращенной форме (умение дознавателя грамотно и оперативно проанализировать исходную ситуацию, наметить план допроса; уделять внимание доказыванию вины и закреплению этого обстоятельства; полно и детально выяснять все данные, связанные с обстоятельствами совершенного преступления; убедиться в достоверности полученных показаний, исключить случаи самооговора; отслеживать в ходе допроса наличие противоречий в показаниях и т. п.) [12, с. 86].

В целях совершенствования этой формы расследования некоторые авторы рекомендуют внести изменения в УПК РФ, касающиеся добавления такого условия проведения сокращенного дознания, как императивное выяснение позиции потерпевшего при рассмотрении ходатайства подозреваемого о производстве дознания в сокращенном порядке [13, с. 21]. Встречаются и противоположные мнения, обосновывающие неоправданность этого изменения. Согласимся с мнением К.Ю. Хатмуллина о том, что производство сокращенного дознания нецелесообразно ставить в зависимость от волеизъявления потерпевшего, однако должны быть четко определены категории преступлений с учетом тяжести противоправного деяния и обстоятельств его совершения, по которым допустимо проведение дознания такого вида [14, с. 167].

Многие ученые-процессуалисты убедительно рассуждают о нецелесообразности принятия решения (о начале сокращенного дознания, ходе производства и его прекращении – переходе одной формы дознания в другую) должностными лицами, реализующими эту форму предварительного расследования, обусловив это зависимостью от желания подозреваемого [15, с. 56]. Обобщение мнений хорошо прослеживается в высказывании С.И. Гирько об ошибке, заключающейся в переложении принятия решения (фактически, а не номинально) на подозреваемого вместо дознавателя, прокурора и суда на основании конкретной следственной ситуации, тяжести и обстоятельств совершенного противоправного деяния наряду со специальными условиями, предусмотренными законом, необходимыми для применения упрощенных процедур [16, с. 27].

Один из вариантов решения проблемы по устранению недостатка, связанного с нераспространенным применением этого уголовно-процессуального института, по мнению В.М. Герасенкова, состоит в том, что производство в сокращенном порядке станет возможным при возбуждении уголовного дела не только в отношении установленного лица, но и в условиях неочевидности, иными словами, при принятии решения о возбуждении уголовного дела по признакам преступлений, предусмотренных п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ [15, с. 58].

Среди процессуалистов встречаются мнения относительно дополнения перечня обстоятельств, препятствующих производству сокращенного дознания, например, в случае появления оснований для приостановления производства по уголовному делу, либо истечения срока такой формы предварительного расследования, либо наличия оснований полагать самооговор подозреваемого и т. д. [17, с. 144]. Кроме того, предлагается внести изменения о необходимости возмещения подозреваемым вреда, причиненного преступлением, и примирения с потерпевшим как условия удовлетворения ходатайства о производстве дознания в такой форме [13, с. 26].

Считаем возможным подчеркнуть, что аккумулятивное и конструирующее все новых и новых условий для производства рассматриваемого нами вида дознания не только не сократит сроки и расходование сил и средств процессуальной деятельности дознавателя, но и снизит ее результативность и эффективность.

В то же время следует согласиться с мнением И.Г. Хисматуллина о том, что дознания в сокращенной форме в настоящее время нет, а существует только смешанная форма дознания.

Несмотря на многополярность мнений относительно возможных моделей технико-юридического конструирования рассматриваемого института, вывод ученых и правоприменителей однозначен: порядок регламентации производства дознания в сокращенной форме нуждается в совершенствовании.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что недостаточная эффективность реализации института сокращенного дознания связана с выявленными проблемами действующего законодательства. Негативное влияние этих недостатков в совокупности обуславливает тот факт, что к настоящему времени сокращенная форма дознания так и не стала

реальной альтернативой общему порядку расследования.

Основная задача введения в отечественное уголовно-процессуальное законодательство сокращенной формы дознания заключалась в том, чтобы избавить правоприменителя от проведения избыточных процедур в случае, если возбуждение и расследование нетяжких преступлений происходит в условиях очевидности. Вместе с тем анализ практики применения сокращенной формы дознания позволяет утверждать, что реальной экономии сил и средств, затрачиваемых органами внутренних дел Российской Федерации на досудебное производство по уголовным делам, не произошло. Это подтверждается следующими теоретико-прикладными аргументами:

– во-первых, расследование в сокращенной форме дознания не получило широкого распространения в правоприменительной практике;

– во-вторых, сокращение объемов процессуальных действий, как это планировалось, не произошло;

– в-третьих, реального сокращения процессуальных сроков расследования не наблюдается.

Сложившаяся ситуация может быть изменена путем совершенствования норм действующего уголовно-процессуального закона, позволяющего в полной мере реализовать идею законодателя по оптимизации и упрощению сокращенного дознания.

Литература

1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons-_doc_LAW_34481/910f61289143006eaab6bc2937e40c646e1352c5/ (дата обращения: 17.06.2021).

2. Гаврилов Б.Я. Сокращенное досудебное производство: современное состояние и пути совершенствования // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3.

3. Гаврилов Б.Я. Протокольная форма досудебного производства – генезис, современное состояние, перспективы развития // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5.

4. Сеидов М.М. Правовое обеспечение основных направлений уголовно-процессуальной деятельности органов дознания Министерства внутренних дел Российской Федерации на современном этапе: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2018.

5. Горкина Е.В., Казначей И.В. Современное состояние и перспективы дифференциации форм досудебного производства // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9. № 4.

6. Гирько С.И. Дознание в сокращенной форме: перспективы и пути расширения применения // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 3(71).

7. Гирько С.И. Унифицированное досудебное производство в России – дознание в сокращенной форме: научный и практический аспекты // Научный портал МВД России. 2019. № 2.

8. Дворянкина Т.С. Сокращает ли расследование сокращенное дознание? // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 8(57).

Bibliography

1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons-_doc_LAW_34481/910f61289143006eaab6bc2937e40c646e1352c5/ (date of access: 17.06.2021).

2. Gavrilov B.Y. Reduced pre-trial proceedings: current state and ways of improvement // Bulletin of the Moscow University of the Russian Interior Ministry. 2020. № 3.

3. Gavrilov B.Y. Protocol form of pre-trial proceedings – genesis, current state, prospects for development // Bulletin of economic security. 2016. № 5.

4. Seidov M.M. Legal support of the main directions of criminal-procedural activity of inquiry bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation at the present stage: diss. ... Cand. of Law. Volgograd, 2018.

5. Gorkina E.V., Kaznachey I.V. Modern state and prospects of differentiation of forms of pre-trial proceedings // Bulletin of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. Vol. 9. № 4.

6. Girko S.I. Inquest in the reduced form: prospects and ways of expanding the application // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2019. № 3(71).

7. Girko S.I. Unified pre-trial proceedings in Russia – inquest in the reduced form: scientific and practical aspects // Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 2.

8. Dvoryankina T.S. Does reduced inquest reduce investigation? // Actual problems of Russian law. 2015. № 8(57).

9. Abramov V.A. Problems of legal regulation of the reduced form of inquiry // Bulletin of the East Si-

9. Абрамов В.А. Проблемные аспекты правового регулирования сокращенной формы дознания // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2018. № 1(84).

10. Ушаков О.М., Фоменко А.К. Правовые вопросы дознания в сокращенной форме // Научный журнал «Эпомен». 2019. № 29.

11. Митькова Ю.С. Следует ли расширить процессуальные полномочия прокурора при производстве дознания в сокращенной форме (постановка проблемы) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 4(71).

12. Перякина М.П., Унжакова С.В. Показания как источник доказательств при производстве дознания в сокращенной форме // Сибирский юридический вестник. 2019. № 1(84).

13. Чаплыгина В.Н. Дознание в сокращенной форме: замысел законодателя и практический результат // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2018. Т. 10(3).

14. Хатмуллин К.Ю. Право-временные средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014.

15. Герасенков В.М. Возможные пути совершенствования института дознания в сокращенной форме для повышения эффективности его правоприменения // Вестник образовательного консорциума «Среднерусский университет». 2015. № 6.

16. Гирько С.И. Сбываются ли прогнозы и опасения о перспективах дознания в сокращенной форме? // Российский следователь. 2014. № 5.

17. Хисматуллин И.Г. Производство дознания в сокращенной форме: проблемы теории и практики // Право и государство: теория и практика. 2018. № 8(164).

berian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 1(84).

10. Ushakov O.M., Fomenko A.K. Legal issues of inquiry in the reduced form // Scientific journal «Epomen». 2019. № 29.

11. Mitkova Y.S. Whether it is necessary to expand the procedural powers of the prosecutor during the inquest in a reduced form (statement of the problem) // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 4(71).

12. Periakina M.P., Unzhakova S.V. Testimony as a source of evidence in the investigation in a reduced form // Siberian Law Bulletin. 2019. № 1(84).

13. Chaplygina V.N. Inquiry in reduced form: the legislator's intent and practical result // Actual problems of law and state in the XXI century. 2018. Vol. 10(3).

14. Khatmullin K.Y. Legal-temporal means of ensuring the effectiveness of criminal proceedings: diss. ... Cand. of Law. Chelyabinsk, 2014.

15. Gerasenkov V.M. Possible ways to improve the institute of inquiry in a reduced form to improve the effectiveness of its law enforcement // Bulletin of the educational consortium «Srednerussky University». 2015. № 6.

16. Girko S.I. Are forecasts and fears about the prospects of inquest in the reduced form come true? // Russian investigator. 2014. № 5.

17. Hismatullin I.G. Production of inquiry in the reduced form: problems of theory and practice // Law and state: theory and practice. 2018. № 8(164).

© 2022 г. Черников Сергей Владимирович,

преподаватель кафедры уголовного процесса Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России.
E-mail: Chernikoff85@yandex.ru

ОБ УЧАСТИИ В ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЯХ ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПРОИЗВОДСТВО О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

Рассматриваются законодательные предписания об участии в процессуальных действиях лица, в отношении которого проводится производство о применении принудительных мер медицинского характера, содержащие разные варианты их теоретического понимания и применения. В статье предпринят обзор соответствующих нормативных установок, а также научных воззрений на вопрос о возможности и необходимости участия в тех или иных процессуальных мероприятиях лица, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера. Автор статьи обращает внимание на параметры принятия законного и обоснованного решения о невозможности участия лица в процессуальных действиях, обеспечения правомерной практики, дополнительные гарантии соблюдения прав, свобод, интересов таких участников уголовного процесса.

Ключевые слова: лицо, процессуальные действия, производство о применении принудительных мер медицинского характера.

Chernikov Sergey Vladimirovich – Lecturer, the Department of Criminal Process, the Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

ON PARTICIPATION IN PROCEDURAL ACTIONS OF THE PERSON IN RESPECT OF WHICH PROCEEDINGS ON THE USE OF COERCIVE MEASURES OF A MEDICAL NATURE

Legislative prescriptions on participation in the procedural actions of a person against whom proceedings on the application of compulsory medical measures are being conducted, containing different versions of their theoretical understanding and application, are considered. The article reviews the relevant regulatory guidelines, as well as scientific views on the question of the possibility and necessity of participation in certain procedural measures of a person against whom proceedings are being carried out on the application of compulsory medical measures. The author of the article draws attention to the parameters of making a lawful and justified decision on the impossibility of a person's participation in legal proceedings, ensuring lawful practice, additional guarantees for the observance of the rights, freedoms, interests of such participants in the criminal process.

Keywords: person, procedural actions, proceedings on the application of compulsory medical measures.

В законодательстве Российской Федерации, причем как конституционного, так и отраслевого значения, имеется группа норм, направленных на обеспечение законности, обоснованности, соблюдения прав, свобод и интересов граждан. При этом большинство лиц осуществляют защиту своих свобод, прав и законных интересов лично, например, непосредственно участвуя в проводимых следователем процессуальных действиях и выражая свою волю. Однако в уголовном процессе имеется категория людей, которая не может осознанно участвовать в осуществляемых мероприятиях. Такая ситуация скорее является исключением, но тем не менее должна быть обеспечена специальными гарантиями законности и обоснованности.

Приведем некоторые уточнения применительно к теме статьи. Согласно п. 32 ст. 5 УПК РФ под процессуальным действием понимается следственное, судебное или иное действие, предусмотренное в кодексе. В гл. 51 УПК РФ речь идет о лице, совершившем запрещенное уголовным законом общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, или лице, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение. Тогда в сферу рассуждений можно ввести любое действие, следственное мероприятие, меру принуждения, а равно рассмотреть варианты применительно к разным состояниям лица.

Правовой основой принятия решения о возможности или необходимости участия различных лиц в тех или иных мероприятиях является уголовно-процессуальный закон. При этом имеют значение общие положения названного источника, подлежащие использованию, и особенности, предусмотренные в специальной главе – 51 УПК РФ.

Согласно общим установкам лицо либо подлежит вовлечению для участия в том или ином процессуальном действии, либо может изъявить такое желание. Например, подозреваемый должен быть допрошен (ч. 4 ст. 92 УПК РФ) и приглашен для участия в таком следственном мероприятии. Или же следователь может разрешить подозреваемому участвовать в следственных действиях, производимых по его ходатайству, ходатайству его защитника либо законного представителя (п. 9 ч. 4 ст. 46 УПК РФ).

Особые правила проведения процессуальных действий и принятия решений изложены в ст. 435, 436, 437 УПК РФ. Так, согласно ч. 4 ст. 435 УПК РФ суд принимает решение о временном помещении лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях в его отсутствие, если психическое состояние, подтвержденное такой организацией, не позволяет ему участвовать в судебном заседании. В ст. 436 УПК РФ допускается принятие решения о выделении уголовного дела в отдельное производство в отношении соучастника, совершившего деяние в состоянии невменяемости, или если психическое расстройство наступило после совершения преступления. В ч. 1 ст. 437 УПК РФ говорится о психическом состоянии человека как факторе личного использования своих прав. Если психическое состояние лица, в отношении которого ведется рассматриваемое производство, позволяет, то оно может лично осуществлять свои права, предусмотренные ст. 46, 47 УПК РФ, в том числе посредством участия в процессуальных мероприятиях. Вместе с тем в законе усматривается освобождение правоприменителя от производства ряда действий, например, задержания, заключения под стражу, как актов создания подозреваемого. Такой вывод возможен на фоне отсутствия указания на этого участника в гл. 51 УПК РФ, а равно прогнозируемой невозможности изоляции лица, которая возникает при применении назван-

ных мер принуждения, в силу его психического состояния.

Некоторые из указанных положений закона не имеют четкого предписания, что влечет формирование индивидуальной субъективной позиции отдельного правоприменителя при принятии решения. Например, если речь идет о психическом состоянии лица, совершившего общественно опасное деяние, то необходимо его установить, что является объективным фактором. Если же рассматриваются вопросы об уровне осознанности человека, о его нормальном состоянии, то они разрешаются следователем, что указывает на субъективный фактор. Таким образом, наблюдается совмещение объективно-субъективных подходов. На этом фоне важность последствий для уголовного дела, сферы свобод, прав и интересов лица, субъективность принятия решения усиливают потребность в придании им законного, обоснованного и справедливого характера.

Возможность участия лица в мероприятиях имеет большое процессуальное и социальное значение. С одной стороны, задачи быстрого и правомерного расследования и раскрытия преступления создают потребность проведения всех действий для обеспечения движения уголовного процесса, полноты проводимого производства. Кроме того, важно получить значимую информацию от лица, совершившего деяние (преступление), что усиливает объективную составляющую проводимого процесса. Такая информация важна в разных сферах, например, как пояснение по поводу причастности лица к деянию или реакция на проводимые действия или принимаемые решения в области прав, свобод, интересов гражданина. С другой стороны, лицу должны быть предоставлены различные возможности по защите своих имени, свобод, прав, и, прежде всего, посредством личного использования. По делам рассматриваемой категории имеют значение такие гарантии, как обязательное участие законного представителя (ст. 437 УПК РФ), защитника (ст. 438 УПК РФ). Однако они не освобождают следователя от обязанности установить наличие или отсутствие возможности лица самостоятельно участвовать в мероприятиях, что повышает качество его защиты.

Приведенные положения допускают выделение нескольких значимых параметров, которые используются при принятии решения о

возможности или необходимости участия лица в процессуальных действиях, среди которых – установка закона о необходимости вовлечения лица в производство действия или о возможности его участия как ориентир принятия решения, состояние человека как причина возможности или невозможности участия в действии, характер действия как фактор необходимости или возможности участия лица.

Первый базовый параметр – это состояние лица и его подтверждение, понимание им проводимых действий, осознание их характера, хода, результатов, значения для своих интересов.

Рассуждая о состоянии лица, обратимся к законодательным и теоретическим аспектам.

Особенности самого производства определяются состоянием человека. В гл. 51 УПК РФ, посвященной рассматриваемой деятельности, имеются положения, позволяющие указать на два состояния лица: невменяемости и психического расстройства (ч. 1 ст. 433 УПК РФ). Каждое из указанных состояний имеет определенные последствия, отличия которых определяются пониманием, что лицо в состоянии невменяемости совершает деяние, запрещенное уголовным законом, а лицо, у которого психическое расстройство наступило после этого, совершает преступление.

Состояние человека должно быть установлено уголовно-процессуальными средствами, предусмотренными в законе, оценено и проверено. Среди таких возможностей можно назвать назначение и производство судебно-психиатрической экспертизы, допросы людей, которые могут сообщить значимую информацию о состоянии лица, запросы документов из различных организаций. Обращение к ним требуется, когда появляются сомнения во вменяемом состоянии лица или его способности самостоятельно защищать свои свободы, права, законные интересы.

Придание необходимой обоснованности проводимой следователем деятельности может быть обеспечено путем обращения к позиции Верховного Суда РФ. В частности, суд отмечает, что сомнения в состоянии лица могут быть сформированы при наличии следующих обстоятельств: оказание лицу психиатрической помощи ранее, странности в его поступках и высказываниях. От экспертов важно получить ответы на ряд вопросов, а именно, связано ли психическое расстройство

лица с опасностью для него и других лиц либо возможностью причинения им иного существенного вреда, может ли это лицо с учетом характера и степени психического расстройства лично осуществлять свои процессуальные права, а также могло ли лицо во время совершения деяния, в ходе расследования осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. Подлежат учету заключение экспертов как результат судебно-психиатрической экспертизы, иные документы, например, заключение медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях [1].

Ю. Козубенко пишет, что допустимо признание лица процессуально недееспособным, если его психическое состояние не позволяет ему осуществлять права, указанные в ст. 46, 47 УПК РФ (ч. 1 ст. 437 УПК РФ). В каждом случае состояние лица подлежит подтверждению или опровержению [2, с. 41].

С. Щерба, развивая категорию «невозможность участия лица в следственных действиях», отмечает, что она означает отсутствие возможности лица воспринимать, запоминать и воспроизводить воспринятое правильно. Однако такой вывод должен быть подтвержден документами, например, заключением эксперта, справкой врача. Если психическое состояние лица делает невозможным его участие в следственных действиях, то вряд ли их можно производить, пригласив его [3, с. 92].

Если лицо признано невменяемым, то осуществление действий в отношении него, как не понимающего сущность проводимых мероприятий и не имеющего возможности высказать свою позицию, оспорить правомерность, вызывает сомнения. Однако при установлении вменяемости лица и состояния здоровья, позволяющего адекватно воспринимать характер мероприятия, допустимо их осуществление с его участием. Например, следователь имеет право избрать меру пресечения в виде заключения под стражу, но, учитывая состояние здоровья такого лица, ее применение посредством помещения в следственный изолятор вызывает возражения. Вместе с тем подлежат использованию дополнительные гарантии, например, обязательное участие защитника (ст. 438 УПК РФ) и его активная профессиональная позиция в уголовном деле.

Таким образом, следователь предпринимает предусмотренные уголовно-процессуальным законом действия, позволяющие установить состояние лица, и на основе полученных официальных источников провозглашает возможность или невозможность его сознательного участия в мероприятиях. В состоянии лица выделяются медицинский фактор, установленный специалистами в этой сфере, и процессуальный фактор, определенный следователем. Здесь важно, чтобы следователь проявил необходимую активность, профессионализм, нравственность. Тогда совокупность названных факторов позволит сформировать вполне обоснованный и законный вывод.

Второй базовый параметр – характер проводимых действий. Имеет значение уровень воздействия на лицо, возможность навредить себе или другим лицам, изменение состояния в худшую сторону, потребность в активном участии или допустимость пассивного присутствия, доказательственное значение проводимого действия, позволительность иного акта, который может привести к разрешению возникшего вопроса и получению доказательства.

При этом ученые дискутируют и выясняют – можно ли исключить участие лица во всех или только отдельных действиях? В. Николук и В. Кальницкий полагают, что ответ обусловлен активностью участия лица в действии. Они поясняют, что если проводится действие, в котором необходима активность лица, совершившего деяние (преступление), например, дача пояснений, то должен действовать запрет. Когда же отсутствует потребность активного участия душевнобольного, например, необходима проверка возможности выполнения каких-либо операций, то вполне допустимо его участие [4, с. 14]. Предъявление этого лица для опознания возможно, но предъявление ему материалов уголовного дела для ознакомления вряд ли допустимо.

В среде ученых имеются предложения, направленные на решение имеющейся задачи. Обратим внимание на несколько мнений. А. Рыжаков рассматривает следующие варианты. Во-первых, составление протокола, если лицо, страдающее психическим расстройством, не может участвовать в конкретном следственном действии. Такой подход был известен УПК РСФСР 1960 г. Во-вторых, использование ч. 3 ст. 167 УПК РФ и удосто-

верение невозможности подписания протокола следственного действия подписями других участников указанного действия [5, с. 326, 406]. В. Греку считает правильным выносить постановление. Такой документ, по мнению ученого, должен быть обоснованным, иметь обстоятельную мотивировку, ссылку на судебно-медицинскую (психиатрическую) экспертизу и составляться при невозможности участия лица в уголовном процессе [6, с. 274–285].

Особые и варианты состояния лиц, в отношении которых проводится производство о применении принудительных мер медицинского характера, разность принимаемых решений, проводимых действий, возникающих последствий, создают потребность более обстоятельного нормативного регулирования такой деятельности [7]. Актуальность приведенного тезиса, а также заявленной темы подтверждается и периодическими корректировками уголовно-процессуального источника. Так, обратим внимание на очередные уточнения, посвященные категориям «временное помещение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях», «необходимое участие лица в следственном действии», «сомнения во вменяемости лица и способности самостоятельно защищать свои права» [8].

В процессуальных документах уголовного дела важно отразить невозможность участия лица в проводимых мероприятиях и самостоятельного использования своих прав. При этом отсутствие возможности как вывод подлежит аргументации посредством указания на установленное состояние лица, приведения подтверждающих доказательств и их краткого изложения. Кроме того, представляется важным осуществить комплекс последующих последовательных действий. В частности, отразить такую информацию в документе (-ах), акте (-ах) фиксации действия, в котором могло или должно было участвовать лицо, в отношении которого проводится производство о применении принудительных мер медицинского характера. Затем довести данные до сведения гарантирующих лиц, например, законного представителя, защитника, услышать их позицию по этому поводу и подтвердить документально. Преимущества такого подхода видятся в предложении заинтересованным лицам и органам обоснования принятого решения, что позволяет им при ознакомлении с актом сформировать свою

позицию принятия или оспаривания, достичь согласия, исключить перенос спора и его разрешение на более поздний срок.

Итак, если лицо, в отношении которого проводится производство о применении принудительных мер медицинского характера, в

силу его состояния не может использовать право участвовать в процессуальных мероприятиях и связанные с ним возможности, то такие обстоятельства подлежат подтверждению, фиксации, обоснованию в соответствующих документах.

Литература

1. О практике применения судами принудительных мер медицинского характера: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 № 6 // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Козубенко Ю.В. Процессуальная правосубъектность субъекта преступления // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 3.

3. Щерба С. Влияние психических и физических недостатков обвиняемого на его показания и позицию по уголовному делу // Уголовное право. 2006. № 5.

4. Николюк В., Кальницкий В. Уголовно-процессуальная деятельность по применению принудительных мер медицинского характера: учебное пособие. Омск, 1990.

5. Рыжаков А.П. Процессуальные документы следователя и дознавателя: образцы. М., 2012.

6. Греку В.П. Производство по уголовным делам при применении принудительных мер медицинского характера // Молодой ученый. 2013. № 8(55).

7. Черников С.В., Потудинский В.П. К вопросу о назначении судебно-психиатрической экспертизы в отношении подозреваемого, обвиняемого // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в свете современного уголовного законодательства. Ставрополь, 2020.

8. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30.12.2021 № 500-ФЗ // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

Bibliography

1. On the practice of applying compulsory medical measures by courts: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dd. 07.04.2011 № 6 // Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

2. Kozubenko Yu.V. Procedural legal personality of the subject of the crime // Russian law: education, practice, science. 2019. № 3.

3. Shcherba S. The influence of mental and physical disabilities of the accused on his testimony and position in a criminal case // Criminal law. 2006. № 5.

4. Nikolyuk V., Kalnitsky V. Criminal procedural activity on the use of compulsory medical measures: a textbook. Omsk, 1990.

5. Ryzhakov A.P. Procedural documents of the investigator and inquirer: samples. Moscow, 2012.

6. Greku V.P. Proceedings in criminal cases when applying coercive measures of a medical nature // Young scientist. 2013. № 8(55).

7. Chernikov S.V., Potudinsky V.P. On the issue of the appointment of a forensic psychiatric examination in relation to a suspect, accused // Actual problems of combating crime in the light of modern criminal legislation. Stavropol, 2020.

8. On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: feder. law dd. 30.12.2021 № 500-FL // Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.98

ББК 67.52

© 2022 г. Андреев Александр Сергеевич,

профессор кафедры криминалистики и оперативно-розыскной деятельности Ростовского
юридического института МВД России, доктор юридических наук, доцент.

E-mail: rui@mvd.ru

СТАДИИ И ОБЪЕКТЫ ПОСТКРИМИНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В НАУКЕ КРИМИНАЛИСТИКЕ И ПРАКТИКЕ РАСКРЫТИЯ, РАССЛЕДОВАНИЯ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье рассмотрены этапы посткриминальной деятельности лиц (приготовление к посткриминальной деятельности, реализация посткриминальной деятельности, изменение посткриминальной деятельности), а также объект(-ы) посткриминальной деятельности как фрагмент(-ы) объективной действительности, выражающие внешнюю направленность посткриминальной деятельности участников к событию преступления и его последствиям посредством изменения ситуаций посткриминального периода.

Ключевые слова: криминалистика, объект, предмет, закономерности, ситуации, криминалистическая теория, преступная деятельность, посткриминальная деятельность, поведение.

Andreev Alexander Sergeevich – Professor, the Department of Forensic Science and Operational-Search Activities, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor.

STAGES AND OBJECTS OF POST-CRIMINAL ACTIVITY IN THE SCIENCE OF CRIMINOLOGY AND PRACTICE OF DISCLOSURE, INVESTIGATION AND PREVENTION OF CRIMES

The article considers the stages of post-criminal activity of persons (preparation for post-criminal activity, implementation of post-criminal activity, change in post-criminal activity), as well as the object (s) of post-criminal activity as a fragment(s) of objective reality, expressing the external orientation of the post-criminal activity of participants to the event of the crime and its consequences by changing the situations of the post-criminal period.

Keywords: criminalistics, object, subject, regularities, situations, forensic theory, criminal activity, post-criminal activity, behavior.

Преступность как явление в целом и преступная деятельность как функциональная составляющая в частности на протяжении всего существования государства, права и общества порождают такое явление, как посткриминальная действительность, и множество последствий (отражений), одним из которых выступает посткриминальная деятельность.

Н.П. Яблоков отмечает, что структурно преступная деятельность «складывается из следующих элементов: субъекты (основные и второстепенные участники деяний), предметы (жертва) посягательства, его цель (вся субъективная сторона состава преступления), само преступное поведение (способы и средства, уловки и ухищрения, используемые преступниками), обстановка совершения и результат» [1].

Преступная деятельность и ее раскрытие, расследование, предупреждение (в некоторых случаях судебное разбирательство) неизбежно трансформируют и порождают сложную

систему функциональных взаимопереходов в структуре посткриминальной деятельности.

В.П. Лавров при изучении вопросов, связанных с расследованием нераскрытых преступлений прошлых лет, подчеркивает, что, «оставаясь неразоблаченными, преступники совершают новые общественно опасные деяния» [2].

Посткриминальная деятельность отражается в объективной действительности, изменяет ее и подчиняется закономерностям возникновения информации посткриминального периода. Посткриминальная деятельность лиц, отражаясь в объективной действительности (материально, в том числе виртуально, и идеально), неизбежно изменяется в пространстве и во времени.

Анализ криминалистической литературы показал крайне скудный и практически не разработанный понятийный аппарат о посткриминальной деятельности и поведении.

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность, судебно-экспертная деятельность

Криминалистические аспекты и понятие посткриминального поведения частично затронуты в работах А.Г. Гельманова, С.О. Сафронова, С.А. Гонтарь.

Более четверти века назад А.Г. Гельмановым отмечалось, что «очевидная неразработанность понятийного аппарата, проблемы посткриминального поведения сказались на отсутствии в криминалистической литературе соответствующих теоретических построений. В настоящее время нет ни одной статьи, пособия или монографии, где бы системно излагалось криминалистическое понятие посткриминальных поведенческих актов» [3]. Следует отметить, что на сегодняшний день ситуация в лучшую сторону практически не изменилась.

А.Г. Гельманов предлагает определить «посткриминальное поведение (сокращенное обозначение: РСВ – от *англ.* post criminal behaviour) как причинно обусловленную совершением деяния систему психофизиологических явлений, вербальных актов и действий личности, имеющих значение для раскрытия и расследования преступлений» [3].

В данном определении не раскрыты субъекты, содержание, структура, этапы данного вида человеческой деятельности.

В свою очередь, С.О. Сафронов (1999) под постпреступной деятельностью понимает «деятельность лица после совершения преступления, находящуюся в каузальной связи с совершенным им деликтом. По мнению автора, ее следует рассматривать в двух аспектах. Во-первых, постпреступная деятельность лица до момента начавшейся деятельности правоохранительных органов по установлению признаков преступления, его раскрытию и расследованию, и, во-вторых, постпреступная деятельность лица с момента начала процессуальной деятельности правоохранительных органов по установлению признаков преступления, его раскрытию и расследованию» [4].

Посткриминальное поведение, по мнению А.Г. Гельманова и С.А. Гонтарь, – это любое поведение преступника с момента совершения преступления до вступления приговора в законную силу и имеющее значение для правильного разрешения дела. Это поведение включает в себя систему действий или бездействий, направленных на сокрытие последствий совершенного преступления, воспрепятствование установлению истины по делу и изобличению виновного. Основным фактором, определяющим посткриминальное поведение, является страх разоблачения и связанные с этим негативные последствия [5].

В основе определения понятия С.О. Сафроновым раскрыто только этимологическое

содержание, при этом заложен важный подход, предполагающий, что не всякая деятельность после совершения преступления является посткриминальной (постпреступной), а только та, которая связана с преступной деятельностью. Таким образом, вряд ли можно согласиться с А.Г. Гельмановым и С.А. Гонтарь в том, что любое поведение после совершения преступления является посткриминальным. Кроме этого замечания необходимо отметить, что: а) недопустимо суживать многообразие посткриминальной деятельности и поведения до противодействия расследованию и сокрытию преступления; б) нет необходимости столь механически формировать границы посткриминальной деятельности и поведения в конечной фазе – приговором, вступившим в законную силу.

Определения «посткриминального поведения» А.Г. Гельманова, С.А. Гонтарь, С.О. Сафронова являются первыми попытками изучения посткриминальной деятельности и поведения в криминалистике, однако содержат ряд неточностей и противоречий, которые в конечном счете неоправданно сужают все многообразие явлений, процессов, изменений объективной действительности, связанных с посткриминальной деятельностью и поведением, и не отражают произошедших трансформаций уголовного и уголовно-процессуального законодательства, что, в свою очередь, обосновывает необходимость дальнейшей разработки и уточнения с учетом стадий и объектов посткриминальной деятельности, которые не учтены в вышеназванных исследованиях.

Прежде чем начать рассмотрение вопроса о стадиях и объектах посткриминальной деятельности в науке криминалистике и практике раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, следует отметить, что было доказано, что деятельность по реализации такого способа в большинстве случаев посткриминального противодействия, как ложное алиби, состоит из следующих стадий: обоснования, выдвижения и отстаивания информации о нахождении субъекта преступления в момент совершения вне мест его совершения. Иными словами, стадийность отдельных приемов и способов негативной посткриминальной деятельности отличается от способа преступления [6].

Вопрос об этапах (стадиях, фазах) посткриминальной деятельности лиц практически не рассматривается в криминалистической литературе.

Вместе с тем достаточно интересным является подход В.О. Лапина, предполагающий, что «противодействию расследованию

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность, судебно-экспертная деятельность

преступлений экономической сферы присуща структура, включающая этапы подготовки, совершения и сокрытия противодействия расследованию: 1) подготовка противодействия (разработка схемы преступной деятельности («бизнес-плана»); создание (покупка) «фирм-однодневок»; разработка согласованной программы действий для персонала организации в проблемных ситуациях; 2) совершение противодействия расследованию (дача ложных показаний и отказ от дачи показаний; уклонение от явки в орган расследования; заявление многочисленных и необоснованных ходатайств и жалоб на предвзятость расследования и действия следователя, оперативного работника; затягивание времени, отведенного на ознакомление с материалами уголовного дела каждым обвиняемым, а также защитником; 3) сокрытие противодействия (отказ предоставлять необходимую финансово-бухгалтерскую документацию; воспрепятствование проведению проверочных и следственных действий; уничтожение вещественных доказательств и документов, отражающих результаты финансово-хозяйственной деятельности (как на бумажных носителях, так и в электронном виде)» [7].

Оценим вклад В.О. Лапина и других [8; 9; 10; 11; 12] в понимание противодействия раскрытию, расследованию преступлений экономической сферы, в том числе и в посткриминальный период. Не исключается возможность использования такой точки зрения применительно к различным аспектам криминалистической науки. Разделение на этапы «подготовка», «совершение» и «сокрытие» противодействия расследованию имеет ряд вопросов, требующих уточнения, поскольку, как правило, приемы противодействия взаимосвязаны между собой (например, подделка документов – выдвижение ложных показаний), соответственно, непонятно, что считать подготовкой и совершением отдельных приемов или их совокупностью. Как и не ясна связь с преступной деятельностью, поскольку на стадии подготовки к совершению умышленного преступления может осуществляться сокрытие, как и после совершения сокрытия в рамках преступной деятельности – подготовка противодействия.

Сокрытие (как третий этап противодействия по В.О. Лапину) – это только вид (форма), часть противодействия, и поэтому исключаются приемы посткриминального противодействия расследованию (например, воздействие на свидетелей, оговор, ложное алиби, убийство следователя). Следует учитывать, что не все способы противодействия расследованию преступлений беспрецедентны и противоправны, некоторые из них адаптивны или

разрешены законом (в том числе и при расследовании преступлений экономической сферы) и могут как реализовываться полностью, так и не осуществляться в соответствии с замыслом или изменяться по различным причинам.

Изучаемая деятельность складывается из следующих стадий:

1. Приготовление к посткриминальной деятельности.

2. Реализация посткриминальной деятельности.

3. Изменение посткриминальной деятельности.

По мнению субъектов раскрытия и расследования преступлений, наиболее распространенными и типичными являются следующие стадии посткриминальной деятельности и поведения:

1. Приготовление – 38 чел. (4,1 %).

2. Реализация – 97 чел. (10,5 %).

3. Изменение – 112 чел. (12,1 %).

4. Приготовление – реализация – 135 чел. (14,6 %).

5. Приготовление – реализация – изменение – 265 чел. (28,8 %).

6. Реализация – изменение – 65 чел. (7,0 %).

7. Реализация – приготовление – изменение – 114 чел. (12,3 %).

8. Другие сочетания – 98 чел. (10,6 %).

Перечисленные элементы не имеют жесткой привязки и хронологической последовательности, например, как у способа преступления (подготовка – совершение – сокрытие), да и числовых вариантов таких сочетаний последовательностей гораздо больше. Так, у способа преступления их четыре: подготовка – совершение – сокрытие; подготовка – совершение; совершение – сокрытие. У способа посткриминальной деятельности таких вариантов более семи: приготовление к посткриминальной деятельности; реализация посткриминальной деятельности; приготовление – реализация посткриминальной деятельности; приготовление – реализация – изменение посткриминальной деятельности; реализация – изменение посткриминальной деятельности; приготовление – изменение посткриминальной деятельности; изменение посткриминальной деятельности и другие сочетания.

Действия по приготовлению, реализации и изменению посткриминальной деятельности могут выступать:

– частью способа преступления, когда стадия сокрытия следует за совершением преступления, и они объединены общим единым замыслом;

– частью способа сокрытия, когда замысел на сокрытие возник после совершения преступления;

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность, судебно-экспертная деятельность

- действиями по сокрытию в структуре способа противодействия;
- приемом, способом противодействия;
- приемом способствования раскрытию преступления;
- иными посткриминальными действиями;
- преступлениями, совершаемыми в условиях посткриминального противодействия.

Указанные варианты посткриминальной деятельности могут быть реализованы как субъектом преступления, связанными с ним лицами, так и иными лицами, опосредовано связанными с преступной деятельностью или ее расследованием, судебным разбирательством, информацией в СМИ.

Приготовление к посткриминальной деятельности – подготовительные или относительно самостоятельные, умышленные и иные действия субъектов посткриминальной деятельности, направленные на преобразование последствий преступной и посткриминальной деятельности и их дальнейшее использование (возможное или реальное) в случае раскрытия, расследования преступления или судебного разбирательства [13].

Посткриминальная деятельность может обосновываться как негативными (подделка документов, уничтожение следов [14], инсценировка [15; 16]), так и позитивными действиями (вызов скорой, покупка дорогостоящих лекарств, организация и оплата лечения, возмещение ущерба).

Реализация посткриминальной деятельности – это осуществление ранее подготовленных, умышленных или иных действий субъектами посткриминальной деятельности, направленных на преобразование содержания ситуаций посткриминального периода.

Изменение посткриминальной деятельности – это осуществление умышленных или иных действий субъектами посткриминальной деятельности, направленных на преобразование ранее подготовленных и реализованных действий и, соответственно, сложившихся ситуаций посткриминального периода.

К примеру, стержнем действий по отстаиванию негативной посткриминальной деятельности (противодействия расследованию, сокрытию) выступают такие способы, как:

- изменение ранее данных показаний;
- воздействие на участников уголовного судопроизводства [17];
- противодействие со стороны СМИ и других ресурсов;
- демонстративное бездействие.

Тогда как для действий по отстаиванию позитивной посткриминальной деятельности характерны способы деятельного участия,

предусмотренного УК РФ и УПК РФ, при раскрытии, расследовании преступлений.

Объект(-ы) посткриминальной деятельности – это фрагменты объективной действительности, на которые направлена посткриминальная деятельность, представляющая внешнее выражение отношения участников к событию преступления и его последствиям, посредством изменения ситуаций посткриминального периода.

Посткриминальная действительность возникает с момента совершения преступления, а началом посткриминальной деятельности субъекта является осуществление умышленных и иных действий, связанных с появлением ситуаций посткриминального периода, тогда как окончанием – исчезновение таких ситуаций и прекращение подобных действий.

Границы в целом и пространственно-временные отрезки посткриминальной деятельности в частности, как и сферы проявления, имеют особое криминалистическое значение. В криминалистическом аспекте границы посткриминальной деятельности лиц носят достаточно протяженный характер: от момента совершения преступления и начала действий и до их окончания в ситуациях посткриминального периода, а в некоторых случаях и гораздо позже [18; 19; 20; 21].

К типичным пространственно-временным отрезкам осуществления посткриминальной деятельности, имеющим значение для создания соответствующей криминалистической характеристики, относятся следующие составляющие данного элемента: с момента совершения преступления и до начала осуществления криминалистической деятельности; первоначальный этап расследования преступления; последующий этап расследования; судебное разбирательство; после вынесения приговора.

Именно подобное соотношение границ посткриминальной деятельности как целого и частей, ее составляющих (тех или иных пространственно-временных отрезков), позволит оптимизировать систему воздействия на посткриминальную деятельность, криминалистического обеспечения позитивной посткриминальной деятельности и разработать методику расследования преступлений, совершаемых в условиях посткриминального противодействия.

Итак, проанализировав данные по изученным уголовным делам и опросам правоприменителей, были выявлены следующие виды: 1) негативная посткриминальная деятельность; 2) позитивная посткриминальная деятельность; 3) уликовая посткриминальная деятельность и поведение. Поскольку указанным видам соответствуют определенные способы

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность, судебно-экспертная деятельность

посткриминальной деятельности, рассмотрим их классификацию.

Первый вид изучаемой деятельности – «негативная посткриминальная деятельность» – складывается из трех групп:

1. Посткриминальное сокрытие как отдельная, относительно самостоятельная часть по отношению к противодействию раскрытию, расследованию преступлений как элемент:

а) полноструктурного способа преступления, объединенного единым замыслом;

б) несвязанный со способом преступления.

2. Посткриминальное противодействие правоприменению:

а) посткриминальное противодействие раскрытию, расследованию преступлений;

б) противодействие правосудию;

в) противодействие иным видам правоприменительной деятельности.

3. Преступления, совершаемые в условиях посткриминального противодействия (подготовка, совершение, сокрытие).

Второй вид изучаемой деятельности – «позитивная посткриминальная деятельность» включает следующие способы содействия правоприменению:

а) посткриминальное содействие раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений;

б) содействие правосудию;

в) содействие иным видам правоприменительной деятельности.

Третий вид изучаемой деятельности – «уликовая посткриминальная деятельность и поведение», выражающая противоположную и безразличную посткриминальную деятельность и поведение. По результатам исследования, количество неумышленных посткриминальных поступков жертвы в 7–10 раз выше, чем у очевидцев.

Умышленность и неумышленность действий и поступков проявляется как в наличии целей и предметов воздействия на посткриминальную действительность, так и отсутствии таковых, в случае посткриминальных переживаний, психофизиологических реакций, неосознанных поступков (например, самосуд над насильником несовершеннолетней, психофизиологические реакции на тактический прием «словесная разведка» при производстве обыска, проговорки при допросе и так далее).

Итак, нами рассмотрены в рамках данной статьи стадии и объекты посткриминальной деятельности в науке криминалистике и практике раскрытия, расследования и предупреждения преступлений; полученные выводы и положения нацелены на повышение качества деятельности органов расследования и суда и надлежащему правоприменению.

Литература

1. Криминалистика: учебник / под ред. Н.П. Яблокова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2010.

2. Лавров В.П. Особенности расследования нераскрытых преступлений прошлых лет: учебное пособие. М., 1972.

3. Гельманов А.Г. Аспекты изучения посткриминального поведения как криминалистической категории // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы правоприменительной деятельности. Межвузовский сборник научных трудов. Омск, 1993.

4. Сафронов С.О. Постпреступная деятельность как элемент криминалистической характеристики преступлений об умышленном причинении телесных повреждений // Материалы международной научной конференции 22–23 апреля 1998. Тенденции развития правовых систем стран СНГ. Ростов н/Д, 1999. Ч. 2.

5. Энциклопедия юридической психологии / под общ. редакцией проф. А.М. Столяренко. М., 2003.

6. Андреев А.С. Ложное алиби и криминалистические методы его разоблачения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2001.

Bibliography

1. Criminalistics: textbook / edited by N.P. Yablokov. 4th ed., reprint. and additional. Moscow, 2010.

2. Lavrov V.P. Features of the investigation of unsolved crimes of the past years. Study guide. Research and editorial and publishing Department. M., 1972.

3. Gelmanov A.G. Aspects of the study of post-criminal behavior as a criminalistic category // Criminal procedural and criminalistic problems of law enforcement. Interuniversity collection of scientific papers. Omsk, 1993.

4. Safronov S.O. Post-criminal activity as an element of the criminalistic characteristics of crimes of intentional infliction of bodily harm. Proceedings of the international scientific conference on April 22–23, 1998. Trends in the development of legal systems of the CIS countries. Rostov-on-Don, 1999. Part 2.

5. Encyclopedia of Legal Psychology/Under the general editorship of Prof. A.M. Stolyarenko. Moscow, 2003.

6. Andreev A.S. False alibi and criminalistic methods of its exposure: diss. ... Cand. jurid. sciences. Rostov-on-Don, 2001.

7. Лапин В.О. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: сб. материалов 51-х криминалистических чтений: в 2 частях. М., 2010. Ч. 1.
8. Тишутина И.В. О характеристике противодействия расследованию организованной преступной деятельности // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2013. № 1–2.
9. Варданыан А.В. Криминалистические знания о посткриминальной деятельности: проблемы формирования и развития // Философия права. 2020. № 1(92).
10. Варданыан А.В. Посткриминальное противодействие раскрытию и расследованию тяжких преступлений против личности // Юрист-Правоведъ. 2020. № 1(92).
11. Варданыан А.В. Противодействие предварительному расследованию: в продолжение научной дискуссии // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 1.
12. Варданыан А.В. Криминалистическая характеристика посткриминальной деятельности по делам о преступлениях в сфере информационных технологий // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2021. № 2(32).
13. Андреев А.С. Ситуации посткриминального периода и их классификация // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 12 (ч. 2).
14. Брусницын В.И. Совершение и сокрытие преступлений с использованием взрывных устройств: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Владивосток, 2001.
15. Густов Г.А., Фадеев В.И. Инсценировка события преступления: понятие, общественная опасность, криминалистическая характеристика // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1998. № 2(221).
16. Протасевич А.А., Коршунов А.Ю. Актуальные вопросы преступной инсценировки // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 4(12).
17. Бибиков А.А. Воздействие на участников уголовного процесса и уклонение участников уголовного процесса от участия в его производстве как формы противодействия расследованию преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 1–2.
18. Николайченко В.В. Пенитенциарные и постпенитенциарные преступления (криминалистическая теория и практика): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006.
7. Lapin V.O. Countering the investigation of crimes and measures to overcome it: Collection of materials of the 51-st forensic readings: in 2 parts. Moscow, 2010.
8. Tishutina I.V. On the characteristics of countering the investigation of organized criminal activity // News of TulSU. Economic and legal sciences. 2013. № 1–2.
9. Vardanyan A.V. Criminalistic knowledge of post-criminal activity: problems of formation and development // Philosophy of Law. 2020. № 1(92).
10. Vardanyan A.V. Post-criminal counteraction to the disclosure and investigation of serious crimes against the person // Yurist-Pravoved. 2020. № 1(92).
11. Vardanyan A.V. Counteraction to preliminary investigation: in continuation of scientific discussion // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 1.
12. Vardanyan A.V. Criminalistic characteristics of post-criminal activity in cases of crimes in the field of information technology // Siberian criminal procedural and criminalistic readings. 2021. № 2(32).
13. Andreev A.S. Situations of the post-criminal period and their classification // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2019. № 12 (part 2).
14. Brusnitsyn V.I. Commission and concealment of crimes using explosive devices: dis. ... Cand. jurid. sciences?. Vladivostok, 2001.
15. Gustov G.A., Fadeev V.I. Dramatization of the crime event: concept, public danger, criminalistic characteristics // News of higher educational institutions. Jurisprudence. 1998. № 2(221).
16. Protasevich A.A., Korshunov A.Yu. Actual issues of criminal staging // Siberian criminal procedural and criminalistic readings. 2016. № 4(12).
17. Bibikov A.A. Influence on participants in criminal proceedings and evasion of participants in criminal proceedings from participating in its production as a form of counteraction to the investigation of crimes related to violation of traffic rules and operation of vehicles // Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences. 2017. № 1–2.
18. Nikolaychenko V.V. Penitentiary and post-penitentiary crimes (criminalistic theory and practice): author. diss. ... Dr. jurid. sciences. Saratov, 2006.

© 2022 г. Варданян Акоп Вараздатович,

начальник кафедры криминалистики и оперативно-розыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.
E-mail: rui@mvd.ru

Плясов Константин Анатольевич,

начальник Ростовского юридического института МВД России, доктор юридических наук, доцент.
E-mail: rui@mvd.ru

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ, РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье проанализированы наиболее актуальные вопросы оперативно-розыскного обеспечения борьбы с преступлениями во внешнеэкономической деятельности применительно к вопросам разработанной комплексной методики раскрытия, расследования и предупреждения данной категории преступлений.

Ключевые слова: предупреждение, негласные средства и методы, оперативно-розыскные мероприятия, криминалистика, методика.

Vardanyan Akop Varazdatovich – Head of the Department of Forensic Science and Operational-Search Activities, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation.

Plyasov Konstantin Anatolyevich – Head of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor.

OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE SUPPORT FOR THE PREVENTION, DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES IN THE SPHERE OF FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY

The article analyzes the most pressing issues of operational-search support for the fight against crimes in foreign economic activity in relation to the issues of the developed comprehensive methodology for the disclosure, investigation and prevention of this category of crimes.

Keywords: warning, covert means and methods, operational-search activities, criminalistics, methodology.

Пандемия COVID-19 повлияла на рост андеграундной экономики [1] в России и за рубежом.

Падение доходов населения, стремительно растущая цифровизация общества [2], социальное дистанцирование, ограничение передвижения граждан, медицинские и гигиенические ограждения, государственная поддержка и ограничения увеличили рост количества оборота контрафактной и нелегальной продукции, появление которой во многом связано с преступной деятельностью в сфере внешнеэкономической деятельности, носящей порой транснациональный и (или) организованный характер [3; 4].

О росте количества оборота контрафактной и нелегальной продукции, как последствий преступной деятельности, в том числе и в сфере внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД), свидетельствует опрос респондентов (лиц,

проживающих на территории ЮФО РФ, n=157), проведенный в 2020–2021 гг., который показал, что более 93 % граждан с высокой степенью правосознания встречались в быденной жизни с контрафактной и нелегальной продукцией (к наиболее распространенным относятся: никотиносодержащая продукция, алкоголь, продукты, косметика и парфюмерия и т. д.), более половины из них (48 %) наблюдали или слышали о деятельности курьеров или потребителей наркотических закладок.

Борьбу с преступлениями в сфере ВЭД в целом и в частности контрабанды вряд ли можно признать успешной. Так, к примеру, «в первом полугодии 2021 г. на основании материалов оперативных подразделений таможенных органов возбуждено 1 149 уголовных дел. Наибольшее количество – 445 дел возбуждено по фактам контрабанды стратегически важных товаров и ресурсов (ст. 226.1 УК РФ).

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность, судебно-экспертная деятельность

По фактам уклонения от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организаций и физических лиц (ст. 194 УК РФ), возбуждено 194 уголовных дела. Возбуждено 169 дел по ст. 229.1 УК РФ и 146 дел по ст. 226.1 УК РФ. Из незаконного оборота изъято более 6,3 тонн подконтрольных веществ. Наибольшее количество уголовных дел было возбуждено в зоне деятельности ЦТУ (77 дел) и СЗТУ (52 дела). ГУБК ФТС России организовано 170 оперативно-розыскных мероприятий «контролируемая поставка», в результате которых из незаконного международного оборота изъято 365,7 кг подконтрольных веществ» [5]. Данные официальной статистики о состоянии преступности в России за январь–ноябрь 2021 г., представленные ФКУ «Главный информационно-аналитический центр», о количестве раскрытых сотрудниками ОВД преступлений не сильно отличаются [6].

Поскольку в ст. 15 Конституции РФ указано, что «любое лицо должно соблюдать установленные законом обязанности», т. е., вступая в таможенные правоотношения (и другие отношения ВЭД) при пересечении таможенной границы, лицо должно не только знать о существовании обязанностей, установленных для данного вида правоотношений, но и обеспечить их исполнение.

Анализ нормативно-правовых актов, изучение экономической и правовой литературы показали, что сущностные признаки и понятие внешнеэкономической деятельности отражаются крайне ограниченно. Рассмотрим наиболее характерные из них.

Явления и процессы внешнеэкономической деятельности детерминируют как конструктивно-полезные, так и деструктивно-отрицательные последствия. Особое место такая детерминация имеет в связях с преступностью и преступлениями в сфере внешнеэкономической деятельности. В связи с этим феномен внешнеэкономической деятельности и его влияние на современные тенденции преступности как теоретико-методологическая предпосылка сформирована и требует разработки соответствующей комплексной криминалистической методики их раскрытия, расследования и предупреждения.

Большинство опрошенных субъектов раскрытия и расследования преступлений в сфере ВЭД (84 %) отметили, что остро нуждаются в комплексной методике раскрытия и расследования преступлений в сфере ВЭД.

Одним из обязательных условий выступает включение в такой комплекс раздела, посвященного вопросам оперативно-розыскного обеспечения (ОРО).

Оперативно-розыскное обеспечение борьбы с преступностью в сфере внешнеэкономической деятельности достаточно подробно изучалось в исследованиях А.В. Варданяна, Ю.П. Гармаева, В.Ю. Голубовского, К.К. Горяинова, В.А. Жбанкова, С.И. Захарцева, В.М. Егоршина, С.С. Овчинского, Д.В. Кольцова, В.Д. Ларичева, А.В. Федорова, Д.В. Ривмана, В.И. Рохлина, Г.К. Синилова, С.В. Степашина, А.Е. Чечетина, А.В. Шахматова, А.Ю. Шумилова и ряда других.

В последние годы постоянно возрастает нагрузка на оперативный состав, превышая в разы научно обоснованные нормы, фактические компетенции оперативных сотрудников, осуществляющих борьбу в сфере ВЭД.

Плановость оперативно-розыскной работы по выявлению, пресечению преступной деятельности, наблюдение за лицами, представляющими оперативный интерес, разработка опасных преступных групп контрабандистов оставляют желать лучшего. Уровень профессионального мастерства оперсостава подразделений находится в состоянии негативной стагнации.

Проблемы использования оперативно-розыскных мер в раскрытии преступлений всегда привлекали интересы специалистов, занимающихся вопросами борьбы с преступностью. Особое внимание при этом уделялось различным аспектам работы с конфидентами. Несколько позже предметом исследования стали различные направления оперативно-розыскного обеспечения процессов предупреждения, раскрытия и расследования преступлений в сфере ВЭД [7].

В связи с этим арсенал, находящийся на вооружении оперативных подразделений органов внутренних дел, начинает применяться лишь после совершения преступления в сфере ВЭД.

Оперативно-розыскное обеспечение их предупреждения наблюдается незначительно. Сложившаяся обстановка предопределяет неудовлетворительную осведомленность о лицах и фактах, в отношении которых следует проводить комплекс оперативно-розыскных мероприятий. Эффективная борьба с преступлениями в сфере ВЭД, которая в значительной степени обеспечивается предупредительной

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность, судебно-экспертная деятельность

деятельностью, предполагает активное проникновение в криминальную активность и среду, тщательное познание и последующее определенное управление криминальными процессами. Итогом такой деятельности является полное устранение или нейтрализация обстоятельств, способствующих совершению преступлений в сфере ВЭД.

Главная роль в оперативно-розыском обеспечении профилактики преступлений в сфере ВЭД принадлежит конфидентам. Для этого необходима определенная специализированная их подготовка, которая должна включать в себя: ориентирование на основные категории лиц, являющихся объектами оперативно-розыскной профилактики; обучение конкретным способам и приемам выявления таких лиц и оказания на них профилактического воздействия; раскрытие наиболее значимых поведенческих признаков, свидетельствующих о высокой степени вероятности совершения насильственных преступлений; тщательная оценка поступающей информации и необходимая корректировка действий негласных сотрудников. Использование конфидентов должно быть нацелено на определение таких обстоятельств применительно к обслуживаемым объектам или территориям. Особое значение имеет анализ материалов архивных уголовных дел и ряда иных материалов. Такой анализ дает возможность типизировать соответствующие факторы, включающие в себя явления, обстоятельства, события, влияющие на преступную деятельность (поведение). Особое значение для оперативно-розыскной практики, в том числе и анализа, является вывод о соотношении деятельности в криминалистике и теории оперативно-розыскной деятельности, предложенный А.С. Андреевым. Автор отмечает, что для криминалистики (в том числе и для теории ОРД) «деятельность субъекта представляет собой систему умышленных действий, направленных на преодоление или изменение криминальных и посткриминальных ситуаций (до, во время и после совершения преступления) и тем самым трансформацию объективной действительности и других ситуаций правоприменения. Поведение как часть деятельности – это совокупность умышленных и иных действий, поступков и психофизиологических реакций, осуществляемых в соответствии с требованием или условиями криминальных ситуаций, посткриминаль-

ных ситуаций, а также ситуаций уголовно-процессуальной и криминалистической деятельности и других ситуаций правоприменения» [8] (в том числе оперативно-розыскных). При помощи такого соотношения, можно получить объективную информацию об анти-социальных или иных допоступных действиях, высказываниях, стихийно сложившихся или искусственно создаваемых условиях, которые могут быть материализованы в криминальном событии. Указанные явления реальной действительности, носящие криминальный или криминогенный характер, изменения, происходящие в результате определенной деятельности и поведения изучаемых лиц, обладают объективными свойствами и субъективными характеристиками. Обнаруживаемые с помощью специальных средств и методов, интерпретируемые в совокупности с другими сведениями, поступающими в оперативное подразделение, они становятся основой построения механизма оперативно-розыскной профилактики и предупреждения.

При анализе оперативно-розыскной ситуации следует подходить к ней как к процессу, развивающемуся в пространстве и времени, включающему не только конкретные поступки, но и соответствующие им социальные и психологические явления.

При этом именно конфиденциальные возможности оперативных аппаратов, имеющиеся в их распоряжении средства и методы оперативно-розыскной деятельности, позволяют достаточно детально изучить конкретные обстоятельства, влияющие на развитие ситуации. В ходе оперативно-розыскной деятельности обнаруживаются скрытые процессы, присущие генезису преступного поведения, в совокупности с факторами, характеризующими окружающую среду.

Причем нередко в процессе оперативно-розыскной деятельности спонтанно формируются специфические уникальные методики исследования межличностных и межгрупповых отношений, присущих именно криминальной среде в сфере ВЭД.

Осведомленность оперативных подразделений об образе жизни контрабандистов, являющихся объектами профилактики преступности в сфере ВЭД, зависит от результатов проверки первичных сведений о них, а также фактов и обстоятельств, характеризующих окружающую среду. Оперативно-розыскные средства и методы позволяют определить

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность, судебно-экспертная деятельность

наиболее значимые из них, воздействуя на которые удастся устранить возможность совершения конкретного преступления в сфере ВЭД или разработать типовой комплекс мер по предупреждению данной совокупности преступлений.

Определить конкретные методы, которые могут быть наиболее результативными в данной ситуации, довольно сложно. Их алгоритм зависит от специфики объективных обстоятельств и субъективных характеристик лиц, в отношении которых проводятся оперативно-профилактические мероприятия. В одном случае наиболее эффективным может быть тщательно подготовленный и тактически грамотно проведенный опрос, в других – необходимый результат может быть обеспечен лишь комплексом достаточно сложных оперативных и оперативно-тактических комбинаций.

Наибольший акцент оперативно-розыскного обеспечения борьбы с преступностью в сфере внешнеэкономической деятельности должен быть сделан на оперативно-предупредительные мероприятия.

Следует отметить, что проблема, связанная с реализацией профилактической функции в системе оперативно-розыскных мероприятий, достаточно активно разрабатывалась в теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. В начале 70-х гг. XX столетия А.И. Алексеев и Г.К. Синилов отмечали, что оперативные подразделения осуществляют в числе прочих и мероприятия предупредительного характера путем использования имеющихся в их распоряжении агентурных возможностей [9].

К основным целям предупредительной деятельности, осуществляемой оперативно-розыскными средствами и методами, относятся: поступление достоверной информации об источниках криминальной опасности на обслуживаемой территории и объектах; обеспечение эффективного использования источников оперативной информации; своевременное получение сведений о конкретных признаках, свидетельствующих о реальной угрозе криминальных событий; возможность построения достаточно объективной модели криминалистической обстановки на обслуживаемой территории и объектах; определение очагов сосредоточения представителей криминальной среды и объектов, на которых систематически наблюдаются факты антиобщественного поведения; выявление неформальных лидеров уго-

ловной субкультуры; своевременное пресечение криминогенного поведения и нейтрализация криминальных ситуаций.

Анализ оперативно-розыскной практики показывает, что успех в предупреждении преступлений в сфере ВЭД зависит от комплексного применения методов, средств ОРД и сопутствующих полномочий мер уголовно-процессуального, уголовно-правового и административного характера.

Предупреждение преступлений в сфере ВЭД и их выявление, установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, между собой тесно взаимосвязаны, и как организационно-тактическая форма ОРД используется в комплексе «с иными формами ОРД (оперативная проверка, оперативная разработка, оперативно-розыскное сопровождение предварительного расследования уголовного дела), обеспечивающими в итоге разрешение и таких задач ОРД, как предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений» [10; 11; 12; 13].

Такая негативная ситуация порождает недостатки в осведомленности о субъектах и фактах преступной деятельности в сфере ВЭД, подлежащих оперативно-розыскному воздействию мероприятиями, предусмотренными федеральными законами об ОРД. При оперативно-розыскном воздействии имеется задача в любых формах (оперативном поиске, оперативной проверке, оперативной профилактике), в любой ситуации искать признаки преступной деятельности, определять ее масштабы, участников, изучать их связи.

Считаем, что эффективная борьба с преступностью в сфере ВЭД должна быть обеспечена соответствующими мерами предупреждения и раскрытия, включающими обязательное проникновение в среду контрабандистов и других субъектов преступлений в сфере ВЭД.

Источники оперативной информации по делам о ВЭД достаточно различны по возможностям ее получения, и поэтому для них следует разрабатывать индивидуальные задачи с учетом их особенностей.

На основе криминалистических классификаций и оперативно-розыскных характеристик преступной деятельности в сфере ВЭД как составляющих комплексной методики, а также анализа дел оперативного учета, уголовных дел (в том числе архивных) появляется возможность оперативному составу подразделения типизировать информацию и создать моде-

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность, судебно-экспертная деятельность

ли возможных действий до, во время и после совершения преступления.

Преступления коррупционной и (или) служебной направленности, совершаемые сотрудниками таможенных и иных государственных органов, обеспечивающих организацию преступлений в сфере таможенного контроля при перемещении товарно-материальных ценностей, в контексте разработанной комплексной методики имеют особое значение как для раскрытия основополагающих составов, так и криминалистической и оперативно-розыскной превенции.

Для профилактики важны факторы, формирующие докриминальную ситуацию, и факторы подготовки к совершению и сокрытию преступления в сфере ВЭД.

Считаем, что в современных условиях криминалистическая превенция как система знаний о криминалистических средствах и методах предупреждения преступлений выступает специфической разновидностью деятельности субъектов уголовного судопроизводства, реализующих публичный интерес в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства. В отличие от расследования преступлений, содержанием и направленностью превентивных мер должны охватываться не только конкретные объекты (юридические лица, иные социальные структуры), в пределах которых выявлено деяние, но и другие, сходные по своим характеристикам объекты гражданского общества, не попавшие в орбиту уголовно-процессуальных отношений в связи с расследованием этого преступления.

Оперативно-розыскное обеспечение (ОРО) борьбы с преступностью в сфере внешнеэко-

номической деятельности (в контексте предупреждения, раскрытия и расследования преступлений) является самостоятельным и весьма специфичным видом деятельности, реализуемым в процессе ОРД, которая согласуется с оперативно-розыскными принципами, указанными в ст. 3 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ, имеет собственные практико-ориентированные положения:

1. Нацеленность на непрерывное получение информации о механизмах преступной деятельности и ее последствиях.

2. Комплексность мер, принимаемых для разрешения поставленных целей и задач.

3. Использование научно обоснованных и апробированных практикой оперативно-розыскных рекомендаций.

4. Непрерывная версия работа.

5. Алгоритмизация ОРО.

6. Оптимизация сил и средств ОРО.

7. Использование всех возможных информационных ресурсов.

Итак, явления и процессы объективной действительности, выражающие криминальный или криминогенный характер, изменения, происходящие в результате определенного поведения изучаемых лиц, обладают объективными свойствами, которые выявляются с помощью специальных средств и методов, интерпретируемых в совокупности с другими сведениями, поступающими в оперативное подразделение. Они становятся основой построения механизма оперативно-розыскного предупреждения, а также раскрытия и расследования преступлений в сфере ВЭД.

Литература

1. Andreev A.S., Andreeva O.V., Bondareva G.V. Understanding the underground economy // European Research Studies Journal. 2018. Vol. XXI. № 4.
2. Варданян А.В., Андреев А.С. Беспилотные летательные аппараты как сегмент цифровых технологий в преступной и посткриминальной действительности // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 6.
3. URL: <https://www.euromonitor.com/economies-in-2021/report> (дата обращения: 11.01.2022).
4. URL: <https://plus.rbc.ru/news/5f87765a7a8aa9d887869d34#:~:text=Россия%20в%20нелегальном%20тренде.%20Что,в%20стране%205%2C2%20трлн%20руб> (дата обращения: 11.01.2022).

Bibliography

1. Andreev A.S., Andreeva O.V., Bondareva V.G. Understanding the underground economy // European Research Studies Journal. 2018. Vol. XXI. № 4.
2. Vardanyan A.V., Andreev A.S. Unmanned aerial vehicles as a segment of digital technology in criminal and post-reality // Russian journal of criminology. 2018. № 6.
3. URL: <https://www.euromonitor.com/economies-in-2021/report> (date of access: 11.01.2022).
4. URL: <https://plus.rbc.ru/news/5f87765a7a8aa9d887869d34#:~:text=Russia%20b%20nelegally%20trend.%20that,in%20strane%205%2C2%20trn%20rub> (date of access: 11.01.2022).

5. URL: <https://customs.gov.ru/press/federal/document/295564> (дата обращения: 12.01.2022).

6. Главный информационно-аналитический центр. Состояние преступности в России за январь–ноябрь 2021 года. М., 2022.

7. Бобров В.Г. Правовые и организационные основы оперативной разработки, пути и меры ее совершенствования (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990.

8. Андреев А.С. Проблема соотношения деятельности и поведения в криминалистической науке, направления ее разрешения при формировании концепции познания посткриминальной деятельности // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2019. № 3(90).

9. Алексеев А.И., Синилов Г.К. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. М., 1973.

10. Сурков К.В., Кваша Ю.Ф. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел: курс лекций. Общая часть. Санкт-Петербургская академия МВД РФ, 1997.

11. Варданыан А.В., Варданыан Г.А. Криминалистически значимые особенности незаконного производства лекарственных средств и медицинских изделий // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2020. № 1(92).

12. Варданыан А.В., Варданыан Г.А. Обращение незарегистрированных лекарственных средств и медицинских изделий: актуальные проблемы правоприменительной практики // Известия Тульского государственного университета. 2020. № 1.

13. Варданыан А.В., Варданыан Г.А. Диалектическая структура объекта криминалистики как теоретико-методологическая предпосылка формирования частных криминалистических методик // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. № 1.

5. URL: <https://customs.gov.ru/press/federal/document/295564> (date of access: 12.01.2022).

6. The main information and analytical center. The state of crime in Russia in January–November 2021. Moscow, 2022.

7. Bobrov V.G. Legal and organizational foundations of operational development, ways and measures of its improvement (questions of theory and practice): author. diss. ... Dr. of Law. Moscow, 1990.

8. Andreev A.S. The problem of the correlation of activity and behavior in forensic science, the directions of its resolution in the formation of the concept of cognition of post-criminal activity // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 3(90).

9. Alekseev A.I., Sinilov G.K. Actual problems of the theory of operational-investigative activity of internal affairs bodies. Moscow, 1973.

10. Surkov K.V., Kvasha Yu.F. Operational investigative activity of internal affairs bodies: A course of lectures. The general part. St. Petersburg Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1997.

11. Vardanyan A.V., Vardanyan G.A. Criminalistically significant features of illegal production of medicines and medical devices // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 1(92).

12. Vardanyan A.V., Vardanyan G.A. Circulation of unregistered medicines and medical devices: actual problems of law enforcement practice // Izvestiya Tula State University. Economic and legal sciences. 2020. № 1.

13. Vardanyan A.V., Vardanyan G.A. Dialectical structure of the object of criminalistics as a theoretical and methodological prerequisite for the formation of private forensic techniques // Izvestiya Tula State University. Economic and legal sciences. 2021. № 1.

© 2022 г. Щербаченко Александр Константинович,

доцент кафедры криминалистики и оперативно-розыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.
E-mail: rui@mvd.ru

СЛЕДСТВЕННЫЕ ОСМОТРЫ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ БАЗОВОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШЕННЫХ ГРУППОЙ ЛИЦ

Авторами рассмотрены особенности производства осмотров при раскрытии, расследовании и предупреждении мошенничеств, совершенных группой лиц, с учетом проведенного исследования предложено ряд рекомендаций. Объектом статьи выступает криминалистическая деятельность по раскрытию, расследованию и предупреждению мошенничеств, совершенных группой лиц. Предметом статьи выступили закономерности раскрытия, расследования и предупреждения мошенничеств, совершенных группой лиц, основанные на познании соответствующей базовой криминалистической характеристики.

Ключевые слова: криминалистика, методика, мошенничество, группа, осмотр места происшествия, осмотр, предметы, документы, рекомендации, приемы, советы.

Sherbachenko Aleksandr Konstantinovich – Associate Professor, the Department of Forensic Science and Operational Search Activities, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

INVESTIGATIVE EXAMINATIONS AS A COMPONENT OF FORENSIC OPERATIONS OF THE BASIC METHODOLOGY OF INVESTIGATION OF FRAUDS COMMITTED BY A GROUP OF PERSONS

The authors analyzed the features of the inspection during the disclosure, investigation and prevention of fraud committed by a group of persons based on the study, a number of recommendations are proposed. The object of the article is criminalistic activity for the disclosure, investigation and prevention of fraud committed by a group of persons. The subject of the article are the patterns of disclosure, investigation and prevention of fraud committed by a group of persons based on the knowledge of the relevant basic forensic characteristics.

Keywords: forensic science, methodology, fraud, group, searching of the crime scene, searching, objects, documents, recommendations, techniques, tips.

Социальное дистанцирование граждан в России и за рубежом, связанное с ковидными ограничениями, привело к изменению потребительского поведения, выразившегося в увеличении объема онлайн-покупок и услуг, трафика социальных сетей, игровых платформ в сети Интернет и т. д., что, в свою очередь, обусловило рост количества зарегистрированных мошенничеств, совершенных группой в данном сегменте, как и использование информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации в совершении иных преступлений, предусмотренных ст. 159–159.6 УК РФ. «Большее половины всех зарегистрированных преступлений (54,8 %) в 2021 г. составляют хищения чужого имущества, совершенные путем: кражи – 674,9 тыс. (–2,3 % по сравнению с 2020 г.); мошенничества – 308,1 тыс. (+0,4 %); грабежа – 29,2 тыс. (–18,6 %); разбоя – 4 тыс. (–16,5 %). Всего зарегистрировано преступлений по ст. 159–159.6 УК РФ в 2021 г. – 308 133, имеется незначительный рост 0,4 %, при этом раскрыто 61 723 (–1 %). По ст. 159 УК РФ зарегистрировано 28 1926 (+6,5 %), из них раскрыто – 47 651

(+11 %). Раскрываемость преступлений по ст. 159–159.6 УК РФ имеет две тенденции: снижения раскрываемости квалифицированных видов мошенничеств и увеличения количества раскрытых преступлений, предусмотренных ст. 159 УК РФ. Процент раскрытых мошенничеств остается по-прежнему низким, только каждое пятое по отношению к количеству зарегистрированных преступлений по ст. 159–159.6 УК РФ было раскрыто (20,3 %). По распространенности преступления по ст. 159–159.6 УК РФ в 2021 г. занимают второе место (16,6 %). Мошенничеств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации (ст. 159, 159.3, 159.6 УК РФ), зарегистрировано 225 133 из 308 133, т. е. более двух третей (73,06 %) от всех зарегистрированных преступлений по ст. 159–159.6 УК РФ, следует учитывать имеющийся рост 4,5 %. Из 225 133 зарегистрированных мошенничеств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации (ст. 159, 159.3, 159.6

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность, судебно-экспертная деятельность

УК РФ), 99,67 % случаев выявлено сотрудниками органов внутренних дел (224 393). Преступлений, совершенных в общественных местах и на улицах, а также на дорогах, трассах вне населенных пунктов, зарегистрировано 536 867, из них мошенничеств – 7 211 (1,34 %). В большинстве случаев мошенничества, совершенные в общественных местах и на улицах, а также на дорогах, трассах, зарегистрированы по ст. 159 УК РФ – 99,90 %, мошенничества с использованием платежных карт (ст. 159.3 УК РФ) составили менее 0,1 %, следует отметить существенное их сокращение – на 96,7 %.

На транспорте совершено за указанный период 34 375 преступлений, из них мошенничеств (ст. 159–159.6 УК РФ) – 1 505 (4,37 %). Из мошенничеств (ст. 159–159.6 УК РФ), совершенных на транспорте, наибольшее количество (91,89 %) зарегистрировано по ст. 159 УК РФ – 1 383, при этом имеется рост, равный 16,4 %. Организованными группами или преступными сообществами совершено 20,2 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений (+25,1 %), причем удельный вес в общем числе расследованных преступлений данных категорий увеличился с 8,1 % в январе–ноябре 2020 г. до 9,5 %» [1].

Правоприменительные органы и криминалистическая наука еще не отреагировали в полной мере на подобные цифровые, организованные и модусные трансформации [2; 3].

Анализ материалов уголовных дел показал, что трудности при расследовании любого из изучаемого нами мошенничества возникают при осуществлении следственных осмотров, а именно осмотра места происшествия, а также осмотра предметов и документов. Указанное обусловлено тем, что осмотр места происшествия по делам о мошенничестве, совершенном группой лиц, проводится, как правило, в условиях неочевидности. Достаточно точно на осмотр места происшествия как составляющую криминалистической операции указала Н.В. Кручинина и многие другие: «В рамках расследования преступлений в сфере экономики возможно проведение не только разрозненных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, но и тактических операций» [4]. «Тактическая операция призвана решать задачи тактического значения, подчиненные общим целям расследования» [5]. Вторым видом следственного осмотра по рассматриваемой категории уголовных дел выступает осмотр предметов и документов. Указанное следственное действие является неотъемлемой частью всех криминалистических операций раскрытия, расследования

и предупреждения мошенничеств, совершенных группой лиц, осуществляемых как на первоначальном, так и на последующих этапах.

Неотложность осмотра места происшествия по делам о мошенничествах, совершенных группой лиц, причинно обусловлена процессами разрушения возникшей криминалистически значимой информации. Процессы ее разрушения детерминированы объективными и субъективными причинами.

Отметим, что тактико-криминалистические вопросы производства осмотра места происшествия, осмотра предметов и документов достаточно подробно и плодотворно исследованы в криминалистической науке.

Следует учитывать, что специфика данных осмотров по исследуемым уголовным делам, как правило, характеризует этапы преступной деятельности, связанные с незаконным передвижением денежных средств и других материальных ценностей от жертвы к участникам группы в связи с обманом и злоупотреблением доверием, поэтому во всех видах следственных осмотров при расследовании мошенничеств, совершенных группой лиц, прослеживается связь между деятельностью и обнаруженными следами незаконного передвижения денежных средств и других материальных ценностей из-за их хищений путем мошенничества.

Проведение следственных осмотров по рассматриваемым преступлениям имеет определенную специфику, которая выражается в значительном преобладании осмотров предметов и документов над осмотрами мест происшествия. В среднем на один осмотр места происшествия приходится 5,5 осмотров предметов и документов. В этом смысле глубоко прав В.Н. Карагодин, который отмечает, что «значительная часть информации о преступлениях в сфере экономики отражается в документах, и их исследование является одной из первоочередных задач, сложившейся к началу расследования» [6].

Особенности следственных осмотров при раскрытии и расследовании хищений путем мошенничества (п. 2, п. 4. ст. 159 УК РФ «Мошенничество»).

Особое значение осмотра места происшествия выражается в поиске признаков или следов совершения мошенничества группой лиц, обнаружении способов обмана и злоупотребления доверием (подготовка, совершение, сокрытие и другая, не менее значимая, информация).

Сведения о предполагаемом мошенничестве, полученные из объяснений, фактически дают возможность следователю и участникам СОГ осуществить качественный осмотр места происшествия согласно избранным тактическим приемам осмотра.

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность, судебно-экспертная деятельность

Анализ практики показал, что в ряде случаев осмотр места происшествия проводится непоследовательно, с нарушением традиций, сложившихся в криминалистике и практике расследования не за одно десятилетие. По данной категории выявлено два типичных места осмотра: на открытой местности, в помещении.

На открытой местности очень важно закрепить все точки перемещения, связанные с движением мошенников при совершении хищения путем обмана или злоупотребления доверием, тогда как в помещении осмотр должен быть направлен на фиксацию обстановки как деятельности организации, учреждения, предприятия, так и собственно мошеннических действий.

Особенности следственных осмотров при расследовании преступлений, предусмотренных п. 2 и 4 ст. 159 УК РФ «Мошенничество».

Отметим, что более 62,9 % изученных осмотров мест происшествия осуществляется по ст. 159 УК РФ, и только треть таких следственных действия реализуется по квалифицированным составам мошенничества.

К наиболее типовым и значимым для обстоятельств, подлежащих доказыванию, относятся следующие виды осмотра места происшествия: места передачи денежных средств (77 %), иные места встреч мошенников и жертвы (5 %), места обналичивания денежных средств (4 %), места выхода в сеть Интернет (3 %), иные места (11 %).

Отметим, что по данной категории достаточно редко изымаются следы рук, ног или транспортных средств, хотя механизм слеодообразования предполагает наличие таковых [7; 8].

Наибольшее количество мест осмотра связано с местом незаконной передачи денежных средств, тогда как иные места встреч потерпевшего и мошенников в правоприменительной практике встречаются крайне редко. Указанное обстоятельство связано, с одной стороны, с механизмом совершаемых мошенничеств группой лиц, а с другой – с недостатками в деятельности субъектов предварительного расследования.

Места осмотра обналичивания денежных средств имеют определенную специфику, выражающуюся в определенной типичности офисов, в которых расположены терминалы и банкоматы, а также наличии видеокамер, скопления посетителей и отличной освещенности. Перечисленное влияет на содержание преступной и посткриминальной деятельности мошенников, которые, как правило, применяют различные способы маскировки внешности (натягивание капюшона и иные способы), а также фальсификации (привлече-

ние непричастных лиц путем преднамеренного введения их в заблуждение).

Осмотр мест выхода в сеть Интернет группы мошенников осуществляется при осмотре жилища, осмотре помещений.

В первом случае следует иметь в виду, что мошенники достаточно часто снимают жилье, в котором осуществляют свою преступную деятельность. Во втором же случае ряд сотрудников организации используют свои служебные места.

Перечисленные обстоятельства предопределяют наличие определенных способов противодействия в процессе осмотра места происшествия, которые в свою очередь должны быть учтены следователем при выборе тактики осмотра места происшествия.

При осмотре мест происшествия (встречи мошенников, жертвы в докриминальный и посткриминальный периоды) наиболее эффективным выступает линейный осмотр с узловой детализацией криминалистически значимых фрагментов. В ряде случаев (при наличии активного содействия со стороны активных участников группы) следует проводить не осмотр места происшествия, а проверку показаний на месте.

Тактика проведения осмотров мест происшествия, где предположительно проводилась передача денежных средств потерпевшим, зависит от того, где она осуществлялась. К местам передачи относятся:

- открытая местность. Такой осмотр места происшествия проводится по пути следования вероятных субъектов преступления и жертвы;
- жилища или помещения. Осмотр проводится от периферии к центру (месту передачи денежных средств и иных ценностей);
- транспортное средство. Осмотр места происшествия осуществляется от внешнего описания автомобиля к салону автомобиля.

Согласимся с точкой зрения тех авторов, которые считают необходимым производство интерактивного осмотра места происшествия по делам о мошенничестве. При этом достаточно важным является следующий вывод: «следователям производство осмотра места происшествия в интерактивном формате известно и применимо в практической деятельности, что заслуживает внимания со стороны ученых в сфере уголовного процесса и криминалистики, т. к. классическая (традиционная) криминалистика не освещает тактических особенностей производства следственного действия в подобной форме» [9].

Отметим, что именно по данной категории дел могут проявляться атипичные места передачи денежных средств (кладбища, больницы, метрополитены).

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность, судебно-экспертная деятельность

Анализ приговоров суда показал необходимость обязательного использования средств криминалистической фотографии и видеозаписи при производстве всех видов осмотров мест происшествия. Однако, несмотря на доступность и наглядность получаемой криминалистически значимой информации, субъекты предварительного расследования не всегда применяют их.

Подтверждена корреляция, влияющая на раскрытие мошенничеств, совершенных группой лиц, которая выражается в том, что чем меньше отрезок между совершением мошенничества группой лиц и прибытием на место происшествия СОГ, тем выше раскрываемость и эффективность предварительного расследования.

Выявлена существенная проблема, характеризующая первоначальный этап расследования мошенничеств, совершенных группой лиц, а именно необоснованное сокращение количества времени, затрачиваемого на осмотр места происшествия по данному виду мошенничеств (более 67 % изученных осмотров осуществлено за период не более часа, а треть из них – менее 30 минут).

Осмотр предметов и документов (п. 2 и 4 ст. 159 УК РФ «Мошенничество»).

Осмотр предметов и документов при расследовании мошенничеств, совершенных группой лиц, причинно обусловлен результатами таких следственных и процессуальных действий, как осмотр места происшествия, обыск, выемка и задержание.

По значению осмотр предметов и документов условно можно подразделить на: требующие диагностического и/или идентификационного исследования, не требующие исследования.

К типовым объектам такого осмотра по данным видам мошенничества следует отнести: денежные средства; банковские карты; ноутбуки и другую компьютерную технику; банкоматы и терминалы; документы, характеризующие действия лиц до, во время и после совершения мошенничеств; иные объекты.

Особенности следственных осмотров при расследовании преступлений, предусмотренных п. 2 и 4 ст. 159.1 УК РФ. По данной категории дел основное значение имеют осмотры предметов и документов. Указанное обусловлено как количественными, так и качественными характеристиками получаемой криминалистически значимой информации. Осмотр места происшествия по данной категории дел осуществляется крайне редко, поскольку местом происшествия выступает место предоставления заведомо ложных и/или недостоверных сведений банку или иному кредитору

(данная информация достаточно полно представляется службой безопасности банка или кредитором). Осмотр предметов и документов достаточно типичен по кругу объектов, подлежащих фиксации. Анализируя практику правоприменения по данному виду квалифицированного мошенничества, отметим, что эффективность процессов раскрытия, расследования и предупреждения преступлений обусловлена надлежащим взаимодействием с представителями банка или иного кредитора. Уже на первоначальном этапе с перечисленными субъектами наличествует надлежащий деловой контакт, который позволяет установить всех участников группы, при этом следует учитывать, что в ряде случаев к таковым относятся работники низшего звена или даже руководители банка или иной кредитной организации.

Особенности следственных осмотров при расследовании преступлений п. 2 и 4 ст. 159.2 УК РФ. По данному виду квалифицированного мошенничества осмотр места происшествия производится крайне редко, а основным источником получения предметов и документов является обыск. Отметим, что в большинстве случаев при получении выплат мошенники вносят заведомо ложные и/или недостоверные сведения путем интеллектуального подлога, хотя в практике по-прежнему встречаются и случаи материальных изменений. Встречаются тактические ошибки и промахи, когда изымаются не все документы и предметы, и, соответственно, такие следственные действия проводятся повторно.

Особенности следственных осмотров при расследовании преступлений, предусмотренных п. 2 и 4 ст. 159.3 УК РФ. В отличие от других квалифицированных видов мошенничества, по данной категории дел осмотр места происшествия достаточно распространен. К типовым объектам осмотра относятся: место жительства или работы участников группы, офис с банкоматами.

В ряде случаев осмотр места происшествия может быть осуществлен с участием подозреваемого, содействующего раскрытию и расследованию преступлений, что позволяет зафиксировать более полно следовую картину произошедшего события.

Особенности следственных осмотров при расследовании преступлений, предусмотренных п. 2 и 4 ст. 159.5 УК РФ.

По данной категории дел наиболее распространенным осмотром места происшествия является осмотр места инсценировки ДТП. Как показывает исследование, проведенное О.В. Трубиной, «при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 159.5 УК РФ,

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность, судебно-экспертная деятельность

производятся осмотры места происшествия (при инсценировке совершения преступлений различных видов) – 40 %; осмотр места страхового события (при инсценировке событий некриминального характера, являющегося местом совершения преступления) – 60 %; осмотр объекта страхования – 80 %; осмотр предметов – 75 %; осмотр документов – 95 %» [10].

Порядок производства осмотра предметов и документов при расследовании преступлений, предусмотренных п. 2, п. 4. ст. 159.5 УК РФ, достаточно подробно рассмотрен в криминалистической литературе и не требует дополнения.

Рассмотрим особенности следственных осмотров при расследовании преступлений, предусмотренных п. 2 и 4 ст. 159.6 УК РФ.

Традиционно осмотр места происшествия проводится в отделениях и филиалах банков и иных учреждений финансово-хозяйственной деятельности, при этом в процессе производства данных следственных действий следует уделять внимание не только документам, компьютерной технике, электронным носителям, но и возможному нахождению документов в определенных местах.

Исследователи справедливо отмечают, что «достаточно часто в ходе проведения осмотра места происшествия при расследовании мошенничества в сфере компьютерной информации следователем принимается решение о не-

обходимости изъятия принтера, на котором распечатывались документы, имеющие криминалистическое и доказательственное значение для расследования. С тактической точки зрения изъятие печатающего устройства для последующего направления его на судебную экспертизу на предмет идентификации места изготовления подложных документов имеет смысл и криминалистическую значимость лишь в тех случаях, когда принтер (плоттер) относится к категории матричных или игольчатых» [11; 12; 13; 14]. «Изъятие струйных и лазерных принтеров с точки зрения криминалистической тактики и судебной экспертизы зачастую безрезультатно. При наличии в осматриваемом помещении печатающих устройств именно таких типов изъятию подвергаются лишь распечатанные электронные документы из памяти компьютерного хранилища электронных документов, а также распечатки, находящиеся в готовом виде на принтере и непосредственной близости от него, как содержание криминалистически значимой компьютерной информации» [15; 16; 17].

Наличие видеокамер диктует необходимость обнаружения при осмотре жилища, одежды, в которой действовали мошенники в ходе подготовки, совершения и сокрытия указанного вида квалифицированного мошенничества.

Литература

1. Состояние преступности в России за январь – ноябрь 2021 года. Министерство внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». М., 2022.

2. Варданян А.В., Андреев А.С. Беспилотные летательные аппараты как сегмент цифровых технологий в преступной и посткриминальной действительности // Всероссийский криминологический журнал. 2018.

3. Андреев А.С. Поведение (деятельность) лиц, случайно оказавшихся участниками преступного события, как элемент механизма преступления: от постановки научной проблемы к результатам исследования // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 27.

4. Кручинина Н.В. О криминалистическом обеспечении расследования преступлений в сфере экономики // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2017. № 5(33).

5. Комаров И.М. Основы частной теории криминалистических операций досудебного производства. М., 2010.

6. Карагодин В.Н. Расследование преступлений, совершенных организованными фор-

Bibliography

1. The state of crime in Russia in January – November 2021. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation FКУ «Main Information and Analytical Center». Moscow, 2022.

2. Vardanyan A.V., Andreev A.S. Unmanned aerial vehicles as a segment of digital technologies in criminal and post-criminal reality // All-Russian Criminological Journal. 2018.

3. Andreev A.S. Behavior (activity) of persons who happened to be participants in a criminal event as an element of the crime mechanism: from the formulation of a scientific problem to the results of the study // Bulletin of Tomsk State University. Right. 2018. № 27.

4. Kruchinina N.V. On criminalistic support for the investigation of crimes in the field of economics // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2017. № 5(33).

5. Komarov I.M. Fundamentals of the private theory of forensic operations of pre-trial proceedings. Moscow, 2010.

6. Karagodin V.N. Investigation of crimes committed by organized formations: a scientific and practical manual. Moscow, 2015.

7. Vardanyan A.V., Unzhakova S.V., Gribunov O.P. Investigative situations arising at the initial stage of the investigation of crimes under art. 191.1

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность, судебно-экспертная деятельность

мированиями: научно-практическое пособие. М., 2015.

7. Варданян А.В., Унжакова С.В., Грибунов О.П. Следственные ситуации, возникающие на первоначальном этапе расследования преступлений, предусмотренных ст. 191.1 УК РФ // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2018. № 3(86).

8. Варданян А.В. Современные проблемы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 2(89).

9. Овсепян Г.М., Кузьменко Д.В. Осмотр места происшествия при расследовании мошенничеств, совершенных в отношении социально незащищенных категорий граждан: тактическая модернизация // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 1.

10. Трубкина О.В. Особенности первоначального этапа расследования мошенничества в сфере страхования совершенного в отношении материальных интересов страховых компаний: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2015.

11. Вехов В.Б., Попова В.В., Илюшин Д.А. Тактические особенности расследования преступлений в сфере компьютерной информации: научно-практическое пособие. М., 2004

12. Грибунов О.П., Варданян А.В., Усачев С.И., Малихина Е.А., Новикова Л.А. Трактология: приложение для курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России. Иркутск, 2021.

13. Комаров И.М., Лакомская М.Ю. Проблемные ситуации расследования преступлений и их разрешение посредством тактических операций. М., 2021.

14. Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Ростов н/Д, 2021.

15. Варданян А.В., Варданян Г.А. Диалектическая структура объекта криминалистики как теоретико-методологическая предпосылка формирования частных криминалистических методик // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. № 1.

16. Айвазова О.В., Варданян Г.А., Смирнова И.Г. Об уголовно-процессуальных и криминалистических мерах противодействия преступлениям, совершаемым в отношении юридических лиц // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 1.

17. Варданян А.В., Варданян Г.А. Особенности возбуждения уголовных дел о преступлениях в сфере теневого обращения фармацевтической продукции // Уголовная юстиция. 2020. № 15.

of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 3(86).

8. Vardanyan A.V. Modern problems of the use of special knowledge in criminal proceedings // Jurist-Pravoved. 2019. № 2(89).

9. Ovsepyan G.M., Kuzmenko D.V. Inspection of the scene of the incident during the investigation of fraud committed against socially unprotected categories of citizens: tactical modernization // Gaps in Russian legislation. 2018. № 1.

10. Trubkina O.V. Features of the initial stage of the investigation of fraud in the field of insurance committed in relation to the material interests of insurance companies: dis. ... Cand. jurid. sciences. Rostov-on-Don, 2015.

11. Vekhov V.B., Popova V.V., Ilyushin D.A. Tactical features of the investigation of crimes in the field of computer information: a scientific and practical guide. Moscow, 2004.

12. Gribunov O.P., Vardanyan A.V., Usachev S.I., Malykhina E.A., Novikova L.A. Tractology: an application for cadets and students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Irkutsk, 2021.

13. Komarov I.M., Lakomskaya M.Yu. Problematic situations of crime investigation and their resolution through tactical operations. Moscow, 2021.

14. Criminalistics: topical issues of theory and practice Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference. Rostov-on-Don, 2021.

15. Vardanyan A.V., Vardanyan G.A. Dialectical structure of the object of criminalistics as a theoretical and methodological prerequisite for the formation of private forensic techniques // Izvestiya Tula State University. Economic and legal sciences. 2021. № 1.

16. Aivazova O.V., Vardanyan G.A., Smirnova I.G. On criminal procedural and criminalistic measures to counteract crimes committed against legal entities // All-Russian Criminological Journal. 2021. Vol. 15. № 1.

17. Vardanyan A.V., Vardanyan G.A. Features of initiation of criminal cases on crimes in the sphere of shadow circulation of pharmaceutical products // Criminal justice. 2020. № 15.

© 2022 г. Чиненов Евгений Владимирович,

начальник кафедры криминалистики Белгородского юридического института МВД России,
кандидат экономических наук, доцент.
E-mail: Chinenovevg@yandex.ru

РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ И ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ, КАК СИСТЕМА ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье исследуется организационно-управленческая деятельность расследования преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры. Анализируется понятийный аппарат двух криминалистических категорий «организация расследования» и «управление расследованием», синтез которых позволяет обеспечить условие единства, взаимосвязи, взаимозависимости и взаимообусловленности организации и управления расследованием.

Ключевые слова: расследование преступлений, организационно-управленческая деятельность, преступления экономической направленности, железнодорожный транспорт.

Chinenov Evgeny Vladimirovich – Head of the Criminalistics Department, the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Economics, Associate Professor.

INVESTIGATION OF ECONOMIC CRIMES COMMITTED ON RAILWAY TRANSPORT AND TRANSPORT INFRASTRUCTURE FACILITIES AS A SYSTEM OF ORGANIZATIONAL AND MANAGERIAL ACTIVITIES

The article examines the organizational and managerial activities of the investigation of economic crimes committed on railway transport and transport infrastructure facilities. The conceptual apparatus of two forensic categories «organization of investigation» and «investigation management» is analyzed. Their synthesis makes it possible to ensure the condition of unity, interconnection, interdependence and interdependence of the organization and management of the investigation.

Keywords: crime investigation, organizational and managerial activities, economic crimes, railway transport.

Эффективное расследование преступлений невозможно без надлежащей организации процесса установления имеющих уголовно-правовое значение обстоятельств преступлений и лиц, их совершивших, а также управления (руководства, координации) криминалистической деятельностью задействованных в этом следователей, оперативных работников, специалистов и иных сотрудников органов внутренних дел. Организация расследования и управление расследованием являются ключевыми элементами структуры расследования, характеризующими его как целостную систему [1]. Являясь, по сути, равноправными областями, отвечающими за реализацию плана расследования и отработку версий, они объединяют вокруг себя процессуальные, организационно-подготовительные, организационно-технические, оперативно-розыскные, служебные проверочные и иные действия, производимые субъектами рассле-

дования по изучению процессов получения информации, исследованию объектов, определяют их рациональный выбор, последовательность, ведут к гарантированному достижению целей расследования и решению задач, возникающих на различных этапах, в разных ситуациях.

Организацию расследования и управление расследованием нельзя рассматривать в отрыве друг от друга. Теоретически доказано, что организация не возможна без грамотного управления, а управление не существует без организации [2]. Данный тезис в полной мере можно применить и к деятельности по расследованию преступлений, что фактически подтверждается существующими причинно-следственными и корреляционными связями, соединяющими в нем организационные и управленческие начала.

Анализ взглядов ученых на сущность организации и управления как научных категорий

и многоаспектных явлений, понимание их соотношений позволяют нам, руководствуясь деятельностным подходом, поднять вопрос о возможности упорядочивания их в единую самостоятельную систему организационно-управленческой деятельности лица, занимающегося руководством и организацией расследования. Учитывая это и основываясь на положениях межатраслевых научных знаний, выводах фундаментальных криминалистических научных исследований В.Д. Зеленского, А.М. Ларина, И.П. Можаявой и ряда других ученых [3; 4; 5], собственных наблюдениях, следует предпринять попытку выделения в системе расследования фундаментальных свойств элементного состава организации и управления для их последующего рассмотрения в комплексе, в сочетании, во взаимном проникновении. Представляется, что сведение их в отдельную, самостоятельную структуру может стать потенциалом, резервом повышения качества расследования преступлений. Результат от совместных их действий, подобно синергетическому (усиливающему) эффекту, даст новый импульс дальнейшему совершенствованию методико-криминалистического обеспечения расследования преступлений отдельных видов и групп.

Отправной точкой наших рассуждений будет являться высказанное в специальной литературе суждение о том, что организация и управление являются особым, специфическим видом социальной деятельности, именуемой организационно-управленческой, наделенной признаками самостоятельности и содержательно-процессуальной целостности [6]. В настоящее время она получила широкое распространение в той части социального пространства, которое именуется профессиональной сферой. Стандарты организационно-управленческой деятельности научно обосновываются и внедряются в различные сферы материального производства, непроизводственную сферу с входящими в каждую из них определенными отраслями [7, с. 56].

Актуален вопрос и для деятельности федеральных органов исполнительной власти России. В их перечне не является исключением и деятельность органов внутренних дел, в том числе криминалистическая. С позиций

организации и управления здесь также предпринимаются попытки охарактеризовать процесс расследования, показать возможные ресурсы для его совершенствования. Не вдаваясь в полемику по данному вопросу, ведущуюся на протяжении нескольких десятилетий, отметим лишь несколько небезынтесных взглядов.

Так, изучение содержательной части организации и управления расследованием преступлений, утверждает В.Д. Зеленский, играет важную роль в повышении качества следственной работы [8, с. 734].

В.В. Тищенко небезосновательно считает, что «...процесс расследования нуждается в организации и управлении, в противном случае решить указанную задачу будет невозможно» [9, с. 171].

Еще более убедительно мнение Л.Я. Драпкина, отмечающего, что «...создание упорядоченной и рационально действующей организационно-управленческой системы по уголовному делу не цель, а лишь средство для решения основных задач расследования, но средство важнейшее и в значительной степени базисное» [10, с. 12–13]. Данное замечание является тем более симптоматичным, когда имеем дело с расследованием преступлений, сложных по механизму, в ряду которых и предстают изучаемые преступления экономической направленности, совершаемые на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры.

Указанной категории преступлений свойственна сложная организация расследования. Качественная характеристика ее содержательной стороны усугубляется существованием многочисленных организационно-управленческих затруднений, причем возникающих уже на этапе выявления и предварительного расследования. Приведем некоторые из них.

С.В. Красильников связывает их с особенностями организационно-штатного построения и характером функционирования следственных подразделений на транспорте [11]. О.П. Грибунов находит проблему в планировании и организации расследования [12]. В.И. Щукин – в особенностях подготовки и производства отдельных следственных действий [13]. А.В. Богданов, И.М. Парамонов, Е.Н. Хазов видят ее в специфике опера-

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность, судебно-экспертная деятельность

тивно-розыскной деятельности на транспорте, особенностях криминалистического взаимодействия [14]. Н.В. Дьяков, А.Б. Сви-стильников, объясняют существующими проблемами информационного обеспечения расследования (доступа субъектов расследования к информационным ресурсам баз данных ОАО «РЖД», например систем «Оскар», «Этран», «Сириус») [15].

С указанными мнениями сложно не согласиться. Многообразие зачастую нестандартных, трудноразрешимых ситуаций, протекающих в специфических и динамично изменяющихся условиях железнодорожного транспорта, оказывает прямое влияние на организацию и управление расследованием совершаемых здесь преступлений. Объективные и субъективные факторы качественно-пространственных особенностей внешней среды не только влияют на выбор и реализацию способа совершения преступления, но и диктуют необходимость соблюдения особого порядка реагирования на сообщение о преступлении, обязывая своевременно организовать работу по горячим следам. Сказанное в полной мере относится к условиям функционирования железнодорожного транспортного комплекса и деятельности органов внутренних дел на транспорте. В такой обстановке многое зависит от умелого руководства работой субъектов, участвующих в различных проверочных (в том числе служебных, проводимых аудиторами, ревизорами, контроллерами, иными должностными лицами железнодорожных транспортных организаций), следственных действиях, оперативно-розыскных мероприятиях, знания возможностей современных технических средств, грамотного применения тактических решений. А потому устойчивость и качество расследования определяются не столько индивидуальным вкладом каждого из его участников, осуществляющего выполнение возложенных конкретных задач, сколько характером и степенью умелых организации и руководства ими, грамотного направления на достижение целей расследования.

В связи с этим отметим, что достичь высокой организации деятельности по расследованию преступления и эффективно управлять ею возможно при условии разум-

ного сочетания в отдельно взятом расследовании относительно самостоятельных, но в то же время системно единых их деятельностных функций. Считаем, такое заключение, основывающееся на исследованных нами системных междисциплинарных, межпредметных идеях и принципах, складывающейся следственно-оперативной практике, способно оказать существенное влияние на коррекцию теоретико-методологических основ организационно-управленческой деятельности следователя органа внутренних дел на железнодорожном транспорте.

В основу организации деятельности по расследованию преступлений должны быть положены специально разработанные организационные и управленческие компетенции [16]. Именно компетенции (знания, подготовленность, опыт) определяют квалификацию субъекта расследования, его грамотность, авторитет. В совокупности они формируют профессиональную подготовку субъекта расследования, способствуют принятию правильных тактических решений в любой следственной ситуации в полном объеме и в соответствии с нормами УПК РФ.

Способствовать этому должна ориентация образовательных программ по подготовке следователей, дознавателей на запросы практики. Таким образом, организационно-управленческие компетенции будут формироваться уже на стадии профессиональной вузовской подготовки, а совершенствоваться в ходе практической деятельности.

Далее выделим в расследовании преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, особенности организационно-управленческой деятельности. Для этого изучению и анализу будут подвергнуты два ее компонента – организационная и управленческая деятельность следователя. Такой анализ позволит в дальнейшем охарактеризовать расследование преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, как целостную систему организационно-управленческой деятельности, раскрыть ее сущность, содержание и специфические черты.

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность, судебно-экспертная деятельность

В рамках проводимого исследования считаем целесообразным обратиться к выводам проведенного нами ранее теоретического анализа проблем организации расследования совершаемых на железнодорожном транспорте экономических преступлений [17]. Обобщив их, предложим собственную теоретическую конструкцию, способную, по нашему мнению, внести некоторую ясность в данный дискуссионный вопрос. Организация расследования преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, представляет собой научно обоснованную деятельность по применению криминалистических приемов, методов и средств, специальных знаний (в том числе отраслевых), направленных на эффективное выявление, расследование и предупреждение преступлений.

Далее обратимся к особенностям организации расследования преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры. Выделим ключевые из них:

1. Организация расследования указанных преступлений весьма специфична и проявляется в: своеобразии организации деятельности органов внутренних дел на транспорте; организационном построении оперативно-розыскных подразделений; особенностях их деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию указанных преступлений; использовании в расследовании криминалистических, экономических, отраслевых, железнодорожных знаний.

2. На организацию расследования изучаемой категории преступлений существенное влияние оказывает организационно-структурное построение органов внутренних дел на транспорте. Связано оно с системой территориально-ведомственного управления железнодорожным транспортным комплексом страны*. Это объясняет специфичность выполнения своих функций органами внутренних дел на железнодорожном транспорте. В частности, участки опе-

ративного обслуживания железнодорожного транспорта характеризуются значительной протяженностью путей сообщений, разветвленностью транспортных коммуникаций, круглосуточностью режима работы, концентрацией грузо- и пассажиропотоков на ограниченной территории, непродолжительностью пребывания подвижного состава, грузов, пассажиров на станциях, скоростью событий и явлений производственно-экономической деятельности, влиянием сезонных, временных и климатических условий, удаленностью объектов оперативного обслуживания от линейного органа внутренних дел.

3. С методической точки зрения организационное обеспечение расследования органами внутренних дел на железнодорожном транспорте уголовных дел экономической направленности обусловлено особенностями криминалистической характеристики совершаемых здесь преступлений.

4. Результативность расследования данной группы преступлений в первую очередь зависит от взаимодействия сотрудников подразделений трех служб следствия, оперативно-розыскной и экспертно-криминалистической и владения ими современными криминалистическими методами и средствами.

5. Непременным условием качественной организации расследования преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, выступает надлежащее криминалистическое обеспечение и должный уровень подготовки субъектов расследования. Криминалистическое обеспечение расследования указанной категории представляет собой систему криминалистических и специальных знаний, а также основанных на них умений и навыков по использованию научно обоснованных рекомендаций, применению современных криминалистических средств и методов.

6. На железнодорожном транспорте выявление и расследование преступлений

* О некоторых организационных вопросах и структурном построении территориальных органов МВД России: приказ МВД России от 30.04.2011 № 333 [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/upload/site128/folder_page/007/060/666/6.pdf (дата обращения: 10.02.2022).

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность, судебно-экспертная деятельность

экономической направленности практически невозможны без помощи специалистов (экономистов, инженеров, в том числе железнодорожного транспорта, ревизоров и др.), выполняющих проверочные, контрольные и ревизионные действия, участвующих в подготовке к производству экспертных исследований (экономических, трактологических, видеотехнических, компьютерных и др.). Их привлечение рекомендовано уже с момента получения информации о преступлении, в ходе ее проверки, оценки, в процессе предварительного расследования.

Как и большинству видов криминалистической деятельности, организации расследования преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, присущи недостатки и проблемы. Они, апеллируя к мнению В.П. Лаврова, в совокупности с иными объективными и субъективными факторами «...ослабляют систему криминалистического обеспечения, затрудняют организацию хода расследования уголовного дела» [18, с. 86].

Анализ практики деятельности следственных подразделений УТ МВД России по ЦФО, СЗФО, СКФО свидетельствует о наличии следующих из них:

1. Высокая трудоемкость проверочных действий, сложность мероприятий в стадии возбуждения уголовного дела, на первоначальном его этапе, необходимость их выполнения в условиях технологических процессов железнодорожного транспорта, а также большой объем проводимых следственных действий, специфичность экспертных исследований ограничивают следователю нормальное ведение процесса расследования. Это не позволяет расследовать все уголовные дела полно и в срок. К примеру, удельный вес уголовных дел экономической направленности, оконченных в сроки, превышающие 2 месяца, от общего числа по следственным подразделениям в указанных

федеральных округах колеблется от 26,3 до 58,2 %*.

2. Структурно-организационные особенности следственных подразделений органов внутренних дел на транспорте. Как правило, из-за относительной малочисленности их структуры затруднена специализация сотрудников (подразделений). Несмотря на сравнительно невысокую нагрузку (средняя – 19,9 уголовных дел в производстве 1 следователя в 2019 году), расследование «экономических дел» осуществляется наряду с расследованием иных не менее сложных уголовных дел (например, в сфере НОН). Положение усугубляется также недостаточным уровнем специальной подготовки следователей.

3. Отсутствие в штате линейных органов внутренних дел необходимых экспертов, специалистов. Так, в экспертно-криминалистических группах 9 линейных подразделений УТ МВД России по ЦФО по состоянию на конец 2018 года вместо должностей экспертов штатным расписанием были предусмотрены должности техников-криминалистов. Узкие специалисты имеются только в главках. Их привлечение в условиях значительной отдаленности от мест происшествий, территориально-временных и организационно-управленческих особенностей влияет на длительность сроков расследования, сказывается на его результатах**.

4. Отсутствие программированного подхода (криминалистических алгоритмов) к раскрытию и расследованию преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры. Результаты опроса сотрудников следственных подразделений УТ МВД России на транспорте по ЦФО, СЗФО, СКФО, выводы более ранних собственных исследований [19] указывают на отсутствие в их арсенале частных криминалистических методических рекомендаций, позволяющих качественно организовать

* Комплексный анализ и оценка результатов оперативно-служебной деятельности органов предварительного следствия УТ МВД России по ЦФО за 2020 год. Аналитические материалы Управления на транспорте МВД России по Центральному федеральному округу.

** Аналитический обзор о результатах работы сотрудников ЭКЦ УТ МВД России по ЦФО за 10 месяцев 2018 года.

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность, судебно-экспертная деятельность

расследование преступлений экономической направленности.

5. Слабый уровень тактического взаимодействия между следователями и другими участниками расследования. Фактически взаимодействие осуществляется эпизодически, изначально в рамках работы следственно-оперативной группы на месте происшествия, а впоследствии – на основе поручений следователя. Такое «фрагментарное» взаимодействие сказывается на результативности предварительного следствия, что проявляется в неполноте предварительного следствия, неправильной квалификации деяний, неверных формулировках в обвинениях. Так, к примеру, в 2019 году по этим основаниям только в УТ МВД России по ЦФО было возвращено 22 уголовных дела экономической направленности. Приведем пример одного из них, находившегося в производстве СО ЛО МВД России на станции «Москва-Киевская» по обвинению гр. Ц. и П в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 160 УК РФ*.

Основаниями возвращения уголовного дела явились следующие организационные упущения в расследовании:

а) в части взаимодействия с экспертами. Следователем не было организовано проведение судебно-оценочной экспертизы для установления стоимости похищенных материальных ценностей, используемых для обеспечения инфраструктурных объектов депо по ремонту подвижного состава, вследствие чего размер вреда, причиненного преступлением на момент совершения инкриминируемого подсудимым преступления, не был установлен;

б) в части взаимодействия с оперативными сотрудниками и специалистами. Отсутствие консультаций следователя со специалистом (инженером железнодорожного Депо) повлекло формализм при составлении отдельного поручения оперативным сотрудникам ЭБиПК, которыми не были в полной мере опрошены свидетели. Помимо этого, в ходе осуществления проверочных действий, в частности инвентаризации, в порядке ст. 144 УПК РФ были нарушены нормы УПК РФ.

При этом проведенный анализ, наряду с отмеченными организационными и информационно-познавательными упущениями в расследовании, позволил нам выявить и недостатки управленческого характера. Они касались вопросов руководства расследованием, в большей степени процессуального. Выразилось это в нарушении познания закономерностей, характеризующих деятельность, сопутствующую процессу организации расследования и ее упорядочению. В частности, из изученных материалов уголовного дела нами усматривается факт непринятия следователем соответствующего мотивированного процессуального решения по заявленному ходатайству стороны защиты о проведении дополнительной физико-химической экспертизы, что повлекло нарушение прав гр. П.

Исследуя вопросы организации, нельзя не коснуться управления расследованием. Существует мнение, что это взаимосвязанные понятия. Они теоретически обоснованы в науке управления как функция организованных систем различной природы (биологических, социальных, технических), обеспечивающая сохранение их определенной структуры, поддержание режима деятельности, реализацию программы, целей деятельности [20, с. 114]. Практически реализованы в самостоятельных видах профессионально осуществляемой деятельности. Примером может служить менеджмент как симбиоз организации и управления, обладающий в различных институциональных структурах индивидуальными чертами.

Положения теории организации расследования тесно связаны с вопросами управления расследованием преступлений [21]. Как нельзя точно это утверждение было охарактеризовано Г.А. Тумановым: «Процесс расследования – это своеобразный управленческий цикл с целью изобличения преступника» [22, с. 130].

Для более четкой ориентации в проблеме рассмотрим ряд мнений ученых о понятии управления расследованием.

А.М. Ларин под управлением конкретным расследованием понимает определение следователем направления расследования, дачу

* Уголовное дело № 11701009605000123. Архив СО ЛО МВД России на станции «Москва-Киевская».

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность, судебно-экспертная деятельность

поручений и указаний органу дознания, принятие властных решений об участии в деле тех или иных лиц, содействие осуществлению их прав и обязанностей [3, с. 59].

Н.П. Яблоков управление расследованием отождествляет с руководством, т. е. поведением, при котором субъект расследования реально влияет на деятельность объекта расследования, обеспечивая движение к поставленной организацией расследования цели [23, с. 116].

Анализ представленных выше и других существующих взглядов на проблему позволяет нам заметить следующее:

- управление расследованием является своеобразным инструментом, обеспечивающим преодоление информационно-познавательных и организационных сложностей, возникающих в расследовании;

- с помощью системы управления следователь (субъект управления) посредством мыслительной и практической деятельности по использованию форм и методов управления в соответствии с уголовно-процессуальным законом и научно-практическими рекомендациями имеет возможность наиболее оптимально распределять усилия всех участников расследования, используемые ими силы и средства для наилучшего выполнения намеченных планом расследования целей.

Далее перейдем к специфике управления расследованием преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры. Здесь считаем необходимым остановиться на следующих:

1. Уровнях управления расследованием на транспорте:

- уровень управления следственными подразделениями УТ МВД России по федеральным округам (например, СУ УТ МВД России по ЦФО);

- линейный уровень расследования преступлений (например, СО Белгородского ЛО МВД России на транспорте);

- уровень расследования, осуществляемого следователями как линейных, так и территориальных органов внутренних дел (например, Курского ЛО МВД России на транспорте и УМВД России по г. Курску).

2. Функциональные особенности объекта управления и содержание управленческой

деятельности – характеризуются выраженными условиями деятельности железнодорожного транспорта, оказывающими влияние на специфику расследования преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры. В их числе применяемая система методов, приемов, средств управления расследованием организационного, тактического и методического характера, воздействующих на процесс расследования и связанные с ними особенности его криминалистического обеспечения.

3. Уровень управленческих компетенций следователя как совокупность криминалистических, специальных знаний, навыков, личностных характеристик, опыта, позволяющих следователю эффективно расследовать преступление.

4. Надзорная деятельность за законностью производства расследования на транспорте. Осуществляется со стороны транспортного прокурора.

5. Особый состав участников расследования, на которых осуществляется управленческое воздействие следователя:

- а) сотрудники оперативных служб (УР, ЭБиПК, БППГ) линейных органов внутренних дел на транспорте;

- б) специалисты линейных органов внутренних дел на транспорте;

- в) представители железнодорожных транспортных организаций;

- г) сотрудники территориальных органов внутренних дел – только посредством поручения.

Таковыми представляются нам особенности управленческой деятельности в структуре расследования преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры. Принятие их во внимание при разработке частнометодических криминалистических рекомендаций будет способствовать выведению расследования преступлений данной категории на качественно новый уровень.

Обозначенные нами концептуальные положения об относительно самостоятельных и в то же время единых понятиях в части отдельных элементов системах структуры расследования преступлений «организация

расследования» и «управление расследованием», наличие между ними связей и отношений, касающихся подчинения единой цели, дают нам все основания для объединения их в самостоятельную систему – систему организационно-управленческой деятельности расследования.

С учетом изложенных выше позиций как своего рода теоретических допущений и практических реализаций попытаемся в самом общем сущностном виде показать особенности организационно-управленческой деятельности расследования преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры. Она может быть определена как деятельность по выработке целей расследования, формированию задач и осуществлению средств их достижения.

При единстве целей расследования считаем необходимым обратить внимание на особый характер задач, решаемых следователем в процессе расследования преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте. По нашему мнению, их целесообразно разделить по критерию зависимости от особенностей поступающей исходной криминалистически значимой информации на две большие группы.

Первая группа связывается нами с обнаружением очевидного преступления. К такому относим преступления против собственности физических лиц, пользующихся услугами железнодорожного транспорта и его инфраструктуры, и некоторые другие.

В данном случае формирование информационного массива будет начинаться с факта установленного преступления до возбуждения уголовного дела. Этот процесс сопряжен с решением двух промежуточных задач: фиксации имеющихся в наличии доказательств и организации раскрытия преступления по горячим следам. Эффективность решения задач в данном случае достигается за счет концентрации сил, средств, расширения взаимодействия, составления согласованных планов, применения средств, включающих в себя различные виды осмотров, допросы, выемки, обыски, предъявления для опознания, получение

образцов для сравнительного исследования, назначение экспертиз и пр.

Вторая группа включает в себя задачи по раскрытию преступлений, совершаемых в условиях неочевидности, когда уголовное дело возбуждается вследствие реализации оперативной информации либо проверки поступающих в орган внутренних дел сообщений о совершенных или готовящихся преступлениях, в числе которых выделяем преступления против собственности юридических лиц, присвоение или растрату, различные виды мошенничества, преступления в сфере экономической деятельности субъектов железнодорожного транспорта и пр.

Реализация задач расследования достигается посредством разрешения четырех промежуточных организационно-управленческих задач, в числе которых: организация и проведение предварительной проверки сообщения о преступлении; поиск и обнаружение доказательств, их закрепление; определение наиболее оптимального направления расследования. Достигается это за счет оперативно-розыскных, контрольно-проверочных, организационно-подготовительных, следственных и других действий, объединяемых в комплексы. Первостепенное значение для их выполнения отводится алгоритмизации расследования.

Основываясь на изложенном выше, считаем возможным сделать ряд заключений:

1. В общем контексте рассмотрения организационно-управленческой деятельности расследования преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, осуществлен содержательный анализ понятий двух криминалистических категорий «организация расследования» и «управление расследованием».

2. В криминалистике понятия «организация расследования» и «управление расследованием» сосуществуют в качестве внутренне присущих им элементов, но трактуются по-разному. При этом в научных исследованиях акцент делается на организации расследования. Данное обстоятельство обусловлено недостаточной разработанностью инструментария, приемов и способов управления в организации расследования, в том числе преступлений экономической направленности, совершаемых на

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность, судебно-экспертная деятельность

железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры.

3. Синтез понятия организационно-управленческой деятельности расследования позволяет обеспечить единство взаимосвязи, взаимозависимости и взаимообусловленности организации и управления расследованием при условии выявления специфики их сущности и содержания. Главной особенностью организационно-управленческой деятельности является ее внедрение в процесс расследования в целом. Полученный при этом результат дает возможность создания качественных и эффективных частнометодических криминалистических рекомендаций, в том числе методик расследования преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры.

4. Содержательно организационно-управленческая деятельность представляет

собой разветвленную систему, включающую в качестве подсистем целый ряд компонентов: правовых, организационных, управленческих, криминалистических. Специфически сложной выступает структура субъектов ее осуществления: руководители следственных органов; следователи; руководители органов дознания; оперативные сотрудники; специалисты. Обладают особенностями методы и формы осуществления субъектами своих функций, а также используемые средства и действия.

Указанные выше положения в комплексе с информационно-познавательными аспектами расследования преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, позволяют нам определить научно-прикладную базу для разработки теоретических основ методических криминалистических рекомендаций по расследованию указанной группы преступлений.

Литература

1. Зеленский В.Д. Теоретические вопросы организации расследования преступлений. Краснодар, 2011.
2. Миронов В.В. Управление как наука: традиции и инновации // Высшее образование в России. 2008. № 2.
3. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу. Планирование. Организация. М., 1970.
4. Зеленский В.Д. Криминалистические проблемы организации расследования преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991.
5. Можаяева И.П. Криминалистическое учение об организации расследования преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.
6. Шабайкин А.Ю. Социально-философский анализ организационно-управленческой деятельности и ее оптимизации в современных условиях: дис. ... канд. филос. наук. М., 2014.
7. Тухарели А.В., Чередниченко Т.Ф., Басангова З.С. Организационная структура управления строительным предприятием и принципы ее формирования // ИВД. 2019. № 5(56).
8. Зеленский В.Д. О понятии и содержании организации расследования преступлений //

Bibliography

1. Zelensky V.D. Theoretical issues of the organization of the investigation of crimes. Krasnodar, 2011.
2. Mironov B.V. Management as science: traditions and innovations // Higher education in Russia. 2008. № 2.
3. Larin A.M. Investigation of a criminal case. Planning. Organization. Moscow, 1970.
4. Zelensky V.D. Criminalistic problems of the organization of the investigation of crimes: author abstract ... Dr. of Law. Moscow, 1991.
5. Mozhaeva I.P. Criminalistic doctrine of the organization of crime investigation: author abstract. ... Dr. of Law. Moscow, 2014.
6. Shabaykin A.Yu. Socio-philosophical analysis of organizational and managerial activity and its optimization in modern conditions: diss. ... candidate of Philosophy. Moscow, 2014.
7. Tuxhareli A.V., Cherednichenko T.F., Basangova Z.S. Organizational structure of management of a construction enterprise and principles of its formation // IVD. 2019. № 5(56).
8. Zelensky V.D. On the concept and content of the organization of crime investigation // All-Russian Criminological Journal. 2015. № 4.
9. Tishchenko V.V. Mercenary and violent crimes: criminalistic analysis. Odessa, 2002.

Всероссийский криминологический журнал. 2015. № 4.

9. Тищенко В.В. Корыстно-насильственные преступления: криминалистический анализ. Одесса, 2002.

10. Драпкин Л.Я. Организационно-управленческие аспекты взаимодействия участников процесса раскрытия преступлений // Вопросы взаимодействия следователя и других участников расследования преступлений: межвузовский сборник научных трудов. Свердловск, 1984.

11. Красильников С.В. О некоторых особенностях деятельности органов предварительного следствия транспортной полиции // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2014. № 2.

12. Грибунов О.П. Особенности планирования расследования преступлений против собственности, совершаемых на транспорте // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 2(44).

13. Щукин В.И. Расследование незаконной перевозки запрещённых веществ и предметов на железнодорожном транспорте. автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992.

14. Богданов А.В., Парамонов И.М., Хазов Е.Н. Оперативно-разыскные меры борьбы с преступностью на объектах железнодорожного, водного и воздушного транспорта // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 4.

15. Дьяков Н.В. Свистильников А.Б. О некоторых особенностях первоначального этапа раскрытия краж грузов на железнодорожном транспорте // ППД. 2018. № 1.

16. Лебедев Н.Ю., Лебедева Ю.В. Управленческие компетенции следователя и особенности их реализации при расследовании преступлений // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 6.

17. Чиненов Е.В., Щукин В.И. Организация расследования экономических преступлений в сфере железнодорожного транспорта // ЮП. 2019. № 1(88).

18. Лавров В.П. Анализ материалов приостановленного дела о нераскрытом преступлении как один из элементов организации расследования // Организация расследования преступлений органами внутренних дел: сборник статей. М., 1978.

10. Drapkin L.Ya. Organizational and managerial aspects of interaction of participants in the process of crime detection // Issues of interaction between the investigator and other participants in the investigation of crimes: interuniversity collection of scientific papers. Sverdlovsk, 1984.

11. Krasilnikov S.V. On some features of the activities of the preliminary investigation bodies of the transport police // Bulletin of the Udmurt University. The series «Economics and Law». 2014. № 2.

12. Gribunov O.P. Features of planning the investigation of crimes against property committed on transport // Leningrad Law Journal. 2016. № 2(44).

13. Shchukin V.I. Investigation of illegal transportation of prohibited substances and objects on railway transport. author abstract. ... Cand. of Law. Moscow, 1992.

14. Bogdanov A.V., Paramonov I.M., Khazov E.N. Operational investigative measures to combat crime at railway, water and air transport facilities // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 4.

15. Dyakov N.V. Svistilnikov A.B. On some features of the initial stage of the disclosure of thefts of goods on railway transport // PPD. 2018. № 1.

16. Lebedev N.Yu., Lebedeva Yu.V. Managerial competencies of the investigator and features of their implementation in the investigation of crimes // All-Russian Criminological Journal. 2019. № 6.

17. Chinenov E.V., Shchukin V.I. Organization of investigation of economic crimes in the field of railway transport // YUP. 2019. № 1(88).

18. Lavrov V.P. Analysis of the materials of the suspended case of an unsolved crime as one of the elements of the organization of the investigation // Organization of the investigation of crimes by internal affairs bodies: collection of articles. Moscow, 1978.

19. Chinenov E.V., Shchukin V.I. The current state of methods of criminalistic support for the investigation of economic crimes committed at railway transport facilities // News of TulSU. Economic and legal sciences. 2018. № 2-2.

20. Chinenov E.V., Shchukin V.I. The current state of methodological and criminalistic support for the investigation of economic crimes committed at railway transport facilities // News of TulSU. Economic and legal sciences. 2018. № 2-2.

19. Чиненов Е.В., Щукин В.И. Современное состояние методикокриминалистического обеспечения расследования экономических преступлений, совершаемых на объектах железнодорожного транспорта // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2018. № 2-2.

20. Чиненов Е.В., Щукин В.И. Современное состояние методико-криминалистического обеспечения расследования экономических преступлений, совершаемых на объектах железнодорожного транспорта // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2018. № 2–2.

21. Зеленский В.Д. О понятии научной организации и управления расследованием // Правоведение. 1982. № 4.

22. Туманов Г.А. Организация управления в сфере охраны общественного порядка. М., 1972.

23. Криминалистика: учебник для вузов. М., 1995.

21. Zelensky V.D. On the concept of scientific organization and investigation management // Pravovedenie. 1982. № 4.

22. Tumanov G.A. Organization of management in the field of public order protection. Moscow, 1972.

23. Criminalistics: textbook for universities. Moscow, 1995.

© 2022 г. Шатов Дмитрий Викторович,

начальник Бюро судебно-медицинской экспертизы, кандидат медицинских наук.
Тел.: +7 928 279-26-67.

Барсуков Сергей Сергеевич,

старший преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности
Ростовского юридического института МВД России.
Тел.: +7 908 514-22-77.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПО ВЕНОЗНОМУ РИСУНКУ КИСТЕЙ: СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Статья посвящена основным принципам работы биометрической системы идентификации, использующей в качестве ключа расположение венозных сосудов на кистях. Рассматриваются анатомические и функциональные особенности вен, кратко описываются физиологические особенности транспорта кислорода и углекислого газа в крови. Приводятся основные методы получения изображения вен (метод отражения и метод пропускания), этапы биометрической идентификации, перспективы использования, достоинства и недостатки идентификации по венозному рисунку. Проводится сравнительный анализ данных методов с методом идентификации по отпечаткам пальцев и другими методами биометрической идентификации.

Ключевые слова: биометрия, идентификация, вены, гемоглобин, дезоксигемоглобин, цифровая фильтрация, бинаризация, корреляция, сосудистый рисунок, биометрический шаблон.

Shatov Dmitry Viktorovich – Head of the Bureau of Forensic Medical Examination, PhD in Medicine.

Barsukov Sergey Sergeevich – Senior Lecturer, the Department of Forensic Science and Operational-Search Activities, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

FORENSIC IDENTIFICATION BY THE VENOUS PATTERN OF HANDS: MODERN POSSIBILITIES AND ISSUES OF APPLICATION

The article is devoted to the basic principles of the biometric identification system, which uses the location of venous vessels on the hands as a key. The anatomical and functional features of the veins are considered, the physiological features of the transport of oxygen and carbon dioxide in the blood are briefly described. The main methods of obtaining images of veins (reflection method and transmission method), stages of biometric identification, prospects for use, advantages and disadvantages of identification by venous pattern are given. A comparative analysis of these methods with the fingerprint identification method and other biometric identification methods is carried out.

Keywords: biometrics, identification, veins, hemoglobin, deoxyhemoglobin, digital filtering, binarization, correlation, vascular pattern, biometric template.

Биометрия – наука, основанная на описании и измерении физиологических параметров организмов живых существ с целью последующей идентификации данных. Каждый организм обладает индивидуальными анатомическими и физиологическими особенностями. Современные научные технологии способны производить обработку ключевых человеческих идентификаторов – черт и термограммы лица, параметров голоса, особенностей глазного дна, узора радужной оболочки, что дает возможность с высокой точностью отличить одного человека от другого.

В процессе васкулярной (лат. *vascularis* – сосудистый) идентификации распознаются индивидуальные параметры определенной части сосудистой системы, т. е. уникальный рисунок сосудов для каждого человека. В качестве идентификатора используются вены, форма которых и итоговое расположение определяются генетическим кодом и влиянием внешних факторов, что установлено на основании анализа процессов развития сосудов у эмбриона [1]. Расположение венозных сосудов – наиболее устойчивый и безопасный параметр, используемый для идентификации [2].

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность, судебно-экспертная деятельность

Сосуды служат для доставки крови (кислорода и питательных веществ) к органам и тканям, также участвуют в выведении продуктов жизнедеятельности.

Все сосуды подразделены на три основных вида: артерии, вены и капилляры. Артерии – наиболее крупные сосуды, по которым насыщенная кислородом кровь направляется от сердца к органам и тканям. Артерии залегают глубоко в тканях и подходят к кожным покровам лишь в нескольких зонах. По венам насыщенная углекислым газом кровь движется в обратном направлении к сердцу. Различают глубокие вены (располагаются параллельно артериям, по их ходу) и поверхностные, которые залегают в подкожной клетчатке и обеспечивают терморегуляцию кожных покровов. Капилляры – самые многочисленные сосуды в организме, имеющие маленький по диаметру просвет. В их число входят артериолы и венулы.

Транспорт кислорода и углекислого газа осуществляется при помощи гемоглобина – сложного белка, содержащего железо. Гемоглобин находится в высокоспециализированных клетках крови – эритроцитах. В капиллярах легких кислородсоединяется с гемоглобином, образуя оксигемоглобин. Именно такой формой гемоглобина насыщена кровь в артериях.

Дезоксигемоглобин, или восстановленный гемоглобин, – это гемоглобин, который уже отдал кислород тканям или углекислый газ в легких.

Карбогемоглобин – соединение гемоглобина с углекислым газом, которое содержится в венозной крови, т. е. после капиллярной сети тканей и до легких. Метод васкулярной идентификации основан на поглощении инфракрасных лучей обезкислороженным гемоглобином, содержащемся в венозных сосудах. При поглощении света вены проявляются в виде темного рисунка на фоне остального изображения. Таким образом, область тела, используемая для аутентификации, фотографируется в инфракрасном свете, далее происходит извлечение образца сосудистого рисунка.

Возможна регистрация венозного рисунка различных областей, но наиболее предпочтительная область для снятия биометрической характеристики, в том числе с точки зрения удобства, – кисти рук (см. рис. 1). В данной области невелик слой подкожного жира, что дает возможность визуализировать вены в полном объеме.

Для удобства следует отметить аутентификацию по рисунку вен пальцев рук, однако расположение вен на кисти (тыльной или ладонной поверхности) имеет более сложный характер, следовательно – большее количество

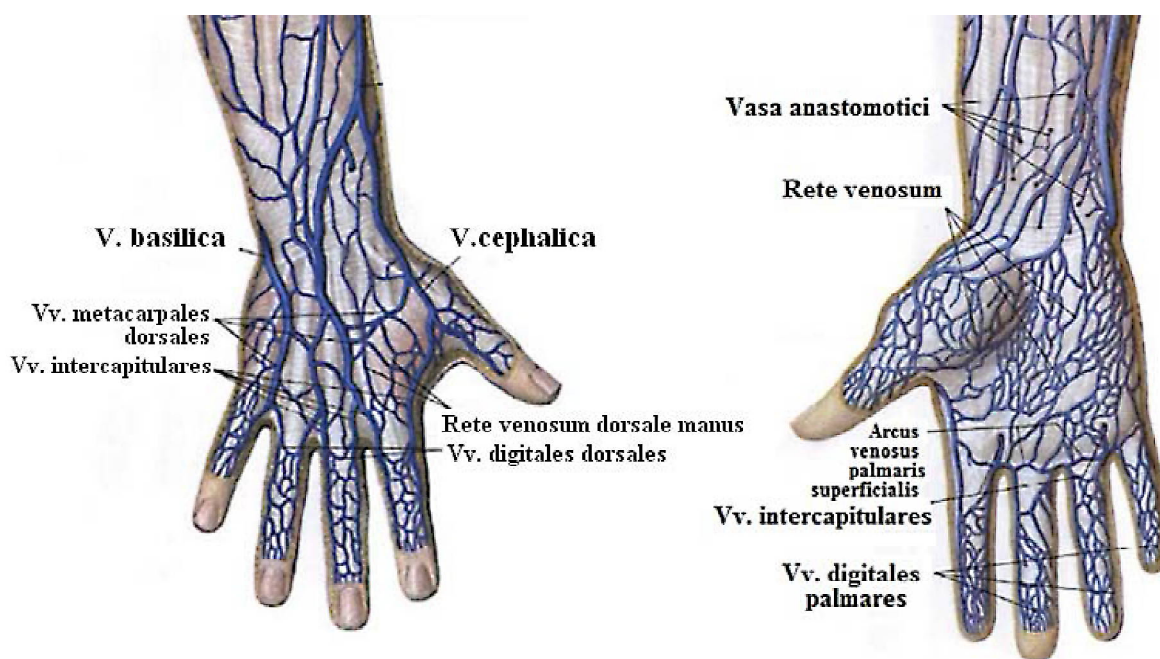

Рис. 1. Поверхностные вены правой кисти (тыльная и ладонная поверхности)

уникальных особенностей, на основе которых будет строиться цифровая модель.

Таким образом, процесс биометрической идентификации состоит из двух частей: первая часть – создание шаблона, вторая – непосредственно идентификация, в процессе которой уникальный образец расположения венозных сосудов сверяется с ранее зарегистрированным образцом, хранящимся в базе данных [3].

Существуют два метода получения изображения вен ладони (см. рис. 2): метод отражения (Reflection) и метод пропускания ИК-света (Transmission) [4].

При использовании метода отражения все компоненты устройства находятся на одной плоскости, за счет чего снижается психологический барьер у человека, который проходит процесс идентификации: не нужно помещать кисть внутрь устройства. ИК-диоды располагаются симметрично вокруг камеры и настраиваются на необходимый угол с учетом расстояния ладони от камеры. Перед объективом помещается ИК-фильтр, пропускающий длину волны в ИК-спектре, которую излучают диоды.

Метод пропускания заключается в установке подсветки с тыльной стороны, камера с фильтром устанавливается со стороны ладони и принимает ИК-излучение. Получаемые при использовании данного метода изображения являются более детализированными.

На первых этапах создания биометрического шаблона производится выделение области интереса и многоуровневая фильтрация

исходного изображения, определяются зоны между пальцами, условный центр ладони, рассчитывается центр масс, благодаря чему распознавание не будет зависеть от угла поворота в горизонтальной плоскости. Фильтрация заключается в выделении изображения вен и снижении бликов и шумов. Для подобного вида задач применяются алгоритмы цифровой обработки сигналов на основе дискретного преобразования Ж.-Б. Ж. Фурье. В его основе лежат математические методы разложения исходной непрерывной функции от времени на совокупность базисных функций различной частоты, фазы, амплитуды [5].

На этапе бинаризации все изображения приводятся к единому виду, уменьшается влияние различной фокусировки и контрастности изображения [6]. Производится выделение линий вен, что играет важную роль на последующих этапах, т. к. на неправильно локализованных венах не удастся корректно выделить контрольные точки. С помощью маски шума отсекается часть шумов.

Следующий этап – это извлечение признаков и выделение характерных особенностей. Полученное изображение делится на участки дискретизации, указываются координаты контрольных точек, производится запись в файл, являющийся математической моделью. Таким образом, в базу помещается файл с координатами «особых точек» венозного рисунка, а исходное изображение ладони удаляется без возможности восстановления [7].

Вторая часть, идентификация, основана на сравнении полученного шаблона с теми,

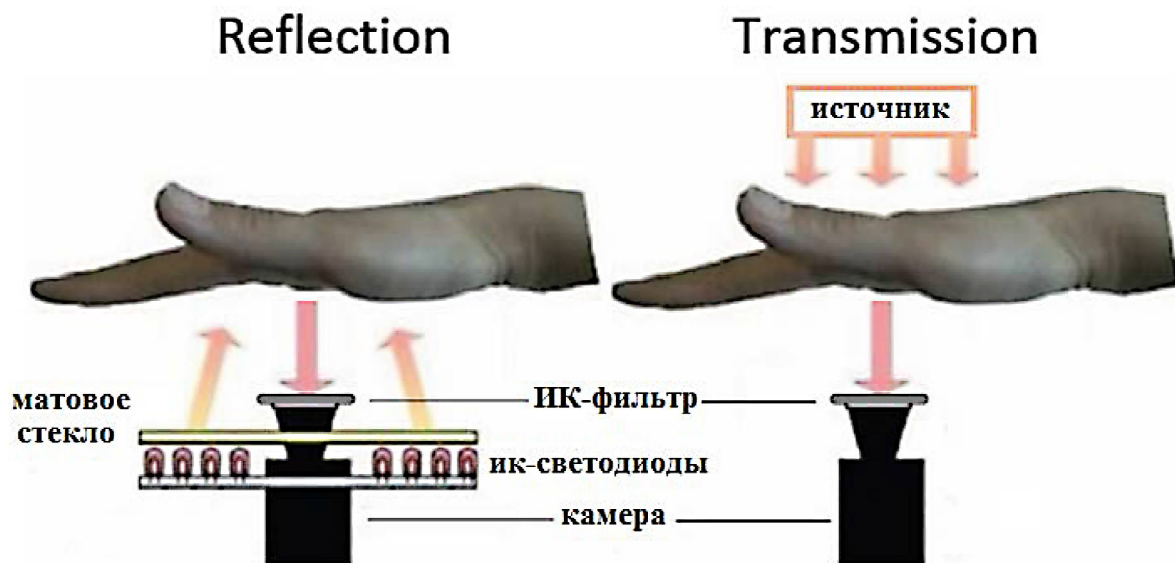

Рис. 2. Методы получения изображения вен

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность, судебно-экспертная деятельность

которые имеются в базе данных, при помощи алгоритма корреляции. Для ускорения процесса распознавания может применяться алгоритм предвыборки, использующий «хеш-код» – глобальные особенности строения васкулярного изображения.

К отличительным преимуществам васкулярной идентификации следует отнести удобство и бесконтактность метода, высокую надежность, защиту от фальсификации, низкий процент ошибок.

Васкулярная идентификация использует распознавание изображений и технологию для сканирования невидимых при обычных условиях структур вен кистей или пальцев, что обеспечивает высокую степень надежности и устойчивости к подделке, так как сосудистые узоры располагаются внутри тела, а не снаружи. В то время как большинство других видов биометрической идентификации являются уязвимыми для презентационных атак, васкулярный рисунок практически не поддается подделке. Рисунок вен сложно не только подделывать, но и увидеть, а создание муляжа для обмана является в данном случае трудоемкой задачей. В случае осуществления несанкционированного доступа к базе данных злоумышленник получит цифровой шаблон, в котором зашифрованы «особые точки» – значимые параметры индивидуального рисунка вен, а не полноценное изображение кисти.

Вены не оставляют следов на поверхности, их невозможно сфотографировать обычным фотоаппаратом или записать на диктофон. Кроме того, технология обнаруживает образы рисунка вен только живых людей, отвечает высоким требованиям гигиены. Процесс сканирования быстр и не требует непосредственного контакта между датчиком и проверяемым объектом. Сканеры способны распознавать васкулярный рисунок даже через медицинскую перчатку, что особо важно в период пандемии, т. к. процесс позволяет бесконтактно и гигиенично подтвердить личность человека.

Внешние факторы практически не оказывают влияния на результаты сканирования. Расположение и форма сосудов мало зависят от заболеваний, что обеспечивает стабильные результаты идентификации на протяжении многих лет.

Помимо государственной и коммерческой, отдельно следует отметить криминалистическую категорию применения васкулярной

идентификации. В криминалистике и судебной медицине распространены методы биометрической идентификации, в том числе по отпечаткам пальцев, сосудистому рисунку глазного дна [8], рисунку радужной оболочки [9], образцам ДНК [10]. С точки зрения криминалистической идентификации личности появление баз данных, содержащих цифровые шаблоны венозного рисунка, поможет установлению личности в случае расчленения трупа, при обезображивании лица и невозможности проведения портретной экспертизы, при отсутствии информации о человеке в базах данных дактилоскопических учетов и учетов геномной информации.

Системы идентификации по отпечаткам пальцев обладают низкой устойчивостью к фальсификации, негигиеничны, что связано с контактным способом считывания биометрической характеристики. Кроме того, возникают трудности в проведении идентификации при различных повреждениях кожного покрова, сезонных изменениях узора.

Биометрические характеристики подписи и голоса находятся в значительной зависимости от эмоционального состояния объекта.

Биометрическая характеристика геометрии лица не обладает высокой уникальностью и не является скрытым параметром, что в разы увеличивает риск попадания данной характеристики в руки злоумышленников.

ДНК – оптимальная биометрическая характеристика, но процесс идентификации по ней использует инвазивные технологии, что является значительным препятствием для широкого применения.

Сосудистый рисунок, расположенный на сетчатке глаза, является одним из наиболее стабильных и скрытых признаков, поэтому метод идентификации по такому рисунку высоконадежен, но достаточно дорог, кроме того, имеет низкую пропускную способность и комфорт.

Считывание узора радужной оболочки может производиться дистанционно. Следовательно, данная уникальная характеристика может быть изъята и использована злоумышленниками, желающими произвести подмену. Радужная оболочка также чувствительна к влиянию разнообразных внешних факторов [11].

Несмотря на то что биометрические характеристики вен расположены внутри тела и, следовательно, лучше защищены, в статье швейцарского Idiap Research Institute доказывается,

что данный метод все равно уязвим перед спуфинг-атаками [12].

Кроме того, если ладонь была повреждена, что возможно, например, после химиотерапии или при артрите, когда расположение поверхностных вен и их толщина меняется, рисунок сосудов может не читаться, и система не сможет идентифицировать человека. Некоторые формы анемии также могут затруднять считывание рисунка.

Технологической особенностью данного метода является необходимость особых требований к освещению в местах установки сканеров, т. к. считыватели рисунка вен чувствительны к действию прямых солнечных лучей и галогеновых ламп [13].

Требуется постоянная модернизация и укрепление мер безопасности на важных государственных объектах. В целях предотвращения входа неавторизованных объектов внедряются системы пропусков на основе биометрической идентификации, где требуется объединение двух и более процедур – сканирование отпечатков пальцев, узора радужной

оболочки, венозного рисунка, распознавание голоса. Технология распознавания рисунка вен сравнительно проста в реализации и зачастую использует ту же аппаратную базу, что и оптические сканеры отпечатков пальца, поэтому внедрение данной биометрической характеристики в комбинированные устройства с целью создания мультифакторных или мультибиометрических систем не является сложной задачей.

Биометрическая идентификация по венозному рисунку кистей позволяет избавиться от множества проблем, связанных с точностью, надежностью, соответствием санитарным нормам, что особенно важно в период обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения.

Стоимость систем, использующих в качестве идентификатора васкулярный рисунок, выше стоимости систем, которые работают с дактилоскопическими идентификаторами, однако сканирование вен кистей значительно дешевле аутентификации по радужной оболочке глаза.

Литература

1. Coultas L. Endothelial cells and VEGF in vascular development // Nature. 2005. № 7070(1438).
2. Глинская Е.В. Биометрическая технология васкулярной идентификации личности. Инженерный вестник. 2013. № 5.
3. URL: http://lib.secuteck.ru/articles2/sys_ogr_dost/biometricheskaya-tehnologiya-raspoznaniya-ven-ladoni-ili-vsled-za-yaponskimi-bankami (дата обращения: 20.01.2021).
4. Nadort A. The Hand Vein Pattern Used as a Biometric Feature. Amsterdam, 2007.
5. URL: <https://simenergy.ru/math-analysis/digital-processing/82-fourier-transform> (дата обращения: 14.12.2021).
6. Мельников В.А., Шпак К.С. Применение цифровой обработки изображений для решения задач биометрической идентификации по рисунку вен ладони: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Мн., 2020.
7. Баранов С.О., Абрамов Д.Б. Технология биометрической аутентификации пользователя по венозному рисунку кистей рук // Вестник СибАДИ. 2017. № 2(54).
8. Нафиков М.А. Алгоритмы сегментации кровеносных сосудов сетчатки глаза // Прикладная информатика. 2016. № 3.

Bibliography

1. Coultas L. Endothelial cells and VEGF in vascular development // Nature. 2005. № 7070(1438).
2. Glinskaya E.V. Biometric technology of vascular identity identification. Engineering Bulletin. 2013. № 5.
3. URL: http://lib.secuteck.ru/articles2/sys_ogr_dost/biometricheskaya-tehnologiya-raspoznaniya-ven-ladoni-ili-vsled-za-yaponskimi-bankami (date of access: 20.01.2021).
4. Nadort A. The Hand Vein Pattern Used as a Biometric Feature. Amsterdam, 2007.
5. URL: <https://simenergy.ru/math-analysis/digital-processing/82-fourier-transform> (date of access: 14.12.2021).
6. Melnikov V.A., Shpak K.S. Application of digital image processing to solve problems of biometric identification by the pattern of the veins of the palm: materials of the II International Scientific and Practical Conference. Minsk, 2020.
7. Baranov S.O., Abramov D.B. Technology of biometric user authentication by the venous pattern of the hands // SibADI Bulletin. 2017. № 2(54).
8. Nafikov M.A. Algorithms for segmentation of retinal blood vessels // Applied Informatics. 2016. № 3.
9. Grishenkova N.P., Lavrov D.N. Review of methods for identifying a person by the iris of the

9. Грищенко Н.П., Лавров Д.Н. Обзор методов идентификации человека по радужной оболочке глаза // Математические структуры и моделирование. 2014. № 1.

10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/identifikatsiya-lichnosti-molekulyarno-geneticheskimi-metodami/viewer> (дата обращения: 28.12.2021).

11. Барсуков С.С. Криминалистическая идентификация по радужной оболочке и сетчатке глаза: современные возможности и проблемы применения // Юрист-Правоведъ. 2021. № 1(96).

12. URL: https://www.researchgate.net/publication/283439069_On_the_vulnerability_of_palm_vein_recognition_to_spoofing_attacks (дата обращения: 06.08.2021).

13. URL: <http://www.techportal.ru/glossary/kontrol-dostupa-po-risunku-ven.html> (дата обращения: 27.12.2021).

14. Вardanyan A.V. Судебная экспертиза в структуре доказательств по уголовным делам: некоторые современные проблемы // Философия права. 2019. № 2(89).

15. Латыпов А.С., Конева Н.Е. Анализ методов идентификации личности // Знание. 2018. № 6–1.

16. URL: <https://www.azone-it.ru/sovremennyye-metody-biometricheskoy-identifikatsii> (дата обращения: 16.12.2021).

17. URL: <http://www.techportal.ru/security/biometrics/tekhnologii-biometricheskoy-identifikatsii/> (дата обращения: 18.12.2021).

eye // Mathematical structures and modeling. 2014. № 1.

10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/identifikatsiya-lichnosti-molekulyarno-geneticheskimi-metodami/viewer> (date of access: 28.12.2021).

11. Barsukov S.S. Forensic identification by iris and retina: modern possibilities and problems of application // Jurist-Pravoved. 2021. № 1(96).

12. URL: https://www.researchgate.net/publication/283439069_On_the_vulnerability_of_palm_vein_recognition_to_spoofing_attacks (date of access: 06.08.2021).

13. URL: <http://www.techportal.ru/glossary/kontrol-dostupa-po-risunku-ven.html> (date of access: 27.12.2021).

14. Vardanyan A.V. Forensic examination in the structure of evidence in criminal cases: some modern problems // Philosophy of Law. 2019. № 2(89).

15. Latypov A.S., Koneva N.E. Analysis of personal identification methods // Knowledge. 2018. № 6–1.

16. URL: <https://www.azone-it.ru/sovremennyye-metody-biometricheskoy-identifikatsii> (date of access: 16.12.2021).

17. URL: <http://www.techportal.ru/security/biometrics/tekhnologii-biometricheskoy-identifikatsii/> (date of access: 18.12.2021).

© 2022 г. Серго Сергей Владимирович,

начальник отдела исследований наркотических средств и взрывотехнических экспертиз
Экспертно-криминалистического центра Главного управления МВД России по Ростовской
области, кандидат политических наук.
Тел.: + 7 903 402-26-84.

Снежкова Жанна Юрьевна,

старший преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности
Ростовского юридического института МВД России.
Тел.: + 7 988 581-41-20.

К ВОПРОСУ О РЕОРГАНИЗАЦИИ БАЗ ДАННЫХ ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКИХ УЧЕТОВ

В статье рассматриваются возможности идентификации личности при помощи автоматизированных дактилоскопических информационных систем, в частности системы АДИС «Папилон», которая способствует установлению личности преступника или пострадавшего в ходе раскрытия преступлений по горячим следам, а также существенно ускоряет процесс идентификации личности при обнаружении неопознанных трупов. Также анализируются новые возможности пополнения баз дактилоскопических учетов за счет проведения добровольной и обязательной дактилоскопической регистрации в соответствии с законодательством Российской Федерации, раскрываются преимущества внедрения новых технологий, в том числе бескрасковых сканеров.

Ключевые слова: дактилоскопирование, следы рук, автоматизированный дактилоскопический учет, автоматизированная система бескраскового дактилоскопирования «Папилон», идентификация личности.

Sergo Sergey Vladimirovich – Head of the Department of Research of Narcotic Drugs and Explosive Examinations, the Forensic Center of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Rostov Region, PhD in Politics.

Snezhkova Zhanna Yurievna – Senior Lecturer, the Department of Forensic Science and Operational-Search Activities, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

ON THE ISSUE OF REORGANIZATION OF DATABASES OF FINGERPRINT RECORDS

The article discusses the possibilities of identifying a person using automated fingerprint information systems, in particular the Papillon AFIS system which helps to identify a criminal or victim in the process of solving crimes in hot pursuit and also significantly speeds up the process of identifying unidentified corpses. It also analyzes new opportunities for expansion of fingerprint databases through voluntary and mandatory fingerprint registration in accordance with the legislation of the Russian Federation, and reveals the benefits of introducing new technologies, including inkless scanners.

Keywords: fingerprinting, handprints, automated fingerprinting, automated system of colorless fingerprinting «Papillon», identification.

Дактилоскопия – одно из старейших направлений криминалистической техники, изучающее строение кожных узоров человека, не теряющее свою актуальность до сегодняшнего дня, несмотря на всевозможное развитие науки и техники. В раскрытии и расследовании преступлений дактилоскопия является одним из основных способов идентификации личности, наряду с такими, как: молекулярно-генетическая экспертиза, антропометрические способы идентификации, исследование запаховых следов человека и почерка и т. п.

На протяжении длительного времени дактилоскопия является одним из самых

востребованных направлений в системе решения экспертно-криминалистических задач, связанных с идентификацией личности, в том числе при обнаружении неопознанных трупов. С развитием новых видов экспертных исследований актуальность дактилоскопии не снижается. Созданная разветвленная, многоуровневая система автоматизированных дактилоскопических учетов, содержащая объемные многомиллионные базы данных, которые позволят ей оставаться мощным, надежным и точным инструментом в руках правоохранительных органов.

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность, судебно-экспертная деятельность

По результатам работы ЭКЦ ГУ МВД России по Ростовской области за 2019 г. выполнено 23 511 экспертиз, из них дактилоскопических – 8 389, результативными, включая установление личности неопознанных трупов, являются 681. По сравнению с предыдущим годом в 2020 г. выполнено 21 959 экспертиз, из них дактилоскопических – 7 629, результативных – 650 [6].

С применением криминалистических средств и методов ежегодно раскрывается более 50 % преступлений. В 2019 г. экспертами Ростовской области было проведено 7 703 исследования, 3 965 из которых – дактилоскопические. В 2020 г. общее число проведенных исследований составило 7362, из них дактилоскопических – 4 303. Таким образом, дактилоскопические исследования составляют 40–50 % от общего объема всех исследований, в том числе проводимых в области идентификации личности, являются одними из наиболее распространенных экспертиз и исследований, проводимых органами внутренних дел России. Это связано с относительно простым и достаточно дешевым методом обнаружения, фиксации и исследования дактилоскопической информации, наличием четкой и несложной классификации. Кроме того, даже небольшой участок папиллярного узора может содержать достаточный набор признаков, позволяющих идентифицировать человека. Все это в совокупности выгодно отличает дактилоскопическую экспертизу от других.

Однако при применении этого самого распространенного способа идентификации возникают некоторые проблемы, не позволяющие в полной мере решать задачи, возложенные на сотрудников полиции.

Основной формой фиксации дактилоскопической информации о человеке была и остается дактилоскопическая карта. До недавнего времени все дактилокарты составлялись в бумажном виде. Но с ростом технологий появились бескрасковые («живые») сканеры, с помощью которых дактилокарта составляется сразу в электронном формате и передается в базу данных для постановки на учет. Практикуется в правоохранительных органах еще одна форма фиксации дактилоскопической информации – составление Формы 1 на обвиняемого в совершении преступления с отображением отпечатка указательного пальца правой руки. Однако эта форма существует только для «привязки» конкретного человека

к совершенным только им преступлениям, т. е. при формировании базы учета лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, могут совпадать фамилия, имя, отчество и год рождения, особенно если преступник «гастролирует» по разным регионам, а проверка дактилоскопической информации выведет на конкретное лицо. Таким образом, Форма 1 к учетам и формированию базы данных не имеет никакого отношения.

В целях скорейшего раскрытия и расследования преступлений активно используются базы различных криминалистических учетов, в частности и дактилоскопического [1; 3; 4]. Цель существования подобных баз – оперативная проверка следов и объектов, изъятых при осмотре места происшествия на причастность к совершенным или уже раскрытым преступлениям. При оперативной проверке получаемая информация позволяет в кратчайшие сроки объединить преступления по тому или иному поисковому признаку, в отношении базы дактилоскопических учетов – по причастным лицам. Следы рук человека при изъятии с места происшествия должны быть проверены по учетам, и при наличии дактилокарты лица, уже попадавшего в поле зрения правоохранительных органов, следует идентифицировать его личность по оставленным следам. При дактилоскопировании трупа дактилокарта проверяется по базе данных, затем устанавливается личность при наличии в ней дактокарты, полученной прижизненно. Во время проведения мероприятий возникает ряд проблем, одна из которых – это малое количество дактилокарт в базе данных Централизованной интегрированной автоматизированной дактилоскопической информационной системы МВД (ЦИАДИС-МВД).

В настоящий момент в базу заносятся дактилокарты лиц, указанных в Федеральном законе от 25.07.1998 № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» [2]. В ней содержится достаточно обширный перечень лиц, подлежащих обязательной дактилоскопической регистрации, т. к. ее основной целью является идентификация личности. Дактилоскопия уже достаточно долго и успешно применяется как средство изобличения преступников – абсолютное доказательство присутствия человека на месте происшествия. Таким образом, получается, что база данных дактилоскопической информации пополняется дактилокартами

законопослушных граждан, а те слои, которые представляют оперативный интерес, остаются в стороне. Например, будет целый «пласт» населения, который не попадает в базу: лица, не совершавшие ранее преступления и не достигшие 18 лет, цыгане, женщины, мужчины, не проходившие военную службу, незаконные мигранты и т. д., т. е. те категории лиц, которые не указаны в законе.

В связи с этим в последние годы часто звучат предложения о введении всеобщей дактилоскопической регистрации, что обуславливается большим числом пропавших без вести, неопознанных трупов, сложностями установления личности преступников [7]. Еще в 2015 г. в своем диссертационном исследовании «Научные основы дактилоскопии и перспективы их развития» А.С. Самищенко отмечал, что технические возможности проведения всеобщего дактилоскопирования уже имеются. Проблема заключается только в том, что существуют определенные психологические и социальные барьеры. Однако необходимость собирания и использования такой важной для идентификации информации направлена на защиту и охрану прав и законных интересов граждан и не нарушает никаких конституционных прав и свобод, т. к. хранится на носителях, изолированных от интернета, и доступ к ним имеется только с компьютеров, имеющих выход к ведомственной сети. Кроме того, полученные дактилоскопические данные используются только при возникновении объективной необходимости, в том числе при совершении лицом какого-либо правонарушения.

Наиболее простой и эффективный способ всеобщего дактилоскопирования – проведение его одновременно с получением гражданином РФ паспорта в 14-летнем возрасте.

Проблемой базы дактилоскопической информации на сегодняшний день является то, что она содержит большое количество повторяющихся данных. Это вызвано разными причинами, например, внесение отпечатков пальцев одного и того же лица под разными либо же неправильными фамилиями. Поэтому привязка отпечатков пальцев к идентификационным данным и цифровому изображению лица посредством всеобщего дактилоскопирования населения одновременно с получением паспорта позволит избежать множества ошибок, возникающих в настоящий момент при пополнении базы.

Нужно отметить, что важную роль в правильном пополнении играет метод получения отпечатков пальцев. Представляется, что даже без введения всеобщего дактилоскопирования получение отпечатков пальцев должно осуществляться посредством активного использования современных компьютерных и кибернетических технологий, в частности с помощью разработанного российскими специалистами бесцветного устройства считывания информации кожного покрова рук человека – сканера «Папилон». Автоматизированная дактилоскопическая идентификационная система (АДИС) «Папилон» позволяет быстро собирать информацию об общих и частных признаках строения папиллярных узоров рук, осуществляет электронную обработку отпечатков, быстрый поиск и сравнение отпечатков пальцев и оттисков ладоней рук в режимах «след-карта», «след-след», «карта-карта». Принцип работы построен на неизменном взаиморасположении «контрольных точек», расстоянии между точками и расстоянии от центра узора до каждой точки. В каждом папиллярном узоре эти показатели строго индивидуальны и спутать их невозможно. Точность же фиксации этих параметров зависит от качества дактилоскопической карты в случае предоставления ее бумажного варианта либо от качества дактилоскопирования в случае применения «живого» бесцветного сканера.

Вторая проблема, возникающая при пополнении базы дактилоскопических данных, – отсутствие во многих отделах полиции необходимого оборудования (приборов дактилоскопического оптического сканирования, которые ускорили бы установление личности «на месте», упростили пополнение самой базы и проверку достоверности данных, сообщаемых задержанными). Данный способ дактилоскопирования также сокращает работу с красками и бумагой, что доставляет немалый дискомфорт как дактилоскопируемому, так и дактилоскопирующему [5].

Ввиду того, что метод «живого» бесцветного дактилоскопирования посредством дактилоскопического сканера применяется не повсеместно из-за дороговизны такого оборудования и, как следствие, некомплектованности им многих отделов полиции, основным методом до сих пор остается традиционный способ получения отпечатков пальцев рук на бумажных носителях – дактилокартах, которые затем сканируются и заносятся в базу.

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность, судебно-экспертная деятельность

Как известно, точность автоматического распознавания и кодирования папиллярных узоров напрямую зависит от качества полученных отпечатков пальцев. Тут содержится третья проблема, непосредственно влияющая на имеющуюся базу дактилоскопических данных, – некачественные отпечатки пальцев и оттиски ладоней рук. Всякое нарушение порядка расположения оттисков пальцев на дактилоскопической карте, неполная их прокатка, а также грязные или неясные отпечатки пальцев делают ее непригодной для вычисления формулы, постановки на учет и проверки лица. Статистика показывает, что только 10–30 % дактилоскопических карт, загружаемых в базу, соответствуют требованиям качества и пригодны для дальнейшего использования.

Система «Папилон» кодирует отпечатки пальцев автоматически, выбраковывая непригодные, обработка которых занимает значительное время и повышает вероятность ошибки [6].

Причины непригодности дактилоскопических карт могут быть разными. Так, одной из причин является низкое качество бумаги для дактилоскопирования (она может быть рыхлой, серого цвета, волокнистой и т. п.). Второй причиной выступает некачественное заполнение бланка, а именно: небрежный, неразборчивый почерк, неполное указание данных, ошибки в установочных данных, неоднозначно написанные ФИО, даты и т. д.

И, наконец, основная проблема – это низкое качество дактилоскопирования, осуществляемого при помощи валика и краски. Причиной этого могут выступать неумение и небрежность сотрудника, производящего дактилоскопирование, нарушение техники дактилоскопирования, сопротивление либо же физиологические особенности кожного покрова дактилоскопируемого лица. Более конкретными недостатками являются: неполная прокатка пальцев рук, смазанные отпечатки, слишком тонкий либо толстый слой краски, ее неравномерное нанесение, в том числе на влажные пальцы (из-за повышенного пототделения кожи), загрязненные пальцы, нарушение эпидермиса, в том числе стирание папиллярных линий. Также частой ошибкой выступает неправильный порядок прокатки пальцев, т. е. начинают дактилоскопировать с левой, а не с правой руки, как положено.

Решение проблемы нарушения техники дактилоскопирования и небрежного отноше-

ния сотрудников к процессу получения отпечатков пальцев позволит существенно улучшить работу системы базы данных «Папилон», чтобы подготовить ее для дальнейшего введения всеобщего дактилоскопирования, т. к. традиционный метод будет осуществляться еще долгое время, чему способствуют его дешевизна и относительная простота.

Таким образом, первым этапом реорганизации баз дактилоскопических данных должны стать, во-первых, правильное изготовление дактилокарт с соблюдением технологии получения отпечатков пальцев и оформления, во-вторых, постепенной проверкой имеющихся в базе отпечатков на соответствие их документальным паспортным данным. Полученные таким образом образцы папиллярных узоров пальцев рук, а также достоверные данные повысят результативность, точность и оперативность идентификации по дактилоскопической информации.

Вторым этапом должно стать укомплектование всех отделов полиции бесцветными сканерами. Это существенно ускорит и упростит процедуру получения отпечатков пальцев, а также проверку лица по базе дактилоскопической информации. Несмотря на то, что для укомплектования сканерами необходима существенная финансовая поддержка государства, такие затраты оправданы обеспечением безопасности граждан, защиты их прав и законных интересов.

Третьим этапом реорганизации баз дактилоскопических данных должно стать непосредственное введение всеобщего дактилоскопирования, соответственно, с применением бесцветных сканеров [5; 7].

Проблему реорганизации таких баз возможно решить только совместными усилиями государства в лице Министерства внутренних дел и простых сотрудников. В конечном итоге новая система станет существенным подспорьем в раскрытии преступлений.

Другой стороной вопроса является то, что в базу данных поступает большое количество дактилокарт из разных структур, имеющих к ним доступ. В частности, что касается правоохранительных органов – дублирование функций информационных центров и экспертно-криминалистических подразделений. Таким образом, в базу данных многократно попадает дактилоскопическая карта одного и того же лица. Пополнение таких баз экспертно-криминалистическими подразделениями

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность, судебно-экспертная деятельность

ограничено только криминальной регистрацией, т.е. наделены правами внесения в базу данных дактокарт подозреваемых и обвиняемых, а также лиц, представляющих оперативный интерес. ИЦ же, обладая общими правами, также может вносить в базу дактилокарты вышеуказанных лиц.

Можно было бы провести регламентирование этой деятельности, но это может иметь двоякие последствия.

Если поручить полную криминальную регистрацию экспертно-криминалистическим подразделениям, полностью сняв ее с ИЦ, то в этом случае нужно добавлять дополнительные штатные единицы, в противном случае

эксперты будут заниматься только внесением дактилокарт в базу данных, уделяя меньше времени основным направлениям своей профессиональной деятельности.

Если полностью передать криминальную регистрацию ИЦ, то за счет большого объема поступающих дактилокарт резко снизится скорость оперативных проверок, т.е. дактилокарта лица, представляющего оперативный интерес, может попасть в базу через отдаленный промежуток времени от момента криминального события, что даст ему возможность скрыться, продумать алиби и совершить другие действия, направленные на сокрытие преступления.

Литература

1. О полиции: федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (гл. 1 ст. 1) // Российская газета. 2011.
2. О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации: федер. закон от 25.07.1998 № 128-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102054610> (дата обращения: 22.01.2022).
3. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
4. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=422415#sN5wzySigl2k2Jw72> (дата обращения: 02.01.2022).
5. Автоматизация дактилоскопических учетов [Электронный ресурс]. URL: http://gen-docs.ru/v34096/автоматизация_дактилоскопических_учетов (дата обращения: 08.03.2020).
6. «Папилон» // Использование компьютерных технологий в деятельности полиции [Электронный ресурс]. URL: http://proect66.narod.ru/index11_4.html (дата обращения: 08.03.2020).
7. Руководство по дактилоскопической регистрации. М., 1982.
8. URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/224/11456/> (дата обращения: 08.03.2020).

Bibliography

1. About the police: fed. law of 07.02.2011 № 3-FL, chapter 1, art. 1 // Rossiyskaya Gazeta. 2011.
2. On state fingerprint registration in the Russian Federation: fed. law of 25.07.1998 № 128-FL [Electronic resource]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102054610> (date of access: 22.01.2022).
3. About operational investigative activities: feder. law № 144-FL of 12.08.1995 (date of access: 06.07.2016) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1995. № 33. Art. 3349.
4. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=422415#sN5wzySigl2k2Jw72> (date of access: 02.01.2022).
5. Automation of fingerprint records [Electronic resource]. URL: http://gen-docs.ru/v34096/автоматизация_дактилоскопических_учетов (date of access: 08.03.2020).
6. «Papilon» // The use of computer technologies in police activities [Electronic resource]. URL: http://proect66.narod.ru/index11_4.html (date of access: 08.03.2020).
7. Manual on fingerprint registration. Moscow, 1982.
8. URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/224/11456/> (date of access: 08.03.2020).

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС, АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 342.8
ББК 67.400

© 2022 г. Капранова Юлия Витальевна,

доцент кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: ruimvdadmpravo@mail.ru.

ФЕНОМЕН ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Статья посвящена изучению феномена избирательных технологий как политико-правовой и конституционной категории. Автор исследует понятие «избирательные технологии», анализирует их цели, задачи, производит классификацию по видам, а также сквозь призму соотношения данного понятия с иными понятиями и категориями избирательного права выявляет их сущность и содержание, обозначает роль и значение избирательных технологий в современном избирательном праве России. В рамках статьи расширяются подходы к пониманию понятия «избирательные технологии», делается вывод о том, что они являются составной частью избирательной инженерии.

Ключевые слова: избирательная технология, избирательное право, избирательный процесс, избирательная система, выборы, избирательная инженерия, информационные технологии.

Kapranova Yulia Vitalievna – Associate Professor, the Department of Administrative Law, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

PHENOMENON OF ELECTORAL TECHNOLOGIES IN MODERN RUSSIA

The article is devoted to the study of the phenomenon of electoral technologies as a political, legal and constitutional category. The author explores the concept of «electoral technologies», analyzes their goals, tasks, classifies them by type, and also through the prism of the correlation of this concept with other concepts and categories of electoral law reveals their essence and content, designates the role and significance of electoral technologies in modern electoral law of Russia. The article expands approaches to understanding the concept of «electoral technologies», concludes that they are an integral part of electoral engineering.

Keywords: electoral technology, electoral law, electoral process, electoral system, elections, electoral engineering, information technology.

Современный этап развития избирательного права в России характеризуется активным поиском способов по оптимизации избирательной системы в широком смысле, в том числе поиском новых эффективных способов привлечения граждан к участию в выборах, разработке инструментов контроля за проведением выборов, способов повышения доверия населения к власти и выборам. В России построена и развивается избирательная система, чутко реагирующая на изменение общественных отношений. В управлении избирательной системой страны большое внимание отводится установлению правил, принципов, стадий, организации выборов и референдумов, статусов субъектов избирательных процессов, ответственности, но вместе с тем постоянно осуществляется поиск новых избирательных технологий.

Понятие «избирательные технологии» появилось в современном избирательном праве

сравнительно недавно и было заимствовано из политологии. «Технология» в переводе с греческого *techne* – умение, мастерство, *logos* – слово, учение. В рамках политологии, заимствуя экономические термины, отмечается, что избирательные технологии как явление политической действительности «неразрывно связаны с политическим маркетингом – комплексом мероприятий в области исследований политического рынка, изучения подведения избирателей и воздействия на них с целью победы на выборах» [1, с. 327].

Анализ научной литературы по данному вопросу позволил сделать вывод о том, что в исследованиях различных авторов понятие «избирательные технологии» используется достаточно широко, но его содержание и объем в силу многоаспектности и постоянного развития определить достаточно сложно, а также отсутствует и единая трактовка понятия.

Большинство авторов, исследуя избирательные технологии как явление политической жизни страны, рассматривают их в узкой интерпретации – как технологии, сопровождающие кандидата (партии), их команды в деятельности по подготовке и проведению избирательной кампании. Так, Д.В. Березко отмечал, избирательная технология, являясь разновидностью политической технологии, представляет собой «совокупность средств, способов, приемов организации и проведения избирательной кампании, направленных на достижение предвыборных целей кандидата или партии в конкретной электоральной ситуации» [1, с. 327]. М.В. Комягина, как сторонница данной трактовки, изучая основные подходы и концептуальные основы избирательных технологий, предлагала под ними понимать «совокупность техник, методов, инструментов, процедур информационно-агитационного направления избирательной кампании кандидата или партии, ориентированных на реализацию предвыборных целей кандидата (как правило, успешного продвижения имиджа и программы)» [2, с. 66]. Ею рассматривались различные подходы, раскрывающие роль и значение избирательных технологий как современного и эффективного инструмента управления общественным мнением: манипулятивный, нормативный, политического маркетинга, структурно-функциональный, коммуникативный, сравнительно-исторический, [2, с. 65–73]. М.В. Кашенко, исследуя избирательные технологии в зарубежных странах, относит к ним такие средства и избирательные приемы, как открытый доступ к персональным данным кандидатов на выборах, право каждого присутствовать на избирательном участке после его закрытия для наблюдения за ходом и результатами подсчетов голосов [3, с. 37–39] и др. В работах, посвященных исследованию избирательных технологий, применяемых в России, сторонники данного подхода выделяют следующие избирательные технологии: организацию встреч с кандидатами [4, с. 108], индивидуальную работу институтов гражданского общества с избирателями «от двери к двери» [5, с. 179], технологию блокчейн [6, с. 1236–1238], имиджмейкерство [7, с. 52–53].

Многогранность избирательной технологии выявляется в процессе рассмотрения ее сущности и содержания в аспектах сравнения с иными категориями, с которыми она отождествляется либо подменяется.

В работах отдельных авторов встречаются высказывания, согласно которым к избирательным технологиям следует относить избирательную инженерию [8, с. 86]. В связи с этим к основным методам избирательной инженерии как одной из наиболее распространенной избирательной технологии, по мнению Е.В. Куценко, следует относить: выбор той или иной разновидности избирательной системы в узком смысле, стимулирование перемещения избирателей из одного избирательного округа в другой, джерримендеринг, или манипулирование границами избирательных округов и иные практики, такие как видеонаблюдение за организацией голосования и подсчетом на избирательных участках, формирование окружных и участковых избирательных комиссий с участием всех политических партий – субъектов избирательного процесса, ротация состава избирательных комиссий [8, с. 86].

Однако следует различать сущность и содержание таких понятий, как «избирательная технология» и «избирательная инженерия». Понятие «избирательная инженерия» в отечественной науке мало изучено и не получило однозначного толкования. В данном вопросе преуспели зарубежные исследователи: П. Норрис, К. Гессе, М. Дюверже, Р. Паунда, Дж. Сартори, Ю. Хабермас и др., определения инженерии которых в целом различаются, но сводятся в целом к его трактовке как процесса модификации избирательного законодательства [9, с. 136]. П. Норрис предлагал понимать термин «избирательная инженерия» двояко: как внедрение в практику избирательных технологий организации и проведения избирательных кампаний и как законодательное проектирование правил поведения субъектов и участников избирательного процесса [10, с. 12]. Отечественные исследователи придерживаются разных позиций по определению понятия, содержания избирательной инженерии, либо включают избирательные технологии в его структуру (О.С. Морозова), либо отождествляют избирательные технологии с ним (Е.В. Куценко), но в целом сходятся во мнении, что это процесс по формированию и развитию избирательной системы. Так, по мнению О.С. Морозовой, избирательная инженерия всегда осуществляется путем использования совокупности приемов, методов и технологий, а также процедур в рамках избирательной системы. Избирательная инженерия – это

целенаправленный процесс формирования и совершенствования системы организации выборов и связанных с ней отношений в публичных органах власти [9, с. 136]. Перед избирательной инженерией как прикладной отраслью политологии в рамках конституционного подхода, определяемой некоторыми авторами как конституционной инженерией, стоит задача сконструировать идеальную демократическую избирательную систему, максимально приспособленную к конкретно-историческим условиям страны. Задачи избирательной технологии заключаются в совершенствовании существующих избирательных правоотношений. Причем, как отмечает О.С. Морозова, анализ подходов отечественных и зарубежных авторов приводит к выводу о том, что использование термина «избирательная инженерия» не следует понимать как незаконное вмешательство в избирательный процесс, поскольку данное понятие относится только к изменению правил официальным путем [9, с. 137]. В данном аспекте практика применения «грязных» способов и приемов, в том числе манипуляций как средств достижения целей конкретных субъектов избирательных процессов, может рассматриваться как избирательные технологии, в буквальном смысле как мастерство, но они должны признаваться вне правового поля. Избирательные технологии – это совокупность средств, способов и приемов, процедур реализации системы организации выборов и связанных с ней отношений, направленных на повышение эффективности избирательной системы. Таким образом, избирательные технологии есть составная часть избирательной инженерии как сложного процесса по формированию и совершенствованию избирательного законодательства.

Исследование содержания понятия «избирательная технология», широко используемого в публицистической и научной литературе, приводит к выводу о том, что данные технологии выполняют позитивную роль в структуре избирательных процессов, создающиеся с целью развития избирательной системы. Некоторые авторы используют понятие «избирательные технологии» в негативных, деструктивных аспектах. Так, например, автор К.Н. Емешин к избирательным технологиям относит способы и приемы по контролю за партийными структурами, по расколу партийных структур неугодных власти [5, с. 174–178]. Е.В. Куценко относит к избирательным технологиям манипулятивные практики по дестаби-

лизации работы избирательных комиссий в оппозиционных регионах, манипулирование системой лояльного отбора по отношению правящего класса к составу избирательной комиссии и др. [8, с. 86–97]. Представляется в этой связи, что способы и приемы, дестабилизирующие избирательную систему демократического государства, являются нарушением установленных принципов, правил и требований по участию в электоральных отношениях. «Грязные» избирательные технологии выхолащивают суть демократической избирательной системы, подрывают принципы свободы, равенства, всеобщности, гласности, состязательности, такие ее характеристики, как доступность и значимость выборов, действительное представительство депутатского корпуса, подотчетность представителей, поддержка парламентской оппозиции, поощрение плюрализма и пр.

При рассмотрении сущности избирательных технологий следует ограничивать данное понятие от информационных технологий в избирательном процессе. Информационные технологии, или интернет-технологии, представляют собой инновационно-информационные способы реализации отдельных структурных элементов избирательных процессов. Здесь происходит процесс так называемого оцифровывания по двум направлениям: процедурному – оцифровывается какая-либо часть, этап избирательного процесса (составление списков избирателей, подсчет голосов), а также содержательному, который предполагает перенос формы участия граждан в управлении делами государства из реальной жизни посредством традиционных форм в сферу виртуального и цифрового пространства, оцифровыванием конституционных прав и свобод, наполнением их новым содержанием. Избирательные технологии могут осуществляться с применением информационных технологий, но это способ воздействия на поведение людей с целью получения избирательной системой высшего показателя эффективности – доверия граждан к власти, массовой явки на выборы, отсутствия злоупотреблений в ходе проведения избирательной кампании. В то время как первично информационные технологии – это способ упрощения обработки информации, которой оперируют в процессе избирательных процессов. Появление цифровых прав – побочный продукт, который не является целью избирательного

процесса, а появляется, как отмечал председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин, в процессе конкретизации как на уровне правотворчества, так и на уровне правоприменения универсальных прав человека в сфере цифрового и виртуального пространства [11, с. 26–27].

Следует отличать правила избирательной системы и избирательные технологии. И те и другие оказывают влияние на электоральное поведение избирателя, но институциональные правила содержат требования, обращенные к участникам избирательных процессов с целью упорядочения их поведения, регулирования избирательных процессов, а избирательные технологии – это способы, методы воздействия на поведение участников электоральных процессов для повышения эффективности функционирования избирательной системы, опирающиеся на положения закона. При этом, как отмечалось, главной особенностью избирательных технологий является «нацеленность на включение определенных механизмов, которые помогают регулировать поведение избирателей, их ценностные ориентации, интересы, настроения, предпочтения» [12, с. 76]. Как отмечают Е.А. Магомедова и М.С. Евстигнеева, кандидат на выборах заинтересован донести до избирателей свои взгляды, программы с целью склонения проголосовать за его кандидатуру, поэтому на основе норм законодательства, положений Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и прав на участие в референдуме граждан Российской Федерации» он нуждается в так называемом социокультурном сопровождении, применении социокультурных технологий [13, с. 13]. Речь идет о воздействии на избирателей через традиционный непосредственный контакт или посредством агитационно-рекламной деятельности кандидата, иными словами, о традиционных, классических коммуникативных избирательных технологиях, а также о пропагандистско-просветительских избирательных технологиях, несмотря на то, что указанные авторы называют их в контексте своего исследования социокультурными технологиями.

В рамках организации и проведения выборов и референдумов избирательные технологии могут преследовать разные цели: стабилизация положения в государстве, обеспечение максимальной доступности избирательных процессов, привитие избирательной

культуры, повышение уровня доверия к власти и избирательным процессам, привлечение большего количества избирателей, получение определенного результата на выборах (для кандидатов), оперативное информационное обеспечение и др. Так, например, к избирательным технологиям по повышению электоральной активности следует относить различные методы по формированию электоральной активности, а также методы пропагандистско-просветительского и организационно-процедурного характера. К ним относятся предпринимаемые государством меры, способствующие повышению интереса к конкретным выборам, побуждающие население активно поучаствовать в избирательной кампании, влияющие на рост явки в день выборов, а также технологии, применяемые кандидатами в своей агитационной кампании, заинтересованными в привлечении электората.

В ряде европейских государств для повышения явки в разные периоды использовались такие меры организационно-процедурного характера, как введение пропорционального представительства на выборах в парламент, обязательного голосования, применение смешанной избирательной системы, назначение выборов в выходной день и др. [14, с. 146–147]. К избирательным технологиям, опробованным в России, с целью повышения явки на выборах следует относить следующие меры организационно-процедурного характера: введение с 2005 г. единого дня голосования на выборах; введение в 2014 г. смешанной избирательной системы в федеральный парламент; закрепление возможности быть избранными в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации самовыдвиженцам; перенос в 2016 г. выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации с декабря на сентябрь, в единый день голосования; организация досрочного голосования на выборах в течение нескольких дней; организация дистанционного голосования и др. К мерам пропагандистско-просветительского характера следует относить: агитационно-культурные акции, общение с гражданами, проведение информирования граждан о положениях предвыборной кампании, конкурсов на тему избирательных процессов, осуществление материального и морального поощрения выборщиков, впервые пришедших на выборы и др. Избирательные технологии по повышению электоральной

активности могут осуществляться в различных формах, как в классических, традиционных, так и инновационно-информационных. К примерам последних относится механизм «Мобильный избиратель», применяемый при помощи технологии блокчейн, который был впервые использован на выборах 2017 г., а также выборах Президента Российской Федерации в 2018 г., при голосовании по поправкам к Конституции в 2020 г., выборах 2021 г.

Таким образом, выявление сущности и содержания понятия «избирательные технологии» в сравнении с другими категориями избирательного права, изучение современных практик их применения в России позволили расширить границы подходов к его пониманию. С позиции широкого подхода к избирательным технологиям относятся все способы и приемы, которые охватывают избирательный процесс как в выборный, так и межвыборные периоды, без какого-либо отношения к их применяющему субъекту. Таковыми субъектами могут быть и государство, и кандидат (партия). С позиции узкого подхода к ним относятся те технологии, которые сопровождают кандидатов (партии) на всех стадиях организации и проведения выборов и применяются с целью достижения главных для них стратегических целей на выборах – склонить проголосовать, победить. Демократическое государство зависит от системы выборов в органы публичной власти, а поэтому заинтересовано в оптимизации электоральных процессов, в том числе посредством разработки избирательных технологий. Безусловно, избирательные технологии в различных демократических странах различаются, однако в их основе лежат базовые, общие критерии построения избирательных систем. Избирательные технологии, нарушающие принципы демократии, дестабилизирующие избирательную систему, выхолащивающие ее суть и содержа-

ние, находятся вне правового поля. Среди существенных исходных параметров избирательных технологий на первый план выходят категории, взаимосвязанные с задачами, целями и функциями (предназначением) избирательной системы в демократическом государстве. Проведенное исследование согласно указанным параметрам позволяет определить избирательные технологии как совокупность средств, способов, приемов, процедур, направленных на совершенствование избирательной системы либо повышение ее эффективности и достижения желаемого результата для различных участников избирательных процессов, в том числе государства, кандидатов, избирателей и институтов гражданского общества. Избирательные технологии играют позитивную роль в избирательной инженерии. Их предназначение заключается в приведении механизма избирательной системы в такое состояние, при котором данная система является наиболее эффективной. На основе мирового и отечественного опыта выделим следующие виды избирательных технологий: пропагандистско-просветительские, в том числе классические коммуникативные способы работы с массовым сознанием (имиджмейкерство, встречи с избирателями) или спецпроекты (конкурсы, олимпиады и т. д.); организационно-процедурные (выбор подходящего времени, применение избирательной системы определенного вида, перемещение избирателей из одних избирательных округов в другие, выбор формы голосования и т. д.); нестандартные, или информационно-инновационные («Мобильный избиратель», дистанционное голосование); а также «чистые» и «грязные» избирательные технологии. Высказанные рассуждения не претендуют на исключительность, а приглашают к дискуссии, обозначая векторы дальнейшего движения исследований в данном направлении.

Литература

1. Березко Д.В. Избирательные технологии как разновидность политических технологий: сборник материалов Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Витебск, 2013.
2. Комягина М.В. Избирательные технологии: основные подходы и концептуальные основы // Ученые записки Казанского университета. 2010. Т. 152. Кн. 5.
3. Кашченко М.В. Избирательные технологии в Швеции и выборы в Европарламент //

Bibliography

1. Berezko D.V. Electoral technologies as a kind of political technologies: a collection of materials of the International scientific and Practical Conference of students, postgraduates and young scientists. Vitebsk, 2013.
2. Komyagina M.V. Electoral technologies: basic approaches and conceptual foundations // Scientific notes of Kazan University. 2010. Vol. 152. B. 5.
3. Kashchenko M.V. Electoral technologies in Sweden and elections to the European Parliament //

Представительная власти – XXI век: Законодательство, комментарии, проблемы. 2004. № 4(58).

4. Бейдина Т.Е., Морозов С.П. Избирательные технологии как технологии политического маневрирования // Вестник Читинского государственного университета. 2007. № 2(43).

5. Емешин К.Н. Избирательные технологии как механизм установления взаимодействия парламента со структурами гражданского общества // Дневник алтайской школы политических исследований. 1999. № 7.

6. Лихолатов Г.С., Савченко М.С. Применение информационных технологий в избирательных процессах в Российской Федерации: на примере технологии блокчейн: сборник статей по материалам 74-й науч.-практ. конф. студентов. Краснодар, 2019.

7. Кулаев М.О., Кулаева Е.О. Имиджмейкерство как вид коммуникативных избирательных технологий // Интеллектуальные потенциал XXI века: ступени познания. 2013. № 19.

8. Куценко Е.В. Технологии избирательной инженерии в парламентских выборах в Украине (на примере электоральной кампании 2021 г.) // Вестник пермского университета. 2014. № 2(26).

9. Морозова О.С. Понятие «избирательная инженерия» в современной политической науке // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. 2015. № 1(189).

10. Norris P. Electoral Engineering: Voting Rules and Political behavior. New York, 2004.

11. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире // Российская газета. 2018.

12. Лысцев М.С. PR-технологии в избирательной кампании // Актуальные проблемы социальной коммуникации: сборник материалов третьей Всероссийской научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2012.

13. Магомедова Е.А., Евстигнеева М.С. Социокультурные технологии избирательных кампаний как фактор повышения правовой культуры общества // Вестник Калужского университета. 2019. № 2.

14. Voter turnout and the quality of democratic political system // PolitBook. 2014. № 1.

Representative power – XXI century: Legislation, comments, problems. 2004. № 4(58).

4. Beidina T.E., Morozov S.P. Electoral technologies as technologies of political maneuvering // Bulletin of the Chita State University. 2007. № 2(43).

5. Emeshin K.N. Electoral technologies as a mechanism for establishing interaction between Parliament and civil society structures // Diary of the Altai School of Political Studies. 1999. № 7.

6. Likholatov G.S., Savchenko M.S. Application of information technologies in electoral processes in the Russian Federation: on the example of blockchain technology: a collection of articles based on the materials of the 74-th scientific and Practical Conference of students. Krasnodar, 2019.

7. Kulaev M.O., Kulaeva. O.E. Image-making as a type of communicative electoral technologies // Intellectual potential of the XXI century: stages of cognition. 2013. № 19.

8. Kutsenko E.V. Technologies of electoral engineering in parliamentary elections in Ukraine (on the example of the electoral campaign of 2021) // Bulletin of Perm University. 2014. № 2(26).

9. Morozova O.S. The concept of «electoral engineering» in modern political science // Bulletin of the YankaKupala Grodno State University. 2015. № 1(189).

10. Norris P. Electoral engineering: voting rules and political behavior. New York, 2004.

11. Zorkin V.D. Law in the digital world // Rossiyskaya Gazeta. 2018.

12. Lyssev M.S. Pr-technologies in the election campaign // Actual problems of social communication: collection of materials of the third All-Russian scientific and practical conference. Nizhny Novgorod, 2012.

13. Magomedova E.A., Evstigneeva M.S. Socio-cultural technologies of election campaigns as a factor of increasing the legal culture of society // Bulletin of Kaluga University. 2019. № 2.

14. Voter turnout and the quality of the democratic political system // Politbook. 2014. № 1.

© 2022 г. Фомичев Андрей Андреевич,

преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в органах внутренних дел Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, кандидат юридических наук.
E-mail: andry2453@yandex.ru

О СУЩНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Статья посвящена выявлению и анализу сущностных характеристик органов внутренних дел. Рассмотрена правовая основа, формирующая современную модель органов внутренних дел. Обозначены те свойства и черты органов внутренних дел, которые в юридической литературе относятся к наиболее значимым. Указаны задачи и функции, возлагавшиеся на органы внутренних дел, и предшествовавшие им полицейские образования. Определены фундаментальные характеристики органов внутренних дел, которые неизменяемы и независимы от исторических условий, общественно-политической обстановки, иных внешних и внутренних факторов.

Ключевые слова: органы внутренних дел, сущностные характеристики, сущность органов внутренних дел, общественный порядок, общественная безопасность, борьба с преступностью, правопорядок.

Fomichev Andrey Andreevich – Lecturer, the Department of Criminalistics and Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies, the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, PhD in Law.

ON THE ESSENTIAL CHARACTERISTICS OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES

The article is devoted to the identification and analysis of the essential characteristics of the internal affairs bodies. The legal basis forming the modern model of internal affairs bodies is analyzed. The properties and features of the internal affairs bodies that are among the most significant in the legal literature are indicated. The tasks and functions assigned to the internal affairs bodies and the police formations that preceded them are recorded. The fundamental characteristics of the internal affairs bodies are determined which are unchangeable and independent of historical conditions, socio-political situation, and other external and internal factors.

Keywords: internal affairs bodies, essential characteristics, essence of internal affairs bodies, public order, public security, combating crime, law and order.

Высокая эффективность государственного управления, обеспечивающего достижение стратегических целей, решение текущих задач и выполнение конституционных обязанностей государства, требует выявления сущности институционально-государственных образований. Их инструментальная природа обуславливает наличие неотъемлемых, имманентных (присущих) им свойств, предназначенных для разрешения определенного спектра вопросов. Органы внутренних дел, являясь одним из таких образований, в условиях продолжающегося реформирования с учетом их многофункциональности, универсальности и специфики деятельности особо нуждаются в рефлексии сущностных характеристик.

Вопрос совершенствования модели органов внутренних дел все сильнее актуализируется, о чем свидетельствует увеличивающееся количество научных исследований, посвященных структурно-функциональным характеристикам полицейской системы, ее

месту в правоохранительной структуре государства, пониманию природы и организации данной системы как социюридического феномена [1, с. 155].

На расширенном заседании коллегии МВД России Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил, что в целом органы внутренних дел успешно решают поставленные задачи, связанные с обеспечением общественной безопасности и безопасности дорожного движения, улучшением ситуации в сфере миграции и борьбы с преступностью. Однако российские граждане ждут большей эффективности от всех государственных ведомств, в том числе от органов внутренних дел. Необходимо в полной мере использовать внутренний потенциал, чтобы выйти на новый уровень борьбы с криминальной угрозой, обеспечения безопасности людей, надежной защиты их прав, свобод и собственности [2].

Перед органами внутренних дел все чаще возникают новые задачи, требующие

специфических решений и повышения эффективности деятельности [3, с. 5]. В то же время необходимо понимать, что качественная оптимизация органов внутренних дел невозможна без учета их сущности, ее связи с условиями социальной, экономической и политико-правовой действительности, с закономерностями и тенденциями общественного развития и государственного функционирования. Для раскрытия данной связи следует провести сравнительное исследование между современной моделью органов внутренних дел и исторически предшествовавшими ей институциональными формами, имевшими аналогичные причины и цели функционирования, признаки и свойства, значение которых не только не утрачивалось, но лишь усиливалось вместе с оформлением сущности рассматриваемой государственной структуры.

Модель органов внутренних дел прежде всего складывается из нормативных источников, устанавливающих их организационную структуру, основания, цели, принципы, компетенцию и порядок деятельности. Это особенно актуально в настоящее время – в эпоху конституционно провозглашенного правового государства (ст. 2 Конституции РФ). Формирование правового государства в современной России логично связано с повышением роли закона, выступающим главным регулятором общественных отношений и устанавливающим рамки деятельности государственных и общественных институтов [4, с. 20].

Высший Закон Российской Федерации – Конституция РФ, возлагая на Правительство РФ задачи по борьбе с преступностью, обеспечению законности, прав и свобод граждан, охране собственности и общественного порядка, подразумевает образование органов внутренних дел (п. «е» ч. 1 ст. 114). Указанные задачи составляют целевой аспект сущностных характеристик современной модели органов внутренних дел.

При рассмотрении органов внутренних дел необходимо акцентировать внимание на полиции, которая является их структурообразующим звеном и поэтому выполняет основной объем возложенных на них задач. В соответствии с федеральным законодательством полиция предназначена для противодействия преступности, обеспечения общественного порядка, общественной безопасности, охраны собственности, жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина (ч. 1 ст. 1 ФЗ

«О полиции») [5]. Указанные цели полиции коррелируют и конкретизируются в направлениях ее деятельности: предупреждение и пресечение преступлений (административных правонарушений); выявление и раскрытие преступлений, производство дознания по уголовным делам; производство по делам об административных правонарушениях, исполнение административных наказаний; обеспечение безопасности дорожного движения; розыск лиц; обеспечение правопорядка в общественных местах; осуществление экспертно-криминалистической деятельности; государственная защита специальных субъектов; защита личности, общества и государства от противоправных посягательств; поддержание (восстановление) международного мира и безопасности (ст. 2 ФЗ «О полиции») [5].

Разнообразие направлений деятельности полиции обуславливает ее многофункциональность, что, с одной стороны, затрудняет выявление сущностных характеристик органов внутренних дел, а с другой – выступает самостоятельным атрибутом их современной модели.

В научном сообществе не вызывает сомнений тот факт, что одной из сущностных характеристик органов внутренних дел (полиции) является охрана, защита и поддержание общественного порядка. Большинство исследователей солидарны в отнесении к таким характеристикам обеспечение общественной безопасности [6, с. 10; 7, с. 15] и борьбу с преступностью [6, с. 10; 8, с. 31; 11, с. 71]. Многими авторами сюда также причисляется обеспечение верховенства права или правопорядка [9, с. 106; 8, с. 31; 10, с. 5–6], защита прав и свобод граждан [9, с. 106; 10, с. 5–6; 11, с. 9]. Дополнительно указываются наличие права на применение государственного принуждения, осуществление государственного контроля и надзора [6, с. 10; 7, с. 15]. Кроме того, характеристики органов внутренних дел выделяются в зависимости от методологических подходов исследования. По этой причине к ним также относят идеологическое воздействие на общество или осуществление пропаганды правовых знаний [12, с. 34–35], выполнение социальных функций и ролей на основе институционально заданных норм и правил в пространстве социокультурного взаимодействия [13, с. 209].

Для уточнения сущностных характеристик органов внутренних дел целесообразно

обратить внимание на историю их возникновения и развития. Предполагается, что свойства и признаки, составляющие сущность объекта, должны быть неразрывно с ним связаны и в этой связи присущи ему независимо от временных рамок, а также разнообразных внешних и внутренних факторов. В таком случае сущностными следует признать именно те характеристики органов внутренних дел, которые на протяжении всей их эволюции имели четкие проявления и были неотъемлемы от выполняемых ими функций.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что институт, осуществляющий полицейскую функцию, возник одновременно с образованием государства. С.П. Матвеев по данному поводу указывает, что генезис полиции неразрывно связан с формированием и становлением государственности [14, с. 99]. Р.С. Мулукаев, А.Я. Малыгин и А.Е. Епифанов также подчеркивают, что специальный аппарат, позже сложившийся в целостную организационную систему и получивший название органов внутренних дел, возник вместе с рождением государства [15, с. 3]. При обнаружении общей закономерности синкретичности государственной структуры на этапе ее образования и становления можно проследить высокую значимость первичного институционального проявления органов внутренних дел. Отсюда вытекают логичные вопросы – чем она обусловлена и что вызвало необходимость выделения в зарождающемся государстве самостоятельного элемента, который впоследствии приобрел название органов внутренних дел?

Ответ на обозначенные вопросы следует искать в потребностях общества, для удовлетворения которых и образуется государство, обладающее аппаратом выработки и принятия властных решений, – с одной стороны, а также организационной структурой и инструментарием для реализации данных решений – с другой стороны. Принимая во внимание одновременное возникновение государственности и первичных полицейских образований, следует вывод о том, что их призвание состояло в удовлетворении базовых потребностей общества, а именно – потребностей во внутреннем порядке и безопасности, охватывающих собой и служащих условием для удовлетворения иных общественных и индивидуальных потребностей.

Обеспечение внутреннего порядка и безопасности многими исследователями признается самостоятельной задачей государства, существующей на всех этапах его исторического развития. На каждом этапе эти задачи решаются специализированными государственными институтами, осуществляющими полицейские функции и выступающими прототипами современных органов внутренних дел [16, с. 10]. Следовательно, обеспечение внутреннего порядка и безопасности общества выступает наиболее общей исторически присущей органам внутренних дел сущностной характеристикой.

Следует обратить внимание на общественный порядок и безопасность общества и осветить те опасности, которые вызывают угрозу их нарушения и выступают постоянным объектом противодействия органов внутренних дел. Речь идет о законодательно запрещенном антисоциальном поведении членов общества, деструктивных процессах и явлениях, сводящихся к преступности, борьба с которой является первичным и неотъемлемым назначением полиции во всех ее институциональных проявлениях.

При тесной взаимосвязи с общественным порядком и общественной безопасностью противодействие преступности также выступает постоянной задачей государства, решение которой исторически возлагается именно на органы внутренних дел и предшествовавшие им формы полицейских образований [16, с. 10]. Иными словами, противодействие преступности есть специальная задача, обусловившая учреждение органов внутренних дел (полиции). Как указывает С.П. Матвеев, дифференциация государственной структуры на звенья, отвечающие за внешнюю и внутреннюю безопасность, происходит в тот момент, когда возрастает потребность населения в защите от преступных посягательств [14, с. 99].

Следует согласиться с Р.С. Мулукаевым, который отмечает, что вместе с государством возникает такое социальное явление, как преступность. Борьба с ней становится одной из важнейших задач государства, для решения которой создаются специальные звенья. По мере длительной государственной эволюции они организационно и юридически оформляются в единую систему раскрытия и пресечения преступлений. Ее наличие – атрибут любого государства. В России выражением этой системы исторически являются

органы внутренних дел (полиция) [17, с. 37]. Противодействие преступности также является сущностной характеристикой органов внутренних дел, исторически лежащей в основе их организации и функционирования.

Рассмотренные сущностные характеристики органов внутренних дел – обеспечение общественного порядка, общественной безопасности, борьба с преступностью – представляют собой процесс реализации органами внутренних дел своего назначения. Данный процесс в свою очередь складывается из единичных фактов охранно-защитного воздействия. Его объектами выступают жизнь, здоровье, имущество и иные охраняемые законом материальные и нематериальные блага конкретных лиц, с одной стороны, и противоправные посягательства, выражающиеся в конкретных деяниях, – с другой. С помощью предупреждения и пресечения последних, устранения вреда и ликвидации последствий органы внутренних дел охраняют и защищают граждан, их жизнь, здоровье, имущество и законные интересы, обеспечивают безопасность личности, что в итоге служит предпосылкой создания общественного порядка, общественной безопасности и борьбы с преступностью. Исходя из указанного, а также основываясь на закономерной связи между общим и частным, целым и единичным, логичен вывод о том, что сущностной характеристикой органов внутренних дел также следует признать охрану и защиту человека, его жизни, здоровья, собственности и иных охраняемых законом благ (законных интересов).

Реализация органами внутренних дел своего назначения, решение ими специализированных задач предполагают обладание особыми свойствами и инструментами, с одной стороны, позволяющими осуществить решение этих задач, а с другой – показывающими функциональную специфику данных органов и выделяющими их на фоне иных государственных образований. Подразумеваются методы и средства принуждения, благодаря которым становятся возможными эффективное пресечение противоправной деятельности, обеспечение общественного порядка, безопасности и противодействие преступности. Как отмечают Н.С. Нижник и Е.С. Гугасари, государственное принуждение реализуется специальными органами, обладающими необходимыми силами и средствами воздействия на сознание, волю и поведение людей с

целью достижения общего блага (публичного интереса) [6, с. 11].

С самого начала своего существования органы внутренних дел и иные формы государственных полицейских образований были наделены возможностью принудительно воздействовать на нарушителей установленного государством порядка и обеспечивать безопасность общества.

Независимо от политического режима формы государственного устройства, тенденций общественного развития, неоднократно сменявшихся на протяжении исторического развития государства, принуждение всегда оставалось и продолжает оставаться стержневым свойством органов, осуществляющих полицейскую деятельность. Органы внутренних дел способны осуществлять свое назначение, опираясь именно на это свойство. Как указывает К.С. Бельский, государственное принуждение выступает основным средством охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности [18, с. 34]. В связи с этим принуждение есть сущностная характеристика органов внутренних дел, составляющая их функциональный аспект.

При рассмотрении сущностных характеристик органов внутренних дел необходимо обратить внимание и на тот факт, что с образованием государства одновременно возникает такое явление, как право, которое в своем объективном значении выступает инструментом организации и упорядочивания общественных отношений, а в субъективном смысле – средством разграничения и охраны индивидуальных благ, законных интересов и свободы граждан.

Право упорядочивает общественные отношения с помощью публично провозглашенных и официально изданных юридических актов и норм. В результате осуществления правовых предписаний возникает правопорядок, выступающий юридическим аспектом общественного порядка.

Сами по себе правовые предписания не могут обеспечить собственного беспрекословного исполнения. Действительная их сила проявляется в контролирующей деятельности государственных институтов, призванных следить за четким соблюдением и осуществлением данных норм. Одним из таких институтов, обеспечивающих действие права принудительной (материальной) силой, являются органы внутренних дел. Именно

они и предшествовавшие им полицейские образования исторически составляют тот элемент государственной структуры, который обладает достаточным объемом полномочий для полноценного контроля за исполнением правовых предписаний. Органы внутренних дел обеспечивают реализацию норм права и тем самым воплощают и поддерживают правопорядок с помощью разнообразных средств, форм и методов деятельности.

Вместе с тем вопрос об обеспечении правопорядка как сущностной характеристике органов внутренних дел является дискуссионным. Не вызывает сомнений, что на этапе возникновения и становления государства роль первичных полицейских образований в охране правопорядка была исключительной. Однако вместе с ростом государственной структуры данная задача распространялась также на другие органы страны. В настоящее время осуществлять ее в той или иной степени призван весь государственный механизм [19, с. 22]. Как указывает А.В. Безруков, органы внутренних дел занимают ключевое место в механизме обеспечения правопорядка, но деятельность в данном направлении осуществляют все органы публичной власти [20, с. 11]. Следовательно, обеспечение правопорядка не является специальной задачей органов внутренних дел, а значит, не составляет их сущностную характеристику. Аналогичный вывод следует сделать и в отношении прав и свобод человека и гражданина, признание, соблюдение и защита которых – обязанность всего государства (ст. 2 Конституции РФ), а не исключительная прерогатива органов внутренних дел.

На протяжении эволюции отечественного государства различные институциональные формы современных органов внутренних дел выполняли самые разнообразные задачи и функции: взыскание штрафов и судебных пошлин; полицейский контроль и надзор; судебная деятельность; сбор податей; обеспечение пожарной безопасности; надзор за передвижением населения; политический сыск; исполнение наказаний, связанных с лишением свободы; надзор за благоустройством и санитарией; обеспечение продовольственной безопасности; улаживание социальных конфликтов; противодействие азарту и разврату; контроль цен и метрологии; ведение торговых дел; надзор за питейными заведениями; контроль за исполнением медицинских правил; борьба с пьянством и употреблени-

ем алкогольных напитков [15, с. 6–156]. Изменения в общественных отношениях, тенденциях общественного развития неизбежно отражались на организационном построении, полномочиях, целях и принципах деятельности органов внутренних дел (полиции). Однако сущностные характеристики, составляющие фундамент данной государственной структуры, продолжают оставаться неизменными, независимо ни от каких внешних и внутренних обстоятельств.

Несомненно, что методы, подходы, предмет, цели и задачи исследования определяют характер освещаемой информации и позволяют выделять те или иные аспекты изучаемого объекта. В то же время это совершенно не устраняет значимости, целостности и объективности его сущностных характеристик, изменение которых обуславливает трансформацию самого объекта. В связи с этим необходимо четко различать требующие пристального внимания базовые характеристики органов внутренних дел от второстепенных, выступающих надстройкой, наличие которой определяется велением времени или текущими особенностями общественно-политического развития.

Таким образом, сущностные характеристики органов внутренних дел представляют собой базис, определяющий их неотъемлемые цели, задачи, методы, средства, полномочия и принципы деятельности, которые не зависят от внешних и внутренних факторов и не подлежат изменению, состоящие из целевого и функционального аспектов. Целевой аспект включает в себя обеспечение общественного порядка и общественной безопасности, охрану жизни, здоровья, собственности и законных интересов человека; функциональный – использование государственного принуждения. Иные свойства и характеристики органов внутренних дел изменяемы и зависят от исторических условий, общественно-политической обстановки, социальных тенденций и внутренней организации. В процессе модернизации и реформирования органов внутренних дел любые изменения должны протекать с учетом фундаментального значения их сущностных характеристик, которые во всех ситуациях требуют повышенного внимания и осторожности. В настоящее время, несмотря на тенденцию либерализации и гуманизации общественных отношений, необходимо четко понимать и не забывать о природе органов внутренних дел.

Литература

Bibliography

1. Степанян А.И. Полицейские системы современных государств: основные подходы к типологии // Общество и право. 2020. № 2.

2. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/65090> (дата обращения: 22.12.2021).

3. Барбин В.В. Конституционно-правовые режимы в Российской Федерации. М., 2017.

4. Барбин В.В. Конституционно-правовые основания ограничений основных прав и свобод человека и гражданина в деятельности органов внутренних дел. М., 2005.

5. О полиции: федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Российская газета. 2011. 10 февраля.

6. Нижник Н.С., Гугасари Е.С. Министерство внутренних дел и проблемы институционализации полицейской деятельности в Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 1.

7. Матвеев С.П. Трактовка полицейской деятельности в советский и постсоветский период // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 4.

8. Безруков А.В. Конституционно-правовые основы деятельности органов внутренних дел по обеспечению правопорядка в России // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 1.

9. Ещенко И.Н. Понятие полиции, ее социальное назначение, цели и задачи // Аграрное и земельное право. 2012. № 3.

10. Адмиралова И.А. Статус субъектов административной деятельности полиции и проблемы его реализации в сфере обеспечения прав и свобод граждан // Государство и право. 2015. № 8.

11. Бородин С.С., Попов П.В., Оськин Ф.Ф. Административная деятельность органов внутренних дел: Словарь терминов и понятий. СПб., 2000.

12. Клименко А.И. Полиция как элемент институционального уровня механизма правовой идеологии в условиях современного политически организованного общества // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 3.

13. Янбукхтин Р.М. Полиция как социальный институт (теоретико-методологические и практические аспекты) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 12. Ч. 1.

1. Stepanyan A.I. Police systems of modern states: basic approaches to typology // Society and law. 2020. № 2.

2. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/65090> (date of access: 22.12.2021).

3. Barbin V.V. Constitutional and legal regimes in the Russian Federation. Moscow, 2017.

4. Barbin V.V. Constitutional and legal grounds for the restriction of fundamental rights and freedoms of man and citizen in the activities of internal Affairs bodies. Moscow, 2005.

5. About police: the feder. law of 07.02.2011 № 3-FL // Rossiyskaya Gazeta. 2011. February 10.

6. Nizhnik N.S., Gugasari E.S. The Ministry of Internal Affairs and the problems of institutionalization of police activity in the Russian Empire // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. № 1.

7. Matveev S.P. Interpretation of police activity in the Soviet and post-Soviet period // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 4.

8. Bezrukov A.V. Constitutional and legal foundations of the activities of internal affairs bodies to ensure law and order in Russia // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 1.

9. Eshchenko I.N. The concept of police, its social purpose, goals and objectives // Agrarian and land law. 2012. № 3.

10. Admiralova I.A. The status of subjects of administrative activity of the police and the problems of its implementation in the sphere of ensuring the rights and freedoms of citizens // State and law. 2015. № 8.

11. Borodin S.S., Popov P.V., Oskin F.F. Administrative activity of internal affairs bodies: Dictionary of terms and concepts. St. Petersburg, 2000.

12. Klimenko A.I. Police as an element of the institutional level of the mechanism of legal ideology in the conditions of modern politically organized society // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 3.

13. Yanbukhtin R.M. Police as a social institution (theoretical, methodological and practical aspects) // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. 2014. № 12. P. 1.

14. Matveev S.P. Evolution of police activity: theoretical and legal analysis // Law and order: history, theory, practice. 2015. № 1.

14. Матвеев С.П. Эволюция полицейской деятельности: теоретико-правовой анализ // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 1.
15. Мулукаев Р.С., Малыгин А.Я., Епифанов А.Е. История отечественных органов внутренних дел: учебник для вузов. М., 2005.
16. История органов внутренних дел: учебник / под ред. Р.С. Мулукаева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2015.
17. Мулукаев Р.С. Эволюция системы пресечения и раскрытия преступлений Российской империи // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 4.
18. Бельский К.С. Полицейское право: лекционный курс / под ред. А.В. Куракина. М., 2004.
19. Безруков А.В. Обеспечение правопорядка органами публичной власти в Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 4.
20. Безруков А.В. Органы внутренних дел в механизме обеспечения правопорядка в Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2.
15. Mulukaev R.S., Malygin A.Ya., Epifanov A.E. History of domestic internal affairs bodies: textbook for universities / edited by D.yu.n. R.S. Mulukaev. Moscow, 2005.
16. History of internal affairs bodies: textbook / edited by R.S. Mulukaev. 2nd ed., reprint. and additional. Moscow, 2015.
17. Mulukaev R.S. Evolution of the system of suppression and disclosure of crimes of the Russian Empire // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 4.
18. Belsky K.S. Police law: lecture course / edited by A.V. Kurakin. Moscow, 2004.
19. Bezrukov A.V. Ensuring law and order by public authorities in the Russian Federation // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 4.
20. Bezrukov A.V. Internal affairs bodies in the mechanism of law enforcement in the Russian Federation // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 2.

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОТРАСЛЕВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

УДК 35.076.5+34.07
ББК 67.4/67.9стд1-9

© 2022 г. Адаховская Светлана Владимировна,

доцент кафедры административной деятельности ОВД Нижегородской академии МВД России,
кандидат юридических наук.
E-mail: adahovskaya@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПОЛОЖЕНИЙ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРИМЕНЕНИИ ФИЗИЧЕСКОЙ СИЛЫ, СПЕЦИАЛЬНЫХ СРЕДСТВ, ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ, БОЕВОЙ И СПЕЦИАЛЬНОЙ ТЕХНИКИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СУБЪЕКТА ПРИМЕНЕНИЯ

В статье ставится задача сравнить положения российского законодательства, регламентирующего основания и права в сфере применения физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия и боевой и специальной техники различными субъектами применения. В результате анализа предлагаются изменения действующего законодательства, направленные на унификацию и преодоление недостаточности правового регулирования.

Ключевые слова: основания, права применения физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия, боевой и специальной техники, полиция, субъекты применения оружия.

Adakhovskaya Svetlana Vladimirovna – Associate Professor, the Department of Administrative Activities of the Internal Affairs Bodies, the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE PROVISIONS OF RUSSIAN LEGISLATION ON THE USE OF PHYSICAL FORCE, SPECIAL MEANS, FIREARMS, COMBAT AND SPECIAL EQUIPMENT, DEPENDENT ON THE SUBJECT OF APPLICATION

The article aims to compare the provisions of Russian legislation regulating the grounds and rights in the field of the use of physical force, special means, firearms and military and special equipment by various subjects of application. As a result of the analysis, amendments to the current legislation aimed at unifying and overcoming the insufficiency of legal regulation are proposed.

Keywords: grounds, rights of use of physical force, special means, firearms, combat and special equipment, police, subjects of use of weapons.

В настоящее время все больше внимания уделяется анализу прав некоторых правоохранительных органов в сфере применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. В этой статье будет предпринята попытка проанализировать права, основания и особенности применения мускульной силы, специальных изделий и огнестрельного оружия как органами, основной задачей которых является охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности (полиция, Федеральная служба войск национальной гвардии РФ, Федеральная служба исполнения наказания РФ), так и не относящимися к таковым (частная и ведомственная охрана).

Правомочие на применение физической силы, специальных изделий, боевой и специальной техники и оружия закреплено за рядом ранее так называемых правоохранительных и иных ор-

ганов, к которым относятся: полиция (Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» гл. 5, далее – закон «О полиции»); Федеральная служба безопасности (ст. 14); судебные приставы (ст. 15); Федеральная служба исполнения наказания (гл. 5); охранники при осуществлении частной охранной деятельности (раздел 5); военнослужащие военной полиции вооруженных сил (Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне» ч. 5 ст. 25.1); работники ведомственной охраны (Федеральный закон от 14.04.1999 № 77-ФЗ «О ведомственной охране» гл. 4), военнослужащие и сотрудники войск национальной гвардии (Федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» гл. 3 (далее – закон «О ВНГ»)); должностные лица таможенных органов (Федеральный закон от 27.11.2010 № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» § 3); сотрудники органов

государственной охраны (Федеральный закон от 27.05.1996 № 57-ФЗ «О государственной охране» гл. 5).

Отметим, что такие понятия, как «боевая техника» или «специальная техника», встречаются только в ст. 23 закона «О полиции», в ст. 14 Федерального закона «О Федеральной службе безопасности», в гл. 3 закона «О ВНГ» и в Уставе военной полиции, утвержденном Указом Президента РФ от 25.03.2015 № 161 «Об утверждении Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» [3]. Следовательно, остальные организации не наделены правом применения или использования боевой или специальной техники.

Необходимо подчеркнуть, что сотрудники Следственного комитета РФ в соответствии со ст. 37 Федерального закона имеют право на постоянное ношение и хранение оружия, а также специальных изделий, применяемых *для личной защиты*. Порядок такого применения установлен положениями Федерального закона «Об оружии» от 13.12.1996 № 150-ФЗ, распространяющего свое действие на всех граждан России и разрешающего применение оружия только в случае необходимой обороны и крайней необходимости.

На основании ст. 45 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1-ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» прокуроры также имеют право применять оружие либо специальные средства, предназначенные *для личной защиты*. Этот порядок применения установлен приказом Генпрокуратуры России от 11.08.1999 № 56 «Об организации учета, хранения и выдачи боевого ручного стрелкового оружия и боеприпасов к нему в органах Прокуратуры Российской Федерации» [3]. Пунктом 5.9 этого приказа установлено, что прокуроры и следователи вправе применить оружие и специальные средства при отражении нападения на них, а также при защите членов семьи и личного имущества от преступных посягательств.

Таким образом, указанные категории должностных лиц не будут рассматриваться в свете применения физической силы, специальных изделий и огнестрельного оружия.

Сравнивая **основания применения физической (мускульной) силы** вышеуказанных категорий, приходим к следующим выводам.

Общими для всех категорий правоприменителей основаниями являются: 1) для пресечения преступлений и административных правонарушений (по отношению к таможенным органам указано «для пресечения правонарушений», что является общим поняти-

ем для преступлений и административных правонарушений); 2) для задержания лиц, их совершивших; 3) для преодоления противодействия/сопротивления законным требованиям (либо для пресечения неповиновения).

Неоднозначным с точки зрения толкования права является соотношение понятий «противодействие» и «сопротивление». В дефиницию «сопротивление» представителю власти либо лицу, осуществляющему функционал по охране общественного порядка, судебная система включает умышленные действия физического лица, направленные на преодоление (противодействие) законным действиям лиц, например, при задержании лица, его обезоруживании, удержании или воспрепятствовании иным способом продолжению хулиганских действий [4].

В Толковом словаре «сопротивление» означает «чей-либо решительный отказ подчиняться кому-либо, чему-либо» [6].

Понятие противодействия является более сложным. Так, в соответствии с Психологическим словарем «противодействие – действие, направленное на уменьшение воздействия, оказываемого другим действием. Целью противодействия является выражение несогласия с позицией оппонента, которое выражается в желании ограничить его активность или нанести ему ущерб» [7].

Таким образом, сопротивление является активным действием и структурно входит в содержание понятия «противодействие», которое может выражаться как через активные действия, так и через бездействие.

Для устранения сложностей толкования в федеральных законах необходимо прописать единообразно основание применения физической силы – «сопротивление, причем как активное, так и пассивное (лег на землю, скамейку, выражая нежелание пройти в подразделение)» – для преодоления противодействия законным требованиям (либо для пресечения неповиновения).

Основания применения физической силы для частных охранников законодательно не установлены. Дозволяется применение физической силы в случаях, когда законом разрешается применение либо специальных изделий, либо огнестрельного оружия.

Указанное в законодательстве исключительное основание применения физической силы для таможен «для воспрепятствования проходу в сооружения, на территорию, к товарам, находящимся в рамках таможенного контроля» обосновано особенностью таможенной службы.

Для определенных категорий, таких как судебные приставы, сотрудники ведомственной охраны, таможен и государственной охраны, законодательно не установлено положение,

дозволяющее применять физическую силу в тех ситуациях, когда закон позволяет применять специальные средства или огнестрельное оружие. Этот законодательный пробел необходимо устранить.

Подпункт 9 п. 76, п. 234, 256 и др. Устава военной полиции, утвержденного Указом Президента РФ от 25.03.2015 № 161 «Об утверждении Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» [1], закрепляющие возможность установления оснований применения физической силы, специальных изделий и огнестрельного оружия Указом Президента РФ (Уставом военной полиции), противоречат положению ч. 3 ст. 55 Конституции РФ о том, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены как минимум федеральным законом и только в той мере, в какой это необходимо для осуществления защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Этот пробел может быть устранен только после принятия федерального закона.

В законодательстве имеются общие основания применения специальных изделий для отражения нападения, однако для сотрудников государственной охраны устанавливается также основание «для отражения угрозы нападения», то есть возможность применения специальных изделий перенесена на более раннюю стадию и связана с объектом охраны.

Такой случай применения специальных изделий, как «для пресечения преступления или правонарушения», имеется не у всех правоприменителей. Нет такого основания у судебных приставов, у сотрудников ведомственной охраны, таможи и государственной охраны. Это законоположение определяется узким профилем деятельности указанных служб, а также отсутствием законодательно установленной возможности оформления протоколов об административных правонарушениях. Так, частные охранники могут пресекать исключительно преступления и только в отношении охраняемого имущества. То же самое касается такого основания применения специальных изделий, как «для задержания лица, застигнутого при совершении преступления и пытающегося скрыться». Оно отсутствует у сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний, частных охранников, сотрудников таможи и государственной охраны.

По такому основанию, как «для пресечения сопротивления», возможность применения специальных средств имеется не у всех кате-

горий лиц, которым разрешено применение специальных средств. Этого основания не найдется ни у частных охранников, ни у сотрудников государственной охраны. Однако оно есть у сотрудников ведомственной охраны, которые не наделены правом составления протоколов об административных правонарушениях, за исключением составов административных правонарушений, предусмотренных п. 7 ст. 28.3 КоАП РФ, при оформлении которых сложно представить применение специальных изделий для пресечения сопротивления.

У судебных приставов, частных охранников, сотрудников таможи отсутствует такое основание применения специальных изделий, как «для осуществления задержания оказывающего вооруженное сопротивление лица», хотя в практической деятельности такое возможно.

Для осуществления доставления не могут применять специальные средства частные охранники, сотрудники ведомственной охраны, хотя в соответствии со ст. 27.2 КоАП РФ последние имеют право осуществлять доставление в помещение территориального органа на районном уровне. Необходимо привести в соответствие указанные положения КоАП РФ и закона «О полиции».

Минимальное количество оснований применения специальных средств имеется в распоряжении частных охранников, максимальное – полиции, военнослужащих военной полиции, войск национальной гвардии. Анализируя основания применения специальных средств приходим к итогу, что функционал по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности возложен исключительно на полицию, федеральную службу безопасности и войска национальной гвардии. Сотрудники Федеральной службы исполнения наказаний и военнослужащие военной полиции, государственной охраны могут осуществлять охрану общественного порядка (противостоять массовым беспорядкам) только на своих закрепленных территориях. Не могут привлекаться к охране общественного порядка судебные приставы, частные охранники, ведомственная охрана, таможня. Эти категории служащих в настоящее время относятся к государственной гражданской службе.

Общими основаниями для всех категорий лиц, имеющих право применения огнестрельного оружия, являются: воспрепятствование групповому либо вооруженному нападению на здания, помещения, для защиты кого-либо от посягательства, связанного с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, для нивелирования попытки завладения оружием,

автомобилем, для задержания лиц, осуществляющих групповое или вооруженное нападение.

Такого основания, как «для прекращения возможности завладения огнестрельным оружием, автомобилем», не имеется только у частных охранников, чем это может быть обосновано – не понятно. Частные охранники, владеющие огнестрельным оружием, могут защищать себя, других и свое оружие только в рамках необходимой обороны, пределы которой установлены уголовным законодательством.

Из-за отсутствия у судебных приставов, частных охранников, сотрудников ведомственной охраны и таможи законодательно закрепленной обязанности участвовать в антитеррористических и иных противодействиях не установлено такого основания применения оружия, как «в связи с освобождением заложников».

Такого основания применения оружия, как «для задержания лица, застигнутого при совершении тяжкого или особо тяжкого преступления», не имеется у судебных приставов, частных охранников, сотрудников таможи и государственной охраны в связи с ограничением их компетенции.

В связи с отсутствием прав по задержанию лиц не имеется такого основания применения, как «для задержания лица, оказывающего вооруженное сопротивление», у судебных приставов, частных охранников, сотрудников ведомственной охраны, таможи.

Среди иных оснований применения (где-то – использования) огнестрельного оружия всех категорий правоприменителей указаны: производство предупредительного выстрела, подача сигнала тревоги или вызов помощи.

Судебные приставы, частные охранники и военная полиция вооруженных сил (в соответствии с Указом Президента, а не федеральным законом) не имеют право применять оружие с целью остановки транспортного средства, так как не обладают правомочием требовать остановки транспортных средств.

Не совсем понятно, почему у судебных приставов, частных охранников, сотрудников ведомственной охраны нет такого основания для применения/использования огнестрельного оружия, как «для обезвреживания животного, угрожающего жизни и здоровью людей».

Возможность для применения оружия «с целью разрушения запорных устройств для проникновения в помещения» как наиболее ограничивающего права и свободы человека и гражданина отсутствует не только у судебных приставов, частных охранников, военной полиции вооруженных сил, но и у сотрудников ведомственной и государственной охраны, таможи, сотрудников федеральной службы исполнения наказаний.

Однако все 4 дополнительные основания применения/использования огнестрельного оружия есть у сотрудников и военнослужащих полиции, федеральной службы безопасности и войск национальной гвардии.

Интересна особенность самого последнего по времени принятия законодательного акта в рассматриваемой сфере – закона «О ВНГ». Так, военнослужащие и сотрудники войск национальной гвардии могут применять огнестрельное оружие для защиты лиц, в том числе военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии, должностных лиц государственных органов и органов местного самоуправления без указания на то, что это посягательство должно быть связано с применением насилия, опасного для жизни или здоровья. Таким образом, и сотрудники полиции, и сотрудники войск национальной гвардии могут применять оружие для защиты себя либо других людей, но в законе «О полиции» оговаривается, что посягательство должно быть «сопряжено с насилием, опасным для жизни или здоровья». Таким образом, законом «О ВНГ» установлены необоснованные привилегии, которые должны быть устранены.

Сравнивая основания применения **боевой техники**, приходим к следующим выводам.

Боевая техника и, следовательно, законодательно установленные основания ее применения имеются только у сотрудников/военнослужащих Федеральной службы безопасности, военной полиции вооруженных сил и войск национальной гвардии.

Рассмотрим законоположения о применении боевой техники в Федеральной службе безопасности России.

На основании ст. 35 Закона РФ от 01.04.1993 № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» пограничные органы и Вооруженные силы РФ, осуществляя защиту Государственной границы, могут применять оружие и боевую технику для отражения вооруженного вторжения на территорию Российской Федерации; для предупреждения попыток угона за границу различных судов либо транспортных средств; в отношении различных судов и транспортных средств, нарушающих правила пересечения границы, в случае применения ими силы, а также в ситуациях, когда удержание правонарушителей не может быть реализовано иными способами; для защиты лиц от атаки с угрозой их жизни и здоровью; для освобождения заложников; для предотвращения атаки на силы и средства пограничных органов.

Боевая техника применяется в соответствии с постановлением Правительства РФ [2]. В документе перечислены случаи (например,

защита граждан от атаки с угрозой жизни и здоровью; задержание лица, застигнутого при совершении тяжкого или особо тяжкого преступления и пытающегося скрыться, если иных возможностей задержать его нет), когда может быть применена боевая техника, однако в законодательстве оснований (случаев) применения боевой техники нет, что противоречит положению Конституции РФ о том, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только федеральным законом.

Аналогичная ситуация складывается и в отношении применения боевой техники военной полицией вооруженных сил. Основания применения боевой техники указаны в Указе Президента РФ от 25.03.2015 № 161 «Об утверждении Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» [1].

Единственная служба, для которой основания применения боевой техники указаны в соответствии с Конституцией РФ в федеральном законе, – это Федеральная служба войск национальной гвардии.

Случаи применения боевой или специальной техники в целом сопоставимы с применением оружия. За исключением нескольких пунктов: прекращение функционирования военизированных подразделений; уничтожение вооруженных лиц, отказывающихся выполнить законные требования военнослужащего войск национальной гвардии о прекращении противоправных действий; спасение жизни граждан и (или) их имущества, гарантирование безопасности лиц или общественной безопасности при возникновении массовых беспорядков и чрезвычайных ситуаций.

Статья 22 закона «О ВНГ» называет случаи применения боевой и специальной техники, при этом в статье отсутствует оговорка, аналогичная ч. 5 ст. 21 про применение оружия: о запрете применять оружие при большом скоплении физических лиц, когда могут пострадать случайные лица. Следовательно, запретов на применение боевой техники в случаях, когда могут пострадать случайные лица, нет.

Сравнивая законодательно закрепленный **порядок применения** физической силы, специальных изделий и оружия, необходимо отметить следующее.

Как уже было сказано ранее, основания применения боевой техники и, следовательно, законодательно установленный порядок ее применения имеются только у сотрудников/военнослужащих Федеральной службы безопасности, военной полиции вооруженных сил и войск национальной гвардии.

Порядок применения боевой техники сотрудниками/военнослужащими военной полиции вооруженных сил и войск национальной гвардии законодательно не закреплен, а в ст. 14.2. Федерального закона от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности» закреплен исключительно порядок применения оружия, специальных изделий и физической силы, но не указан порядок применения боевой техники. Этот правовой пробел необходимо устранить.

В связи с тем, что в большинстве законодательных актов, касающихся порядка применения в отношении судебных приставов, сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний, частных охранников, военнослужащих военной полиции ВС РФ, ведомственной охраны, таможни, ничего не говорится о необходимости сотрудника или военнослужащего представиться (сообщить, что являешься сотрудником) до момента применения физической силы и др., желательно в ч. 1 ст. 19 закона «О полиции» слова «сообщить лицам, в отношении которых предполагается применение физической силы, специальных изделий или огнестрельного оружия, о том, что он является *сотрудником полиции*» убрать, таким образом, обязав сотрудника сообщать исключительно о своем намерении и, следовательно, предоставлять возможность и время для выполнения законных требований.

Законодательно установленная обязанность в случае применения огнестрельного оружия делать предупредительные выстрелы существует только для сотрудников таможни. Для судебных приставов *допускается* использование огнестрельного оружия для предупредительного выстрела до применения его на поражение. У всех остальных категорий правоприменителей имеется только положение, закрепляющее возможность применения оружия для осуществления предупредительного выстрела. Исходя из имеющейся практики преподавания можно сделать вывод, что сотрудники очень часто считают, что до применения огнестрельного оружия необходимо осуществить предупредительный выстрел. Это связано с тем, что законом установлены иные основания применения огнестрельного оружия, среди них производство предупредительный выстрел, который, однако, не является обязательным. А путаница связана с тем, что законодательно не закреплено понятие «предупредительный выстрел», а его практическая необходимость нивелируется законодательными положениями о применении огнестрельного оружия для вызова помощи, подачи сигнала тревоги и др. В связи с этим

необходимо привести положения законодательства к единообразию, убрав законодательно установленную обязанность осуществлять предупредительный выстрел.

Основным выводом исследования является необходимость разработки и принятия единого, общего для всех правоприменителей законодательного акта, касающегося применения силы, специальных средств, оружия, боевой и специальной техники.

Литература

1. Об утверждении Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации: указ Президента РФ от 25.03.2015 № 161 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.12.2021).

2. Об утверждении Правил применения военнослужащими органов федеральной службы безопасности боевой техники: постановление Правительства РФ от 25.11.2016 № 1248 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.12.2021).

3. Об организации учета, хранения и выдачи боевого ручного стрелкового оружия и боеприпасов к нему в органах Прокуратуры Российской Федерации (вместе с Инструкцией по организации учета, хранения и выдачи боевого ручного огнестрельного стрелкового оружия в органах прокуратуры Российской Федерации): приказ Генпрокуратуры России от 11.08.1999 № 56 // Сборник основных организационно-распорядительных документов Генпрокуратуры РФ. М., 2004. Т. 1.

4. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 № 45 // Российская газета. 2007. 21 ноября.

5. Белик В.Н., Искра М.А. К вопросу о проблемах соблюдения прав и свобод человека при применении физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в местах лишения свободы и в местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 4.

6. Толковый словарь под ред. Д.В. Дмитриева [Электронный ресурс] // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/5041/сопротивление> (дата обращения: 05.12.2021).

7. Психологический словарь [Электронный ресурс] // URL: <http://www.psychologies.ru/glossary/15/protivodeystvie> (дата обращения: 05.12.2021).

Основания применения огнестрельного оружия и специальных средств должны быть идентичны у различных правоприменителей, за исключением применения в узкоспецифических целях, обусловленных служебной деятельностью. Но эта специфика никак не может распространяться на общие для всех запреты и ограничения. Таким образом, общие для всех основания, порядок, запреты и ограничения должны быть определены единым федеральным законом.

Bibliography

1. About the statement of the Charter of military police of Armed Forces of the Russian Federation and modification of some acts of the President of the Russian Federation: the decree of the President of the Russian Federation dd. 25.03.2015 № 161 // The Official Internet portal of legal information. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of access: 27.08.2019).

2. About approval of Rules of application by bodies of Federal security service of military equipment: resolution of the RF Government dd. 25.11.2016 № 1248 // the Official Internet portal of legal information. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of access: 29.09.2019).

3. About the organization of accounting, storage and issue of fighting manual small arms and ammunition in the Prosecutor's office of the Russian Federation (together with the Instruction on the organization of accounting, storage and issue of combat handguns, small weapons in the Prosecutor's office of the Russian Federation): the order of the Prosecutor General of Russia dd. 11.08.1999 № 56 // Collection of basic organizational-administrative documents of the Prosecutor General of the Russian Federation. Moscow, 2004. Vol. 1.

4. About judicial practice on criminal cases about hooliganism and other crimes committed from hooligan motives: the resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.11.2007 № 45 // Rossiyskaya Gazeta. 2007. November 21.

5. Belik V.N., Iskra M.A. To the question of the problems of observance of human rights and freedoms when using physical force, special means and firearms in places of imprisonment and in places of detention of suspects and accused of committing crimes // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2017. № 4.

6. Explanatory dictionary ed. D.V. Dmitrieva [Electronic resource] // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/5041/сопротивление> (date of access: 05.09.2019).

7. Psychological dictionary [Electronic resource] // URL: <http://www.psychologies.ru/glossary/15/protivodeystvie> (date of access: 05.06.2019).

© 2022 г. Давыдов Максим Вячеславович,

старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, кандидат юридических наук.
E-mail: mdd86.m@yandex.ru

Лубский Роман Анатольевич,

профессор кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России, доктор философских наук, доцент.
E-mail: roma-thebest@mail.ru

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

В статье исследуются основные тенденции и перспективы развития «нового» российского законодательства об административных правонарушениях в контексте особенностей российской правоприменительной практики. Исследование основных тенденций развития и особенностей эволюции «нового» российского законодательства об административных правонарушениях позволило авторам прийти к выводу о том, что основные проблемы, характеризующие область административно-правового применения, приобретают особую актуальность в двух основных сферах административной юрисдикции: в контексте реализации норм материального и процессуального права; в рамках решения вопроса о привлечении лиц к административной ответственности.

Ключевые слова: административное правонарушение, административное наказание, административное законодательство, законодательство об административных правонарушениях, проект Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, административная реформа.

Davydov Maxim Vyacheslavovich – Senior Lecturer, the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Internal Affairs Bodies, the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, PhD in Law.

Lubsky Roman Anatolievich – Professor, the Department of Administrative Law, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Philosophy, Associate Professor.

LAW ENFORCEMENT ISSUES, PROSPECTS AND TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF NEW LEGISLATION ON ADMINISTRATIVE OFFENCES

The article examines the main trends and prospects for the development of the «new» Russian legislation on administrative offenses in the context of the peculiarities of Russian law enforcement practice. The study of the main development trends and features of the evolution of the «new» Russian legislation on administrative offenses allowed the authors to conclude that the main problems characterizing the area of administrative and legal application are of particular relevance in two main areas of administrative jurisdiction: in the context of the implementation of the norms of substantive and procedural law; in the framework of resolving the issue of bringing persons to administrative responsibility.

Keywords: administrative offense, administrative punishment, administrative legislation, legislation on administrative offenses, draft Code of the Russian Federation on administrative offenses, administrative reform.

Административное законодательство является одним из самых динамичных видов отраслевого законодательства. Динамичность как имплицитная характеристика административного законодательства обусловлена деятельным характером тех социальных отношений, которые выступают в качестве предмета административно-правового регулирования. Эти отношения вариативны, они находятся в постоянном изменении и трансформации, что,

в свою очередь, предъявляет аналогичные требования к содержанию и качеству административно-правовых норм. Отчасти именно этими соображениями обусловлен продолжающийся уже длительное время в академической и научной среде перманентный научный дискурс о необходимости принятия нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Особенность этого дискурса обусловлена не столько естественной

необходимостью изменения основных положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, действующего на протяжении двадцати лет, сколько практической значимостью проблем, приобретающих свою актуальность в условиях его применения.

Основная цель обновления нового административного законодательства об административных правонарушениях заключается в приведении его содержания и модели его применения в соответствие общественным отношениям, складывающимся в конкретный период времени. Для этого законодательство об административных правонарушениях и административной ответственности предполагается условно разделить на два полноценных Кодекса: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях; Процессуальный кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, консолидирующих материальные и процессуальные административные нормы, регламентирующие особенности производства по делам об административных правонарушениях. Подобного рода разделение позволит осуществить демаркацию материальных и процессуальных сторон российского законодательства об административных правонарушениях и расширить сферу административно-правового регулирования в связи с возникновением новых социальных институтов, попадающих под предмет административно-правового регулирования.

Обозначенные причины придают актуальность официальной ревизии, с одной стороны, официального перечня административных наказаний, с другой – мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении. В качестве еще одной причины, обуславливающей необходимость реформы современного российского административного законодательства, необходимо отметить дискуссионную природу ключевых определений и формулировок, реализуемых в сфере законодательства об административных правонарушениях и определяющих его специфику. Отечественные специалисты постоянно говорят о неполноте системных определений, содержащихся в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях [1]. Это касается и одного из базовых понятий – «административное правонарушение», выступающее в качестве пер-

манентного объекта разнообразных научных дискуссий [2, с. 109].

Очередная реформа административного законодательства об административных правонарушениях в современном российском обществе намечена на январь 2021 г. Однако сроки реализации «обновленческого замысла» сдвинуты, чему во многом способствовала эскалация новой коронавирусной инфекции, приобретающая характер пандемии. Ориентировочно законодатель определяет дату принятия законодательства об административных правонарушениях не ранее весны 2022 г. [4], что придает актуальный характер исследованиям, направленным на выявление проблемных сфер административно-правового регулирования [5, с. 67–71], прогнозированию особенностей правоприменительной практики в будущем [6].

Анализируя правоприменительные проблемы, перспективы и тенденции развития нового законодательства об административных правонарушениях, необходимо отметить, что сам по себе проект новых Кодексов не является уникальным. Начиная с 2015 г. уже внесена не одна поправка, изменившая ряд исходных положений, составляющих основу нового административного законодательства. Самый яркий пример – принцип презумпции невиновности. В первоначальных интерпретациях он не имел привычного для нас вида, а сами Кодексы закрепляли положение о том, что бремя доказывания должно равномерно распределяться между участниками производства. Иными словами, в контексте практического правоприменения проблема разрешалась, как правило, на основе реализации гражданско-процессуальных правовых практик, в соответствии с которыми каждая из сторон обязана доказывать те факты, на которые ссылается, что вступало в определенное противоречие с правовой доктриной, реализуемой в рамках официальной правовой политики российского государства.

В связи с этим необходимо особо подчеркнуть, что признак диспозитивности не является отличительной характеристикой законодательства об административных правонарушениях. В современном российском обществе за нарушение нормативных предписаний, предусмотренных в рамках соответствующей модели законодательства об административных правонарушениях, административной ответственности подлежит один субъект или

одно лицо (физическое или юридическое). В противном случае институт административной ответственности утрачивает свою актуальность и практическую значимость. В настоящее время вопросы распределения бремени доказывания приведены в соответствие с нормами Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а содержание принципа презумпции невиновности расширено за счет внесения пункта о том, что лицо не обязано доказывать свою невиновность в совершении административного правонарушения. Более того, в последней редакции Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (ст. 2.5–2.13) законодатель вообще решил отказаться от рассмотрения презумпции невиновности в качестве одного из принципов производства по делам об административных правонарушениях, ограничившись лишь общими требованиями, предъявляемыми к различным категориям субъектов в рамках доказывания своей невиновности.

В качестве еще одного примера наличия потенциальной правоприменительной проблемы, приобретающей свою актуальность в рамках производства по делам об административных правонарушениях, выделим приравнение юридической ответственности индивидуальных предпринимателей и лиц, занимающихся отдельными видами предпринимательской деятельности без получения статуса индивидуального предпринимателя. Это положение, предусмотренное ранними версиями проекта Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, как представляется, нарушает ряд базовых принципов административной ответственности, поскольку на практике это означало бы, что российский гражданин может быть привлечен к административной ответственности на основаниях санкций, предусмотренных для индивидуальных предпринимателей. Такие положения были исключены из проекта [3, с. 39].

Необходимо отметить невозможность полного устранения нормативных предписаний, содержащих потенциальную проблему правоприменительного характера, анализируя перспективы развития законодательства об административных правонарушениях. Это объясняется тем, что разрабатывая проекты нормативных актов, законодатель может лишь прогнозировать, но не может предвидеть особенности и результаты правоприме-

нительной практики в будущем. Это можно увидеть лишь после практического применения таких положений в рамках административно-правовой реальности – в отношении реальных субъектов и складывающихся между ними отношений. Подобные гипотетические предположения авторов основаны на их представлении о невозможности создания идеального Кодекса об административных правонарушениях, который бы не имел недостатков и не нуждался бы в доработках. Простые математические подсчеты свидетельствуют о том, что уже за первые месяцы после принятия действующего Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в него было внесено более пятисот поправок и изменений, а за двадцатилетний срок действия Кодекса счет таких изменений перешел на десятки тысяч.

За двадцатилетний срок действия Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях отдельными субъектами административно-правовых отношений, наделенными правом его применения, в первую очередь сотрудниками органов внутренних дел [7, с. 175–178], выработана определенная практика или алгоритм профессиональной деятельности в рамках административного производства. Причем это касается и самого порядка действий и имеющихся специальных процессуальных бланков. Переработать все используемые шаблоны, в которых прописаны конкретные статьи КоАП РФ, будет непростым делом, требующим больших затрат времени. В этом случае могут возникнуть прецеденты составления процессуальных документов на устаревших бланках со ссылками на утратившее силу законодательство, а за этим последовать массовое обжалование таких документов, как следствие, уход от административной ответственности лиц, которые будут обладать достаточным уровнем правосознания, чтобы указать на недостоверность обозначенных в них сведений. Такая ситуация поставит в тупик и судебные органы, которые должны будут признавать такие процессуальные документы незаконными и недействительными. Выходом из сложившейся ситуации может быть введение нового законодательства в действие спустя определенное время после его подписания Президентом Российской Федерации. Например, ныне действующий Кодекс Российской Федерации об административных

правонарушениях был утвержден Президентом Российской Федерации 30 декабря 2001 г., а сами положения вступили в силу 1 июля 2002 г. Тем самым законодатель предусмотрел переходный шестимесячный период для того, чтобы привести в соответствие требованиям нового законодательства всю правоприменительную практику. При этом до вступления в силу применялись положения Кодекса РСФСР об административных правонарушениях 1984 г. В связи с этим принятие новых Кодексов и вступление их в силу в несколько этапов видится наиболее рациональным решением, позволяющим избежать возможных проблем в правоприменительной практике.

Также определенные проблемы могут возникнуть и со сферой применения отдельных мер обеспечения производства по делу. Анализ положения проекта Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – ПКоАП РФ) предусматривает введение целого ряда новых мер процессуального обеспечения. Естественно, что в первые месяцы принятия могут возникнуть проблемы с реализацией именно новых мер, поскольку процесс их реализации еще не проработан детально. Возможно, потребуется принятие каких-либо дополнительных актов, которые бы смогли разъяснить ряд правоприменительных проблем по этому вопросу (например, постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации или приказы государственных органов).

Другие проблемы реализации норм нового законодательства видятся при анализе самих положений. Во-первых, изучение статей ПКоАП показало, что очень много моментов в рамках производства по делу об административном правонарушении отдается на усмотрение суда или должностного лица. Самый простой пример – процессуальные сроки. Согласно ч. 1 ст. 1.15 ПКоАП РФ Процессуальные сроки в случае, если процедурные сроки не предусмотрены прямо, они устанавливаются на усмотрение суда, с соблюдением принципа разумных сроков. Итак, усмотрение органа, осуществляющего производство, имеет принципиальное значение в административно-процессуальной деятельности, а это в некоторых случаях может приводить к злоупотреблению правом и возникновению прецедентов, в рамках которых судьи и дру-

гие субъекты будут использовать существующие административные лакуны, позволяющие расставлять приоритеты по срокам в своих интересах. При этом следует понимать, что в нынешней редакции проектов Кодексов какого-либо понятия разумных сроков, как, например, в УПК РФ, не дается, что в очередной раз свидетельствует о наличии пробела.

Необходимо отметить дискуссионный характер отдельных формулировок, содержащихся в ст. 3.31 «Давность привлечения к административной ответственности» нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и касающихся сроков давности. Так, ч. 14 ст. 3.31 предусматривает, что течение сроков давности приостанавливается при обжаловании постановления по делу об административном правонарушении. Налицо парадокс: постановление фактически является рубежом для отсчета сроков давности, т. е. прекращает их по конкретному делу, однако эти сроки по какой-то причине оказываются приостановленными. При детальном анализе становится понятно, что законодатель хотел исключить случаи, когда привлекаемое лицо посредством обжалования затягивает вступление постановления в законную силу, тем самым «растягивая» срок давности в надежде уйти от ответственности. Однако выбранная законодателем формулировка может вызывать определенные вопросы и порождать те или иные правоприменительные проблемы.

Помимо этого не до конца остается решенным вопрос о применении отдельных мер обеспечения по делу об административном правонарушении. Например, если говорить об аресте имущества, предусмотренном ст. 4.22 ПКоАП РФ, следует признать, что на сегодняшний день нормы законодательства не устанавливают конкретных ограничений на размер имущества, которое арестовывается. Нормы Кодекса предусматривают лишь возможности привлечения специалиста для оценки соразмерности. Сама же соразмерность является оценочным признаком и должна предполагать привлечение специалиста в любом случае. Итак, подобный пробел может также порождать случаи злоупотребления должностными лицами правом необоснованного расширения списков арестовываемого имущества.

Другой пример касается такой меры обеспечения производства по делу об админист-

ративном правонарушении, как приостановление операций по счетам в банке (ст. 4.25 ПКоАП РФ). Административное законодательство в случаях неправомерного применения данной меры предусматривает возмещение ущерба, но лишь реального. Однако зачастую «арест счетов и операций» предполагает в большей степени именно упущенную выгоду. Помимо этого недостаточная правовая концептуализация двух рассматриваемых мер обеспечения может сформировать негативную тенденцию, в рамках которой у правоприменителя появятся реальные рычаги воздействия на деятельность экономических субъектов.

В качестве еще одной проблемы, приобретающей актуальность в рамках производства по делу об административном правонарушении, можно выделить переквалификацию составов административных правонарушений в суде. Сегодня такая возможность предоставлена судам на основании постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [8]. Однако для переквалификации есть определенные условия: она не должна менять субъекта составления протокола и рассмотрения дела, и подсудности.

В связи с этим необходимо отметить, что новые проекты Кодексов также предусматривают возможность переквалификации, но с дополнительным условием: переквалификация не должна способствовать ухудшению положения лица, в отношении которого ведется производство. Указанная норма предусмотрена как на стадии рассмотрения дела об административном правонарушении долж-

ностными лицами (ч. 2 ст. 6.8 ПКоАП РФ), так и в ходе судебного рассмотрения дела об административном правонарушении (ч. 2 ст. 8.38 ПКоАП РФ), что также не совсем понятно. Может возникнуть естественный вопрос: как более строгая санкция, не меняющая подведомственности, может влиять на вопросы переквалификации, если они решаются судом? Такое положение может быть причиной возникновения реальных прецедентов, способствующих созданию условий, во-первых, неоправданно «затягивающих» административное производство, во-вторых, позволяющих виновным «уходить» от административной ответственности.

В статье были рассмотрены потенциальные проблемы, приобретающие практическую значимость в рамках реформы законодательства об административных правонарушениях. Эти правоприменительные сложности могут быть обусловлены, помимо прочего, спецификой практической деятельности, воспроизводящей устоявшиеся поведенческие алгоритмы профессионально значимых действий в контексте появления возможностей злоупотребления административным правом отдельными должностными лицами для извлечения собственной выгоды [9]. Введение нового законодательства об административных правонарушениях потребует усиленной работы не только от федеральных субъектов административно-юрисдикционной деятельности, но и от правоприменителя, осуществляющего свою деятельность на территории определенного российского региона [10], однако только практика применения нового административного законодательства позволит выявить его проблемные сферы и оценить масштаб необходимых преобразований.

Литература

1. Дизер О.А., Сургутсков В.И. Об общественной опасности отдельных административных правонарушений // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России, 2017. № 4(40).
2. Соколов А.Ю., Лакаев О.А. Новеллы и недостатки проекта нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Вестник Саратовской государственной юридической академии, 2018. № 1(120).

Bibliography

1. Dizer O.A., Surgutskov V.I. On the public danger of certain administrative offenses // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 4(40).
2. Sokolov A.Yu., Lakaev O.A. Novels and shortcomings of the draft new Code of Administrative Offenses of the Russian Federation // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2018. № 1(120).
3. Zakopyrin V.N., Pavlova L.V. Conceptual provisions of two-tier administrative responsibility

3. Закопырин В.Н., Павлова Л.В. Концептуальные положения двухуровневой административной ответственности в проекте нового КоАП: быть или не быть? // Административное право и процесс, 2020. № 10.

4. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: проект федерального закона // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Киринов А.В., Побежимова Н.И. Актуальные проблемы административной реформы // Административное право и процесс. 2014. № 3.

6. Реформа административной ответственности в России / Киринов А.В., Плигин В.Н., Агишева А.Г. и др. / под общ. ред. А.В. Киринова, В.Н. Плигина. М., 2018.

7. Степанов Д.В. Актуальные проблемы применения законодательства об административных правонарушениях субъектами Российской Федерации сотрудниками полиции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 2.

8. О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03. 2005 № 5 // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Лубский А.В., Лубский Р.А., Пестов Р.А. Особенности рефлексивных и нерефлексивных структур правового поведения в современном российском обществе // Философия права. 2019. № 1 (88).

10. Лубский Р.А. Регионоведение: учебное пособие. Ростов н/Д, 2002.

in the draft of the new Code of Administrative Offenses: to be or not to be? // Administrative law and process. 2020. № 10.

4. The draft federal law «On Amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation» // Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

5. Kirin A.V., Pobezhimova N.I. Actual problems of administrative reform // Administrative law and process. 2014. № 3.

6. Reform of administrative responsibility in Russia / Kirin A.V., Pligin V.N., Agisheva A.G. and others / under the total. edited by A.V. Kirin, V.N. Pligin. Moscow, 2018.

7. Stepanov D.V. Actual problems of the application of the legislation on administrative offenses of the constituent entities of the Russian Federation by police officers // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. 2018. № 2.

8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 24.03. 2005 № 5 «On some issues arising from the courts when applying the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation» // Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

9. Lubskey A.V., Lubskey R.A., Pestov R.A. features of reflexive and non-reflective structures of legal behavior in modern Russian society // Philosophy of Law. 2019. № 1(88).

10. Lubskey R.A. Regional Studies: a tutorial. Rostov-on-Don, 2002.

© 2022 г. Колесников Юрий Алексеевич,

заведующий кафедрой финансового права Южного федерального университета,
доктор юридических наук.
E-mail: kolesnikov6908-3@kaiost.cn

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ НЕБАНКОВСКОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА: ФИНАНСОВО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье раскрываются понятия малого и среднего бизнеса, которые являются неотъемлемой частью экономической системы Российской Федерации. Проводится теоретический и практический анализ финансирования представителей малого и среднего бизнеса, а также говорится о методах логического анализа, контент-анализа, сравнительного анализа, дедукции, анализа научной литературы, а также экономико-статистического анализа.

Ключевые слова: проблемы финансирования, зарубежный опыт, защита прав субъектов инвестиционной деятельности, институт небанковского финансирования ипотечного кредитования.

Kolesnikov Yuriy Alexeevich – Head of the Department of Financial Law, the Southern Federal University, Doctor of Law.

LEGISLATIVE STIMULATION OF NON-BANK FINANCING OF SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES: FINANCIAL AND LEGAL ASPECT

The article reveals the concepts of small and medium-sized business which are the part of the economic system of the Russian Federation. A theoretical and practical analysis of the financing of small and medium-sized businesses is analyzed and it also offers methods for logical analysis, content analysis, measurement analysis, deduction, analysis of scientific literature, as well as economic and statistical analysis.

Keywords: problems of financing, foreign experience, protection of the rights of subjects of investment activity, institution of non-bank financing of mortgage lending.

Становление бизнеса и его развитие являются неотъемлемой частью современной экономики, что поддерживает актуальность изучения данной отрасли. Одними из приоритетных инструментов развития предпринимательской деятельности выступают малый и средний бизнес, которые выполняют основные функции данной деятельности. К числу таких функций относится решение больших проблем: стабилизация экономики страны, пополнение государственного бюджета за счет налогов, предоставления рабочих мест, а также развитие сферы услуг и инфраструктуры [2]. Многие предприниматели и ученые, занимающиеся исследованиями в сфере малого бизнеса, считают, что он не нуждается в государственной поддержке. Вместо этого ему нужны понятные правила регулирования, рассчитанные на длительную перспективу. Между тем государство постоянно совершенствует мероприятия, направленные на развитие малого предпринимательства. Эти мероприятия имеют определенные границы реализации и могут быть использованы выборочно и далеко не каждым субъектом малого бизнеса.

К таким мероприятиям относятся финансовые формулы, направленные на преодоление негативных последствий ограничительных мер в период пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19. Это и налоговые каникулы для самозанятых, и предоставление льготных кредитов на выплату заработной платы, и компенсация расходов на приобретение дезинфицирующих средств. Однако и в доковидные времена РФ предоставляла при определенных условиях гарантии по кредитам, выделяла средства на их софинансирование, реализовывала программы фондирования по сниженным ставкам.

Небанковские кредитные институты занимают особую нишу в формировании рыночной экономики. В данный момент небанковские кредитные организации существенно ограничены в своем функционировании. Например, наблюдается, что они не могут привлекать вклады физических лиц, что вполне оправдано, поскольку защита потребителей финансовых услуг является одним из важнейших приоритетов для государства. Если вспомнить начальный этап становления финансового рынка в РФ, когда практически

ничем не ограниченные строители финансовых пирамид в итоге вызвали существенную волну социального возмущения, угрожающего развивающейся на тот момент демократии, то вполне понятны ограничительные меры в отношении небанковских кредитных организаций со стороны законодателя сейчас. Вполне логично, что данный вид финансовых организаций не принимает участие в системе страхования вкладов.

Помимо общих признаков в сфере НКО на основании действующего законодательства можно провести их классификацию, используя различные категоризирующие специфические черты. Ученые выделяют три, а некоторые – четыре группы НКО. По большей части их работа сводится к проведению расчетных операций и (что очень важно для развития малого бизнеса) деятельности на рынке ценных бумаг.

Для малого бизнеса в России это очень удобный и более доступный инструмент и для проведения расчетно-кассовых операций, и для возможной работы на фондовом рынке.

В данной статье были использованы методы исследования в области небанковского финансирования субъектов малого и среднего бизнеса: логический анализ, который позволяет раскрыть теоретическое значение понятия финансовой системы, а именно одной из ее веток – небанковское финансирование, а также подробно раскрыть данное понятие на уровне его закрепления в законодательных актах. Для изучения проблемы был использован метод контент-анализа, благодаря которому можно рассмотреть задачи законодательного стимулирования реформирования небанковского финансирования. Следует отметить, что в статье был использован экономико-статистический метод анализа, который помогает обобщить явления показателей и закономерностей в нынешнем функционировании небанковского финансирования, рассмотреть проблемы, имеющиеся на данном этапе и способные помочь в дальнейшем развитии предмета исследования в российской экономике. Помимо этого в работе был использован метод сравнительного анализа, а именно рассмотрения функционирования данной тематики на опыте зарубежных стран, в ходе изучения которого можно выделить программы и методы решения, способствующие выходу российской экономики на новый уровень в изучаемой отрасли. Метод анализа научной литературы, в числе которой учебники, научные диссертации, статьи и тезисы, позволяет рассмотреть мнения отечест-

венных и зарубежных авторов на поданную тематику и понять, насколько глубоко изучена проблема.

В статье для постановки вопроса о дальнейшей дискуссии и для подходов к решению задач выделяются реперные точки, от которых зависит не только финансирование малого бизнеса, но и его комплексное развитие в целом в нашей стране. Прежде всего, не пришли к единому мнению, касающемуся понятийного аппарата в данной сфере (небанковское финансирование). Соответственно, необходимо выделить и проанализировать его основные черты и создать определенные рекомендации для законодательного регулирования. Безусловно, что нужный результат может принести использование компаративистского метода, обращение к зарубежному опыту, а также анализ общеэкономической ситуации в РФ и глобального финансово-правового регулирования.

Поэтому условно в настоящем исследовании можно выделить часть, относящуюся к изучению доктринальных подходов в плане финансирования малого бизнеса, часть, связанную со сравнительным анализом, и некоторые выводы.

Законодатель должен обеспечить реальное и долговременное функционирование кредитной системы, которая в своем классическом варианте включает и банковский, и небанковский сектора. Безусловно, что кредитная система в любом государстве не работает сама по себе, так или иначе, она контролируется государством. В Российской Федерации ведется жесткий контроль со стороны Центрального Банка РФ и органов власти. В любом случае кредитная система участвует в распределительной функции финансов, играя роль кровеносных сосудов для обеспечения непрерывности экономики государства.

Для устойчивого развития кредитной системы необходимо сбалансированное участие банковского и небанковского сектора. Ведь, как уже упоминалось, небанковская система финансирования является более гибкой. Например, такая категория небанковских кредитных организаций, как НДПО, может размещать привлеченные средства юридических лиц, принимать активное участие на рынке ценных бумаг или выдавать банковские гарантии. Таким образом, при небанковском финансировании основная задача заключается в умелом управлении фондами, имеющимися у малого бизнеса ресурсами, что может обеспечить ему дальнейшее устойчивое развитие.

Зарубежная практика финансирования малого бизнеса исходит из того, что, например, в Европе на предприятиях малого и среднего бизнеса трудится порядка 2/3 работающего населения. Поддержка, в том числе и финансовая, данного сектора экономики – залог стабильности. Малый и средний бизнес за рубежом финансируется за счет личных средств владельца, ссуд и займов друзей и родственников, нераспределенной прибыли и, конечно, внешнего финансирования. Во Франции и Германии банковское финансирование играет преобладающую роль. Между тем, например, Канада отличается тенденцией к небанковскому финансированию. Малый бизнес получает источник дополнительных средств, активно используя работу по бирже, а также лизинг, краудфандинг и кредитные союзы. Именно опыт Канады наиболее ценен для России в настоящее время. Канадский малый бизнес более гибко реагирует на меняющуюся финансовую среду и создает себе подушку безопасности для дальнейшего развития, реже используя традиционные банковские инструменты. В частности, порядка 90 % канадских предприятий малого и среднего бизнеса используют финансирование лизинговых компаний, а, например, в США – всего 8 %. Для российского малого бизнеса в условиях монополизации банковской деятельности и предъявления крайне жестких условий для банковского финансирования лизинг является хорошим и вполне доступным источником средств.

Проблемы небанковского финансирования, а именно его неэффективная работа, влекут за собой снижение уровня доверия инвесторов к небанковским кредитным организациям. Ранее основную долю в сегменте небанковского финансирования составляли средства пенсионных фондов, но в результате моратория значительная часть средств не поступает в управляющие компании и негосударственные пенсионные фонды, а остается в распоряжении власти. Основная причина стагнирования и неполноценного функционирования небанковского сегмента – это слабость институциональных инвесторов. Данная проблема также влияет на функционирование всего финансового рынка, ведь доминирующую роль занимают банковские кредитные организации, и емкость рынков, на которых базируются инвестиционные ресурсы долгосрочного характера, снижаются относительно ВВП [2]. Это явление негативно отражается на структуризации трансформационного характера, которая могла осуществ-

ляться лишь благодаря привлечению инвестиций в быстрорастущих компаниях.

Можно заметить, что государства, где образована «большая пропасть» между банковскими и небанковским секторами, наиболее неустойчивы к такому явлению, как мировой экономический кризис. Среди реформ, реализованных в зарубежных странах в сфере небанковского финансирования субъектов малого и среднего бизнеса, но не реализованных в Российской Федерации, следует выделить: систематизацию национального законодательства; гарантию права финансовой доступности инвесторам и другим потребителям данного вида услуг; быстрое введение мировых стандартов с учетом государственных особенностей; расширение возможностей и постепенное отведение ключевой роли на финансовом рынке инвесторам [3].

Крупнейшими инвестиционными компаниями в российской экономике в небанковском финансировании являются пенсионные фонды и страховые компании, поэтому реформацию небанковского сектора нужно начать с изменений непосредственно в них. Реформирование Пенсионного фонда связано с отменой обязательной накопительной части. На данный момент в условиях, в которых находится российская экономика, такое решение является достаточно рискованным и может произойти с большими трудностями. Причиной является недоверие населения и заработные платы, из-за которых неясно, в какой период времени сумма денежных средств, накопленная за счет добровольных взносов, сможет приравняться к уже существующим пенсионным средствам. Также касательно данной реформы имеются аргументы, которые подтверждают оправданность рисков, изложенных выше. Первым важным аргументом является низкая доходность негосударственного Пенсионного фонда из-за вкладывания большей части накоплений в депозиты и облигации. Также весомым аргументом является фидуциарная ответственность, а вернее, ее отсутствие. Для того чтобы фидуциарная ответственность была прозрачной и высокой, следует рассмотреть предложение реформации.

Создание кредитных союзов в различных сферах также является интересным и практически применимым для нас опытом. В ряде европейских стран создаются строительные сообщества, используемые по типу ипотечных центров. Следует отметить, что одним из основных этапов в сфере законодательного стимулирования небанковского финансирования

будет являться его цифровизация, которая поможет значительно расширить круг инвесторов. По статистическим данным, при должной трансформации экономики до 2025 г. рост ВВП сможет увеличиться с 0,4 до 0,9 % в год, таким образом, вклад цифровизации с 2015 до 2025 г. составит с 19 до 34 % реального роста ВВП, а именно – с 4,1 до 8,9 трлн руб. Также процесс цифровизации улучшит оценку рисков и их распределение среди тех субъектов, которые готовы их на себя брать; в качественном обслуживании поможет привлечению нового спектра клиентуры и потенциальных инвесторов. Но выступающей проблемой в развитии цифровой трансформации экономики может стать сокращение реальных активов организаций, что обусловлено становлением экономики менее физической. На данный момент упрощенный вид государственной помощи субъектам в получении денежных средств набирает обороты в Канаде, Мексике и др.

Одной из важных частей в улучшении небанковского сектора экономики является улучшение и повышение финансовой грамотности населения, что возможно сделать благодаря: развитию специальных программ, которые способствуют повышению финансовой грамотности; популяризации специализированной литературы среди населения; повышению доступа к финансовому образованию; улучшению инфраструктуры данного вида образования; обучению финансовым вопросам в школах и университетах; введению специального центра финансовых услуг (на примере практики повышения финансовой грамотности населения Японии); проведению для детей выставок и экскурсий в банках, а также внедрению конкурса, участники которого могут показать навыки изучения и понимания собственной финансовой грамотности (на примере практики повышения финансовой грамотности населения Чехии). Безусловно, физические лица могут играть существенную роль в финансировании малого бизнеса.

С точки зрения макроэкономики население – это стратегический инвестор, поэтому популяризация его возможностей инвестирования через различные финансовые инструменты в реальный сектор экономики – одна из важнейших задач государства и бизнеса. Интересную позицию в этом плане занимают инвестиционные платформы, которые открывают доступ частным инвесторам к различным бизнес-проектам, а малому бизнесу – к инвестиционным ресурсам.

Можно сделать вывод, что для успешного стимулирования развития не только небанковского

сектора, но и финансовой системы в целом нужно внедрять стратегии, основанные на международной практике государств, где данный сектор является успешно развитым (Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Германия, Мексика, Молдова). Одним из ключевых элементов любой экономики является государственная поддержка, заключающаяся в предоставлении инфраструктуры и необходимой технической помощи. Следует отметить, что политика в области цифровизации финансирования значительно облегчает доступ субъектов к получению финансовой помощи. Для развития в России данного сегмента нужно внедрять определенную законодательную базу с вопросов урегулирования [4; 5].

Небанковский сегмент финансирования является достаточно слабо развитым, но учитывая предложенные выше методы реализации реформирования сектора, экономическая ситуация сможет измениться в ином направлении. Важность стимулирования небанковского финансирования обуславливается тем, что это поможет увеличить доступ субъектов малого и среднего предпринимательства к финансированию и разовьет важное направление – малое и среднее предпринимательство, которое улучшит ситуацию с экономической системой Российской Федерации. Реализация предложенных мер увеличит инвестиционные доходы и количество их долей в экономической системе, гарантирует экономико-политическую стабильность, ускорит экономический рост и повысит уровень доходов населения. В результате реформирования и законодательного стимулирования российская экономическая система станет более конкурентоспособной на международном финансовом рынке.

В ходе исследования было проанализировано понятие небанковского финансирования, ситуация, сложившаяся в России на данный момент с указанным явлением, выделены основные проблемы и их причины. К основным проблемам небанковского финансирования относятся: снижение доли небанковских финансовых организаций по сравнению с активами всех финансовых организаций, доминирование краткосрочных вложений над долгосрочными, финансовая неграмотность инвесторов и населения, недоверие финансовому рынку и государственной политике и неурегулированное законодательство в данной сфере.

Выделены основные пути борьбы с нынешней ситуацией небанковского сектора в российской экономике: систематизация

национального законодательства, гарантирование права финансовой доступности инвесторам и другим потребителям данного вида услуг, быстрое введение мировых стандартов с учетом государственных особенностей, расширение возможностей и постепенное отведение ключевой роли на финансовом рынке инвесторам, развитие специальных программ, которые способствуют повышению финансовой грамотности, реформирование Пенсионного фонда с отменой обязательной накопительной части, создание института небанковского финансирования ипотечного кредитования, составление стратегического плана и законодательного регулирования для реформации страховых компаний, цифровизация финансирования для более доступного получения денежных средств субъектам малого и среднего бизнеса, урегулирование ситуации с налогообложением, а именно устранить его коллизии, связанные с деятельно-

стью финансовых организаций для компенсационных выплат субъектам, которые получили определенный ущерб в ходе неправомерных действий по отношению к ним, устранение двойного налогообложения, повышение прозрачности отчетов финансовой и нефинансовой деятельности организаций, урегулирование деятельности паевых инвестиционных фондов и другие методы реформации, изложенные в научном исследовании.

Таким образом, небанковское финансирование нуждается в достаточно сильной реформации, начать которую возможно с урегулирования аспектов, связанных с внесением изменений в нынешнее законодательство и созданием новых программ и стратегий, основываясь на международном опыте в рассматриваемой практике. Все это будет способствовать огромному шагу российской экономики на международном рынке.

Литература

1. Баранников А.Л., Данилина М.В., Багратуни К.Ю. Программы поддержки предприятий в РФ // Компетентность. 2016. № 4(135).
2. Данилов Ю.А. Реформирование финансовых рынков: факторы успеха // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 10.
3. Бурундуков Р.З. Состояние небанковского финансового сектора России: в ожидании реформирования // Сфера знаний: вопросы продуктивного взаимодействия наук в XXI веке. 2018. Т. 47. № 2.
4. Мортаза А.Я. Механизмы финансового стимулирования и кредитной поддержки малого предпринимательства в мировой экономике // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2017. №1.
5. Ларина О.И. Правовое регулирование деятельности российских небанковских кредитных организаций: развитие, состояние и перспективы // Банковское право. 2014. № 4.
6. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/ (дата обращения: 06.01.2022).
7. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60451/ (дата обращения: 13.01.2022).
8. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_290414/ (дата обращения: 01.01.2022).

Bibliography

1. Barannikov A.L., Danilina M.V., Bagratuni K.Yu. Enterprise support programs in the Russian Federation // Competence. 2016. № 4(135).
2. Danilov Yu.A. Reforming financial markets: success factors // World Economy and International Relations. 2016. № 10.
3. Burundukov R.Z. The state of the non-banking financial sector in Russia: in anticipation of reform // Sphere of knowledge: issues of productive interaction of sciences in the XXI century. 2018. Vol. 47. № 2.
4. Mortaza A.Ya. Mechanisms of financial incentives and credit support for small business in the world economy // MIR (Modernization. Innovation. Development). 2017. № 1.
5. Larina O.I. Legal regulation of the activities of Russian non-bank credit institutions: development, state and prospects // Banking law. 2014. № 4.
6. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/ (date of access: 06.01.2022).
7. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60451/ (date of access: 13.01.2022).
8. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_290414/ (date of access: 01.01.2022).
9. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99865/ (date of access: 15.01.2022).
10. Dubova S.E., Afanasyeva O.N. Macroeconomic analysis of the banking sector. Moscow, 2016.

9. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99865/ (дата обращения: 15.01.2022).
10. Дубова С.Е., Афанасьева О.Н. Макро-экономический анализ банковской сферы. М., 2016.
11. Митрофанова И.А., Шкарупа Е.А. Роль государства в формировании и развитии финансово-кредитной инфраструктуры сельского хозяйства // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 9.
12. Карпунин В.И., Ефремова Ю.С. Системная парадигма риск-ориентированного внутреннего контроля кредитной организации // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2020. № 2.
13. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182646/ (дата обращения: 06.02.2022).
14. Удова Л. Небанковские источники инвестиционного обеспечения хозяйственных некоммерческих объединений и их членов в сельском хозяйстве: европейский опыт и возможности для Украины // International Conference on Theoretical and Applied Economic Practices. 2019. Т. 56.
15. Ермилова М.И., Нагорных М.Г. Анализ международного опыта регулирования контролируемых сделок компаний // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017. № 8.
16. Смирнова В.В., Длугач Л.Л. Проблемы правового регулирования иностранных инвестиций в России // Colloquium journal. 2020. № 2.
17. URL: http://www.law-moldova.com/laws/rus/inostrannih_investitsieah_ru.txt (дата обращения: 15.02.2022).
18. Гуттиерез Е., Клепикова Е., Левитанская Е. Расширение возможностей для доступа субъектов микро-, малого и среднего предпринимательства к финансовым ресурсам в России за счет развития инновационных источников финансирования. Аналитическая записка. Вашингтон, 2019.
19. Данилов Ю.А., Буклемишев О.В., Абрамов А.Е. О необходимости реформы финансовых рынков и небанковского финансового сектора // Вопросы экономики. 2017. № 9.
20. URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/Mal-pred_2019.pdf (дата обращения: 22.01.2022).
21. URL: <http://surl.li/ygye> (дата обращения: 01.02.2022).
11. Mitrofanova I.A., Shkarupa E.A. The role of the state in the formation and development of the financial and credit infrastructure of agriculture // Economy: yesterday, today, tomorrow. 2016. № 9.
12. Karpunin V.I., Efremova Yu.S. System paradigm of risk-oriented internal control of a credit institution // Bulletin of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov. 2020. № 2.
13. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182646/ (date of access: 06.02.2022).
14. Udova L. Non-bank sources of investment support for economic non-profit associations and their members in agriculture: European experience and opportunities for Ukraine // International Conference on Theoretical and Applied Economic Practices. 2019. Vol. 56.
15. Ermilova M.I., Nagornykh M.G. Analysis of international experience in regulating controlled transactions of companies // Competitiveness in the global world: economics, science, technology. 2017. № 8.
16. Smirnova V.V., Dlugach L.L. Problems of legal regulation of foreign investments in Russia // Colloquium journal. 2020. № 2.
17. URL: http://www.law-moldova.com/laws/rus/inostrannih_investitsieah_ru.txt (date of access: 15.02.2022).
18. Gutierrez E., Klepikova E., Levitanskaya E. Expansion of opportunities for micro-, small and medium-sized businesses to access financial resources in Russia through the development of innovative sources of financing. Analytic note. Washington, 2019.
19. Danilov Yu.A., Buklemishev O.V., Abramov A.E. On the necessity of reforming financial markets and the non-banking financial sector // Voprosy ekonomiki. 2017. № 9.
20. URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/Mal-pred_2019.pdf (date of access: 22.01.2022).
21. URL: <http://surl.li/ygye> (date of access: 01.02.2022).

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ АНАЛИТИКА

УДК 347 : 316
ББК 67.404

© 2022 г. Рыбалка Елена Александровна,

профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского юридического института МВД России, доктор философских наук, профессор.
E-mail: nalena_61_rus@mail.ru

Казанцева Екатерина Валентиновна,

старший преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук.
E-mail: kv_kazantseva@mail.ru

ЭМАНСИПАЦИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПО СЕМЕЙНОМУ, ТРУДОВОМУ И ГРАЖДАНСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В статье анализируется правовое регулирование эмансипации по гражданскому, семейному, трудовому законодательству. Авторами указываются недостатки и коллизии правового регулирования порядка установления эмансипации, а также предложено внесение изменений в ст. 27 ГК РФ.

Ключевые слова: несовершеннолетний, эмансипация, полная дееспособность, вступление в брак, трудовой контракт, предпринимательская деятельность.

Rybalka Elena Alexandrovna – Professor, the Department of Civil Law Disciplines, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Philosophy, Professor.

Kazantseva Ekaterina Valentinovna – Senior Lecturer, the Department of State and Civil Law Disciplines, the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

EMANCIPATION OF MINORS UNDER FAMILY, LABOR AND CIVIL LAW: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

The article analyzes the legal regulation of emancipation under civil, family, and labor legislation. The authors indicate the shortcomings and conflicts of legal regulation of the procedure for establishing emancipation, as well as proposed amendments to art. 27 of the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: minor, emancipation, full legal capacity, marriage, employment contract, entrepreneurial activity.

Эмансипация (от лат. *emancipatio* – освобождение сына от отцовской власти) обществом воспринимается как процесс освобождения от различных угнетений (зависимостей), дающих человеку определенную независимость, к примеру, социальную, экономическую, гражданскую, религиозную, политическую и т. д.

Анализируя современное понимание эмансипации, можно выделить два аспекта ее использования: социальный и правовой. Социальный аспект характеризуется привычным и распространенным пониманием в современном мире как отказ от различных угнетений (зависимостей), в том числе несовершеннолетних от их законных представителей, женщин от мужчин, и, соответственно, приобретением необходимых для реализации своих интересов в обществе прав и обязанностей. Иногда это понятие употребляется по отноше-

нию к легализации, институционализации движений и политических партий. Правовое понятие эмансипации как института права закреплено в гражданском законодательстве.

Впервые эмансипация как институт права была закреплена в середине V в. до н. э. в Римской империи в Законах XII таблиц и характеризовалась объявлением несовершеннолетнего полностью дееспособным. В IV таблице законов было закреплено, что если отец трижды продаст сына, то пусть сын будет свободен (от власти) отца [4, с. 23]. Сама процедура эмансипации проходила на форумах в присутствии свидетелей в виде формальной продажи отца своего сына третьему лицу. Значительно позже в 502 г. процедура формальной продажи была заменена на императорский указ (рескрипт) и только при Юстиниане принималась перед судьей по простому заявлению

отца. Следует отметить, что в Римской империи совершеннолетие сына (римского гражданина) наступало в 25 лет.

С падением Римской империи институт эмансипации не прекратил своего существования, а продолжил развитие и становление в праве, сохраняя при этом свое первоначальное значение: освобождение несовершеннолетних от заботы и попечительства законных представителей (родителей, опекунов, попечителей или других уполномоченных лиц) и приобретение ими полной гражданской дееспособности.

В России на законодательном уровне институт эмансипации отсутствовал до принятия в 1964 г. ГК РСФСР, в котором закреплялось, что «гражданин, не достигший восемнадцатилетнего возраста, приобретает дееспособность в полном объеме с момента вступления в брак» (ст. 11) [3]. Непосредственно «эмансипация» как дефиниция в законодательстве России была закреплена в 1994 г. в ст. 27 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Законодатель указывает на объявление шестнадцатилетнего несовершеннолетнего полностью дееспособным при условии, что он работает по трудовому договору или зарегистрирован как индивидуальный предприниматель [2]. Понятие полной дееспособности и ее возрастной ценз (18 лет) закреплены в п. 1 ст. 21 ГК РФ, а в п. 2 указано исключение, согласно которому приобрести полную дееспособность может несовершеннолетний, который вступил в брак. Таким образом, гражданское законодательство закрепляет, что эмансипация – это приобретение несовершеннолетним дееспособности в полном объеме до достижения им 18 лет. Основаниями приобретения эмансипации являются: 1) вступление в брак; 2) работа по трудовому договору; 3) осуществление деятельности в качестве индивидуального предпринимателя. При этом последние два условия, согласно гражданскому законодательству, имеют возрастной ценз – достижение 16 лет. Рассмотрим подробнее указанные основания, которые имеют свой определенный порядок, закрепленный в специальном законодательстве.

При анализе «вступления в брак» как основания приобретения эмансипации отметим, что в России «признается» брак, зарегистрированный только в государственных органах (ст. 10 Семейного кодекса РФ), поэтому лица, вступившие в брак, совершив, к примеру, религиозный обряд, полной дееспособности не приобретают. По общему правилу, гражданин, которому исполнилось 18 лет, может

вступать в брак (п. 1 ст. 13 Семейного кодекса РФ) [7]. Из общего правила есть два исключения, касающиеся возрастного ценза:

1) право вступать в брак предоставляется лицам, достигшим 16 лет, но только при наличии уважительных причин и с разрешения органа опеки и попечительства;

2) лицам, которые не достигли 16 лет, право на вступление в брак может быть предоставлено органами опеки и попечительства, но только в виде исключения при особых обстоятельствах и только на основании закона субъекта РФ.

Проанализировав семейное законодательство субъектов России, можем отметить, что в некоторых субъектах (на сегодняшний день таких субъектов чуть больше 20), в виде исключения предусмотрена возможность вступления в брак несовершеннолетними, которым исполнилось 14 лет. К примеру, законодательством Республики Татарстан к особым обстоятельствам для вступления в брак отнесены беременность, рождение ребенка у лиц, желающих вступить в брак, угроза жизни и здоровью одной из сторон (ч. 3, 4 ст. 10 Семейного кодекса Республики Татарстан) [14]. Такие же обстоятельства указаны в ст. 2 закона Нижегородской области от 10.09.1996 № 44-З; в ст. 3 Областного закона Ростовской области от 12.05.1996 № 18-ЗС; в ст. 2 закона Московской области от 30.04.2008 № 61/2008-ОЗ, а вот в законе Еврейской автономной области от 20.07.2005 № 525-ОЗ указано только два исключительных обстоятельства: наличие беременности и рождение ребенка у лиц, желающих вступить в брак. Также следует отметить и некоторые субъекты России, в законодательстве которых минимальный возраст вступления в брак установлен на уровне 15 лет. Например, закон Мурманской области от 18.11.1996 № 42-01-ЗМО, которым к особым обстоятельствам, помимо беременности, отнесен случай, когда вступление в брак улучшает условия жизни беременной несовершеннолетней или будущего ребенка (ст. 2). Указанные условия и возраст установлены также в законе Карачаево-Черкесской Республики от 12.02.1998 № 589-XXII и еще в законах пяти субъектов России [15].

Таким образом, если несовершеннолетний зарегистрировал брак в возрасте 14 лет он, согласно ст. 21 ГК РФ, приобретает полную дееспособность, что подтверждается и семейным законодательством: «несовершеннолетний, признанный в соответствии с законом полностью дееспособным до достижения совершеннолетия имеет право самостоятельно

осуществлять свои права и обязанности, в том числе право на защиту» (п. 2 ст. 56 Семейного кодекса РФ) [7]. Учитывая тот факт, что момент регистрации брака – это момент приобретения полной дееспособности или эмансипации (п. 2 ст. 21 ГК РФ), а непосредственно процесс регистрации брака осуществляется по федеральному законодательству (Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния», Семейный кодекс РФ), считаем, что правоотношения, вытекающие из эмансипации несовершеннолетнего, распространяются на всей территории России, независимо от того, в каком субъекте несовершеннолетний зарегистрировал свой брак [7; 10].

Анализ федерального семейного законодательства позволяет отметить, что в нем предусмотрено только три нормы, в которых приобретение несовершеннолетним полной дееспособности влияет на реализацию семейных правоотношений: во-первых, правоотношения, связанные с установлением отцовства (п. 4 ст. 48 Семейного кодекса РФ, п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16); во-вторых, правоотношения по выполнению прав и обязанностей родителей, в том числе и ответственность, которые прекращаются в отношении эмансипированных своих детей (п. 2 ст. 61 Семейного кодекса РФ); в-третьих, правоотношения из алиментных обязательств родителей в отношении детей – выплаты алиментов, установленных судом, на эмансипированного несовершеннолетнего прекращаются с момента приобретения эмансипации (п. 2 ст. 120 Семейного кодекса РФ) [5; 7]. На все остальные семейные правоотношения возникновения эмансипации не распространяется.

Одним из условий регистрации брака лицами или с лицом, не достигшим 18 лет, является необходимость предоставить в государственные органы, регистрирующие брак, разрешение органа опеки и попечительства. Однако, если принять во внимание тот факт, что шестнадцатилетний гражданин приобрел эмансипацию в судебном порядке и желает вступить в брак, обязан ли он получать разрешение органа опеки и попечительства для вступления в брак? В некоторых проанализированных нами правовых актах субъектов РФ, утверждающих порядок предоставления согласия органа опеки и попечительства на вступление в брак, не было найдено норм, регулирующих данный вопрос. Считаем, что для регистрации брака с эмансипированным несовершеннолетним требование о предоставлении разрешения от органа опеки и попечительства на заключение

брака является необоснованным, т. к. в случае эмансипации несовершеннолетний приобретает дееспособность в полном объеме (ст. 27 ГК РФ, п. 2 ст. 56 Семейного кодекса РФ) [2; 7].

Работа по трудовому договору или контракту как условие приобретения эмансипации несовершеннолетним регулируется трудовым законодательством. По общему положению право работодателя заключать трудовые контракты допускается с лицами, достигшими 16 лет (ч. 1 ст. 63 Трудового кодекса РФ) [8], что соответствует закреплённому возрастному цензу в ст. 27 ГК РФ [2]. Начиная с 2017 г. законодатель расширил возможности по реализации несовершеннолетними своей трудовой деятельности, предоставив работодателям право заключать трудовые контракты:

1) с лицами, которым исполнилось 15 лет, при этом какого-либо согласия законных представителей и (или) разрешения органа опеки и попечительства, согласно указанной норме, не требуется (ч. 2 ст. 63 Трудового кодекса РФ);

2) с лицами, которым исполнилось 14 лет, но только для определенных видов работ, и с предоставлением письменного согласия одного из родителей и органа опеки и попечительства (ч. 3 ст. 63 Трудового кодекса РФ);

3) с лицами, которым не исполнилось 14 лет, но только для определенных видов работ, и с предоставлением письменного согласия одного из родителей и органа опеки и попечительства, в данном случае трудовой контракт подписывается его родителем (ч. 4 ст. 63 Трудового кодекса РФ) [8].

Проведенный анализ трудового законодательства деятельности несовершеннолетнего позволяет сделать следующие выводы: во-первых, заниматься трудовой деятельностью может несовершеннолетний в любом возрасте; во-вторых, трудовая деятельность несовершеннолетнего (заключение трудового договора) может начаться только после согласия, выданного органом опеки и попечительства. Следовательно, для получения эмансипации несовершеннолетнему необходимо обращаться в орган опеки и попечительства дважды: первый раз для получения разрешения на заключение трудового контракта, а во второй – для установления эмансипации; в-третьих, согласно ст. 63 Трудового кодекса РФ [8] для заключения трудового контракта достаточно согласие одного родителя, тогда как для заключения трудового контракта для получения разрешения органа опеки и попечительства, в том числе и для приобретения эмансипации, необходимо предоставить согласие обоих родителей (ст. 27 ГК РФ) [2].

Предоставление права приобрести эмансипацию на основании трудового контракта является необоснованным, т. к. в данном случае вся трудовая деятельность несовершеннолетнего ограничивается действиями трудовых обязанностей, закрепленных в контракте. Следовательно, на работодателя возлагается обязанность осуществлять контроль за деятельностью своих работников. К тому же органы прокуратуры осуществляют постоянный надзор за трудовой деятельностью несовершеннолетних с целью соблюдения работодателем их прав и свобод. Что касается реализации дееспособности несовершеннолетних вне трудовой деятельности, то она осуществляется в соответствии с требованиями ст. 26 и 28 ГК РФ [2]. Необходимо отметить и тот факт, что приобретение полной дееспособности несовершеннолетним не предоставляет ему тех прав и обязанностей, в отношении которых законодателем установлен возрастной ценз (например, участие в выборах, приобретение оружия и т. д.). И в тоже время имеются нормы с указанием на возрастной ценз, где допускается снижение возраста. Например, в п. 4 ст. 48 Семейного кодекса РФ указано, что «установление отцовства в отношении лица, достигшего возраста 18 лет (совершеннолетия), допускается только с его согласия» [7], при этом в п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 говорится, что «в случае эмансипации либо вступления в брак несовершеннолетний приобретает дееспособность в полном объеме, установление отцовства (материнства) в отношении такого несовершеннолетнего также допускается только с его согласия» [5].

Считаем, что из ст. 27 ГК РФ следует исключить «работу по трудовому контракту» как условие приобретения эмансипации.

Анализируя законодательство, регулирующее третье основание приобретения эмансипации «деятельность несовершеннолетнего индивидуального предпринимателя», можем выделить такие ее особенности, как: 1) в действующем законодательстве отсутствует указание на какой-либо возрастной ценз (как верхний, так и нижний) физического лица для занятия данной деятельностью; 2) Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» предусматривает возможность регистрации несовершеннолетнего индивидуальным предпринимателем (абз. 3 ч. 1 ст. 22.1) [9], однако, в отличие от гражданского, семейного или трудового законодательства, для регистрации

необходимо предоставить лишь один из документов: либо согласие (нотариальное) законных представителей, либо решение об установлении эмансипации органа опеки и попечительства или суда, либо копию свидетельства о браке. Следовательно, использование законодателем частицы «либо» указывает на необходимость самостоятельного выбора несовершеннолетним предоставляемого документа. Буквальное толкование норм Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ указывает на тот факт, что зарегистрироваться индивидуальным предпринимателем может несовершеннолетний в любом возрасте, достаточно будет предоставить нотариальное согласие родителей. Отметим, сегодня в мире цифровых технологий стать блогером и зарабатывать могут несовершеннолетние в любом возрасте, к примеру, в Twitch – с 8 лет, в Яндекс.Дзен – с 10 лет, а на YouTube – с 7 лет и т. д.

К тому же несовершеннолетний может зарегистрироваться и как самозанятый. Самозанятость – это деятельность физического лица без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, который легализовал свою трудовую деятельность и уплачивает налог на профессиональный доход. При этом для оформления самозанятости несовершеннолетнему необходимо всего лишь пройти регистрацию через соответствующее приложение в сети Интернет или через портал государственных услуг. В данном случае согласие законных представителей или органа опеки и попечительства не потребуется.

Федеральная налоговая служба России, проанализировав гражданское и семейное законодательство и возможность несовершеннолетними осуществлять предпринимательскую деятельность, пришла к выводу, что заниматься предпринимательской деятельностью может любой человек, достигший возраста 14 лет [12]. Однако это только рекомендации, поэтому отказ несовершеннолетнему, которому не исполнилось 14 лет, предоставившему необходимый пакет документов и желающему зарегистрироваться как индивидуальный предприниматель, к примеру, в форме самозанятости, можно оспаривать в суде как незаконный. Считаем, что в ст. 22.1. Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ необходимо внести дополнения по возрасту для несовершеннолетних, которые были бы идентичны нормам трудового законодательства, в части регулирования трудовой деятельности несовершеннолетних в России, т. к. существующие коллизии приводят к неверному пониманию, применению и толкованию норм.

Также необходимо в обязательном порядке закрепить предоставление разрешения органа опеки и попечительства на занятие несовершеннолетним предпринимательской деятельностью, что, в свою очередь, поможет осуществлять надзор за трудовой деятельностью несовершеннолетних как представителями органов опеки и попечительства, так и органами прокуратуры. Надзор со стороны государственных органов необходим в связи с тем, что предпринимательская деятельность предусматривает больше обязанностей и ответственности, в отличие от трудовой деятельности по контракту. Это связано с уплатой налогов и сборов, установленных в государстве, в том числе выполнения перед контрагентами взятых на себя обязательств.

Таким образом, де-юре зарегистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя на территории России может несовершеннолетний в любом возрасте, а де-факто — только с 14 лет.

Анализируя правовое регулирование предпринимательской деятельности как основание приобретения несовершеннолетним эмансипации, считаем, что регистрация несовершеннолетнего в качестве индивидуального предпринимателя, в том числе и самозанятого, на основании выданного разрешения органами опеки и попечительства или судом должно порождать полную дееспособность, как указано в п. 2 ст. 21 ГК РФ [2]. Такая позиция основана на необходимости вступления предпринимателя в обязательственные правоотношения для осуществления своей деятельности. И если несовершеннолетний не эмансипирован, то все его сделки должны быть согласованы с родителями, т. к. они выходят за «рамки» мелких бытовых сделок. «Автоматическое» возникновение эмансипации позволит несовершеннолетним самостоятельно вступать в обязательства и нести по ним полную ответственность.

Несомненно, что в этом случае будут возникать ситуации аналогичные реализации своих прав несовершеннолетними, вступившими в брак. К примеру, когда несовершеннолетние, вступившие в брак, обращаются в суд с иском об объявлении их полностью дееспособными, т. к. государственные органы не признают их эмансипированными, тогда в подобных случаях суды при рассмотрении таких исков принимают положительные решения, иными словами, признают несовершеннолетнего, который вступил в брак, эмансипированным [13]. Наличие подобных исков, на наш взгляд, указывает, с одной стороны, на недостаточные

правовые знания представителей государственных органов, которые отказывают несовершеннолетним в реализации их прав как субъекту с полной дееспособностью, а с другой — следует признать, что эмансипация распространяется не на все правоотношения.

Сегодня нет единой позиции по вопросу установления и применения возрастного ценза как в теории, так и в практике. Несомненно, что возрастная дискриминация является одним из дискуссионных вопросов, при том что «возраст лица часто не является четким индикатором его способностей и компетентности, и использование возрастных различий обычно связано со стереотипами и презумпциями, игнорирующими человеческое разнообразие в рамках определенной возрастной группы» [1, с. 193]. Ученые, изучающие закрепление и реализацию прав и свобод несовершеннолетних, предлагают в обязательном порядке при установлении эмансипации учитывать степень достижения ими физической, психологической и социальной зрелости. Но возникает вопрос, кто будет проверять эту степень зрелости? Кто возьмет на себя ответственность за точное установление состояния зрелости несовершеннолетнего? Орган опеки и попечительства или суд как органы, наделенные законодателем правом устанавливать эмансипацию несовершеннолетних? И если судебные органы вызывают больше доверия в общественности как органы, направленные на обеспечение и защиту прав и свобод человека, общества и государства, то к органу опеки и попечительства множество вопросов, прежде всего, при объявлении несовершеннолетнего эмансипированным.

Так, в Федеральном законе от 24.04.2008 № 48-ФЗ, который регулирует деятельность органа опеки и попечительства, отсутствует полномочие по установлению полной дееспособности несовершеннолетнему (эмансипации) [11]. Также закон не закрепляет право органов опеки и попечительства представлять интересы несовершеннолетних в государственных органах и учреждениях и право или обязанность органа опеки и попечительства по отобранию ребенка в случаях непосредственной угрозы его жизни или здоровью [6, с. 19]. Порядок установления эмансипации органом опеки и попечительства устанавливается самостоятельно, при этом в каждом субъекте России и муниципальном органе он свой. Считаем, что в ст. 8 Федерального закона от 24.04.2008 № 48-ФЗ необходимо внести дополнение, предусмотрев среди полномочий «право объявлять несовершеннолетнего

полностью дееспособным» и «право представлять интересы несовершеннолетнего, обратившегося в органы опеки и попечительства, в государственных органах и учреждениях для реализации или защиты его прав и свобод, если несовершеннолетний или его законные представители не могут реализовать их самостоятельно». Сам порядок объявления несовершеннолетнего полностью дееспособным, по нашему мнению, должен быть разработан и утвержден Правительством РФ, ведь сегодня несовершеннолетний может подать документы на эмансипацию через портал государственных услуг.

Что касается определения степени зрелости несовершеннолетнего для реализации им прав и обязанностей в обществе, то, принимая во внимание развитие нашего общества, она будет восприниматься по-разному, в зависимости от сферы правоотношений. К примеру, несовершеннолетний, которому исполнилось 14 лет, обладает большими знаниями в сфере компьютерной грамотности, но с вероятностью 99 % у него отсутствуют знания в сфере управления или в сфере политической жизни общества. И если о реализации и защите своего права несовершеннолетние знают много (им об этом говорят все и везде, начиная с детских садов и заканчивая школами или техникумами, колледжами), то об обязанностях и ответственности не осведомлены, к примеру, об уплате налога на прибыль, об обязанностях сохранять окружающую среду и т. д.

На основании вышеизложенного считаем, что законодателю следовало бы исключить п. 2 ст. 21 ГК РФ, а ст. 27 ГК РФ изложить в следующей редакции:

«1. Эмансипация – объявление несовершеннолетнего, достигшего 16 лет, полностью дееспособным.

Основаниями установления эмансипации является: вступление в брак и (или) осуществление предпринимательской деятельности, в том числе в форме самозанятости.

Вступить в брак по достижении 18 лет и (или) зарегистрироваться как индивидуальный предприниматель несовершеннолетний может только по решению органа опеки и

попечительства – с согласия законных представителей (обоих родителей, или усыновителя(-ей) или попечителя) либо при отсутствии такого согласия – по решению суда.

2. Полная дееспособность (эмансипация) возникает с момента регистрации брака или в качестве индивидуального предпринимателя и подтверждается документом, выданным органом опеки и попечительства.

3. Эмансипация распространяется на все правоотношения, за исключением тех, для совершения которых законом установлен определенный возраст.

4. Родители, усыновители и попечитель не несут ответственности по обязательствам эмансипированного несовершеннолетнего, в том числе по обязательствам, возникшим вследствие причинения им вреда».

Подводя итог, можно сделать следующие основные выводы: во-первых, эмансипация – это приобретение несовершеннолетним дееспособности в полном объеме до достижения им 18 лет. Основаниями приобретения эмансипации являются: вступление в брак, работа по трудовому договору, осуществление деятельности как индивидуальный предприниматель. Во-вторых, порядок применения оснований эмансипации закреплён в отраслевом законодательстве: семейном, трудовом, предпринимательском, налоговом, и характеризуется установлением различных требований как к возрастному цензу (вступление в брак возможно с 16 лет, а в исключительных случаях – с 14; занятие трудовой деятельностью, в том числе предпринимательской, возрастного ценза не имеет), так и к порядку их реализации (для вступления в брак необходимо согласие родителей и разрешение органа опеки и попечительства; для осуществления предпринимательской деятельности – один из указанных в законе документов; для заключения трудового контракта несовершеннолетним в возрасте 15 лет согласие родителей или разрешение органа опеки и попечительства не требуется). В-третьих, действующее законодательство, регулирующее установление эмансипации, требует существенных изменений и дополнений.

Литература

1. Васильева Т.А. Борьба с дискриминацией по признаку возраста как необходимая составляющая современной социальной политики // Труды Института государства и права РАН. 2013. №1.

Bibliography

1. Vasilyeva T.A. The fight against discrimination based on age as a necessary component of modern social policy // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2013. № 1.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 26.10.2021). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Гражданский кодекс РСФСР: от 11.06.1964. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Памятники римского права. Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М., 1997.

5. О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 (ред. от 26.12.2017). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Рыбалка Е.А., Казанцева Е.В. Правовое регулирование изъятия детей из семьи сотрудниками органов внутренних дел: проблемы теории и практики // Юристъ-Правоведъ. 2020. № 2(93).

7. Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 22.11.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.11.2021). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

9. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: федер. закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 02.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.08.2021). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Об актах гражданского состояния: федер. закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ (ред. от 24.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Об опеке и попечительстве: федер. закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ (ред. от 30.04.2021). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

12. URL: <https://www.garant.ru/news/1188150/> (дата обращения 06.12.2021).

13. URL: <http://old.судебныерешения.рф/bsr/case/3128694> (дата обращения: 06.12.2021).

14. URL: <http://docs.cntd.ru/document/917035828?marker> (дата обращения: 06.12.2021).

15. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 06.12.2021).

2. The Civil Code of the Russian Federation (Part one): fed. law of 30.11.1994 № 51-FL (ed. of 28.06.2021, with amendments. from 10.26.2021). Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

3. The Civil Code of the RSFSR: dated 11.06.1964. Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

4. Monuments of Roman law. Laws of the XII tables. Guy's institutions. Digests of Justinian. Moscow, 1997.

5. On the application of legislation by courts when considering cases related to the establishment of the origin of children: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 16.05.2017 № 16 (ed. dated 26.12.2017). Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

6. Rybalka E.A., Kazantseva E.V. Legal regulation of the removal of children from the family by employees of internal affairs bodies: problems of theory and practice // Jurist-Pravoved. 2020. № 2(93).

7. Family Code of the Russian Federation: feder. law of 29.12.1995 № 223-FL(as amended on 02.07.2021). Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

8. The Labor Code of the Russian Federation: feder. law of 30.12.2001 № 197-FL (ed. of 22.11.2021) (with amendments and additions, intro. effective from 11.30.2021). Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

9. On the state registration of legal entities and individual entrepreneurs: fed. law of 08.08.2001 № 129-FL (as amended on 02.07.2021) (with amendments and additions, intro effective from 08.25.2021). Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

10. On acts of civil status: feder. law of 15.11.1997 № 143-FL (as amended on 24.04.2020) (with amendments and additions, intro. effective from 01.01.2021). Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

11. About guardianship and guardianship: feder. law № 48-FL of 24.04.2008 (as amended on 30.04.2021). Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

12. URL: <https://www.garant.ru/news/1188150/> (date of access: 06.12.2021).

13. URL: <http://old.courtdecisions.rf/bsr/case/3128694> (date of access: 06.12.2021).

14. URL: <http://docs.cntd.ru/document/917035828?marker> (date of access: 06.12.2021).

15. URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: 06.12.2021).

© 2022 г. Горшкова Наталья Андреевна,

заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета
Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук.
E-mail: natva33@mail.ru

ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ ПЕНАЛИЗАЦИИ КРАЖИ (СТАТЬЯ 158 УК РФ) НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье проводится анализ законодательного построения санкций статьи, предусматривающих уголовную ответственность за кражу (законодательной легальной пенализации), а также рассматриваются показатели деятельности судов Российской Федерации за период 2018 – 6 мес. 2021 гг. в области назначения наказания за кражу (судебной практической пенализации). В статье выявлены общие закономерные тенденции законодательной и судебной деятельности в сфере установления ответственности за кражу. Уточняются виды наказания наиболее предпочтительные в этой области. Дается общая оценка законодательного подхода к построению санкций в нормах, включенных в ст. 158 УК РФ.

Ключевые слова: кража, наказание, условное осуждение, законодательная пенализация, практическая пенализация.

Gorshkova Natalia Andreevna – Deputy Head of the Department of Criminal Law and Criminology, the Faculty of Law, the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, PhD in Law.

THEORETICAL AND APPLIED ANALYSIS OF THEFT PENALIZATION (ARTICLE 158 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION) AT THE PRESENT STAGE

The article analyzes the legislative structure of the sanctions of the article, providing for criminal liability for theft (legislative legal penalization), and also examines the performance of the courts of the Russian Federation for the period 2018 – 6 months. 2021 in the field of sentencing for theft (judicial practical penalization). The article reveals general regular trends in legislative and judicial activities in the field of establishing responsibility for theft. The most preferred types of punishment in this area are specified. A general assessment of the legislative approach to the construction of sanctions in the norms included in Art. 158 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: theft, punishment, probation, legislative penalization, practical penalization.

Собственность во все времена развития государства была предметом, в отношении которого складывались особые общественные отношения. Это обусловлено желанием граждан обладать той или иной собственностью. Некоторые делают это на законных основаниях согласно предписаниям гражданского законодательства, а кто-то идет по преступному пути незаконного приобретения собственности. Последние представляют особую опасность, поскольку нарушают права и законные интересы граждан, общества и государства. Так, анализируя данные официальной статистики о ежегодно регистрируемых преступлениях против собственности, они составляют абсолютное большинство среди прочих преступлений, совершаемых в России. Так, на официальном сайте МВД России опубликованы статистические данные, согласно которым в 2018 г. было совершено 1 113 367 таких преступлений (56 % от общего числа преступлений, зарегистрированных в этот год), в 2019 г. –

1 172 290 (58 %), в 2020 г. – 1 220 806 (60 %), в 2021 г. – 1 195 838 (59,6 %) [4].

Преступление, предусмотренное ст. 158 УК РФ «Кража», по количеству является лидером среди всех преступлений против собственности. В 2018 г. было совершено 756 395 краж, что составило 68 % от общего числа зарегистрированных преступлений против собственности, в 2019 – 774 159 (66 %), в 2020 г. – 751 243 (61,5 %), в 2021 г. – 733 075 (61,3 %) [4].

Причины такой масштабности совершения краж обусловлены кризисами социального и экономического характера, подрывающими функционирование нашего государства на протяжении вот уже нескольких лет (санкционная политика, рост инфляции и т. п.). К тому же, начиная с 2020 г. в связи с пандемией COVID-19 и принимаемыми в связи с борьбой с ней правоограничительными мерами, возрос процент безработицы. Граждан вынужденно начали увольнять в силу нехватки денежных средств для оплаты

Таблица 1

Пенализация преступлений, предусмотренных ч. 1–4 ст. 158 УК РФ			
Части ст. 158 УК РФ	сроки лишения свободы	процент пенализации	медиана санкции
Ч. 1	2 мес. до 4 лет	10	10 мес.
Ч. 2	2 мес. до 5 лет	25	2 года и 7 мес.
Ч. 3	от 2 мес. до 6 лет	30	3 года 2 мес.
от 2 мес. до 10 лет	2 мес. до 4 лет	50	5 лет и 2 мес.

труда, поскольку многие предприятия и организации малого и среднего бизнеса были переведены на дистанционный режим работы. В связи с этим некоторые лица, чтобы обеспечить свое существование, начали совершать преступления, в т. ч. кражи чужого имущества.

Наиболее актуальными являются проблемы хищений, совершаемых дистанционно, в т. ч. с использованием сети Интернет. На этот счет в 2017 г. Верховный Суд РФ дополнительно внес разъяснения относительно принципиальных отличий кражи от мошенничества, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (социальных сетей, мессенджеров и т. п.) [5].

Важно отметить, что, несмотря на совершенствование законодательной базы и аспектов правоприменительной деятельности в области квалификации преступлений по ст. 158 УК РФ, проблем остается достаточно много. И основная из них – это то, что кража является самым доступным способом совершения преступления.

Существует довольно распространенная позиция, согласно которой минимизация количества совершения преступлений напрямую связывается с тем, насколько суровыми являются соответствующие санкции статей Особенной части УК РФ. Такой подход может быть обоснованно подвергнут критике, поскольку прямой зависимости между усилением карательного потенциала статей Особенной части УК РФ и минимизацией совершения преступлений не прослеживается. Вид наказания, безусловно, играет свою роль в обеспечении правопослушного поведения граждан.

В первую очередь отметим, что санкции норм, закрепленные в ч. 1–4 ст. 158 УК РФ, являются альтернативными и относительно определенными. Это означает, что санкция каждой из рассматриваемых норм содержит

в себе весьма разнообразный набор видов наказания, самым строгим из которых традиционно является лишение свободы на определенный срок. Посредством анализа предельных (максимальных) сроков лишения свободы, установленных в каждой санкции, можно определить степень законодательной (легальной) пенализации [2, с. 71–76] соответствующих преступлений, установленных в ст. 158 УК РФ, и осуществить их анализ.

Характеристика законодательной пенализации преступления, предусмотренного в ст. 158 УК РФ, представлена в таблице 1.

Сравнивая приведенные показатели, можно отметить усиление карательного потенциала санкций ст. 158 УК РФ в зависимости от тяжести деяния, предусмотренного в диспозициях данной нормы. При этом заметим, что минимальное наказание в виде лишения свободы абсолютно для всех санкций является одинаковым и составляет 2 месяца.

Для понимания сущности и целесообразности указанной законодательной пенализации преступлений, предусмотренных в различных частях ст. 158 УК РФ, стоит уделить внимание вопросам реализации видов и размеров наказания, применяемых судами на практике [3, с. 500–504]. Ведь не зря на этот счет Е.В. Благов подчеркивал, что «действительное наказание должно быть конкретно – иметь индивидуальные показатели (вид, размер и т. п.)» [1, с. 3]. Данное определение здесь стоит понимать в качестве такого, которое назначено конкретному виновному по приговору суда, заключающееся в индивидуальном подходе к оценке его преступного поведения. Объединяя каждое назначенное наказание в совокупность за определенный период времени или на определенной местности, мы получаем показатели фактической наказуемости преступлений, что и представляет собой судебную (практическую) пенализацию.

Судебная (практическая) пенализация выступает в качестве максимально широкой сферы применения самого понятия пенализации, поскольку охватывает собой область судебной практики, выстроенной по принципу судебного усмотрения. В конечном итоге, опираясь на проведенные нами изыскания в области других видов преступлений, их фактическая наказуемость, т. е. судебная (практическая) пенализация, существенно расходится с законодательной (легальной) пенализацией. Отразим этот постулат на примере ст. 158 УК РФ.

Так, проведенный общий анализ практики деятельности судов Российской Федерации за 12 мес. 2018 – 6 мес. 2021 гг. по вопросам назначения наказания за преступление, предусмотренное ст. 158 УК РФ, позволил выявить следующие тенденции (таблица 2) [7].

В указанную выборку попали только те наказания и меры уголовно-правового воздействия, которые ежегодно в наибольшей степени задействованы судами при постановлении обвинительных приговоров по ст. 158 УК РФ.

На основании проведенного анализа 34 % ежегодно осуждаемых за совершение краж приговаривались к наказанию в виде лишения свободы условно. Существование в современном уголовном законе института условного осуждения позволяет правоприменителям использовать так называемую отложенную меру наказания. И хотя карательный потенциал условного осуждения весьма отличается от видов наказания, оно все же «порождает определенные правоограничения, возникающие из самого факта осуждения лица» [6, с. 14]. Можно сделать однозначный вывод о снижении количества совершаемых преступлений, предусмотренных ст. 158 УК РФ,

и установить положительное влияние условного осуждения на минимизацию совершаемых краж, оперируя приведенной ранее статистикой МВД.

Лишение свободы на определенный срок является второй по популярности мерой государственного-правового воздействия на лиц, совершающих кражи (32,8 % осужденных). При этом количество ежегодно осуждаемых к реальному лишению свободы меньше всего лишь на 1,2 %, чем лиц, осуждаемых к данному виду наказания условно. Это говорит о том, что суды делают ставку на данный вид наказания, как на один из немногих, обладающих необходимым карательным потенциалом не только для исправления осужденных, но и для сдерживания преступной активности граждан в области совершения тайных хищений. И, возможно, это дает определенные результаты в рамках сдерживания преступной активности в этой сфере, о чем свидетельствует приведенная ранее положительная динамика снижения количества ежегодно регистрируемых краж.

За преступление, предусмотренное ст. 158 УК РФ, суды также применяли наказания, не связанные с изоляцией от общества. Наиболее популярными среди них оказались обязательные работы, расположившиеся в общей градации наказаний на третьем месте. В среднем за три с половиной года этот вид наказания был назначен 14,9 % осужденным за совершение краж. Штраф применялся в отношении 9,4 % осужденных, исправительные работы – 4,8 %.

Таким образом, практика назначения наказания за преступление, предусмотренное ст. 158 УК РФ, являющееся наиболее распространенным среди прочих преступлений

Таблица 2

Вид наказания / год / показатель	2018 г.		2019 г.		2020 г.		6 мес. 2021 г.		Общее значение	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Всего осуждено	164 739	100	150 495	100	133 803	100	70 987	100	520 024	100
Условное осуждение к лишению свободы	52 701	31,9	50 670	33,7	47 679	35,6	25 813	36,4	176 863	34,0
Лишение свободы	54 901	33,3	50 031	33,2	43 276	32,3	22 547	31,8	170 755	32,8
Обязательные работы	26 952	16,3	22 262	14,8	19 136	14,3	9 013	12,7	77 363	14,9
Штраф	15 613	9,5	14 500	9,3	11 907	8,9	7 021	9,9	49 041	9,4
Исправительные работы	8 778	5,3	7 061	4,7	6 038	4,5	2 894	4,1	24 771	4,8

Часть ст. 158 УК РФ / показатель	Всего осуждено к лишению свободы	до 1 года	от 1 до 2 лет	от 2 до 3 лет	от 3 до 5 лет	от 5 до 8 лет	от 8 до 10 лет
Ч. 1	33 958	31 825	2 122	5	5	1	0
Ч. 2	83 422	23 076	54 273	5 714	358	1	0
Ч. 3	50 531	8 965	22 379	17 743	1 409	35	0
Ч. 4	2 844	72	463	893	1 262	148	6

против собственности, характеризуется весьма гуманным подходом в области судебной оценки преступного поведения виновных. Подтверждением тому является преобладание среди осужденных лиц, которым наказание было назначено условно.

Целесообразно обратиться к анализу назначаемого наказания в виде лишения свободы. Ведь именно размер данного наказания берется в расчет для определения соотношения законодательной и судебной пенализации. В конечном счете, анализ такого соотношения позволяет подтвердить гипотезу о том, что эти виды пенализации имеют существенное расхождение. В этой связи обратимся к срокам лишения свободы, которые назначали суды Российской Федерации по ст. 158 УК РФ, за период с 2018 по 6 мес. 2021 г. (таблица 3) [7].

Как видим, несмотря на имеющуюся возможность широкого выбора сроков наказания в виде лишения свободы, предоставленных санкциями норм ст. 158 УК РФ, суды придерживаются назначения лишения свободы в пределах первой половины санкции до ее медианы, т. е. выбирая такие сроки этого наказания, которые позволяют оставаться в границах наименьших значений. На практике данные показатели в наибольшей степени находятся в границах наказания от двух месяцев до двух лет лишения свободы.

Длительность назначаемого судом срока наказания в виде лишения свободы является

одной из характеристик, позволяющей судить о степени реальной общественной опасности конкретного совершенного преступления. А сопоставление заявленных законодателем пороговых значений санкций каждой части ст. 158 УК РФ в рамках легальной (законодательной) пенализации с практической (судебной) пенализацией свидетельствует о том, что суды существенно занижают степень общественной опасности этих преступлений.

В результате проведенного исследования можно констатировать, что на законодательном уровне степень пенализации, а значит, и общественной опасности преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ, соответствует принятой в уголовном праве парадигме экономики уголовной репрессии и альтернативности в выборе мер ответственности при назначении наказания. Но ретроспективный анализ деятельности судов Российской Федерации в области практической (судебной) пенализации показывает, что, используя санкции норм ст. 158 УК РФ, суды занижали фактическую степень общественной опасности данных преступлений. Приоритет отдается условному осуждению к наказанию в виде лишения свободы. А назначаемое наказание в виде реального лишения свободы в абсолютном большинстве случаев располагается в границах до медианы санкции каждой части ст. 158 УК РФ.

Литература

1. Благов Е.В. Применение специальных начал назначения уголовного наказания. М., 2007.
2. Горшкова Н.А. Динамика уровня законодательной пенализации насильственных преступлений против здоровья, совершаемых

Bibliography

1. Blagov E.V. Application of special principles for the appointment of criminal punishment. Moscow, 2007.
2. Gorshkova N.A. Dynamics of the level of legislative penalization of violent crimes against health committed in places of deprivation of liberty: mate-

в местах лишения свободы: материалы межведомственного Круглого стола. СПб., 2018.

3. Горшкова Н.А. Судебная пенализация умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, совершенного в местах лишения свободы: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессоров кафедры уголовного права В.А. Елеонского и Н.А. Огурцова. Рязань, 2016.

4. URL: <https://xn-b1aew.xn-p1ai/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 21.01.2022).

5. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 30.11.2017 № 48 (ред. от 29 июня 2021 г. № 22) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2. Российская газета. 2021. № 159.

6. Расторопов С.В. К вопросу о понятии и правовой природе условного осуждения // Человек: преступление и наказание. 2013. № 4(83).

7. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (дата обращения: 10.01.2022).

materials of the interdepartmental Round table. St. Petersburg, 2018.

3. Gorshkova N.A. Judicial penalization of deliberate infliction of grievous bodily harm committed in places of deprivation of liberty: materials of the All-Russian scientific practical conference dedicated to the memory of professors of the department of criminal law V.A. Eleonsky and N.A. Ogurtsov. Ryazan, 2016.

4. URL: <https://xn-b1aew.xn-p1ai/Deljatelnost/statistics> (date of access: 21.01.2022).

5. On judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement: decree of the Plenum of the Supreme Court Ros. Federation dated 30.11. 2017 № 48 (as amended. dated June 29, 2021 № 22) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2018. № 2. Russian newspaper. 2021. № 159.

6. Rastoropov S.V. On the concept and legal nature of conditional conviction // Man: crime and punishment. 2013. № 4(83).

7. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (date of access: 10.01.2022).

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ, ТЕРРОРИЗМ, НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

УДК 323 (470)

ББК 66.3

© 2022 г. Топилина Анна Васильевна,

доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России, кандидат философских наук, доцент.

Тел.: + 7 908 186-86-92.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ ИДЕОЛОГИИ ПОСРЕДСТВОМ БОРЬБЫ С ФАЛЬСИФИКАЦИЯМИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

В статье предпринимается попытка концептуализации понятия «идеологическая безопасность». Автор выделяет данное явление из структуры информационной безопасности, обозначая его специфику. Анализируются усилия правового характера, предпринимаемые Правительством и Президентом Российской Федерации по регулированию общественных отношений в области идеологической безопасности, а также указывается на необходимость сочетания правовых методов с неправовыми, заключающимися в изменении качества и содержания преподавания гуманитарных дисциплин, позволяющих формировать идеологию и бороться с фальсификациями истории.

Ключевые слова: идеологическая безопасность, информационная безопасность, идеология, фальсификация истории, история России, гуманитарное образование.

Topilina Anna Vasilievna – Associate Professor, the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Philosophy, Associate Professor.

ISSUES OF LEGAL PROVISION OF NATIONAL SECURITY IN THE SPHERE OF IDEOLOGY THROUGH THE FIGHT AGAINST FALSIFICATIONS OF THE RUSSIAN HISTORY

The article attempts to conceptualize the concept of «ideological security». The author distinguishes this phenomenon from the structure of information security, indicating its specifics. The article analyzes the legal efforts made by the Government and the President of the Russian Federation to regulate public relations in the field of ideological security. At the same time, it is pointed out that it is necessary to combine legal methods with non-legal ones, which consist in changing the quality and content of teaching humanities, allowing to form an ideology and fight against falsifications of history.

Keywords: ideological security, information security, ideology, falsification of history, history of Russia, humanitarian education.

Российская гуманитарная общественность проявила озабоченность процессами, связанными с перекраиванием общественного сознания, происходящими в России. Еще до событий на Украине в 2013–2014 гг., продемонстрировавших, как антироссийские ангажированные фальсификации истории могут радикально изменить общественное сознание целого поколения, ряд ученых и общественных деятелей начали бить тревогу, обращая внимание на экспоненциальный рост негативной информации о России и ее истории. В 2009 г. указом Президента России Дмитрия Медведева была создана Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам страны. Комиссия была представлена специалистами из самых

разнообразных отраслей: историками, представителями законодательной власти, общественными деятелями, журналистами, но спустя три года была распущена вследствие низкой результативности.

Президент РФ Владимир Путин также обратил внимание на множественность подходов к изучению отечественной истории и в 2013 г. предложил создать единый учебник истории России [1], который отражал бы государственную позицию в отношении событий и фактов, что и было реализовано в 2016 г.

В сентябре 2020 г. в составе Следственного комитета было создано отделение по расследованию преступлений, связанных с реабилитацией нацизма и фальсификацией истории Отечества. Целью является предотвра-

щение искажения исторических фактов о Великой Отечественной войне. Также главой СКР Александром Бастрыкиным был создан Штаб для архивных и поисковых работ в рамках борьбы с фальсификацией истории и реабилитацией нацизма [2].

Апофеозом законодательных мер, предпринимаемых Российской Федерацией, стало внесение изменений в Конституцию РФ, сделавших акцент на традиционных ценностях и государствообразующей роли русского народа, а также вносимые на протяжении ряда лет поправки в федеральные законы, касающиеся борьбы с иностранными агентами [3].

Научная мысль также активно участвует в процессах укрепления государственной идентичности, регулярно проводятся конференции, выходят статьи и монографии, посвященные теме борьбы с фальсификациями истории и защите национальной безопасности в идеологической сфере.

Однако терминологический аппарат данного направления научных исследований остается непроработанным, а отдельные соображения, высказываемые учеными, носят стихийный характер. Безопасность государства в области идеологии, как мы видим из приведенных выше попыток законодательного регулирования данной сферы, представляет собой проблемное поле, нуждающееся в совместной работе законодателей и ученых.

Идеологическая безопасность.

В Указе Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [7] сформулированы основные понятия и направления обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Несомненно, данный документ отражает актуальные потребности и цели развития современного российского общества, однако содержащиеся в нем положения недостаточно репрезентативны с точки зрения хранения ключевых моментов, относящихся к идеологической безопасности или безопасности в сфере идеологии.

В то же время в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации [8] можно найти разделы, в которых в неявной форме говорится об информационной безопасности в сфере идеологии, однако формулировка понятия «идеологическая безопасность» или «национальная безопасность в сфере идеологии» отсутствует. Таким образом, в российском законодательстве институт ин-

формационной безопасности поглощает институт идеологической безопасности. Однако обеспечение национальной безопасности в сфере идеологии, исходя из мероприятий, предпринимаемых правительством и Президентом Российской Федерации, должно быть выделено в отдельную сферу и оформлено законодательно.

Следует разделить понятия «информационная безопасность» и «идеологическая безопасность». Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [5] определяет *информацию* как «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления», а *информационные технологии* как «процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов». Таким образом, информация рассматривается как статическое явление, по поводу которого могут возникать общественные и имущественные отношения. В то же время идеология — это особый вид информации, который имеет не статический характер сообщения фактов, а динамическое свойство, связанное с интерпретацией изложенных фактов. В этом случае требуется сформулировать отдельное определение и вывести законодательные формы регулирования этого специфического рода отношений.

Доктрина информационной безопасности, утвержденная указом Президента от 05.12.2016 № 646 [8], дает следующее определение: «*Информационная безопасность Российской Федерации* (далее — информационная безопасность) — состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства». При этом формулируется следующее определение *угроз информационной безопасности*: «Угроза информационной безопасности Российской Федерации (далее — информационная угроза) — совокупность действий и факторов, создающих опасность нанесения ущерба национальным интересам в информационной сфере».

С одной стороны, нельзя отрицать, что в тексте Доктрины информационной безопасности РФ содержится в неявной форме указание на защиту граждан от неправомерного и негативно-го использования информации, с другой – в тексте Доктрины слово «идеология» упоминается всего дважды и исключительно в связи с пропагандой экстремистской идеологии.

Более того, проведенный текстологический анализ содержания законов и законодательных актов РФ показал, что понятие «идеология» не имеет законодательного закрепления. Будучи упомянутым в Конституции РФ (в ФЗ от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» и ряде других документов), этот термин нигде точно не определен, что также создает трудности в определении и законодательном закреплении понятия «идеологическая безопасность».

Отталкиваясь от определения, данного в Кратком философском словаре [12], идеологию можно рассматривать как «систему взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, социальные проблемы и конфликты, а также цели (программы) социальной деятельности, направленной на закрепление или изменение (развитие) данных общественных отношений».

Несомненно, идеология, являясь информацией, в то же время имеет весьма специфичный характер, связанный с изменчивостью и ангажированностью, неопределенностью и фактической неverifiedируемостью. В таком случае с учетом указанных характеристик можно определить *идеологическую безопасность* как состояние защищенности личности, общества и государства от внешних и внутренних информационных влияний, оказывающих негативное и искажающее воздействие на представления о государственно-территориальной целостности, суверенитете, истории государства, социально-политической структуре общества, межнациональных отношениях, а также о месте и роли государственной власти.

Важно понимать, что оценивать качество информационного воздействия на идеологию (негативное, позитивное или нейтральное) можно, только имея дело со сформированной идеологической системой.

Правовое обеспечение идеологической безопасности.

Прежде чем формулировать способы обеспечения идеологической безопасности, необ-

ходимо установить род угроз, которым подвергается национальная безопасность в сфере идеологии, чтобы адресно применять меры воздействия.

К первой группе относятся угрозы, связанные с вмешательством зарубежных и российских негосударственных организаций во внутривполитические дела России, а также создание негативного антироссийского информационного потока. Для нейтрализации данного типа угроз в РФ применяется Закон «Об иностранных агентах» [4], обязывающий физических лиц и организации, получающих частичное или полное финансирование из-за рубежа и участвующих в политической жизни, регистрироваться в качестве иностранного агента и размещать соответствующий логотип.

Вторая группа представлена угрозами, связанными с разжиганием конфликтов, обострением противоречий, а также созданием на территории России религиозных сект деструктивного толка, групп самоубийц и других организаций, которые оказывают негативное воздействие на психику человека, особенно подростка.

Сложность в работе с данным типом угроз представляет сам их характер, который является сложнодоказуемым и, соответственно, тяжело поддающимся правовому регулированию. Закон «О религиозных организациях», принятый в 1996 г., отражал потребности того периода, когда число религиозных сект в Российской Федерации превышало все разумные пределы. Это было вызвано объективными причинами: после развала Советского Союза люди потеряли опору в жизни и искали поддержку в различных формах религиозного сознания. Однако современные религиозные секты имеют цель не только обогатиться, как это было в 1990-х гг., но и дестабилизировать государство.

В 2002 г. был принят Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [6], в котором указываются два основных направления противодействия экстремистской деятельности: принятие профилактических мер, а также выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности.

Однако содержание той или иной общественной деятельности зачастую с трудом поддается однозначной оценке. Кроме того, закрепленная конституционно демократия

значительно осложняет работу с содержательной частью информационного потока. В частности, Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) налагает запрет на доступ к тем или иным информационным ресурсам, но для этого должны быть очень веские основания, связанные с нарушением закона.

В начале статьи перечислен ряд законов, которые эффективно работают на защите идеологических интересов Российской Федерации, однако в том, что касается профилактики, более эффективными являются неправовые методы.

Неправовые методы обеспечения идеологической безопасности.

В свое время Отто фон Бисмарк говорил: «Войны выигрываются и проигрываются за школьными партами». А у китайцев есть пословица: «Если вы хотите победить врага – воспитывайте его детей».

В последние десятилетия много сказано о кризисе в идеологии и воспитании молодежи. На базе партии «Единая Россия» созданы организации, точечно в школах существуют молодежные объединения и патриотические клубы, однако любая деятельность оценивается не по масштабу предпринятых усилий, а по результату, который демонстрирует, что историческая подготовка современных школьников оказывается удручающе низкой. По заявлению главы Рособрназора Сергея Кравцова, более трети школьников, выбравших историю для сдачи ОГЭ и ЕГЭ, не знают даже ключевых событий отечественной истории [10]. Надо полагать, что школьники, которые не изучали историю углубленно для сдачи экзаменов, не знают ее вовсе.

В то же время все школьники проводят большую часть жизни на платформах социальных сетей, где становятся потребителями информационного потока, не проходящего практически никаких фильтров. Несмотря на все усилия Роскомнадзора и отдельных ведомств, в том числе технический контроль, полностью следить за информацией, поступающей к школьникам, невозможно.

Единственным эффективным усилием в данном направлении будет контрпропаганда или формирование четкой картины исторического прошлого нашей страны и позитивного представления о настоящем.

Игорь Валентинович Бочарников, доктор политических наук, ветеран Главного оперативного управления Генерального штаба ВС РФ, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса, в статье о противодействии фальсификациям российской истории, написанной для научно-исследовательского центра проблем национальной безопасности, предлагает реализовывать политику контрфальсификации, которая будет решать ряд задач, главной из которых является отказ от колониальной модели обучения обществоведческим наукам, представляющей Россию и ее историю в негативном свете [9].

Особое внимание необходимо уделить подготовке учителей истории. Не секрет, что многие современные вузы являются рассадниками либеральных идей, особенно это касается гуманитарных специальностей. Журналисты, философы, историки, выходящие из стен известнейших вузов, симпатизируют Западу, стремятся подражать прозападным настроениям и получать гранты зарубежных организаций. В данном направлении Правительством Российской Федерации уже несколько лет проводятся меры по реализации отечественных грантовых программ. Однако необходимо увеличить количество и размер грантов, чтобы талантливые молодые люди понимали, что существует возможность жить достойно, реализуя национальные интересы своей Родины, а не политически ангажированные проекты, как это было в 1990–2000 гг. с номинантами Фонда Сороса и других организаций, признанных сегодня иностранными агентами.

Таким образом, защита идеологической безопасности выстраивается по нескольким линиям:

- правовое обеспечение идеологической безопасности включает в себя ряд законов, законодательных актов и инициатив, направленных на защиту идеологических интересов России;

- неправовые методы обеспечения идеологической безопасности, представляющие собой содержательную работу по противостоянию фальсификациям истории, а также улучшению и изменению качества подготовки и мотивации преподавателей гуманитарных дисциплин.

Необходимо отметить, что в настоящее время в Российской Федерации проводится большой спектр мер по обеспечению идеологической безопасности, хотя данный

термин не концептуализирован. Автор предлагает усилить работу в сфере неправовых методов обеспечения национальной безопасно-

сти в сфере идеологии, поддерживая их при помощи правовых механизмов.

Литература

1. URL: <https://ria.ru/20140116/989593596.html> (дата обращения: 22.01.2022).
2. URL: <https://nic-pnb.ru/analytics/o-protivodejstvii-falsifikatsii-istorii-rossii/> (дата обращения: 21.01.2022).
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О некоммерческих организациях: федер. закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
6. О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
7. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Об утверждении доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
9. URL: <https://rusrand.ru/docconf/ideologija-kak-faktor-gosudarstvennoj-uspeshnosti-sravnitelnyj-istoricheskij-stranovyj-analiz> (дата обращения: 02.02.2022).
10. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7070620> (дата обращения: 03.02.2022).
11. URL: <https://iz.ru/1061269/2020-09-16/v-rossii-sozdan-shtab-po-borbe-s-falsifikatsiei-istorii-i-reabilitatsiei-natsizma> (дата обращения: 10.01.2022).
12. Краткий философский словарь / под ред. А. Алексеева. М., 2021.
13. Лещев Е.Н., Харитонов Н.И. Фальсификация истории как угроза национальной безопасности России: политический аспект // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Том 11. № 6.
14. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/145661/> (дата обращения: 17.01.2022).

Bibliography

1. URL: <https://ria.ru/20140116/989593596.html> (date of access: 22.01.2022).
2. URL: <https://nic-pnb.ru/analytics/o-protivodejstvii-falsifikatsii-istorii-rossii/> (date of access: 21.01.2022).
3. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with the changes approved in a nationwide vote 01.07.2020) // Access from the legal reference system «ConsultantPlus».
4. On nonprofit organizations: feder. law dated 12.01.1996 № 7-FL (latest revision) // Access from the legal reference system «ConsultantPlus».
5. Federal law «On information, information technologies and information protection» dated 27.07.2006 № 149-FL (latest revision) // Access from the legal reference system «ConsultantPlus».
6. On countering extremist activity: feder. law. d. 25.07.2002 № 114-FL (latest revision) // Access from the legal reference system «ConsultantPlus».
7. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 02.07.2021 № 400 // Access from the legal reference system «ConsultantPlus».
8. On the approval of the doctrine of information security of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation dated 05.12.2016 № 646 // Access from the legal reference system «ConsultantPlus».
9. URL: <https://rusrand.ru/docconf/ideologija-kak-faktor-gosudarstvennoj-uspeshnosti-sravnitelnyj-istoricheskij-stranovyj-analiz> (date of access: 02.02.2022).
10. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7070620> (date of access: 03.02.2022).
11. URL: <https://iz.ru/1061269/2020-09-16/v-rossii-sozdan-shtab-po-borbe-s-falsifikatsiei-istorii-i-reabilitatsiei-natsizma> (date of access: 10.01.2022).
12. A short philosophical dictionary / Ed. by A. Alekseev. Moscow, 2021.
13. Leshchev E.N., Kharitonova N.I. Falsification of history as a threat to Russia's national security: a political aspect // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2016. Vol. 11. № 6.
14. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/145661/> (date of access: 17.01.2022).

© 2022 г. Блинова Юлия Викторовна,

доцент кафедры гражданского права Алтайского государственного университета,
кандидат филологических наук, доцент.
E-mail: jblinova@yandex.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И СТОРОНЫ ДОГОВОРА О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ЛЕЧЕНИЯ ПО НЕМЕЦКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

В настоящей статье рассматривается правовая природа и стороны договора о предоставлении лечения по Германскому гражданскому уложению. Научный интерес к данной теме обусловлен большой значимостью жизни и здоровья человека, права на которые устанавливаются на высшем уровне и в Основном законе фиксируется обязанность государства по их защите и охране.

Ключевые слова: договор о предоставлении лечения, лечащее лицо, пациент, договор оказания услуг, договор подряда, Германское гражданское уложение.

Blinova Yulia Viktorovna – Associate Professor, the Department of Civil Law, the Altai State University, PhD in Philology, Associate Professor.

LEGAL NATURE AND PARTIES OF CONTRACT FOR THE PROVISION OF TREATMENT UNDER THE GERMAN LAW

This article discusses the legal nature and parties to the contract for the provision of treatment under the German Civil Code. The scientific interest in this topic is due to the great importance of human life and health, the rights to which are established at the highest level and the Basic Law fixes the duty of the state to protect and protect them.

Keywords: contract for the provision of treatment, treating person, patient, contract for the provision of services, work contract, German Civil Code.

В Российской Федерации договор оказания медицинских услуг легально не определен, отсутствует единообразное его доктринальное представление, более того, нет единой, установленной номинации данного договора [1, с. 93]. Однако сфера регулирования отношений врач – пациент относится к категории наиважнейших в любом правовом порядке, что демонстрируется установлением права на жизнь, здоровье, а также обязанности государства по их защите и охране на высшем, конституционном уровнях. В связи со сказанным, а также вследствие широкого распространения ныне медицинского туризма видится актуальным изучение лучших зарубежных практик законодательного решения отношений врач – пациент на примере рассмотрения правовой природы и сторон договора о предоставлении лечения по Германскому гражданскому уложению (далее – ГГУ).

Договор о предоставлении лечения (Behandlungsvertrag) появился в немецком законодательстве сравнительно недавно. Так, например, туристский договор (Reisevertrag)

инкорпорирован в ГГУ Законом от 04.05.1979 (§ 651 a-m) [2]. Что касается исследуемого договора, то он введен в ГГУ Законом «Об улучшении прав пациентов» от 20.02.2013 (вступил в силу 26.02.2013) (§ 630 a-h ГГУ) [3]. Целью нового Закона выступает создание транспарентных правил для получения пациентами информации о своих правах при оказании медицинских услуг, поскольку до сих пор, как указывается в пояснительной записке к проекту закона, «не обладают знаниями о том, какие права есть у пациентов, ни они сами, ни врачи» [4, с. 9].

По словам Д. Францки, «правовое регулирование отношений пациент – врач известно еще с римских времен: в римских текстах есть как минимум два места, которые засвидетельствовали эти отношения. В одном из них упоминается договор с пациентом, который строится по модели locatioconductiooperagum, что соответствует современному договору об оказании услуг; в другом месте деятельность врача сравнивается с научной профессиональной деятельностью юристов и

философов. Однако поскольку в Германии к моменту создания ГГУ еще четко не определились с правовой природой договора, поэтому решено было его не включать в кодекс» [5, с. 6].

В Германии в начале XX в. существовало много подходов к вопросу определения юридической природы договора врача с пациентом (Arztvertrag), отражением чего стала и первая диссертация, датируемая 1919 г. и принадлежащая перу Р. Тойфеля [5, с. 10]. Так, названный договор предлагали считать договором поручения. И почти сразу нашлись противники атрибутирования рассматриваемого договора с договорами поручения: они напомнили о гонораре врача [5, с. 6]. В дальнейшем мнения балансировали в пределах двух договоров – подряда и оказания услуг, что не исключало и возможности позиционирования договора как комплексного. Периодически все же делались попытки однозначно определить природу договора, выбрав один из вариантов, и тогда возникал следующий вопрос: следует ли применять к договору нормы уже имеющихся в ГГУ типов договоров или это договор *suigeneris*. Интересно отметить, что суды иногда рассматривали этот договор как подрядный в случае, например, если речь шла о проведении операции [5, с. 9]. Основанием для данной позиции выступает более простая по сравнению с российской трансформация договоров по предмету: договор подряда определяется в § 631 ГГУ как договор, имеющий целью оказание услуги с результатом. В России договор с врачом является договором на оказание услуг (п. 2 ст. 779 ГК РФ) [6; 7, с. 90; 8, с. 397].

Сегодня договор о предоставлении лечения является особой разновидностью договора оказания услуг и содержится в Книге 2 ГГУ подраздела 2 раздела 8 «Договор оказания услуг и подобные договоры». Данный подход продиктован принципом разумности, ибо лечащее лицо может обещать по общему правилу лечение пациента, а не его излечение [9, с. 127]. Разработчики законопроекта отмечают, что, хотя законодатель четко обозначил свою позицию относительно типа договора, это не препятствует сторонам (в данном случае лечащему лицу) взять на себя обязательства по гарантии успеха при медицинском вмешательстве, и тогда такие отношения будут регулироваться по типу договора подряда, что практиковалось и практикуется ныне, например, при оказании стоматологических услуг, а также в косметологии [9, с. 17]. Аналогичным образом в немецкой доктрине иногда отмечается, что не все мероприятия с участием лечащих лиц и

пациентов могут быть однозначно квалифицированы в качестве просто услуг (например, производство лабораторных исследований), потому услуги временами не исчерпываются осуществлением самой деятельности, а предполагают достижение определенного результата (установление уровня железа в организме при сдаче крови, легочной патологии на рентген-снимке и т. п.) [10].

При разработке новых норм вопрос отраслевой и типовой принадлежности договора с врачом в Германии исследовался наиболее тщательно и всесторонне, в связи с чем анализировались возможности придания данному договору публично-правового звучания, поскольку в договоре могут участвовать больничные кассы, потому вариант инкорпорирования норм о договоре о предоставлении лечения в ГГУ был не единственным. Так, при создании законопроекта его разработчики задумывались о включении норм в Социальный кодекс Германии либо создании Медицинского кодекса, но приоритет был отдан ГГУ и выделению в нем нового типа договоров [5, с. 47–50]. На выбор законодателя в части определения правовой природы договора о предоставлении лечения в немалой степени повлияли решения Федерального Верховного суда Германии, который квалифицировал отношения пациент – врач как «преимущественно договор по типу оказания услуг» [5, с. 17].

Особенностью договора о предоставлении лечения является возможность его исполнения в части оплаты третьими лицами (больничные кассы, частные лица), что в принципе не предусматривается для других типов договоров согласно ГГУ. К договору о предоставлении лечения применяются субсидиарно нормы подраздела 1 раздела 8 Книги 2 ГГУ, если они не противоречат его специальному регулированию. По договору оказания услуг по § 612 ГГУ возможно молчаливое согласование вознаграждения исполнителя, что явно расходится с обязанностью лечащего лица уведомить пациента до начала лечения о его стоимости, особенно если лечащему лицу становится понятно, что оплату лечения будет производить не пациент (абзац 3 § 630 с ГГУ). Примечательно, что указанный подраздел регулирует и трудовой договор. Однако в силу четкого указания § 630 b ГГУ положения, регулирующие трудовой договор, к рассматриваемому договору не применяются.

Сторонами договора о предоставлении лечения являются пациент и лечащее лицо.

В качестве пациента может выступать дееспособное лицо для заключения соответствующего договора. Последнее становится понятным в связи с многочисленными положениями ГГУ, требующими от пациента активной позиции, т. е. пациент по немецкому законодательству является не просто лицом, которое претерпевает медицинские манипуляции, а которое сознательно и деятельно участвует в определении направлений своего лечения путем выбора тех или иных методов, предложенных лечащим лицом [11; 12, с. 6]. В связи с этим будет уместно привести мнение медсестры из Германии М. Герлиц, которая отметила в качестве особенности оказания услуг российскими врачами, что последние «могут не сообщать пациентам о методах лечения и о том, какие препараты назначили» [13]. При этом немецкая доктрина отрицательно отвечает на вопрос о возможности участия в качестве пациента в договоре о предоставлении лечения лица, находящегося в бессознательном состоянии, или недееспособного, без согласия его законного представителя. В данном случае будут подлежать применению нормы о ведении дел в чужом интересе без поручения (§ 677 ГГУ), потому как такое лицо не способно заключать никаких договоров [5, с. 54–55; 10]. Кроме того, если лицо получает уход и медицинскую помощь в социальном учреждении, то оно также не будет квалифицироваться пациентом по рассматриваемому договору [14].

В немецком законе контрагент пациента сформулирован чрезвычайно широким образом, что просматривается уже в части наименования стороны – лечащее лицо (*Behandelnde/r*), в отличие от врача (*Arzt*). Во-первых, немецкий законодатель отнес к категории лиц, которые с 2013 г. подчиняются нормам § 630 a–h ГГУ, помимо врачей, также представителей иных профессий, которые осуществляют лечение людей: натуропатов, целителей, акушеров, психотерапевтов, физиотерапевтов, знахарей, массажистов, акватерапевтов, оставив без договора о предоставлении лечения аптекарей и ветеринаров. Однако в данном случае юристы не исключают в будущем применения, например к ветеринарам, данного нормативного состава по аналогии [10]. В целях же определения сферы действия договора по лицам важно понимать, что наряду с диагностикой и терапией медицинские услуги включают все мероприятия и вмешательства в тело человека «для предупреждения, распознавания, лечения или

уменьшения болезни, страданий, вреда здоровью, телесных повреждений или душевных страданий непатологической природы, а также косметическую медицину» [14]. Во-вторых, закон говорит, что лечащим лицом может быть тот, кто соглашается осуществить лечение, и медицинская организация в том числе (больница, например) [14].

Согласно абзацу 2 § 630 a ГГУ, лечащее лицо должно осуществлять лечение в соответствии с общепризнанными профессиональными стандартами, действующими на момент оказания услуги, если иное не предусмотрено договором. Действия при таких условиях будут удовлетворять добросовестности и надлежащей заботливости, что необходимо для исключения гражданско-правовой (договорной или внедоговорной) ответственности по § 276 ГГУ. Говоря об общепринятых профессиональных стандартах, адвокат Й. Ной обращает внимание на необходимость различать соблюдение стандарта как такового, соблюдение положений (*Richtlinien*) и следование принципам (*Leitlinien*) [15, с. 11–12]. Так, соблюдение положений, регламентирующих ту или иную медицинскую область, является обязательным для исполнения, их несоблюдение уже влечет врачебную ошибку без проведения какой-либо экспертизы. В то же время следование принципам является факультативным, потому как они дают лишь общие рекомендации на случай проблемных ситуаций. Что касается профессионального стандарта, то он определяется для каждой сферы и для каждого конкретного случая, это переменная величина. Например, специальные познания повышают стандарт, и если врач обладает превышающими стандарт медицинскими познаниями и возможностями лечения, то он их должен использовать на благо пациентов [15, с. 12]. Кроме того, целесообразно отметить, что врачу надлежит повышать свою квалификацию, знакомиться с новейшими разработками по своей специализации, при этом от узкопрофильного врача ожидается, что он читает как отечественную, так и иностранную литературу, а от врача общей практики знакомство только с отечественной литературой [15, с. 13].

Таким образом, правовое регулирование договора о предоставлении лечения в ФРГ (по сравнению с российским законодательством) предусматривает ряд особенностей. Во-первых, по ГГУ услуги могут быть как предметом договора оказания услуг, так и предметом договора подряда; соответственно, договор

о предоставлении лечения по § 630 a-h ГГУ является договором оказания услуг, но стороны могут предусмотреть иное. Во-вторых, частноправовая природа договора с пациентом и закон позволяют «отходить» от стандартов лечения или обращаться к лечащим лицам, в отношении которых отсутствует стандарт лечения. В-третьих, в ГГУ с 2013 г.

закреплен более широкий подход к лицам на стороне лечащего лица – любое лицо, соглашающееся осуществить лечение человеческого организма. В-четвертых, пациентом с учетом его активной роли, заложенной ГГУ, может выступать только дееспособное лицо, за исключением лиц, находящихся в социальных учреждениях.

Литература

1. Старчиков М.Ю. К вопросу об определении понятия договора оказания медицинских услуг // Закон и право. 2015. № 6.
2. URL: https://www.bgbl.de/xaver/bgbl/media/C7B83E448639A9B771FA5F3396B3F8D0/bgbl179s0509_35195.pdf (дата обращения: 17.01.2022).
3. URL: https://www.bgbl.de/xaver/bgbl/media/C7B83E448639A9B771FA5F3396B3F8D0/bgbl113s0277_22468.pdf.
4. Entwurf eines Gesetzes zur Verbesserung der Rechte von Patientinnen und Patienten // Drucksache 17/10488. 2012.
5. Franzki D. Der Behandlungsvertrag. Ein neuer Vertragstypus im Bürgerlichen Gesetzbuch: Göttinger Schriften zum Medizinrecht. Bd. 19. Göttingen, 2014.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.11.2001 № 14-ФЗ (в ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410; 2021. № 27 (Ч. I). Ст. 55123.
7. Горбунова О.В. Общая характеристика договора оказания медицинских услуг // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2017. № 4. Т. 2.
8. Романец Ю.В. Система договоров в гражданском праве России. М., 2004.
9. Emmerich V. BGB-Schuldrecht, Besonderer Teil. 12. Auflage. Heidelberg, 2009.
10. URL: <https://www.juracademy.de/schuldrecht-bt2/behandlungsvertrag.html> (дата обращения: 15.01.2022).
11. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/BJNR001950896.html> (дата обращения: 03.01.2022).
12. Fleischhauer K. Die Regulierung der medizinischen Versorgung in Deutschland. Normsetzung und Normen in der gesetzlichen und in der privaten Krankenversicherung – Eine Einführung. Berlin, 2014.
13. URL: https://lenta.ru/news/2020/02/12/nurse/?utm_source=lentatg&utm_medium=social (дата обращения: 28.12.2022).
14. URL: https://rsw.beck.de/rsw/upload/Buchhandel/Palandt-Nachtrag_§§_630a_-_630h.pdf (дата обращения: 12.12.2021).
15. Neu J. Haftungsfragen // Saarländisches Ärzteblatt. 2013. № 8.

Bibliography

1. Starchikov M.Yu. On the question of defining the concept of a contract for the provision of medical services // Law and law. 2015. № 6.
2. URL: https://www.bgbl.de/xaver/bgbl/media/C7B83E448639A9B771FA5F3396B3F8D0/bgbl179s0509_35195.pdf.
3. URL: https://www.bgbl.de/xaver/bgbl/media/C7B83E448639A9B771FA5F3396B3F8D0/bgbl113s0277_22468.pdf (date of access: 17.01.2022).
4. Draft Law on improving the Rights of patients // Printed matter 17/10488. 2012.
5. Franzki D. The treatment contract. A new type of contract in the Civil Code: Göttinger Schriften zum Medizinrecht. Bd. 19. Göttingen, 2014.
6. The Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of 26.11.2001 № 14-FL (as amended, dated 01.07.2021) // SZ RF. 1996. № 5. Art. 410; 2021. № 27 (Part I). St. 55123.
7. Gorbunova O.V. General characteristics of the contract for the provision of medical services // Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev. 2017. № 4. Vol. 2.
8. Romanets Yu.V. The system of contracts in the civil law of Russia. Moscow, 2004.
9. Emmerich V. BGB-Law of Obligations, Special part. 12th Edition. Heidelberg, 2009.
10. URL: <https://www.juracademy.de/schuldrecht-bt2/behandlungsvertrag.html>.
11. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/BJNR001950896.html>.
12. Fleischhauer K. The regulation of medical care in Germany. Standard setting and standards in statutory and private health insurance – An introduction. Berlin, 2014.
13. URL: https://lenta.ru/news/2020/02/12/nurse/?utm_source=lentatg&utm_medium=social (date of access: 28.12.2021).
14. URL: https://rsw.beck.de/rsw/upload/Buchhandel/Palandt-Nachtrag_§§_630a_-_630h.pdf (date of access: 12.12.2021).
15. New J. Liability issues // Saarländisches Ärzteblatt. 2013. № 8.

© 2022 г. Кобец Петр Николаевич,

главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России,
доктор юридических наук, профессор.
E-mail: pkobets37@rambler.ru

Бражников Дмитрий Анатольевич,

заведующий кафедры административного и финансового права Российской таможенной
академии, кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: Dbrazh@yandex.ru

Брюхнов Александр Анатольевич,

доцент кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института
МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: lexandr@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ В ИНДИИ

В настоящем исследовании авторский коллектив изложил проблематику, связанную со становлением современных законодательных основ по борьбе с коррупцией в Индии. Основу данной работы составило изучение первоисточников законодательного характера и последующее их содержательное анализирование. Исследовав широкую группу первоисточников борьбы с коррупцией в Индии, авторы смогли проследить историю индийского антикоррупционного законодательства с момента государственной независимости страны. При этом довольно подробно авторским коллективом охарактеризованы основные индийские антикоррупционные законодательные акты.

Практическая направленность исследования выражается в возможности использования его результатов в научно-исследовательской и преподавательской деятельности отечественных научно-исследовательских учреждений, образовательных организаций.

Ключевые слова: причины коррупции, законодательные основы, коррупция в Индии, законотворчество, законодательные органы, индийская правовая система, антикоррупционное законодательство, законность, нормотворчество, правовое регулирование, гражданское общество.

Kobets Pyotr Nikolaevich – Chief Researcher, the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor.

Brazhnikov Dmitry Anatolievich – Head of the Department of Administrative and Financial Law, the Russian Customs Academy, PhD in Law, Associate Professor.

Bryukhnov Alexander Anatolievich – Associate Professor, the Department of Criminal Law and Criminology, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

MODERN LEGAL FOUNDATIONS OF THE FIGHT AGAINST CORRUPTION IN INDIA

In this study, the team of authors outlined the problems associated with the formation of modern legislative framework to combat corruption in India. The basis of this work was the study of primary sources of a legislative nature and their subsequent meaningful analysis. By examining a wide group of primary sources for the fight against corruption in India, the authors were able to trace the history of Indian anti-corruption legislation since the country's state independence. At the same time, the team of authors described in some detail the main Indian anti-corruption legislative acts. The practical orientation of the research is expressed in the possibility of using its results in research and teaching activities of domestic research institutions, educational organizations.

Keywords: causes of corruption, legislative framework, corruption in India, lawmaking, legislative bodies, Indian legal system, anti-corruption legislation, legality, rulemaking, legal regulation, civil society.

На протяжении всей своей истории Индия сталкивалась с несколькими вторжениями. Британская компания высадилась в Индии в начале XVII в. в качестве торговцев, но постепенно начала превращаться из торговой

компании в правящую силу. Британцы были озабочены только укреплением своего господства и власти. Британское правление оказало разрушительное воздействие на социальную, экономическую, культурную и политическую

жизнь индийцев, что постепенно вынудило простые массы и правителей восстать против британского правления. Несколько аграрных, племенных и политических восстаний вспыхнули против иностранного правления, но именно восстание 1857 г. стало стартовой площадкой для всей последующей борьбы против британского правления. Постоянно растущая осведомленность, контакты с внешним миром и стремление освободить страну породили к концу XIX в. организованное движение, которое в 1947 г. положило конец 200-летнему британскому правлению. Сразу же после принятия 15 августа 1947 г. государственной независимости в Индии борьба с коррупцией начала набирать обороты [1, с. 75].

Отечественными учеными отмечается, что довольно непростая характеристика индийской правовой цивилизации не позволяет утверждать о наличии в стране единой культуры права. Универсальную основу этой нормативной системы составляют религиозные и философские традиции в совокупности с религиозными концепциями законов дхармы, кармы, касты и др. [2, с. 184]. Такую территориальную подсистему общего индийского права приходилось применять вне зависимости от расовой принадлежности, вероисповедования и иных различий, поскольку первоначально ее привнесли в индийское общество западные колониальные власти [3, с. 535].

Субъектами преступлений являются не только физические лица, но и могут выступать юридические лица в виде корпораций, ассоциаций, объединений [4, с. 25]. В соответствии со ст. 1, 2 и 5 УК Индии предусматривается уголовная ответственность за совершение преступлений на всей индийской территории (за исключением штатов Джамму и Кашмир), а также противоправных деяний, совершенных за пределами страны, но только в том случае, если есть возможность привлечения виновных лиц к уголовной ответственности в Индии [5, с. 435].

В 1947 г. индийским правительством принимается «Закон о предотвращении коррупции» – «Prevention of Corruption Act, 1947». В указанном акте рассматриваются вопросы, касающиеся предотвращения коррупции и взяточничества. Данный законодательный акт обязал суд устанавливать определенные презумпции вины в отношении обвиняемого. В соответствии с его положениями бремя доказывания было переложено с обвинения

на обвиняемого. Расследование в отношении обвиняемого должен был вести офицер не ниже чина заместителя начальника полиции [6, с. 48].

Новый законодательный акт «О предупреждении коррупции» (№ 49 от 1988 г.) – Prevention of Corruption Act, 1988 (№ 49 of 1988) вступил в силу в сентябре 1988 г. Он является законодательным актом Парламента Индии, принятым для борьбы с коррупцией в государственных учреждениях и предприятиях государственного сектора Индии [7]. Кроме служащих центрального правительства и союзных территорий, служащие государственных предприятий, национализированных банков, служащие кооперативных обществ центрального правительства и правительства штата, получающие финансовую помощь, служащие Комиссии по университетским грантам, вице-канцлеры, профессора и ученые в учреждениях, получающие финансовую помощь от центрального правительства или правительства штата, или даже от местных властей, были объявлены государственными служащими. Однако депутаты парламента, хотя и выполняют общественные обязанности, остаются вне сферы действия этого Закона.

Закон 1988 г. распространяется на всю Индию, за исключением штатов Джамму и Кашмира, и распространяется на всех индийских граждан, проживающих в стране или за ее пределами [8, с. 19]. Основные положения Закона 1988 г. ясно дают понять, что он предназначен для применения к ситуациям, когда индийский государственный служащий принимает незаконное вознаграждение от любого лица, будь то в Индии или за рубежом. Если преступление в отношении государственного служащего доказано в суде, то оно наказывается лишением свободы на срок не менее шести месяцев, но не более пяти лет. Таким образом, шестимесячное тюремное заключение является обязательным, суды не имеют дискреционных полномочий в этом отношении. Если государственный служащий признан виновным в совершении преступления, то он наказывается лишением свободы на срок не менее двух лет, но не более семи лет, а также штрафом. Данный законодательный акт не распространяется на выплату незаконных вознаграждений иностранным должностным лицам.

Принятие закона «О предупреждении коррупции» 1988 г. не повлекло серьезных успе-

хов в борьбе с коррупцией, в него был внесен ряд значительных изменений, которые вступили в силу 26 июля 2018 г. [9, с. 110]. Кроме того, в принятом Законе «О Поправках» 2018 г. (Amendment Act) была предпринята попытка привести закон «О предупреждении коррупции» 1988 г. в соответствие с Конвенцией Организации Объединенных Наций против коррупции 2005 г., которая была ратифицирована Индией в 2011 г. [10].

До принятия поправок Закон «О предупреждении коррупции» 1988 г. в первую очередь криминализировал получение взятки государственным служащим, а взяткодатель мог быть наказан в соответствии с данным законом только за подстрекательство к преступлению, совершенному получателем взятки. Однако в соответствии с поправками факт предоставления какого-либо «неправомерного преимущества» другому лицу (непосредственно или через третью сторону) с намерением побудить любого государственного служащего (или вознаградить любого государственного служащего) ненадлежащим образом выполнить какую-либо государственную работу, теперь сам по себе является преступлением. Исключения были сделаны для лиц, которые вынуждены были дать взятку и сообщают об этом властям в течение семи дней, и лиц, которые предлагают или дают взятку после информирования властей (для оказания помощи властям в расследовании в отношении получателя взятки). Однако поправки упразднили иммунитет, ранее действовавший в соответствии со ст. 24 рассматриваемого закона, для взяткодателя, давшего показания в ходе коррупционного процесса против взяточника [11, с. 30].

Кроме того, принятые в 2018 г. поправки также позволили включить конкретные положения, касающиеся ответственности коммерческих организаций (в том числе компаний) и их должностных лиц за совершение преступлений, предусмотренных законом «О предупреждении коррупции» 1988 г. Правительству были даны полномочия арестовывать или производить конфискацию любых денежных средств или имущества, приобретенного в результате совершенного преступления, предусмотренного рассматриваемым законодательным актом. Ключевые преступления, предусмотренные данным законом (включая подкуп государственного служащего и подкуп государственного служащего коммерческой организацией), были включены в

качестве основных преступлений в соответствии с законом «О предотвращении отмыывания денег» 2002 г., поэтому доходы от таких преступлений теперь подпадают под действие индийских законов о борьбе с легализацией (отмыыванием) денежных средств, полученных незаконным путем [12, с. 48].

Закон о предотвращении отмыывания денег 2002 г. – Prevention of Money Laundering Act, 2002 (далее – PMLA) является Законом Парламента Индии, принятым с целью предотвращения отмыывания (легализации) денежных средств, полученных незаконным путем и обеспечения конфискации имущества, полученного в результате указанной процедуры. Он вступил в силу с 1 июля 2005 г. и сегодня является основой правовой базы, созданной Индией для борьбы с отмыыванием денежных средств [13]. PMLA предусматривает замораживание, арест и конфискацию доходов от преступлений. В PMLA были внесены поправки в 2005, 2009, 2012 и 2019 гг. PMLA криминализирует отмыывание (легализацию) незаконных денежных средств. Легализация денежных средств определяется как прямые или косвенные попытки потворствовать, или сознательно помогать, или сознательно становиться участником, или фактическое участие в процессе или деятельности, связанной с доходами от преступлений (включая их сокрытие, владение, приобретение или использование), и проекция или требование такого имущества как незапятнанного имущества. Закон о финансах 2019 г. – Finance Act, 2019 наряду с другими поправками, имеющий более широкую цель борьбы с отмыыванием денег и финансированием терроризма, внес дополнительные поправки в PMLA, разъясняющие определение «доходы от преступлений», в соответствии с которым доходы от преступлений включают имущество, не только полученное в результате запланированного преступления, но и любое имущество, которое прямо или косвенно может быть получено в результате любой преступной деятельности [14]. Кроме того, PMLA определяет категории таких деяний, как преступления с трансграничными последствиями. Первая категория охватывает деяния, совершенные за пределами Индии, которые являются преступлениями как по индийскому законодательству, так и по местным законам, и доходы от которых переводятся в Индию. Вторая категория охватывает преступления, совершенные в Индии,

доходы от которых пытаются перевести за границу [15, с. 4].

Согласно оценке ряда специалистов по рассматриваемому вопросу, важнейшим направлением противодействия коррупции в Индии выступают мероприятия, которые обеспечивают прозрачность функционирования управленческого аппарата. В этой связи необходимо упомянуть о Законе «О праве на информацию» (Right to Information Act (далее – RTI). Этот закон был принят Парламентом Индии 15 июня 2005 г. и полностью вступил в силу 12 октября 2005 г. [16]. Данный законодательный акт устанавливает правила и процедуры, касающиеся права граждан на информацию. Он заменил собой прежний закон о свободе информации 2005 г. В соответствии с положениями Закона «О праве на информацию» любой гражданин Индии может запросить информацию у государственного органа, правительственного органа или органа государственной власти, который обязан ответить оперативно, или в течение тридцати дней. В случае дела, затрагивающего жизнь и свободу заявителя, информация должна быть предоставлена в течение 48 часов. Это одно из любопытных антикоррупционных решений индийского правительства помогает простым гражданам фиксировать коррупционные факты. В соответствии с рассматриваемым законодательным актом рядовые граждане направляют запросы по проверке предполагаемых фактов коррупционных отношений, а чиновники государственных структур обязаны их рассмотреть и дать ответ. Таким образом, любому индийскому гражданину страны дано право запроса информации у представителей органов власти и управления, которые обязаны ее предоставить или дать ответ в установленные законодательством сроки. А в случае отказа либо нарушения сроков предоставления информации, чиновникам придется заплатить персональный штраф [17, с. 27].

Данный нормативно-правовой акт превратился в мощное оружие в деятельности представителей гражданского общества по противодействию коррупции. Также рассматриваемый законодательный акт, облегчивший доступ к информации, узаконивший штрафы чиновников, предоставил право простым индийцам получить полагаемые им государственные услуги, не давая за это взятки в государственных органах. Закон также требует,

чтобы все государственные органы компьютеризировали свои записи для широкого распространения и активно использовали определенные категории информации, чтобы граждане имели минимальные возможности для официального запроса информации [18, с. 75].

Закон RTI принимался как инструмент борьбы с коррупцией в Индии в первую очередь для обеспечения прозрачности и благого управления в стране. Основываясь на контент-анализе данного нормативного акта, можно с уверенностью утверждать, что закон RTI преуспел в уменьшении информационной асимметрии и разоблачении коррупции. Государственные служащие стали относительно отзывчивыми и подотчетными службе с момента принятия данного закона [19, с. 386].

Индийские граждане рассматривают право на информацию как окончательное освобождение от британского колониализма. Они воспринимают данный законодательный акт как инструмент расширения прав и возможностей обычных граждан и изменения культуры управления, сделав ее прозрачной, менее коррумпированной, основанной на широком участии и подотчетности [20, с. 62]. Индийцы отмечают, что помимо противодействия коррупции, запросы на получение информации, которые делаются в соответствии с этим законом, обеспечивают решение широкого круга социальных вопросов, включая земельные и экологические права, пособия по социальному обеспечению, реформу финансирования политических партий, гражданскую инфраструктуру и даже государственно-частное партнерство [21, с. 187]. В соответствии с рассматриваемым законодательным актом в Индии каждый день подается более 4 800 заявок. За первые десять лет действия закона было подано более 17 500 000 заявлений по запросу информации.

Помимо указанного законодательного акта, по мнению экспертов, еще лучше повысить прозрачность функционирования органов государственной власти и управления могли бы новейшие информационные и коммуникационные технологии, а также усиление такого элемента, как social media – социальные медиа. Социальные медиа в Индии формируются как влияющая сила во всех сферах жизни. Он используется различными организациями для обогащения коммуникационных стратегий. Использование социальных сетей расширяет сотрудничество между различными

заинтересованными сторонами, обеспечивая обратную связь и стимулируя участие граждан. Инновационное использование технологий способствует развитию демократии в стране путем поощрения прозрачности, отзывчивости правительства и активного участия в этой работе представителей гражданского общества. Государственное управление использует социальные сети для взаимодействия с гражданами, чтобы активизировать их участие в развитии страны. Социальные сети позволяют использовать множество способов для того, чтобы служить мостом между правительством и гражданами. Использование социальных сетей в индийском частном секторе привлекает внимание в следующих областях: управление взаимоотношениями с клиентами, маркетинг и бренд-менеджмент, в то время как для институционализации социальных сетей в государственном управлении было предпринято не так уж много шагов. В настоящее время данный вопрос недостаточно изучен, поскольку пока что недостаточно исследований относительно использования индийским правительством социальных сетей для участия граждан в жизни страны [22, с. 845].

Важным законодательным актом в сфере борьбы с коррупцией в Индии является «Закон о защите информаторов 2011 г.» – Whistle Blowers Protection Act, 2011. В нем предусмотрены механизмы по расследованию коррупционных проявлений и злоупотреблению властью госслужащими, и в том числе защита лиц, разоблачающих предполагаемые правонарушения в государственных органах [23]. Данный законодательный акт направлен на обеспечение адекватной защиты лиц, сообщающих о коррупционных преступлениях, совершенных государственными служащими и умышленном злоупотреблении дискреционными полномочиями, которые наносят очевидный ущерб государству. Данным законодательным актом регламентированы и обеспечены адекватные гарантии против виктимизации информаторов. Он также направлен на обеспечение наказания за ложные жалобы [24].

В принятом Парламентом Индии «Законе о компаниях 2013 г.» – Companies Act, 2013 содержатся положения, которые могут препятствовать мошеннической деятельности в компаниях и корпорациях. Так, в рассматриваемом законодательном акте говорится об увеличении штрафных санкций за мошенническую

деятельность, предоставление дополнительных полномочий Управлению по расследованию мошенничеств – Serious Fraud Investigation Office, а также обязательную ответственность аудиторов за выявление мошенничеств и повышенную ответственность независимых директоров.

Статья 129 Закона 2013 г. предусматривает, что финансовая отчетность компании, помимо прочего, должна давать правдивое и справедливое представление о состоянии дел компании. Кроме того, в соответствии со ст. 134 каждый баланс и отчет о прибылях и убытках компании (кроме банковской компании) должны быть подписаны от имени ее совета директоров двумя директорами компании, включая управляющего директора и секретаря компании. Статья 447 определяет мошенничество в широком смысле, включая любое действие, бездействие, сокрытие любого факта или злоупотребление служебным положением, совершенное любым лицом или любым другим лицом при их попустительстве любым способом с намерением обмануть, получить неправомерную выгоду или нанести ущерб интересам компании, ее акционерам, кредиторам или любому другому лицу, независимо от того, имеет ли место какая-либо неправомерная прибыль или неправомерные убытки. Лица, осужденные за мошенничество, подвергаются суровым уголовным последствиям: если мошенничество связано с суммой не менее 1 миллиона рупий или 1 процента оборота компании (в зависимости от того, что меньше), то наказанием является лишение свободы на срок не менее шести месяцев, который может быть продлен до 10 лет. Если мошенничество связано с общественными интересами, то срок лишения свободы должен быть не менее трех лет, а также штраф в размере не менее суммы, связанной с мошенничеством, и который может быть увеличен до трехкратной суммы. Если сумма, вовлеченная в мошенничество, превышает вышеупомянутые пороговые значения и не затрагивает общественных интересов, то назначается наказание в виде тюремного заключения на срок до пяти лет или штрафа до 5 миллионов рупий, или и того, и другого.

Статья 177 рассматриваемого законодательного акта требует, чтобы каждая листинговая компания имела механизм обеспечения противодействия мошеннической деятельности и обеспечила адекватный механизм их

защиты персонала, сообщающего обо всех имеющихся проблемах в компании. Кроме того, аудиторы, бухгалтеры и секретари компаний в обязательном порядке должны сообщать о любых подозрениях в мошенничестве центральному правительству, если они в ходе выполнения своих обязанностей приходят к убеждению, что сотрудники их компании совершают преступные деяния. Статья 182 ограничивает способность компаний делать прямые или косвенные взносы в пользу политической партии или любого лица в политических целях. Она также требует, чтобы все компании раскрывали суммы и получателей таких взносов в своих счетах прибылей и убытков. Нарушение этого раздела карается лишением свободы и штрафом. Закон 2013 г. также обязывает компании вести бухгалтерские книги и финансовую отчетность в соответствии с установленными стандартами бухгалтерского учета. За нарушение вышеуказанных положений предусмотрены штрафы и тюремное заключение. Основными особенностями данного закона являются: благоприятное для бизнеса корпоративное регулирование инициативы в поддержку бизнеса; повышенная подотчетность руководства; более строгое правоприменение. Он заменяет «Закон о компаниях 1956 г.» – Companies Act, 1956, который оказался устаревшим с точки зрения борьбы с коррупционными проявлениями, возникающими в XXI столетии [25].

Одним из важнейших направлений по развитию национальной антикоррупционной политики является принятие закона Локпала и Локаюта 2013 г. – Lokpal and Lokayuktas Act, 2013, широко известного как закон Локпала, вступившего в силу с 16 января 2014 г., который является антикоррупционным актом индийского Парламента, стремится обеспечить создание института Локпала для расследования обвинений в коррупции в отношении некоторых важных государственных чиновников, включая премьер-министра, минист-

ров кабинета министров, членов парламента, должностных лиц группы центрального правительства и по вопросам, связанным с ними [26].

В 2015 г. Парламент Индии принял «Закон о нераскрытых иностранных доходах и активах (введение налога) 2015 г.» – Black Money (Undisclosed Foreign Income and Assets) and Imposition of Tax Act, 2015, чтобы наложить штрафы на «черный нал», накопленный за рубежом [27]. В соответствии с Законом предусмотрена единовременная возможность декларировать зарубежные активы. Если доход не будет задекларирован, то к нераскрытым иностранным доходам и активам применяется единая ставка налога в размере 30 % и штраф в размере 300 % от суммы налога. Умышленные попытки уклониться от уплаты налогов на зарубежные доходы и активы повлекут за собой строгое тюремное заключение на срок от трех месяцев до 10 лет, а также штраф. Цель этого закона – вернуть в страну доходы и активы, находящиеся за рубежом. В результате только резидент Индии получает возможность декларировать нераскрытые активы. Правительство дает временные рамки для раскрытия активов. Если резидент, владеющий нераскрытыми активами, декларирует эти активы в установленные сроки, они не подлежат судебному преследованию [28].

Таким образом, исследование авторским коллективом проблематики становления и развития законодательных основ по борьбе с коррупцией в Индии после обретения ею государственной независимости в 1947 г. свидетельствует о том, что с 1947 г. в стране началась законотворческая работа по борьбе с коррупцией. Есть основания полагать, что законодательные положения будут становиться все более важными аспектами индийского антикоррупционного режима, а регулирующие органы в будущем будут все больше полагаться на эти положения в своей ежедневной профессиональной деятельности.

Литература

1. Лунев С.И. Индийская цивилизация в глобализирующемся мире // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 3.
2. Крашенинникова Н.А., Трикоз Е.Н. Уголовный кодекс Индии 1860 года: история создания и характерные черты // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2017. № 4 (333).

Bibliography

1. Lunev S.I. Indian civilization in the globalizing world // World economy and international relations. 2003. № 3.
2. Krashenninnikova N.A., Tricoz E.N. The Criminal Code of India of 1860: the history of creation and characteristic features. News of higher educational institutions. Jurisprudence. 2017. № 4(333).

3. Кобец П.Н. Генезис законодательных основ противодействия взяточничеству в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14. № 3.

4. Крашенинникова Н.А., Трикоз Е.Н. Цели и система наказаний в Уголовном кодексе Индии 1860 г. // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2018. № 1.

5. Крашенинникова Н.А., Трикоз Е.Н. Институт наказания в Уголовном кодексе Индии 1860 года: пенологические теории // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 3.

6. Balasubrahmanyam V. Jurisdiction // Essays on the Indian Penal Code: published on the centenary of the Indian Penal Code / ed. by S. Govindarajulu. Bombay, 1962.

7. UPL: https://books.google.ru/books?id=vqsgAAAIAAJ&redir_esc=y (дата обращения: 19.06.2021).

8. Кобец П.Н. Особенности формирования и эффективного функционирования механизма взаимодействия гражданского общества и полиции Индии в сфере противодействия преступности // Вестник развития науки и образования. 2018. № 12.

9. Абрамов Б.Д. Особенности индийской модели развития: опыт и перспективы. Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 5.

10. UPL: <https://www.mondaq.com/india/white-collar-crime-anti-corruption-fraud/724856/prevention-of-corruption-amendment-act-2018-booster-for-the-honest-or-the-corrupt> (дата обращения: 19.06.2021).

11. Слонская М.С. Коррупция в Индии: масштабы и методы борьбы с ней // Азия и Африка сегодня. 2015. № 7(696).

12. UPL: <https://www.gibsondunn.com/amendments-to-prevention-of-corruption-act-1988-implications-for-commercial-organizations-doing-business-in-india/> (дата обращения 19.06.2021).

13. UPL: <https://web.archive.org/web/20080612100751/http://fiuindia.gov.in/pmla2002.htm> (дата обращения: 19.06.2021).

14. UPL: <https://corporate.cyrilamarchandblogs.com/2019/09/finance-act-2019-prevention-money-laundering-act-amendment/> (дата обращения: 19.06.2021).

15. Умралкар Подмакар Бхикаджи. Современное уголовное право Индии (Основные институты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1975.

3. Kobets P.N. Genesis of the legislative foundations of countering bribery in the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland // Actual problems of economics and law. 2020. Vol. 14. № 3.

4. Krasheninnikova N.A., Trikoz E.N. Goals and the system of punishments in the Indian Criminal Code of 1860. Bulletin of the Moscow University. Episode 11: Law. 2018. № 1.

5. Krasheninnikova N.A., Trikoz E.N. Institute of punishment in the Indian Criminal Code of 1860: penological theories. All-Russian Criminological Journal. 2018. Vol. 12. № 3.

6. Balasubrahmanyam V. Jurisdiction // Essays on the Indian Penal Code: published on the centenary of the Indian Penal Code / ed. by S. Govindarajulu. Bombay, 1962.

7. UPL: https://books.google.ru/books?id=vqsgAAAIAAJ&redir_esc=y (date of access: 19.06.2021).

8. Kobets P.N. Features of the formation and effective functioning of the mechanism of interaction between civil society and the Indian police in the field of combating crime // Bulletin of the Development of Science and Education. 2018. № 12.

9. Abramov B.D. Features of the Indian development model: experience and prospects. World economy and international relations. 2020. Vol. 64. № 5.

10. UPL: <https://www.mondaq.com/india/white-collar-crime-anti-corruption-fraud/724856/prevention-of-corruption-amendment-act-2018-booster-for-the-honest-or-the-corrupt> (date of access: 19.06.2021).

11. Slonskaya M.S. Corruption in India: the scale and methods of combating it // Asia and Africa today. 2015. № 7(696).

12. UPL: <https://www.gibsondunn.com/amendments-to-prevention-of-corruption-act-1988-implications-for-commercial-organizations-doing-business-in-india/> (date of access: 19.06.2021).

13. UPL: <https://web.archive.org/web/20080612100751/http://fiuindia.gov.in/pmla2002.htm> (date of access: 19.06.2021).

14. UPL: <https://corporate.cyrilamarchandblogs.com/2019/09/finance-act-2019-prevention-money-laundering-act-amendment/> (date of access: 19.06.2021).

15. Umralkar Podmakar Bhikaji. Modern Indian Criminal Law (Basic Institutions): author. abstract ... Cand. of Law. Moscow, 1975.

16. UPL: https://wiki2.org/en/Right_to_Information_Act,_2005 (date of access: 19.06.2021).

16. UPL: https://wiki2.org/en/Right_to_Information_Act,_2005 (дата обращения: 19.06.2021).
17. Agrawal C. Right to Information: A Tool for Combating Corruption in India. *Journal of Management & Public Policy*. Vol. 3. 2012. № 2.
18. Riley P., Roy R.K. Corruption and Anticorruption: The Case of India. *Journal of Developing Societies*. 2016.
19. Chowdhury R., Banerjee S., Nagarkoti D.S. Anna Hazare: A Corruption Crusader and His Grassroots Wisdom // *Journal of Management Inquiry*. 2017. № 26(4).
20. Кобец П.Н. Опыт полиции Республики Индия по взаимодействию с гражданским обществом в сфере поддержания правопорядка // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2019. № 1.
21. Кобец П.Н. Индийский терроризм как острейшая общественно-политическая проблема: законодательные основы противодействия // *Минерва*. 2019. Т. 4. Вып. 3.
22. Verma R.K., Kumar S., Ilavarasan P.V. Government Portals, Social Media Platforms and Citizen Engagement in India: Some Insights. *Procedia Computer Science*. 2017. Vol. 122.
23. UPL: <https://news.biharprabha.com/2014/02/indian-parliament-passes-whistleblowers-protection-bill-2011/> (дата обращения: 19.06.2021).
24. UPL: <http://egazette.nic.in/WriteReadData/2014/159420.pdf> (дата обращения: 19.06.2021).
25. UPL: <https://in.news.yahoo.com/parliament-passes-companies-bill-2012-155346651.html> (дата обращения: 19.06.2021).
26. UPL: <https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/2122/1/201401.pdf> (дата обращения: 19.06.2021).
27. UPL: <http://www.egazette.nic.in/WriteReadData/2015/164107.pdf> (дата обращения: 19.06.2021).
28. UPL: <https://web.archive.org/web/20150526192025/http://www.financialexpress.com/article/personal-finance/tax-talk-black-money-bill-gives-a-chance-to-come-clean/73777/> (дата обращения: 19.06.2021).
17. Agrawal C. Right to Information: A Tool for Combating Corruption in India. *Journal of Management & Public Policy*. 2012. № 2. Vol. 3.
18. Riley P., Roy R.K. Corruption and Anticorruption: The Case of India. *Journal of Developing Societies*. 2016.
19. Chowdhury R., Banerjee S., Nagarkoti D.S. Anna Hazare: A Corruption Crusader and His Grassroots Wisdom // *Journal of Management Inquiry*. 2017. № 26(4).
20. Kobets P.N. Experience of the police of the Republic of India in interaction with civil society in the field of law enforcement // *State power and local self-government*. 2019. № 1.
21. Kobets P.N. Indian terrorism as the most acute socio-political problem: legislative bases of counteraction // *Minerva*. 2019. Vol. 4. Issue 3.
22. Verma R.K., Kumar S., Ilavarasan P.V. Government Portals, Social Media Platforms and Citizen Engagement in India: Some Insights. *Procedia Computer Science*. 2017. Vol. 122.
23. UPL: <https://news.biharprabha.com/2014/02/indian-parliament-passes-whistleblowers-protection-bill-2011/> (date of access: 19.06.2021).
24. UPL: <http://egazette.nic.in/WriteReadData/2014/159420.pdf> (date of access: 19.06.2021).
25. UPL: <https://in.news.yahoo.com/parliament-passes-companies-bill-2012-155346651.html> (date of access: 19.06.2021).
26. UPL: <https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/2122/1/201401.pdf> (date of access: 19.06.2021).
27. UPL: <http://www.egazette.nic.in/WriteReadData/2015/164107.pdf> (date of access: 19.06.2021).
28. UPL: <https://web.archive.org/web/20150526192025/http://www.financialexpress.com/article/personal-finance/tax-talk-black-money-bill-gives-a-chance-to-come-clean/73777/> (date of access: 19.06.2021).

© 2022 г. Горенко Диана Владимировна,

аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.
E-mail: divladgorenko@mail.ru

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ОБЪЕКТОВ АВТОРСКОГО ПРАВА, РАЗМЕЩАЕМЫХ В ИНФОРМАЦИОННО-ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Статья посвящена изучению специфики объектов авторских прав, размещаемых в информационно-цифровом пространстве. В рамках исследования обоснован вывод о том, что категории «информация» и «объекты авторского права» различаются как по сущности, так и по целям функционирования, а также по механизмам защиты нарушенных прав. Особое внимание уделено изучению интернет-сайта как объекта авторского права. Предложено определение категории «цифровой контент», а также закрепление в гражданском законодательстве цифровой формы использования объектов авторского права применительно к информационно-цифровому пространству.

Ключевые слова: информационно-цифровое пространство, объекты авторских прав, интернет-сайт, интернет-страница, цифровой контент, составное произведение, авторские права на интернет-сайт.

Gorenko Diana Vladimirovna – Postgraduate Student, the Department of Civil and Business Law, the South Russian Institute of Management, the Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

ON THE ISSUE OF SPECIFICS OF COPYRIGHT OBJECTS PLACED IN THE INFORMATION AND DIGITAL SPACE

The article is devoted to the study of the specifics of copyright objects placed in the information and digital space. The study substantiates the conclusion that the categories of «information» and «objects of copyright» differ both in essence and in the purposes of functioning, as well as in the mechanisms for protecting violated rights. Particular attention is paid to the study of the Internet site as an object of copyright. The definition of the category «digital content» is proposed, as well as the consolidation in the civil legislation of the digital form of using objects of copyright in relation to the information and digital space.

Keywords: information-digital space, copyright objects, website, website, digital content, composite work, copyright on the website.

На современном этапе развития общественных отношений информационно-цифровое пространство приобретает важнейшее значение, становясь вектором, определяющим развитие не только новых общественных отношений, но и предопределяющим необходимость их урегулирования соответствующими нормами права, наполненными совершенно другой содержательной составляющей нежели при традиционном регулировании. Институт, регулирующий вопросы функционирования интеллектуальной собственности, в том числе и авторского права, не является исключением. Однозначно можно констатировать, что развитие информационно-цифровой инфраструктуры стало отправной точкой для появления и последующего использова-

ния новейших объектов авторского права, которые в силу специфики цифровой среды кардинально отличаются от списка объектов, закрепленных в ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1]. Поясним, что традиционные объекты авторского права могут выражаться в цифровом формате и размещаться на информационно-цифровой платформе.

Стоит указать, что установленный законодателем перечень объектов авторского права изложен открытым списком и допускает появление иных видов. Говоря иначе, в ГК РФ определен только их примерный перечень, т. е. дозволительно отнесение бесконечности позиций произведений, обладающих критериями охраноспособности, к объектам авторского права.

Данный вывод подтверждается правовой позицией Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) [2].

Вместе с тем в ГК РФ исчерпывающим образом определен перечень объектов, которым не предоставляется правоохрана как произведениям (п. 5 и 6 ст. 1259 ГК РФ).

Прежде чем начать рассмотрение объектов авторского права, размещаемых в информационно-цифровом пространстве, укажем критерии охраноспособности, используемые в традиционном подходе.

Разъяснения в части понимания критериев охраноспособности объектов авторского права даны Пленумом ВС РФ. Суд указал следующую правовую позицию: при разрешении вопроса об отнесении к объектам авторского права конкретного результата интеллектуальной деятельности таковым следует считать результат, созданный творческим трудом. Данный вывод следует из смысла ст. 1228, 1257 и 1259 ГК РФ [2].

Если говорить тезисно и лаконично о таком критерии, как «творческая деятельность», то здесь следует понимать интеллектуальную деятельность автора, которая направлена на подбор и расположение текста, звука, изображений, элементов эскиза и т.д. в создаваемом им результате интеллектуальной деятельности. Обозначить можно концепт творческого труда как создание нового (не существовавшего ранее по времени) объекта авторского права [3].

Высшая судебная инстанция также акцентировала внимание на том, что творческий характер труда не зависит от способа создания произведения, т. е. не имеет значение, творческий результат получен автором с использованием средств техники либо же собственноручно. Поясним, что созданные с помощью технических средств результаты, при отсутствии творческой составляющей, не признаются объектами авторского права, т. е. правовая охрана им не предоставляется.

Кроме того, из критериев охраноспособности исключены такие параметры, как новизна, уникальность, а также оригинальность результата интеллектуальной деятельности. ВС РФ указал, что отсутствие данных критериев применительно к произведению не может свидетельствовать об отсутствии творческого труда в его создании.

Для полноты проводимого исследования укажем, что прежде судебная практика при-

держивалась совершенного иного подхода. Высший Арбитражный Суд однозначно утверждал, что такие критерии, как новизна, оригинальность, а также индивидуальность, следует относить к условиям, позволяющим сделать вывод о наличии творческого характера труда автора. Отсутствие любого из обозначенных выше критериев являлось основанием для непредоставления правоохраны как объекту авторского права [4; 5].

При анализе критериев охраноспособности применительно к объектам авторского права, размещаемых в информационно-цифровом пространстве, можно однозначно сделать вывод о том, что сформировавшийся в традиционном регулировании подход полностью применим и к рассматриваемым отношениям.

Поскольку развитие цифровой среды опережает нормативное регулирование отношений, складывающихся в таком пространстве, то определенный ряд сложностей возникает при разделении правового режима информации и произведений, созданных творческим трудом автора, выраженных в цифровом формате. Довольно часто такие категории, как «информация» и «объекты авторского права», с правовой точки зрения (особенно в информационно-цифровом пространстве) смешиваются, подменяя друг друга. Ввиду наличия данных обстоятельств возникает вполне логичный и закономерный вопрос о различительной способности обозначенных выше категорий, т. к. для каждой из них установлен свой режим регулирования, возможности и пределы использования. Соответственно, неправильная классификация приводит не только к нарушению прав, но и значительно затрудняет применение существующих механизмов защиты.

Суть рассматриваемой проблемы заключается в том, что фактически вся информация, размещаемая в информационно-цифровом пространстве и выраженная в любом виде, относится к объектам авторского права. Считаем, что это порождает проблему не только свободного использования различного рода информации, но и трудности, связанные с созданием новой [6].

Для правильного разграничения указанных категорий обратимся к Федеральному закону от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (далее – Закон № 149-ФЗ) [7].

В Законе № 149-ФЗ под информацией понимаются сведения, в том числе, как данные, так и сообщения (форма их представления значения не имеет). Соответственно, предметом регулирования указанного нормативного документа выступают отношения, возникающие в процессе осуществления следующих прав: поиска, получения, передачи, а также производства информации, в том числе и ее распространения.

Закон № 149-ФЗ в п. 2 ст. 1 исключает из предмета своего регулирования отношения, которые возникают по поводу охраны результатов интеллектуальной деятельности, т. е. авторские правоотношения, по общему правилу, им не урегулированы.

Отметим, что разграничение между информацией и объектами авторского права усматривается из п. 3 ст. 1270 ГК РФ. Согласно указанной норме практическое применение положений, которые являются составным элементом произведения, использованием произведения не является. Из буквального толкования обозначенного положения следует вывод следующего содержания: использование «информации», находящейся в произведении, обществом, авторским правом не регулируется. Исключения, предусмотренные для данного положения, применимы только для практической реализации определенных категорий проектов. К ним относят архитектурные, дизайнерские, градостроительные, а также садово-парковые проекты (пп. 10 п. 2 ст. 1270 ГК РФ). Вместе с тем из всего вышеперечисленного к плоскости информационно-цифрового пространства относится только дизайнерский проект, используемый для оформления интернет-страницы.

Последний аргумент в пользу необходимости четкого разграничения анализируемых категорий можно усмотреть в п. 7 ст. 1259 ГК РФ. Из содержания указанной нормы следует, что авторские права распространяются как на название произведения, так и на его часть, а также на персонажей при условии, что, во-первых, они могут быть признаны по своему характеру самостоятельным результатом творческого труда автора, а во-вторых, они соответствуют требованиям, которые определены в п. 3 ст. 1259 ГК РФ. Из этого следует, что объектами авторского права не признается информация, даже при условии, если она является частью произведения.

При обращении к положениям Закона № 149-ФЗ необходимо отметить, что по

общему правилу из сферы действия закона изъяты отношения, которые возникают в процессе предоставления правовой охраны объектам авторского права, но за исключением ряда статей, определяющих вопросы защиты авторских прав на объекты, размещенные в информационно-цифровом пространстве.

Анализ данных статей выявил следующие формулировки, используемые законодателем: «информация, распространяемая с нарушением авторских прав» и «информация, содержащая объекты авторских прав». Метод буквального толкования закона позволяет констатировать, что объекты авторского права на законодательном уровне признаются частью информации. Вместе с тем такие формулировки противоречат как гражданскому законодательству, так и общим положениям Закона № 149-ФЗ. Данная ситуация создает дополнительные сложности относительно разграничения таких категорий, как «информация» и «объекты авторского права» в информационно-цифровом пространстве, потому как акт специального регулирования, игнорируя положения ГК РФ, соотносит объекты авторского права как часть информации.

Таким образом, отметим, что в силу наличия нечеткости законодательных формулировок, допускающих понимание объектов авторских прав как составного компонента информации, необходимо четко проводить между ними разграничение с целью правильного установления правового режима указанных категорий, т. к. для каждой категории предусмотрены свои индивидуальные способы защиты.

Рассмотрим интернет-сайт как объект авторского права и цифровой контент, который на нем располагается. Безусловно, интернет-сайт – это новый объект авторского права. Вместе с тем на сегодняшний день вопрос о его правовой квалификации еще не разрешен [8].

Легальная дефиниция интернет-сайта закреплена в Законе № 149-ФЗ. В данном акте под сайтом в сети Интернет понимается совокупность программ, предназначенных для электронных вычислительных машин.

Указанным законом также закреплено определение интернет-страницы. Под ней понимают часть сайта в сети Интернет, к которой осуществляется доступ по указателю (структурно состоит из доменного имени, а также символов, установленных владельцем сайта).

Аналогичные дефиниции интернет-сайта и интернет-страницы закреплены в Национальном стандарте «Интеллектуальная собственность. Использование охраняемых результатов интеллектуальной деятельности в сети Интернет» [9].

Перечисленные нормативные документы определяют сайт как банальную совокупность программ для ЭВМ, но применительно к авторским правоотношениям не представляется возможным использование такого определения, т. к. Закон № 149-ФЗ не распространяется на отношения, возникающие относительно интернет-сайта как объекта гражданского регулирования.

Отметим, что законодателем предпринималась попытка ввести в правовой оборот определение интернет-сайта. Под ним предполагалось понимать следующее: «это совокупность самостоятельных материалов, которые выражены в объективной форме, а также систематизированы способом, позволяющим эти материалы разместить в сети Интернет» [10]. Однако определение так и не получило легального закрепления в ГК РФ.

В пункте 2 статьи 1260 ГК РФ содержится только указание на то, что интернет-сайт необходимо относить к категории составных произведений, под которым понимается произведение, структурно состоящее из других произведений либо же их частей. Правоохрана автору такого произведения предоставляется на осуществленный им подбор материалов либо же их расположение. При этом каждому произведению, являющемуся частью составного, правоохрана предоставляется отдельно (п. 2 и 4 ст. 1260 ГК РФ).

Итак, в создании интернет-сайта с правой точки зрения принимают участие следующие субъекты:

- составитель сайта. К нему относится, в частности, веб-дизайнер, задача которого расположить определенным образом отдельные элементы, составляющие цифровой контент сайта. Ими могут быть аудиовизуальные и литературные произведения, фотографии, текст, графика, логотипы, анимация, аудиофайлы, видеофайлы и т. д. Для реализации поставленной задачи веб-дизайнер пишет исходный код;

- автор отдельных элементов цифрового контента сайта составляет перечень конкретных произведений, которые использовались непосредственно веб-дизайнером для создания сайта.

Соответственно, авторское право на интернет-сайт состоит из двух частей:

- авторское право на сайт как подбор определенного цифрового контента. Правоохрана предоставляется как составному произведению, т. е. охраняется структура сайта и авторский подход к подбору материала;

- авторское право на отдельные элементы цифрового контента. Правоохрана предоставляется каждому элементу цифрового произведения.

Субъекты, принимающие участие в создании интернет-сайта, могут передать исключительные права на цифровой контент, располагаемый на интернет-сайте, конкретному правообладателю, который применительно к отношениям, возникающим в информационно-цифровом пространстве, именуется владельцем сайта [11].

Представляется правильным дать собственное определение категории цифрового контента интернет-страницы – это совокупность объектов авторского права, расположенных определенным образом на странице веб-сайта и являющихся самостоятельными произведениями, выраженными в цифровом формате.

Составлять содержание цифрового контента страницы интернет-сайта могут традиционные произведения, выраженные в цифровом формате и замещенные в информационно-цифровом пространстве. К составным элементам цифрового контента относят сложные объекты: электронные книги, каталоги, библиотеки, базы данных, компьютерные игры и т. д. Располагаться на странице сайта могут и простые объекты авторского права: оригинальный текст, ссылки, анимация и т. д. [11].

Поскольку размещение объектов авторских прав в информационно-цифровом пространстве предполагает их объективированное выражение в цифровом формате, то считаем необходимым внести изменения в п. 3 ст. 1259 ГК РФ, указав, что правоохрана предоставляется объектам авторского права, закрепленным в цифровой форме, дополнив статью следующим содержанием: «авторские права распространяются как на обнародованные, так и на необнародованные произведения, выраженные в какой-либо объективной форме, в том числе в письменной, устной (в виде публичного произнесения, публичного исполнения и иной подобной форме), цифровой форме, в форме изображения, в форме

звук- или видеозаписи, в объемно-пространственной форме».

На основании исследования, проведенного в рамках настоящей статьи, можно сделать ряд взаимосвязанных выводов. В силу прогрессивного развития информационно-цифрового пространства увеличилось количество объектов авторского права, размещаемых в цифровой среде. Поскольку ГК РФ допускает существование «иных» объектов авторского права, не предусмотренных законом, то видовое многообразие применительно к информационно-цифровому пространству концепции авторского права не противоречит нормативному правовому акту. Единственное требование – такие объекты должны быть созданы творческим трудом, а также не относиться к категории произведений, которым в силу прямого указания ГК РФ правоохрана не предоставляется.

Стоит также отметить, что развитие концепта информационно-цифрового пространства привело к смешиванию и подмене в объективной действительности таких категорий, как «информация» и «объекты авторского права». В настоящей статье доказано, что гражданское законодательство между данными категориями четко проводит различие, исключая «информацию» из плоскости регулирования авторского права. Вместе

с тем буквальное толкование формулировок Закона № 149-ФЗ позволяет сделать вывод, что объекты авторского права, размещенные в информационно-цифровом пространстве, являются составной частью информации. Однако информация и объекты авторского права являются совершенно разными как по сущности, так и целям функционирования, категориями права, которым предоставляются другие правовые режимы и, как следствие, механизмы защиты в случае нарушения прав на указанные категории. Приоритет в регулировании объекта авторского права отведен гражданскому законодательству.

В связи с появлением многообразия объектов авторского права, размещаемых на страницах в сети Интернет, возникла потребность в разработке собственного определения категории «цифровой контент страницы интернет-сайта», который согласно указанию ГК РФ является составным произведением. Структурно авторское право на интернет-сайт подразделяется на авторское право на сайт как подбор определенного цифрового контента и авторское право на отдельные элементы цифрового контента. Поскольку размещение объектов авторского права в информационно-цифровом пространстве предполагает их выражение в цифровой форме, то необходимо внести соответствующие поправки в п. 3 ст. 1259 ГК РФ.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (в ред. от 11.06.2021) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52. Ч. 1. Ст. 5496.
2. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.
3. Копылов А.Ю. Творчество как условие охраноспособности произведения // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 12.
4. Определение ВАС РФ от 17.10.2008 № 12879/08 // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Определение ВАС РФ от 22.06.2009 № ВАС – 7460/09 // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Оганян В.А. Правовая уязвимость объектов авторского права в сети: причины и

Bibliography

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part Four) of 18.12.2006 № 230-FL (as amended, dated 11.06.2021) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. № 52. P. 1. Art. 5496.
2. On the application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 23.04.2019 № 10 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2019. № 7.
3. Kopylov A.Yu. Creativity as a condition for the protectability of a work // Property relations in the Russian Federation. 2019. № 12.
4. Definition of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 17.10.2008 № 12879/08 // Access from the legal reference system «ConsultantPlus».
5. Definition of the SAC of the Russian Federation dated 22.06.2009 № SAC – 7460/09 // Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

способы разрешения // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 6.

7. Об информации, информационных технологиях и защите информации: федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ч. I. Ст. 3448.

8. Арчукова А.А. Интернет-сайт как объект авторского права // Научное сообщество студентов: материалы XI Междунар. студенч. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2016.

9. Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 56824-2015 «Интеллектуальная собственность. Использование охраняемых результатов интеллектуальной деятельности в сети Интернет» (утв. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 03.12.2015 № 2103-ст) // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

10. О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую ГК РФ: проект Федерального закона № 47538-6. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

11. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/internet-sayt-kak-informatsionnyy-resurs-i-kak-obekt-ohranyavtorskogo-prava/viewer> (дата обращения: 27.12.2021).

12. Болдырев С.И. Авторские права на объекты, размещенные в сети Интернет, и их защита в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2020.

6. Ohanyan V.A. Legal vulnerability of copyright objects in the network: reasons and methods of resolution // Problems of economics and legal practice. 2017. № 6.

7. About information, information technologies and information protection: feder. law of 27.07.2006 № 149-FL (ed. from 02.07.2021) // collected legislation of the Russian Federation. 2006. № 31. P. I. St. 3448.

8. Archakov A.A. Internet website as a copyright object // the Scientific community of students: materials of the XI Intern. student. nauch.-pract. Conf. Cheboksary, 2016.

9. The national standard of the Russian Federation GOST R 56824-2015 «Intellectual property. The use of protected results of intellectual activity on the Internet» (approved by the order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology dated 03.12.2015 № 2103-st) // Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

10. On Amendments to Parts One, Two, Three and Four of the Civil Code of the Russian Federation: feder. law № 47538-6 // Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

11. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/internet-sayt-kak-informatsionnyy-resurs-i-kak-obekt-ohranyavtorskogo-prava/viewer> (date of access: 27.12.2021).

12. Boldyrev S.I. Copyrights to objects posted on the Internet and their protection in the Russian Federation: dis. ... cand. jurid. sciences?. Kursk, 2020.

© 2022 г. Делов Никита Сергеевич,

старший преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности
Ростовского юридического института МВД России.
E-mail: rui@mvd.ru

О НЕОБХОДИМОСТИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМ ЗНАНИЙ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ РАСКРЫТИЯ, РАССЛЕДОВАНИЯ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ УМЫШЛЕННОГО УНИЧТОЖЕНИЯ И ПОВРЕЖДЕНИЯ ИМУЩЕСТВА

В статье проанализированы статистические данные о преступности в России за последнюю четверть XIX в., рассмотрены вопросы влияния пандемии COVID-19 и других обстоятельств на изменения количества зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 167 УК РФ. В криминалистическом понимании рассмотрено умышленное уничтожение или повреждение имущества, выявлены негативные тенденции криминалистического обеспечения таких преступлений. Сделан вывод о том, что данное явление выступает как системное и устойчивое, имея определенные закономерности, вызванные механизмами проявления и отражения их в объективной действительности, и закономерностями раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Ключевые слова: криминалистика, рекомендации, выводы, внедрение, закономерности.

Delov Nikita Sergeevich – Senior Lecturer, the Department of Forensic Science and Operational-Search Activities, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

ON THE NEED TO DEVELOP KNOWLEDGE SYSTEMS ON FORENSIC SUPPORT FOR DISCLOSURE, INVESTIGATION AND PREVENTION OF INTENTIONAL DESTRUCTION AND DAMAGE TO PROPERTY

The article analyzes statistical data about crime in Russia of the last quarter of the 19th century, discusses the impact of the COVID-19 pandemic and other circumstances on changes in the number of registered crimes under Art. 167 of the Criminal Code of the Russian Federation. In the forensic understanding the intentional destruction or damage to property is analyzed, negative trends in the forensic support of such crimes are identified. It is concluded that this phenomenon acts as a systemic and stable one, having certain patterns caused by the mechanisms of their manifestation and reflection in objective reality and patterns of detection, investigation and prevention of crimes.

Keywords: forensic science, recommendations, conclusions, implementation, regularities.

Анализ статистических данных о преступности в России за последние четверть XIX в. показал, что умышленное уничтожение или повреждение имущества – достаточно устойчивое явление.

Пандемия COVID-19 и ряд других обстоятельств внесли некоторые изменения в количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 167 УК РФ. Особенно это отразилось на снижении количества зарегистрированных умышленных уничтожений или повреждений имущества, совершенных из хулиганских побуждений, путем поджога (-20,8 %), и их раскрываемости (-13,6 %). Только каждое пятое (21,64 %) из указанных преступлений раскрыто в отчетном периоде. Из умышленных уничтожений или повреждений имущества раскрыто только 447 преступлений, более 3 % из которых совершены организованными группами, преступными сообществами (преступными организациями) [1].

В криминалистическом понимании умышленное уничтожение или повреждение имущества выступает как часть подготовки, прием или самостоятельный способ совершения, прием (способ) сокрытия преступной деятельности отдельно взятого лица или группы, а также нередко случаи совершения таких преступлений в условиях посткриминального противодействия правоприменению.

Умышленное уничтожение или повреждение имущества выступает и как самостоятельный вид преступной деятельности, и как вспомогательный прием более высокого уровня ее организации или группы, а также преступный способ посткриминального противодействия правоприменению в уголовном судопроизводстве, гражданском судопроизводстве и т. д.

Анализ правоприменительной практики показал общую негативную тенденцию, выражающуюся в следующих вопросах:

а) низкий уровень качества расследования преступлений, предусмотренных ст. 167 УК РФ (особенно рельефно это проявилось по ч. 1 ст. 167 УК РФ) – практически отсутствует как готовность, так и применение криминалистических методов и средств их раскрытия, расследования и предупреждения (т. е. фактическое отсутствие надлежащего криминалистического обеспечения [2]);

б) в каждом 20-м обвинительном приговоре из 100 по делам о тяжких преступлениях имеются признаки совершения преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 167 или ст. 168 УК РФ, однако они по каким-то причинам не расследовались.

К примеру, к таковым уничтожениям или повреждениям имущества относятся:

- преступления против жизни и здоровья (при нанесении телесных повреждений и других связанных действий уничтожаются или повреждаются личные вещи жертвы или лиц, случайно оказавшихся на месте происшествия);

- преступления против половой неприкосновенности (уничтожение или повреждение имущества жертвы при подавлении воли или преодолении сопротивления насильником);

- преступления против собственности (например, при хищении чужого имущества при проникновении в жилище, а это почти каждая 6-я кража, 20-й грабеж или 10-е разбойное нападение, также повреждение имущества при мошенничествах, совершенных группой лиц (например, «автоподстава»).

Отметим, что аналогичные проблемы проявляются и по менее тяжким преступлениям, например, по преступлениям против конституционных прав и свобод человека и гражданина (уничтожается или повреждается имущество при нарушении неприкосновенности частной жизни).

Тематический анализ криминалистической литературы, интервьюирование оперативных работников, дознавателей, следователей, участвовавших в раскрытии, расследовании и повреждении умышленных уничтожений или повреждении имущества, личный опыт авторов статьи, участвовавших в борьбе с преступлениями, связанными с умышленным уничтожением или повреждением имущества, показали, что данное явление выступает как системное и устойчивое и имеет определенные закономерности, вызванные как механизмами проявления и отражения их в объективной действительности, так и закономерностями раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, предусмотренных ст. 167 УК РФ.

Согласно концепции Р.С. Белкина, в процессе исследования выявлено и доказано существо-

вание закономерностей объективной действительности, их репрезентативность подтверждена наличием взаимосвязей в соответствующей криминалистической характеристике.

К закономерностям объективной действительности, связанным с умышленным уничтожением или повреждением имущества, относятся:

- закономерности подготовки умышленных уничтожений или повреждений имущества (выбор способа, подбор средств разрушения, наличие типовых предкриминальных событий или явлений);

- закономерности совершения умышленных уничтожений или повреждений имущества (устойчивость и повторяемость способов совершения, причинные связи между действиями и наступившими последствиями, влияние свойств личности участника(-ов) на содержание способа преступления);

- закономерности сокрытия умышленных уничтожений или повреждений имущества (факторная детерминируемость объективного и субъективного происхождения);

- закономерности отражения подготовки, совершения и сокрытия умышленных уничтожений или повреждений имущества и свойств личности участника(-ов) в объективной действительности;

- закономерности расследования умышленных уничтожений или повреждений имущества (формирование исходных типичных ситуаций, порядок выдвижения и проверки версий, типичность криминалистических операций).

Криминалистическая характеристика преступлений, предусмотренных ст. 167 УК РФ, как обязательная часть криминалистического обеспечения борьбы с ними должна основываться на познанных закономерностях объективной действительности, дополняя представления о механизме преступления и механизмах посткриминальной деятельности.

Криминалистическая характеристика отражает те или иные закономерности механизма преступления как исходной составляющей предмета криминалистики. Преступная деятельность и преступления рассматриваются учеными-криминалистами гораздо шире, и поэтому как явление объективной действительности должны характеризоваться как в до-, криминальный и посткриминальный периоды с учетом имеющихся взаимосвязей и закономерностей между элементами, ее составляющими [3; 4; 5].

Согласимся с суждением основателя учения о криминалистической характеристике А.Н. Колесниченко о том, что криминалистическая характеристика преступлений – это

определенная сумма информации, имеющая криминалистическое значение (аналогичной точки зрения придерживается Н.А. Селиванов и мн. др.) [6]. Л.Я. Драпкин пишет, что криминалистическая характеристика преступлений – это «научная категория, существующая вне конкретной деятельности при расследовании по уголовному делу» [7]. При этом в части научности категории согласимся с Л.Я. Драпкиным и отметим, что криминалистическая характеристика преступлений выступает как составляющая готовности правоохранителей, так и активно применяющаяся при раскрытии и расследовании преступлений, т. е. является неотъемлемой частью системы криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений (в том числе и по делам об умышленных уничтожениях или повреждениях имущества). Необходимо более точно говорить не о существовании ее вне конкретной деятельности при расследовании по уголовному делу, а о неотъемлемости, неразрывности существующих криминалистических характеристик преступлений, дающих потенциальную возможность субъекту предварительного расследования эффективно раскрыть, расследовать или предупредить преступление(-я). Оторванность криминалистической характеристики преступлений от процессов раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, а также неиспользование других систем криминалистических знаний приводят к снижению количества и качества обнаруживаемых следов, возникновению криминалистических рисков, тактических и методических ошибок и даже нарушений закона. Криминалистическая характеристика, неотражающая закономерности выбора методов и средств раскрытия, расследования, также вряд ли может быть неотъемлемым элементом криминалистического обеспечения. В первом случае необходимо говорить о слабых профессиональных компетенциях субъектов предварительного расследования; а во втором – о повышении качества исследований ученых-криминалистов. Данный вывод согласуется с идеей И.А. Возгриня о том, что «практическое значение составляющих криминалистическую характеристику элементов исключительно велико, т. к. без их знания и учета невозможно успешно раскрыть и расследовать преступления» [8]. Такой подход весьма традиционен в криминалистике [9; 10; 11; 12].

Необходимость создания криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных ст. 167 УК РФ, подтверждается результатами проведенного опроса: знания в практике расследования применяют только

34,7 % респондентов; о необходимости и потребности в разработке криминалистической характеристики умышленных уничтожений или повреждений имущества заявило более 75 %; большинство заявивших о потребности в криминалистическом обеспечении раскрытия и расследования умышленных уничтожений или повреждений имущества указало на необходимость разработки современных методических рекомендаций.

Создание криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных ст. 167 УК РФ, предполагает изучение преступной деятельности, связанной с умышленными уничтожениями или повреждениями имущества, что требует установления элементов данной системы криминалистических знаний, имеющих значение для их раскрытия и расследования.

Анализ разработанности проблемы криминалистического обеспечения показал двойственную природу, неоднозначность проблемы умышленных уничтожений или повреждений имущества и их расследования, которая выражается в том, что, с одной стороны, акцентом исследовательской активности выступает способ уничтожения или повреждения имущества путем поджога, при этом в других системах криминалистических знаний уничтожение или повреждение имущества, в том числе следов (например, следы-предметы), достаточно подробно исследуется: в учении о следах (трасология), учении о способе преступления, теории противодействия расследованию, учении о механизмах посткриминальной деятельности, а с другой – в целом вопросы криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения умышленного уничтожения или повреждения имущества ранее комплексно не затрагивались, за исключением фрагментарных исследований, вышедших в свет более 20 лет назад (встретившихся и проанализированных нами в исследовании).

Проблема криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения умышленного уничтожения или повреждения имущества по структурной традиции организации науки состоит из 4 групп вопросов:

- 1) общетеоретических;
- 2) технико-криминалистических;
- 3) тактико-криминалистических;
- 4) методико-криминалистических.

В программе исследования нами избран методико-криминалистический аспект, поскольку он предполагает использование всех основных, а также согласовывается с позициями научной школы автора данной статьи [13].

Для криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения умышленного уничтожения или повреждения имущества особое значение имеет криминалистическая характеристика. Познание ее элементов позволяет дополнить предмет криминалистики новыми представлениями о природе преступной деятельности, типизировать отдельные элементы, а также оптимизировать аналитические и информационные средства, определить наиболее эффективные тактические приемы и их комбинации, разработать новые тактические приемы производства следственных действий и внедрить их в практику правоприменения.

К наиболее значимым выводам относятся следующие.

По содержанию единого замысла и подготовительных мероприятий к совершению умышленных уничтожений или повреждений имущества можно выделить умысел, который:

1) возник внезапно, подготовка не осуществлялась (97 из 452 эпизодов – 21,5 %);

2) возник заранее, подготовка не осуществлялась (249 из 452 эпизодов – 55 %);

3) возник заранее и согласован с осуществленной подготовкой (106 из 452 эпизодов – 23,5 %).

Подготовка к совершению преступлений, предусмотренных ст. 167 УК РФ, встречается почти в каждом четвертом случае. Определение времени и места, выбор чужого имущества, запланированного к уничтожению или повреждению, связаны с доступностью, стоимостью и значимостью имущества для владельца, а также навыками и умениями субъекта его уничтожить или повредить [14].

Способы уничтожения или повреждения имущества классифицируются по следующим критериям и признакам (изучено 374 уголовных дела, содержащих 452 эпизода): 1) уголовно-правовой критерий: 1.1. простые способы умышленного уничтожения или повреждения имущества (ч. 1 ст. 167 УК РФ) – 119 у. д. (31,8 %), содержалось 133 эпизода – 29,4 %; 1.2. квалифицированные способы умышленного уничтожения или повреждения имущества – 255 у. д. (68,2 %), содержалось 319 эпизодов – 70,6 %: из хулиганских побуждений – 96 у. д. (25,7 %), содержалось 140 эпизодов; путем поджога – 137 у. д. (36,6 %), содержался 181 эпизод; путем взрыва – 0 у. д.; иным общеопасным способом – 21 у. д. (5,6 %), содержался 21 эпизод; повлекшим смерть человека – 1 у. д. (0,3 %) содержался 1 эпизод; повлекшим иные тяжкие последствия – 0 у. д.; комбинированным способом – 0 у. д.; 2. по наступившему результату деятельности: 2.1. способы

умышленного уничтожения имущества – 267 эпизодов (59 %); 2.2. способы умышленного повреждения имущества – 185 эпизодов (41 %).

Анализ уголовных дел показал достаточно высокий процент ранее судимых субъектов преступления – 69 %. Наличие преступного опыта, безусловно, детерминирует подготовку, совершение и сокрытие данного вида преступлений, как, впрочем, и последующую посткриминальную деятельность в процессе расследования. Отметим, что более 15 % субъектов характеризовались положительно по месту жительства, имели награды, поощрения, выполняли социально значимую работу или активно занимались спортом. В 81 % случаев преступления, предусмотренные ст. 167 УК РФ, совершены в состоянии алкогольного или иного опьянения. Указанные обстоятельства, безусловно, влияют на механизм слеодообразования и последующую посткриминальную деятельность.

Проведенное исследование позволило сформировать следующую типологию лиц, совершающих умышленное уничтожение или повреждение имущества: 1) по целям и мотивам преступной деятельности: 1.1. мститель; 1.2. ревнивец; 1.3. завистник; 2) по отношению к преступной деятельности: 2.1. профессиональный разрушитель: 2.1.1. рецидивист; 2.1.2. поджигатель; 2.1.3. хулиган; 2.1.4. взрывник; 2.2. представитель организованной преступной деятельности; 3) хайперы (блогер, стриммер, тиктокер и т. д.).

Установление факта ревности, мести, зависти, хулиганских и иных мотивов умышленного уничтожения или повреждения имущества имеет особое значение для криминалистического обеспечения их расследования и последующего назначения уголовного наказания виновным.

Общая версия об умышленном уничтожении или повреждении имущества отражает наличие состава преступления, предусмотренного ст. 167 УК РФ, или его отсутствие (наличие другого состава преступления или явлений, вызвавших полное исчезновение или частичное разрушение имущества владельца).

Общие версии по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 167 УК РФ: 1) умышленное уничтожение или повреждение имущества имело место как: 1.1. самостоятельное преступление; 1.2. часть преступной деятельности: а) элемент подготовки к совершению другого преступления; б) элемент сокрытия другого преступления: уничтожение или повреждение следов преступления; инсценировка; иной;

2) имущество уничтожено или повреждено при совершении другого преступления, и имело место: 2.1. уничтожение или повреж-

дение имущества по неосторожности; 2.1. мошенничество (имущество уничтожено или повреждено владельцем имущества для получения страховых выплат или иное); 2.2. хулиганство; 2.3. вандализм; 2.4. заведомо ложный донос (владельцем имущества для оговора невиновного); 2.5. террористическая и экстремистская направленность; 2.6. иные общественно опасные деяния, предусмотренные УК РФ; 3) умышленное уничтожение или повреждение имущества не имело место, а имущество владельца полностью или частично исчезло, разрушено: 3.1. в связи с действиями совладельца имущества (муж, жена, партнер по бизнесу); 3.2. под воздействием природных, климатических и иных объективных факторов (лесные пожары, коррозия палы и т. д.); 3.3. под воздействием иных обстоятельств.

Согласно изученным элементам криминалистической характеристики подготовлена система криминалистических версий как составляющая криминалистического обеспечения: о способе преступления, об обстановке совершения преступления, о субъекте преступления.

В процессе исследования разработаны два тактических приема осмотра места происшествия по уголовным делам, предусмотренным ст.167 УК РФ: а) тактический прием (способ) осмотра периметра фасада здания – рубежно-хронологический осмотр; б) тактический прием (способ) осмотра периметра фасада здания – рубежно-ситуативный осмотр.

Цифровизация объективной действительности проникает во все виды человеческой деятельности, в том числе и преступной [15].

Подготовка, совершение, сокрытие преступлений, предусмотренных ст. 167 УК РФ, не являются исключением и также претерпевают различные трансформации применительно как к механизмам такой деятельности, так и к процессам их раскрытия, расследования и предупреждения. При этом следует учитывать признаки затоваривания имуществом в России и за рубежом.

В связи с этим усовершенствованы тактические приемы осмотра места происшествия, предложен алгоритм действий при осмотре места происшествия, рекомендации по использованию специальных знаний с помощью «Google Объектив», модернизирован порядок проверки показаний на месте в условиях COVID-19 и других обстоятельств с учетом цифровых возможностей.

Таким образом, полученные системы знаний о криминалистическом обеспечении раскрытия, расследования и предупреждения умышленного уничтожения или повреждения имущества требуют внедрения в образовательный процесс специальных учреждений МВД России и ряда другой правоприменительной практики путем подготовки соответствующих рекомендаций и дальнейших обсуждений в ходе плодотворных научных дискуссий.

Литература

1. Главный информационно-аналитический центр. Состояние преступности в России за январь – ноябрь 2021 года. Министерство внутренних дел Российской Федерации ФКУ. М., 2022.

2. Делов Н.С. К вопросу о криминалистическом обеспечении и организации раскрытия и расследования умышленного уничтожения и повреждения имущества // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. № 2.

3. Делов Н.С. Понятие, содержание криминалистической характеристики умышленных уничтожений или повреждений имущества // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2021. № 2(97).

4. Варданян А.В., Грибунов О.П. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2(81).

Bibliography

1. The state of crime in Russia, for January – November 2021. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation FBU «Main Information and Analytical Center». Moscow, 2022.

2. Delov N.S. On the issue of forensic support and organization of disclosure and investigation of intentional destruction and damage to property // Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences. 2021. № 2.

3. Delov N.S. The concept, content of the forensic characteristics of intentional destruction or damage to property // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 2(97).

4. Vardanyan A.V., Gribunov O.P. Modern doctrine of methodological and criminalistic support of investigation of certain types of crimes // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 2(81).

5. Vardanyan A.V. Criminalistic prevention in the system of state measures for crime prevention // Bulletin of Tomsk State University. 2018. № 430.

5. Варданян А.В. Криминалистическая превенция в системе государственных мер по предупреждению преступности // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 430.

6. Колесниченко А.Н. Содержание и значение криминалистической характеристики. М., 1980.

7. Драпкин Л.Я. Предмет доказывания и криминалистическая характеристика преступлений. Криминалистическая характеристика преступлений и криминалистическая методика. Свердловск, 1978.

8. Возгрин И.А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений. Курс лекций. СПб., 1993. Ч. 4.

9. Варданян А.В., Варданян Г.А. Криминалистически значимые особенности незаконного производства лекарственных средств и медицинских изделий // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2020. № 1(92).

10. Варданян А.В., Варданян Г.А. Обращение незарегистрированных лекарственных средств и медицинских изделий: актуальные проблемы правоприменительной практики // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. № 1.

11. Варданян А.В., Варданян Г.А. Особенности возбуждения уголовных дел о преступлениях в сфере теневого обращения фармацевтической продукции // Уголовная юстиция. 2020. № 15.

12. Варданян А.В., Варданян Г.А. Противодействие теневому фармацевтическому бизнесу: последствия криминализации, опыт правоприменительной практики и современные проблемы совершенствования // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2020. № 2(28).

13. Варданян А.В. Роль диссертационных советов при вузах МВД России в эволюции юридического научного знания и его интеграции в практическую деятельность правоохранительных органов // Юрист-Правовед. 2012. № 5(54).

14. Делов Н.С. Способы умышленных уничтожений и повреждений имущества как элемент криминалистической характеристики преступлений // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 2(43).

15. Варданян А.В., Андреев А.С. Беспилотные летательные аппараты как сегмент цифровых технологий в преступной и посткриминальной действительности // Всероссийский криминологический журнал. 2018.

6. Kolesnichenko A.N. The content and meaning of criminalistic characteristics. Moscow, 1980.

7. Drapkin L.Ya. The subject of proof and criminalistic characteristics of crimes. In the collection: Criminalistic characteristics of crimes and criminalistic methodology. Sverdlovsk, 1978.

8. Vozgrin I.A. Scientific foundations of criminalistic methods of crime investigation. Course of lectures. St. Petersburg, 1993. Part 4.

9. Vardanyan A.V., Vardanyan G.A. Criminalistically significant features of illegal production of medicines and medical devices // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 1(92).

10. Vardanyan A.V., Vardanyan G.A. Circulation of unregistered medicines and medical devices: actual problems of law enforcement practice // Izvestiya Tula State University. Economic and legal sciences. 2020. № 1.

11. Vardanyan A.V., Vardanyan G.A. Features of initiation of criminal cases on crimes in the sphere of shadow circulation of pharmaceutical products // Criminal justice. 2020. № 15.

12. Vardanyan A.V., Vardanyan G.A. Countering the shadow pharmaceutical business: the consequences of criminalization, the experience of law enforcement practice and modern problems of improvement // Siberian Criminal procedural and criminalistic readings. 2020. № 2(28).

13. Vardanyan A.V. The role of dissertation councils at the universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the evolution of legal scientific knowledge and its integration into the practical activities of law enforcement agencies // Jurist-Pravoved. 2012. № 5(54).

14. Delov N.S. Methods of intentional destruction and damage to property as an element of criminalistic characteristics of crimes // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 2(43).

15. Vardanyan A.V., Andreev A.S. Unmanned aerial vehicles as a segment of digital technologies in criminal and post-criminal reality // All-Russian Criminological Journal. 2018.

© 2022 г. Милюс Александр Иозосович,
адъюнкт Восточно-Сибирского института МВД России.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ОРГАНОМ ДОЗНАНИЯ И ИНЫМИ ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ И РАСКРЫТИИ КРАЖ НЕФТИ И НЕФТЕПРОДУКТОВ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ИХ ХРАНЕНИЯ И ТРАНСПОРТИРОВКЕ

В настоящей статье рассмотрены субъекты взаимодействия, этапы и формы взаимодействия, предложены некоторые рекомендации по повышению качества взаимодействия между следователем и органом дознания, а также иными должностными лицами.

Ключевые слова: взаимодействие, следователь, орган дознания, расследование и раскрытие преступлений, кража, нефть и нефтепродукты, хранение и транспортировка, доказательства.

Milyus Alexander Iozosovich – Adjunct, the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

SOME FEATURES OF THE INVESTIGATOR'S INTERACTION WITH THE BODY OF INQUIRY AND OTHER OFFICIALS IN THE INVESTIGATION AND DISCLOSURE OF THEFTS OF OIL AND PETROLEUM PRODUCTS DURING THEIR STORAGE AND TRANSPORTATION

This article examines the subjects of interaction, stages and forms of interaction, offers some recommendations for improving the quality of interaction between the investigator and the body of inquiry, as well as other officials.

Keywords: interaction, investigator, body of inquiry, investigation and disclosure of crimes, theft, oil and petroleum products, storage and transportation, evidence.

При осуществлении расследования различных видов преступлений следователю (дознавателю) надлежит разрешить множество разнообразных задач, возложенных на него действующим законодательством. Несмотря на то, что следователь (дознаватель) несет весь объем ответственности за результаты расследования, а также процессуальные и тактические решения [1, с. 23] по делу, объем работы, необходимый к выполнению следователем (дознавателем), крайне сложно, а зачастую не представляется возможным провести единолично, а тем более это невозможно представить при расследовании таких специфичных преступлений, как кражи нефти и нефтепродуктов при их хранении и транспортировке на объектах топливно-энергетического комплекса.

Оперативное реагирование на сообщение о преступлении и быстрое расследование являются одним из условий качественной борьбы с преступными проявлениями в сфере топливно-энергетического комплекса. Длительное расследование может приводить к негативным последствиям в виде утраты доказательств и, как следствие, невозможности установления истины по делу. Именно поэтому объединение усилий правоохранительных органов [2, с. 9] будет способство-

вать реализации полного и всестороннего расследования. Важной является совместная работа следователя и сотрудников органа дознания, а также иных должностных лиц в направлении раскрытия и расследования совершенного преступления.

Потребность в эффективном взаимодействии между следователем и органом дознания, а также иными должностными лицами свидетельствует о том, что расследование указанной категории дел характеризуется рядом определенных сложностей и особенностей, которые под силу разрешить только совместными усилиями.

Следует отметить, что само по себе взаимодействие это совместная работа следователя с другими должностными лицами, направленная на достижение определенного результата по конкретному уголовному делу либо ряду уголовных дел. Как справедливо отметил О.П. Грибунов, взаимодействие в подавляющем большинстве представляет собой процессы обмена информацией [3, с. 24–25]. Действительно, добиться положительного результата расследования и, как следствие, достижения социальной справедливости в виде уголовного наказания в отношении лиц, совершивших преступление, возможно лишь при совместной

работе, заключающейся в планировании и последующем проведении совместных мероприятий, направленных на установление обстоятельств по делу, а также совместной организационной деятельности по подготовке и проведению тех или иных следственных или процессуальных действий. Иными словами, следователь, получив в свое распоряжение криминалистически значимую информацию и осуществив своевременный и необходимый обмен ею с органом дознания с целью дальнейших совместных мероприятий, может рассчитывать на достижение значимых результатов при осуществлении расследования, в том числе при расследовании таких преступлений, как кражи нефти и нефтепродуктов при их хранении и транспортировке.

Следует помнить, что орган дознания правомочен проводить оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ) как в ходе расследования уголовного дела, так и непосредственно до момента его возбуждения. Именно результаты проведенных ОРМ зачастую могут в соответствии с ч. 2 ст. 140 Уголовно-процессуального кодекса РФ выступать основаниями для возбуждения уголовного дела о кражах нефти и нефтепродуктов при их хранении и транспортировке. В данном случае взаимодействие может быть начато задолго до возбуждения уголовного дела, которое проявляется в виде планирования мероприятий (в том числе и совместных), входящих в рамки доследственной проверки по заявлению (сообщению) о преступлении, выработке совместной линии работы и т. д. Кроме того, для принятия решения о возбуждении уголовного дела о краже нефти или нефтепродуктов необходимо проведение исследования похищенной нефти или нефтепродуктов для установления предмета преступления, правом проведения которого наделены специалисты (эксперты) в области химических исследований. Именно участие сотрудников экспертных подразделений до возбуждения уголовного дела (на стадии доследственной проверки) необходимо признать фактором повышения раскрываемости преступлений [4, с. 48; 5]. Несмотря на то, что данные специалисты не принимают участия в совместных мероприятиях, однако от качества и оперативности их работы во многих случаях зависит своевременность принятия решения о возбуждении уголовного дела следователем. Кроме того, результат проведенного химического

исследования напрямую влияет на определение размера причиненного ущерба, который определяется в зависимости от марки нефти и нефтепродукта путем проведения указанного исследования.

Таким образом, еще на стадии доследственной проверки следователь осуществляет взаимодействие с рядом подразделений органов внутренних дел (ОВД), оперативная совместная работа с которыми влияет на результативность и своевременность принятия решения о возбуждении уголовного дела, а также недопущение сокрытия и утраты доказательств по делу.

Кражи нефти и нефтепродуктов из нефтепродуктопроводов относятся к категории тяжких преступлений, за совершение которых предусматривается строгое уголовное наказание, что, в свою очередь, влияет на качество подготовительных мероприятий, осторожность в реализации преступного умысла и непосредственного совершения преступления, а также активных действий, направленных на сокрытие следов совершенного преступления со стороны лиц, совершающих данные преступления.

Скоротечность противодействия процессу расследования и получению доказательств со стороны лиц, совершивших кражу нефти или нефтепродуктов, обязывает следователя работать в условиях дефицита времени. Именно поэтому актуальным является принцип оперативности обмена информацией между субъектами взаимодействия [6, с. 73], который должен быть характерен для любого из этапов расследования.

При рассмотрении проблемных вопросов, связанных с недостаточностью времени для раскрытия и проведения расследования краж нефти и нефтепродуктов, следует помнить о том, что активное взаимодействие должно быть четко организовано с момента поступления заявления (сообщения) о преступлении. Важно на этапе доследственной проверки собрать не только сведения, указывающие на наличие признаков преступления, но и проводить активные действия, направленные на установление преступника либо состав преступной группы, поиск похищенного имущества, выявление доказательств, а также предпринимать меры по обеспечению сохранности и недопущению утраты уже имеющихся доказательств. Именно по указанной причине направление поручения в орган дознания

при проведении доследственной проверки носит закономерный и логичный характер.

Так, при проведении доследственной проверки органу дознания может быть поручено проведение ряда ОРМ, необходимых для проверки выдвигаемых версий. Примером могут являться случаи, когда преступление совершено работниками предприятия топливно-энергетического комплекса. В таком случае сотрудникам органа дознания необходимо проверить круг работников либо конкретного человека путем проведения ОРМ на предмет причастности к совершенному преступлению, установить возможных (предполагаемых) соучастников, места хранения похищенного имущества либо лиц, которым оно было сбыто, оперативным путем проверить рабочее место данного лица с целью возможного выявления доказательств причастности к совершенному преступлению, местонахождение других доказательств, которые в силу обстоятельств не были утрачены, однако их расположение неизвестно (автотранспорт, канистры, электроинструменты, объекты со следами горюче-смазочных материалов и нефтепродуктов и т. д.). Кроме того, в случае совершения преступления на территории предприятия с установленными системами видеонаблюдения в кратчайшие сроки необходимо предпринять меры по сохранности видеозаписей, которые имеют ограниченный срок хранения (в среднем около двух недель). Такую работу допускается выполнить как самому следователю, так и сотруднику органа дознания по поручению следователя с обязательным контролем исполнения.

Анализ имеющейся в распоряжении следователя информации о совершенном преступлении, а также информации, поступающей от органа дознания на стадии предварительной проверки сообщения о преступлении, позволяет решить ряд важных задач, которые стоят перед следователем до возбуждения уголовного дела:

1. Собрать материал проверки в полном и необходимом объеме, что позволит следователю принять законное и обоснованное решение в кратчайшие сроки и продолжить работу по расследованию, будучи наделенным более широким кругом полномочий при расследовании уголовного дела.

2. Установить лиц, совершивших преступление, и провести необходимые мероприятия для доказывания их причастности к совершенному преступлению.

3. Выявить места сбыта либо места хранения похищенного имущества и предпринять меры по недопущению их утраты.

4. Разыскать лиц (очевидцев), обладающих криминалистически значимой информацией касательно совершенного преступления, с целью качественной и всесторонней фиксации их показаний.

Немаловажным является то, что процесс взаимодействия, хотя и строится на обмене информацией, тем не менее орган дознания наделен правом самостоятельного избрания ОРМ, сил средств и методов, которые будут использованы для исполнения полученного поручения. При этом следователь определяет направление работы, которое необходимо отработать оперативным путем, а орган дознания, определив способы и методы своей работы, не обязан делиться ими со следователем и предоставлять конечный результат своей деятельности (установление свидетеля, места нахождения доказательств, участников преступной группы и т. д.). Следует согласиться с мнением Л.П. Плесневой о том, что для более тесного и эффективного взаимодействия орган дознания (оперативный сотрудник) должен предоставлять следователю оперативную информацию в максимально возможном виде, при этом должны соблюдаться правила неразглашения государственной тайны и режима секретности [7, с. 121]. С помощью качества взаимодействия и достаточности объема предоставляемой обеими сторонами информации достигается конечная цель в виде положительного результата. Следует понимать, что полученные в ходе проведения ОРМ информационные сведения должны основываться на законных методах их получения, чтобы в дальнейшем собранные на их основе доказательства не были признаны недопустимыми, а преступник не смог избежать наказания за совершенное преступление. Именно поэтому следует максимально возможным образом обмениваться информацией следователю и оперативному сотруднику.

Несмотря на то, что активное взаимодействие должно осуществляться до возбуждения уголовного дела, на практике оно возникает на должном уровне лишь после возбуждения уголовного дела. Это объясняется как спецификой работы каждого подразделения ОВД, включенного в процесс раскрытия преступления, так и необходимостью охвата большого объема работы, зачастую сложного для исполнения одним

лишь следователем. Учитывая тот факт, что кражи нефти и нефтепродуктов являются квалифицированными преступлениями и распространены менее широко, чем неквалифицированные кражи, однако негативный эффект от данного противоправного деяния носит масштабный характер, проявляющийся в тяжелых экономических и экологических последствиях, а также в ущербе деловой репутации предприятия. Именно по этой причине активизация работы по раскрытию данных преступлений происходит после фактического возбуждения уголовного дела.

При взаимодействии следователя и органа дознания необходимо помнить, что у каждого подразделения ОВД своя специфика работы, в связи с чем перекладывание обязанностей по проведению тех или иных следственных действий следователем на сотрудников органа дознания недопустимо [8, с. 35]. Однако в случаях, когда речь идет об оперативном сборе доказательств по делу, такого рода поручения вполне оправданы и даже целесообразны. Сотрудники органа дознания будут заинтересованы в скорейшем получении значимых доказательств по делу в то время, как следователь занят другой работой, к примеру, допросом подозреваемых. Так, получив первоначальную информацию от одного из подозреваемых о месте хранения похищенного имущества, в случаях, когда имеется возможность утери доказательств с течением времени, целесообразным и тактически верным является работа органа дознания по поиску и изъятию данных объектов, имеющих доказательственное значение. Таким примером может служить уголовное дело № 6914, возбужденное 13.04.2009 по ст. 158 ч. 3 п. «б» УК РФ [9]. При допросе одного из подозреваемых было установлено место хранения аккумуляторной дрели, с помощью которой была изготовлена несанкционированная врезка на нефтепродуктопроводе по транспортировке гидростабильного бензина. Незамедлительное направление поручения органу дознания, оперативный выезд в гараж подозреваемого сотрудниками органа дознания и осуществленный в соответствии с законом обыск позволили получить указанные доказательства, а также иные доказательства причастности подозреваемого к совершенному преступлению, в частности, одежду со следами похищенного бензина, сварочный аппарат и другие вещественные доказательства. Существовала большая

вероятность того, что неустановленные на тот момент подозреваемые предпримут активные действия для сокрытия своих следов совершенного преступления.

В ходе исследования указанной темы проводился опрос сотрудников органов предварительного следствия и сотрудников оперативных подразделений, а также анализ судебно-следственной практики, по результатам которых были установлены следующие особенности взаимодействия между следователем и органом дознания:

1. Поручения следователем в порядке ст. 38 УПК РФ направлялись в 100 % случаев в адрес органа дознания на проведение комплекса ОРМ по установлению лиц, совершивших кражу нефти или нефтепродуктов, установление всех членов преступной группы, установление свидетелей, а также поиск похищенного имущества и иных доказательств по делу.

2. По 76 % уголовных дел сотрудники органа дознания оказывали содействие следствию путем помощи в подготовке и проведении таких следственных действий, как предъявление лица для опознания, проверка показаний на месте, обыск и др.

3. В 48 % уголовных дел сотрудниками органа дознания по поручению следователя проводились следственные действия (допрос свидетеля, обыск, выемка и др.).

4. Совместные следственно-оперативные планы на основе выдвигаемых версий составлялись лишь в 18 % случаев.

Следует заметить, что полученные показатели свидетельствуют о том, что процесс взаимодействия не достигает требуемого уровня, который в полной мере может обеспечивать необходимое качество расследования. Принимая во внимание то, что кражи нефти и нефтепродуктов являются преступлениями с выраженной спецификой, имеющими ряд особенностей, взаимодействие необходимо осуществлять на должном уровне. Именно взаимная помощь в виде предоставления (обмена) информации и совместной работы по установлению обстоятельств в ходе расследования уголовного дела позволяет следователю собрать достаточные доказательства, на основании которых уголовное дело направляется в суд для рассмотрения, а оперативному сотруднику органа дознания – раскрыть данное преступление.

Одним из путей решения проблематики уровня взаимодействия может выступать

введение солидарной (совместной) ответственности следователя и сотрудника органа дознания по результатам расследования уголовного дела, связанного с кражей нефти или нефтепродуктов, не вдаваясь в процессуальные моменты, а учитывая совокупный объем полученных по делу доказательств. В таком случае сотрудник органа дознания, достоверно зная о том, что, не выполнив полный комплекс работы в тандеме со следователем, может быть подвергнут дисциплинарному наказанию, станет осуществлять планирование своей работы по конкретному делу на должном уровне, а следователь, понимая необходимость качественного и полного расследования по делу, будет проводить все требуемые следственные и процессуальные действия в намеченные сроки, обмениваясь информацией с сотрудниками органа дознания на постоянной основе по каждому из дел, находящихся в производстве.

Кроме того, эффективное взаимодействие достигается путем создания специализированных следственных групп, а также подразделений ОВД. Положительным примером может служить создание специализированного следственного отдела по расследованию преступлений в сфере топливно-энергетического комплекса в Иркутской области в 2006 г., а также оперативно-розыскной части по линии топливно-энергетического комплекса в Иркутской области в 2007 г., на которые были возложены обязанности по раскрытию и расследованию преступлений рассматриваемой категории. После создания указанных подразделений стала очевидна динамика снижения преступных посягательств в данном направлении. Самым распространенным преступлением является кража нефти или нефтепродуктов через несанкционированные врезки, монтаж которых осуществляется незаконно [10, с. 110]. На примере данных несанкционированных врезок в Иркутской области видно, что в 2007 г. было зарегистрировано 99 преступлений, в 2008 г. – 59 преступлений, в 2009 г. – 33 преступления, в 2020 г. – 4 врезки, в 2021 г. – 3 врезки*. Решение о создании специализированных подразделений привело к значительному снижению уровня преступлений в сфере топливно-энергетического

комплекса, качественному проведению профилактических мероприятий и увеличению числа уголовных дел, направляемых в суд для рассмотрения и назначения уголовного наказания.

Следующим важным моментом является то, что значительное количество уголовных дел о кражах нефти и нефтепродуктов приостанавливается в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого (обвиняемого). Считаем необходимым в рамках взаимодействия следователя и органа дознания проводить совместное изучение данных приостановленных дел, анализировать их, разбираться в причинах невозможности раскрытия. Полученная по итогам такого взаимодействия информация может стать тактическим преимуществом перед преступниками, что, в свою очередь, приведет к раскрытию следующих преступлений.

Обозначим некоторые рекомендации, направленные на повышение уровня взаимодействия следователя и сотрудников органа дознания при расследовании краж нефти и нефтепродуктов:

1. Осуществлять контроль за организацией взаимодействия со стороны руководителей органа предварительного следствия и руководителей органа дознания, включающий в себя контроль организации, планирования, соблюдения сроков исполнения, а также периодическое заслушивание подчиненных сотрудников.

2. Активизировать взаимодействие между следователем и органом дознания, а также иными должностными лицами с момента поступления сообщения о преступлении вплоть до утверждения обвинительного заключения и направления уголовного дела в суд, а при необходимости – проводить взаимодействия с судом.

3. Проявлять инициативу по проведению ОРМ и следственных действий сотрудниками органа предварительного следствия и органами дознания, а также совместных мероприятий.

4. Создавать специализированные следственно-оперативные группы, а при наличии возможностей – специализированные следственные подразделения и специализированные органы дознания.

* Официальный сайт МВД России [Электронный ресурс]. URL: <https://38.мвд.рф/document/28350424> (дата обращения 25.02.2022).

5. Совместно изучать и анализировать уголовные дела, приостановленные в связи с неустановлением подозреваемого лица, на основе чего предпринимать совместные усилия, направленные на их раскрытие.

Литература

1. Варданын А.В. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2(81).

2. Белохребтов В.С. Организация взаимодействия при расследовании преступлений экономической направленности // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 4(4).

3. Грибунов О.П. Взаимодействие следователя с органами и должностными лицами при раскрытии и расследовании краж транспортных средств // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 3(11).

4. Грибунов О.П. Участие сотрудников ЭКЦ в ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий, следственных и иных процессуальных действий как фактор повышения раскрываемости преступлений // Российский следователь. 2017. № 20.

5. Варданын А.В., Грибунов О.П. Судебные экспертизы, назначаемые при расследовании хищений на объектах транспорта // Сборник материалов международной научно-практической конференции. 2016.

6. Назырова Н.А. О взаимодействии следователя с органом дознания при расследовании и раскрытии незаконного образования (создания, реорганизации) юридических лиц // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2021. № 3.

7. Плеснева Л.П. Формы взаимодействия следователя с органами дознания // Сибирский юридический вестник. 2015. № 4(71).

8. Есина А.С. К вопросу о взаимодействии следователя и органа дознания // Эпоха науки. 2017. № 11.

9. Уголовное дело 6914 // Архив ГСУ ГУ МВД России по Иркутской области, 2009.

10. Миллюс А.И. Особенности тактики допроса подозреваемого (обвиняемого) при расследовании преступлений, связанных с хищениями нефти и нефтепродуктов при их хранении и транспортировке // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 1(17).

6. В случаях получения значимой информации при проведении ОРМ или следственных действий незамедлительно обмениваться ею, намечая совместную работу.

Bibliography

1. Vardanyan A.V. Modern doctrine of methodological and criminalistic support of investigation of certain types of crimes // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 2(81).

2. Belokhrebtev V.S. Organization of interaction in the investigation of economic crimes // Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. 2017. № 4(4).

3. Grybunov O.P. Interaction of the investigator with authorities and officials in the disclosure and investigation of thefts of motor vehicles // Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. 2019. № 3(11).

4. Gribunov O.P. Participation of ECC employees in the course of operational search activities, investigative and other procedural actions as a factor in increasing the detection of crimes // Russian investigator. 2017. № 20.

5. Vardanyan A.V., Gribunov O.P. Forensic examinations assigned in the investigation of theft at transport facilities // Collection of materials of the international scientific and practical conference. 2016.

6. Nazyrova N.A. On the interaction of the investigator with the body of inquiry in the investigation and disclosure of illegal formation (creation, reorganization) of legal entities // Siberian criminal procedural and criminalistic readings. 2021. № 3.

7. Plesneva L.P. Forms of interaction of the investigator with the bodies of inquiry // Siberian Legal Bulletin. 2015. № 4(71).

8. Esina A.S. On the issue of the interaction of the investigator and the body of inquiry // The era of science. 2017. № 11.

9. Criminal case 6914 // Archive of the GSU of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Irkutsk region, 2009.

10. Milius A.I. Features of the tactics of interrogation of a suspect (accused) in the investigation of crimes related to the theft of oil and petroleum products during their storage and transportation // Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. 2021. № 1(17).

© 2022 г. Морозов Алексей Павлович,

адъюнкт кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского
юридического института МВД России.
E-mail: Saitek127@mail.ru

КРОВЬ КАК ОБЪЕКТ МОЛЕКУЛЯРНО-ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Важность данной статьи обусловлена значимостью правильного обнаружения, фиксации и изъятия крови как объекта молекулярно-генетической экспертизы при проведении сотрудниками правоохранительных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации осмотров на местах происшествий. Авторами выделены основные ошибки правоохранительных органов, допускаемые при обнаружении, фиксации и изъятии крови при проведении осмотров на местах происшествия и пути их недопущения.

Ключевые слова: кровь, ДНК, молекулярно-генетическая экспертиза, биологический материал, обнаружение, фиксация, сбор и хранение биологического материала, раскрытие и расследование преступлений, осмотр места происшествия.

Morozov Alexey Pavlovich – Adjunct, the Department of Forensic Science and Operational-Search Activities, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

BLOOD AS AN OBJECT OF MOLECULAR GENETIC EXAMINATION: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

The significance of this article is due to the importance of the correct detection, fixation and removal of blood as an object of molecular genetic examination when law enforcement officers of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation conduct searching at the accident scene. The authors have highlighted the main mistakes of law enforcement agencies made when detecting, fixing and removing blood during inspections at the scene and ways of preventing them.

Keywords: blood, DNA, molecular genetic examination, biological material, detection, fixation, collection and storage of biological material, disclosure and investigation of crimes, inspection of the scene.

Методам идентификации преступников придавалось большое значение во все времена. Со временем в практике расследования преступлений к традиционной дактилоскопии, т. е. установлению личности человека по отпечаткам пальцев, добавилась молекулярно-генетическая экспертиза (далее – исследование ДНК), способная установить не только идентичность двух биологических образцов, но и значительно сузить круг поиска по близкому или отдаленному родству, а также идентифицировать преступника даже в его отсутствие. Дополнительные методики исследования ДНК позволяют отнести человека к определенной группе: возрастной, расовой и т. д. [1, с. 219].

Созданы специализированные базы геномной информации для проведения оперативных проверок в целях скорейшей идентификации личности, что позволяет правоохранительным органам работать на более высоком уровне благодаря возможности использования в розыскных целях информации по объектам биологического происхождения [2].

Появление новых видов преступлений и способов их сокрытия свидетельствует о значимости пересмотра и совершенствования методики назначения и проведения молекулярно-генети-

ческой экспертизы, поскольку с ее помощью достаточно эффективно исследуются все ткани и биологические жидкости организма человека, содержащие живые клетки, даже в микрочастицах биологического материала, что говорит о возможности проведения исследования по микрообъектам. Для проведения анализа ДНК достаточно 8 клеток, т. е. это ничтожно малые количества биологического материала. Это позволяет наиболее точно, ближе к 100 %, идентифицировать преступника [1, с. 219].

В результате процессуальных действий следователям, экспертам-криминалистам необходимо выполнить одну из первоочередных задач – обнаружить следы преступления, но для ее выполнения одного процессуального действия недостаточно. Данная задача может быть реализована как в ходе проведения допросов, взятия объяснений, очной ставки, так и в процессе проведения осмотра места происшествия, жилища, иного помещения, местности, предметов, трупа, документов и других процессуальных действий. Во время проведения вышеуказанных мероприятий могут быть обнаружены как идеальные следы – криминалистически значимая информация в виде мысленных образов, воспринятая и запечатленная человеком,

так и материальные следы – результат материального отражения свойств взаимодействующих между собой объектов. Если рассматривать все виды осмотра, то можно заметить, что они нацелены на обнаружение материальных следов, а при взятии объяснений, проведении очных ставок и допросов могут быть обнаружены только идеальные следы. Для реализации целей молекулярно-генетической экспертизы значимы объекты биологического происхождения, которые являются по своей сути материальными, следовательно, перечень процессуальных действий, в рамках которых они могут быть обнаружены, ограничен [3].

Наиболее часто встречающийся объект биологического происхождения, обнаруживаемый на месте происшествия, – кровь, следы которой часто являются одним из важнейших доказательств присутствия человека на месте происшествия при расследовании любых преступлений.

Кровь – это жидкая соединительная ткань, имеющая сложный биохимический состав (взвешенные форменные элементы): белые – лейкоциты; красные – эритроциты; тромбоциты и включения. Для производства экспертизы ДНК интерес представляют только лейкоциты и тромбоциты, т. к. в отличие от эритроцитов эти элементы имеют ядро и ядерную ДНК. Под воздействием эндогенных и экзогенных факторов вышеуказанные элементы имеют свойства изменяться, что, следовательно, сказывается на результатах проведенного молекулярно-генетического исследования. Кровь, как и любая другая жидкость, имеет свойство высыхать и при этом приобретает вид корочковой, полупорошковой субстанции, а также может впитываться и проникать в места, доступ к которым получить сложно из-за их узкости или маленького размера. При попытке преступником сокрытия преступления и замывания следов крови ее можно обнаружить в наиболее вероятной и типичной локализации: в местах соединения конструктивных элементов предметов (особенно это касается предполагаемых орудий преступления), в различных трещинах, углублениях, в пространстве под плинтусами, в щелях пола и т. д. Кровь может остаться на предметах одежды, на мебели, шторах, при этом следует учесть, что внешнюю и внутреннюю сторону таких предметов необходимо осматривать тщательно, например, манжеты (обшлага), петли, карманы, швы, пуговицы и т. п. Следует заметить, что при осмотре вещей очень важно учитывать их расположение, следовательно, одежда не должна находиться в вертикальном положении, т. е. в подвешенном состоянии. Особое внимание необходимо уделять тщательной проверке обуви как потерпевшего, так и подоз-

реваемого: она осматривается с внешней стороны и со стороны подошвы (проверяются углубления рисунка протектора и швы). При осмотре дорожно-транспортного происшествия может быть обнаружена кровь на внутренней части автомобильных дисков, бамперах, в местах соединения элементов автомобильной конструкции, шинах, днище автомобиля, внутренней стороне подкрылка. При обнаружении расчлененного трупа необходимо осматривать днище столешницы, тазы, унитазы, ведра, раковины, кастрюли, ванны. Если было совершено преступление полового характера, то следует обратить внимание на ткань нижнего белья, пространство подногтевой пластины жертвы, на область половых органов, а также места совершения полового акта. При осмотре места преступления следует обратить внимание на зоны подхода преступника, а именно на наличие любых естественных или искусственных препятствий на его пути: тесно посаженные кустарники, забор, двери, ограды или иные объекты, с которыми преступник мог бы вступать в непосредственный физический контакт. Обнаружить кровь возможно как на поверхности грунта, траве, листьях или кустах, так и на самом препятствии. Кроме вышеуказанных объектов уделить внимание необходимо еще трещинам и промежуткам между рамой и стеклом, самой раме окна или форточке. При осмотре следует знать, что следы крови имеют характерный цвет и хорошо контрастируют на предметах, на которых они были оставлены. Следует помнить, что речь идет об органической жидкости и что под воздействием естественных процессов и внешних факторов ее цвет может меняться. Значительную роль играют попытки уничтожения следов преступником (соскабливание, замывание, затирание и т. д.), степень давности образования следа, физические свойства предмета-носителя, уровень влажности в месте локализации, степень инсоляции и температура окружающей среды [3].

Поэтому при поиске следов крови нужно обращать внимание не только на пятна, помарки, потеки красного цвета, но и на следы, имеющие другую окраску – бурую, коричневую, серовато-зеленую.

Следы крови, обнаруженные на обвиняемом, его одежде, предметах или в помещениях, и подвергнутые молекулярно-генетическому исследованию, служат важнейшими доказательствами против обвиняемого и обеспечивают успешность в раскрытии преступлений.

На сегодняшний момент существует несколько способов обнаружения следов крови:

1. Визуальный способ обнаружения следов крови. Его используют в практике, когда осмотр места происшествия производят с целью обна-

ружения «крупных» (луж, капель и т. д.) следов крови, не вызывающий трудностей. Визуальный способ обнаружения следов крови мало эффективен в тех случаях, когда злоумышленник при совершении преступления пытался уничтожить или скрыть следы или когда кровь приобретает цвет окраски следоносителя, а также высыхает при малом количестве гемоглобина, содержащегося в ней [5, с. 175].

2. Физический способ обнаружения следов крови применяется в случае, когда отсутствует явное выражение следов, а также при попытке преступником уничтожить или скрыть следы преступления. В данном способе обнаружения следов правоохранительные органы применяют различные осветители, например, ультрафиолетовую лампу.

3. Химический способ обнаружения следов крови представляет собой предварительные пробы с использованием различных химических веществ или специальных реактивов. Проба с 3 % перекисью водорода или пробы с тест-полосками «Гемофан» – это наиболее часто встречающиеся и используемые пробы, которые являются легкодоступными. На месте происшествия следы крови необходимо разделить на две части, на одной из которых будет применен данный способ, т. к. все химические пробы обладают разрушительными свойствами. В случае положительного эффекта, вторая часть следа крови изымается и отправляется для дальнейшего исследования [5, с. 175].

Часто преступники пытаются уничтожить следы крови, стирают белье, замазывают пятна на одежде, моют, скребут пол, чистят металлические предметы и т. д. Для такого рода поиска применяется люминол, который при контакте с кровью флюоресцирует в ультрафиолетовых лучах.

Новейшим способом обнаружения следов крови является химико-биологический с использованием пластины SeratecHEM. В косопадющем свете целесообразно проводить осмотр с использованием лупы. Для этого существуют специальные фонарики с различными наборами светофильтров. В следственном чемодане лупа является обязательным составляющим и ее нельзя назвать дефицитным предметом. Зачастую данный прибор оснащен подсветкой, в том числе ультрафиолетовой. Особое внимание при таком осмотре уделяется отличию цвета пятна крови от цвета предмета-носителя. Если пятно крови образовалось относительно недавно и еще не покрылось корочкой, то на светлой поверхности оно будет иметь красный оттенок. Окраска пятна изменяется в силу влияния особенностей предмета-носителя: на снегу пятно крови будет иметь своеобразный градиент – ярко-розовый по краям и

красный в центре; а на извести – оранжевый цвет. Следует отметить, что предметы-носители могут быть разными, в том числе и по агрегатному состоянию, например, растворенная кровь в жидкости. В этой ситуации учитывается количество крови при попадании в большое количество жидкости, где возникает одна ее из особенностей – растворяться. Именно это свойство значительно снижает вероятность 100 %-го обнаружения интересующего объекта в жидких средах. С нарастанием количества крови в жидкости цвет будет меняться от прозрачного к красному. В практической деятельности сотрудников правоохранительных органов и экспертов встречаются ситуации, когда преступник, обладая специальными знаниями, пытается обесцветить кровь. Следовательно, каждый сотрудник и эксперт должны знать, как отличить кровь от любой другой жидкости, и иметь представление о способах ее обесцвечивания. В практике их существует немного, т. к. воздействие направляется на сами источники цвета крови (эритроциты) с целью их разрушения.

В данной статье рассматриваются следующие способы: добавление в жидкость большого объема гипохлорита натрия (NaClO) предельной концентрации; разбавление большим объемом раствора перекиси водорода (H_2O_2); проведение реакции гемолиза (роль сыграет его первая часть – хромолиз); проведение реакции с гипотоническим раствором хлоридом натрия (NaCl). Реакция с перекисью водорода является наиболее бесполезной среди остальных. В результате других реакций полученный раствор будет иметь прозрачно-розовый оттенок, т. к. кровь практически невозможно полностью обесцветить. При проведении вышеперечисленных реакций в полученных растворах несложно будет обнаружить наличие большого количества свободного гемоглобина и темно-красного осадка на дне емкости, например с помощью пластины «Гемофан», которые крайне чувствительны к наличию эритроцитов даже в большом количестве жидкости [3].

Зачастую пятна крови встречаются на поверхности ткани. Так, следы крови на темных тканях имеют более светлый оттенок, чем сама ткань, а на светлых явно выделяются и приобретают бордовый, красный, коричневый оттенки, зависящие от давности образования следа. После того, как кровь была оставлена на предмете-носителе, со временем из-за постепенного испарения влаги у поверхности следа начинается изменяться светоотражающая и светопоглощающая способность крови, в результате чего происходит распад гемоглобина, и след приобретает более темный оттенок, чем имел изначально. На тканях, которые были подвергнуты стирке или зачищению, можно

обнаружить следы крови по желтовато-розовому или желтоватому цвету. Во время первичного осмотра места происшествия следует уделить особое внимание одежде, предметам мебели и всему, что покрыто текстилем, при этом нужно осматривать наиболее тщательно данные объекты на предмет зачистки, стирки, скобления и прочей обработки, что является важной частью процесса, т. к. по характеру повреждения можно сделать предположение о природе данных следов, масштабе их локализации, давности их образования и интеллектуальных способностях преступника [3].

Благодаря науке о следах – трасологии, по следам крови на месте происшествия удастся выяснить положение потерпевшего в момент нанесения ранения и другие обстоятельства, а также установить направление, в котором переносился или перевозился труп, и даже место убийства, что дает возможность установить обстоятельства происшествия. При описании отмечаются: количество следов, их цвет, форма, величина и расположение, агрегатное состояние. Очерчивание пятен крови карандашом, чернилами и другими выделятелями не допускается, т. к. это вредит исследованию.

Обнаруженные на месте происшествия, одежде и предметах обвиняемого следы крови должны быть изъяты. Если вещественные доказательства не очень громоздкие (например, одежда) и могут быть пересланы в лабораторию для исследования, необходимо изъять предмет целиком. Это имеет большое значение для дела, т. к. при осмотре вещественных доказательств вне лаборатории могут остаться незамеченными следы, которые в действительности являются следами крови. Те следы, которые первоначально обратили на себя внимание при осмотре предметов на месте происшествия, могут оказаться не кровью вовсе. Эксперт, имея в своем распоряжении вещественное доказательство целиком, располагает большими данными для составления полноценного заключения.

В случаях, когда предметы со следами, схожими с кровью, не могут быть пересланы в силу различных причин, производится смывание следов обязательно вместе с чистыми участками предметов, на которых они расположены. Это необходимо для контрольных исследований.

Если следы, похожие на кровь, располагаются на предмете, из которого по разным причинам нельзя произвести смыв (характер материала, ценность как произведения искусства и пр.), допускается соскабливание. Соскоб помещается в пакет из чистой бумаги с соответствующей надписью. В отдельном пакете он направляется с соседнего чистого участка вещественного доказательства.

Наибольшую трудность представляет процесс обнаружения крови на участках земли, почвы. В данном случае следует говорить о способности крови впитываться и способности почвы впитывать, особенно в сухих полупесчаных и каменистых местностях. При пропитке грунта кровью поверхность выглядит более темной, чем смежные участки, а сами крупинцы грунта при воздействии на них плохо рассыпаются, становятся в определенной степени похожими на глину. Необходимо заметить, что при обнаружении любого следа на поверхности или в толще грунта следует избегать любого воздействия на него до фиксации следа и изъятия.

Если следы, схожие с кровью, были обнаружены на снегу, необходимо поступить следующим образом: снег с указанными следами, по возможности без излишнего чистого снега, помещают на отрезок марли (бинта). При таянии имеющееся на нем вещество пропитает марлю (бинт). Затем необходимо выждать, когда пятно высохнет, и тогда уже направлять его на исследование.

Иногда следы крови могут быть настолько малозаметными, что их удастся выявить только при освещении ультрафиолетовыми лучами аналитической кварцевой лампы либо при фотографировании.

Помимо осмотров при равномерном общем освещении и в косопадающем свете, возможно проведение ультрафиолетового исследования. Специфика в том, что такое исследование должно проводиться либо в темноте с использованием специальных переносных ламп, фонариков, либо с помещением предполагаемого предмета-носителя на площадку ртутно-кварцевой лампы. Свежеобразованные пятна крови в ультрафиолетовых лучах приобретают темно-коричневый цвет, бархатистый вид и выглядят значительно темнее фона. Пятна с большим сроком давности, в свою очередь, имеют оранжево-красную окраску. Принцип проведения данного исследования довольно прост, осуществить его способен фактически любой человек, в том числе и в домашних условиях. Недостаток такого исследования заключается в том, что при длительном освещении подозрительных пятен ультрафиолетовые лучи нарушают структуру ДНК, что делает невозможным дальнейшее качественное исследование крови. Таким образом, облучение ультрафиолетовыми лучами должно быть максимально кратковременно.

При нахождении на месте происшествия необходимо установить температурный режим помещения или местности, температуру предмета-носителя следа и уровень влажности воздуха. Это необходимо для того, чтобы при температурном режиме от 18° до 35° и в условиях повышенной влажности пятно

крови подвергалось воздействию плесневых грибов и приобретало серый цвет с зеленоватым оттенком.

При пересылке похожие на кровь следы следует тщательно оберегать от различных внешних воздействий. Для этого части предметов со следами закрываются чистой бумагой или материей, которая пришивается, прикалывается или привязывается к предмету.

Вещественные доказательства (кровь) следует упаковывать с тем расчетом, чтобы они не могли быть утрачены, распакованы заинтересованными лицами и чтобы на них ничего не попало извне. С этой целью каждый предмет в отдельности обертывается чистой бумагой, обвязывается и опечатывается. Печати располагаются так, чтобы нить нельзя было снять без их повреждения.

Считаем, что будет целесообразно обратить внимание на научное мнение, которое содержится в научных исследованиях современного автора Ф. Германской. Подготовленное автором пособие можно использовать в практической деятельности органов внутренних дел России, а также в образовательных учреждениях для первоначальной подготовки курсантов и слушателей системы МВД России по основным образовательным программам, про-

граммам дополнительного профессионального образования повышения квалификации руководителей органов внутренних дел России. В методическом пособии весьма подробно описывается понятие и виды вещественных доказательств биологического происхождения в уголовном судопроизводстве [6].

Таким образом, в рамках данной статьи были достигнуты цели исследования теоретических и практических аспектов фиксации и изъятия крови как объекта молекулярно-генетической экспертизы при проведении сотрудниками правоохранительных органов внутренних дел России розыскных мероприятий и следственных действий. На основе научных трудов Ф. Германской предполагается создать основное методическое пособие с пошаговой инструкцией его применения, которое действовало бы на всей территории Российской Федерации в системе МВД России, для более эффективного расследования и раскрытия уголовных дел. Данного рода пособие содержало бы методические рекомендации по правильному обнаружению, фиксации, хранению и направлению на исследования вещественных доказательств биологического происхождения, а также отражало бы правовую основу с краткой инструкцией для сотрудников правоохранительных органов.

Литература

1. Морозов А.П. Актуальные проблемы назначения и проведения молекулярно-генетической экспертизы в условиях современной правовой действительности // Юрист-Правовед. 2021. № 2(97).

2. Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации (вместе с «Инструкцией по организации формирования, ведения и использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации», «Правилами ведения экспертно-криминалистических учетов в органах внутренних дел»)» (последняя редакция): федер. закон от 10.02.2006 № 70-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 25.09.2021).

3. URL: <http://ui.tsu.ru/wp-content/uploads/2017/06/Кравцова-П.Е. Генотипическая-экспертиза-проблемы-теории-и-практики.pdf> (дата обращения: 25.09.2021).

4. URL: <http://refwin.ru/3517278040.html#6> (дата обращения: 24.10.2021).

5. Попов В.В. Некоторые особенности работы со следами крови в ходе осмотра места происшествия // Юрист-Правовед. 2019. № 1(88).

6. URL: <https://pandia.ru/text/78/215/51028.php> (дата обращения: 25.09.2021).

Bibliography

1. Morozov A.P. Actual problems of appointment and conduct of molecular genetic examination in the conditions of modern legal reality // Jurist-Pravoved. 2021. № 2(97).

2. On the organization of the use of forensic records of the internal affairs bodies of the Russian Federation (together with the «Instructions for the organization of the formation, maintenance and use of forensic records of the internal affairs bodies of the Russian Federation», «Rules for conducting forensic records in the internal affairs bodies of the Russian Federation») (latest edition): feder. law d.d. 10.02.2006 № 70-FL [Electronic resource] // URL: <https://base.garant.ru/> (date of access: 25.09.2021).

3. URL: <http://ui.tsu.ru/wp-content/uploads/2017/06/Кравцова-П.Е. Генотипическая-экспертиза-проблемы-теории-и-практики.pdf> (date of access: 25.09.2021).

4. URL: <http://refwin.ru/3517278040.html#6> (date of access: 10.24.2021).

5. Popov V.V. Some features of working with traces of blood during the inspection of the scene of the incident // Jurist-Pravoved. 2019. № 1(88).

6. URL: <https://pandia.ru/text/78/215/51028.php> (date of access: 25.09.2021).

© 2022 г. Никулина Алевтина Викторовна,

адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России.

E-mail: alik-112@yandex.ru

**ФАКТОРЫ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЕ ВЛИЯНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
НА КАЧЕСТВО ВЕДОМСТВЕННОГО НОРМОТВОРЧЕСТВА**

В статье говорится о проблеме качества ведомственного нормотворчества. Для ее решения требуется тщательное изучение нормотворческих факторов с позиции системного подхода. Автором предлагается рассматривать систему факторов через призму влияния прав человека, которые в современных реалиях определяют смысл, содержание и применение не только законов, но и подзаконных актов.

Ключевые слова: правовая система, ведомственное нормотворчество, права человека, факторы, качество, система.

Nikulina Alevtina Viktorovna – Adjunct, the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

**FACTORS DETERMINING THE IMPACT OF HUMAN RIGHTS ON THE QUALITY
OF DEPARTMENTAL RULEMAKING**

The article deals with the problem of the quality of departmental rule-making. To solve it, a thorough study of rule-making factors from the standpoint of a systematic approach is necessary. The author proposes to consider the system of factors through the prism of the influence of human rights, which in modern realities determine the meaning, content and application of not only laws, but also by-laws.

Keywords: legal system, departmental rule-making, human rights, factors, quality, system.

В современных реалиях одной из главных задач ведомственного нормотворчества, как важнейшего элемента механизма правового регулирования, выступает создание условий для обеспечения прав человека. Для этого необходимо формирование эффективной и стабильной правовой системы Российской Федерации. В основе этой системы лежат многочисленные детерминанты, т. е. факторы, которые обуславливают состояние качества нормотворчества. Их изучение позволяет уяснить не только содержание и назначение правовых норм, но и помогает системно взглянуть на проблему качества ведомственного нормотворчества.

Как известно, вопросы детерминизма связаны с философским учением, сформулированным еще древнегреческими философами, суть которого сводится к проблеме естественной причинной обусловленности всех явлений объективного мира, их взаимосвязи и взаимозависимости. К настоящему моменту накопился богатый методологический материал относительно причинности и других типов детерминационного воздействия [1].

Кроме того, теоретиками права доказано, что число вовлеченных во взаимодействие факторов нормотворчества изменчиво, и в тех или иных условиях их количество зависит, прежде всего, от специфики сферы подлежащих регламентации общественных отношений.

Не вызывает сомнения системность этих факторов, поскольку для «нормотворца» важно не только выявление всей совокупности детерминант, но и определение силы их влияния во взаимодействии с другими факторами.

Сила фактора может быть обусловлена как объективными причинами существующей действительности, так и степенью активности участников процесса нормотворчества – носителей соответствующих интересов [2].

Несмотря на множество исследований в обозначенной области проблема качества ведомственных нормативных правовых актов продолжает оставаться актуальной. В связи с этим стоит рассмотреть факторы, обуславливающие качество ведомственного нормотворчества, через призму прав человека.

Идея прав человека отражена в Конституции Российской Федерации, которая закрепила норму о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью и государство обязано признавать, соблюдать и защищать их. Следовательно, создавая нормативный правовой акт, каждый субъект ведомственного нормотворчества должен исходить из априорности этого положения.

Таким образом, права человека представляются фактором, ограничивающим сферы нормативного регулирования, поскольку они

определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления [3].

Права человека выступают в качестве тех социально-правовых явлений, которые находятся вне нормотворчества как такового, но детерминируют его. При этом нормотворчество призвано оказывать обратное воздействие на права человека посредством создания механизмов для их реализации. Именно поэтому при рассмотрении факторов, обуславливающих повышение качества ведомственного нормотворчества, в контексте прав человека необходимо использование системного подхода.

В зависимости от степени их влияния предлагаем выделить внешние и внутренние факторы.

Под внешними факторами следует понимать формы проявления влияния тех или иных аспектов современных жизненных реалий, которые обуславливают возникновение проблемной правовой ситуации (в качестве таковой выступает потребность в обеспечении прав человека).

Внутренние факторы связаны с уровнем правового мировоззрения каждого члена нашего общества.

Внешние факторы формируются в результате развития или исчезновения природных и социальных условий жизни общества. В последующем они проходят стадию преломления и конкретизации этих условий в индивидуальных и коллективных юридических значимых интересах [4].

Стоит отметить, что внешние факторы оказывают влияние в целом на правотворчество, а поскольку ведомственное нормотворчество носит подзаконный характер, это влияние может оказываться как прямо, так и опосредованно в контексте системы действующего законодательства.

В свою очередь эффективность функционирования всей системы законодательства определяется не только качеством и своевременностью принятия закона, но и гарантированностью его реализации, а следовательно, созданием действенной системы подзаконных актов [5]. Таким образом, можно говорить о сложных процессах взаимосвязи и взаимовлияния, системной детерминации обозначенных выше правовых явлений.

Внешние факторы формируются посредством развития и исчезновения природных и социальных условий жизни общества. С этой точки зрения стоит рассматривать право человека как самостоятельное социально-правовое явление. Оно развивается и выступает причиной и

одновременно результатом действия экономических, политических и иных факторов, возникнув первоначально в качестве естественного [6].

Природные факторы представляются в качестве «непроходящей» силы, безусловным образом воздействующей на правовое регулирование [7]. Поскольку сущность права обусловлена природой человека, его потребностью в свободе, которая выражается в праве самостоятельно принимать решения и выбирать, право не может быть навязано никем извне, включая государство, которое должно лишь создавать условия, обеспечивающие реализацию, охрану и защиту прав.

Развитие идеи прав человека происходит на интеллектуальном, эмоциональном и волевом уровнях человеческой личности на основе глубокого и всестороннего отражения объективной действительности. Распространение этой идеи влечет за собой переход ее элементов из сферы индивидуального в сферу коллективного сознания, посредством развития которого происходит их отражение на воле компетентных должностных лиц, непосредственно участвующих в нормотворческой деятельности [4]. Следовательно, внешние факторы обусловлены внутренними и выступают их необходимым логическим продолжением.

Итак, трансформация идеи прав человека из сферы естественных воззрений в сферу государственно-правового регулирования в контексте ведомственного нормотворчества происходит посредством внутренних факторов.

В отличие от внешних факторов, отражающих природные и социально-экономические условия жизни общества, влияние внутренних факторов зависит от действий тех или иных участников правоотношений, урегулированных нормами ведомственных нормативных правовых актов. В связи с этим в числе внутренних предлагаем выделять идейно-установочный и социокультурный факторы.

Под идейно-установочным фактором следует понимать формы проявления влияния тех или иных аспектов правового мировоззрения членов общества относительно прав человека, их места в системе социально-правовых явлений. Влияние идейно-установочного фактора происходит в результате осознания каждым человеком потребности в свободе выбора и деятельности, в справедливых взаимоотношениях с другими членами социума, а, следовательно, в необходимости правового регулирования той или иной сферы общественных отношений.

Идейно-установочный фактор служит своеобразной платформой для выявления и

осознания членами общества связи между существующими на данный момент времени правовыми нормами и степенью их полезности для удовлетворения человеком своих потребностей, что позволяет им судить о качестве нормотворчества в целом.

Социокультурный фактор отражает особенности культурного развития и образовательного уровня членов общества, включая должностных лиц, занимающихся нормотворческой деятельностью, их правовую осведомленность и компетентность. Влияние социокультурного фактора хорошо прослеживается в контексте обеспечения права на образование, закрепленного в ст. 43 Конституции Российской Федерации. В системе прав и свобод важное место отводится праву каждого человека на образование.

Возможность получения образования предопределяет исключительную значимость для развития интеллектуального и кадрового потенциала государства, что создает благоприятные условия и перспективы для субъектов нормотворческой деятельности, поскольку созданием норм права должны заниматься компетентные люди. Несомненно, отсутствие компетентности и непрофессионализм «нормодателя» негативно сказываются на качестве результата его деятельности.

Кроме того, в структуре социокультурного фактора особую значимость имеет правовая информированность граждан, которая непосредственно связана с правом на информацию. Не будет преувеличением утверждение, что реализация права граждан на информацию, обеспечение свободного доступа к имеющей общественное значение информации являются важнейшими условиями и критериями функционирования правового государства.

Следует подчеркнуть особую значимость этого права: оно выступает связующим элементом всей системы основных прав и свобод. Только при условии его соблюдения можно говорить

о фактической реализации личных, политических, социальных, экономических, экологических и культурных прав и свобод.

Кроме того, внутренние факторы можно подразделять на оказывающие влияние на процедуру подготовки и принятия ведомственного нормативного правового акта и факторы, действующие в процессе его практического применения.

Резюмируя вышесказанное, подведем некоторые итоги. В условиях повышения значимости прав человека и постоянно усложняющихся общественных отношений вопросы качества ведомственного нормотворчества приобретают все большую актуальность.

Однако субъекты нормотворческой деятельности вместо изучения вопроса, почему та или иная ведомственная норма права неэффективна, как правило, принимают новую норму, тем самым обозначая тенденцию к необоснованному расширению сферы правового регулирования. Подобный подход не решает проблемы качества ведомственного нормотворчества, а скорее усугубляет ее.

Логично предположить, что вопрос о факторах нормотворчества требует перманентного исследования с позиции системного подхода. Современные общественные отношения отличаются сложностью и динамичностью, что заставляет научное сообщество двигаться дальше в поиске детерминант и последующего их более глубокого изучения.

При этом в сложившихся условиях нельзя игнорировать права человека, поскольку они выступают в качестве тех социально-правовых явлений, которые находятся вне ведомственного нормотворчества как такового, но детерминируют его. Именно поэтому всю систему факторов нормотворчества необходимо рассматривать через призму влияния прав человека, придерживаясь рационального соотношения внешних и внутренних факторов.

Литература

1. Беспрозванный Д.Б. Типы детерминации правовых предписаний // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 3.
2. Поленина С.В. Правовая политика – генерализующий фактор правотворчества // Государство и право. 2011. № 1.
3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных законом РФ от 14.03. 2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета.

Bibliography

1. Besprozvanny D.B. Types of determination of legal prescriptions // Gaps in Russian legislation. 2011. №. 3.
2. Polenina S.V. Legal policy is a generalized factor lawmaking // State and law. 2011. №. 1.
3. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote 12.12.1993 (taking into account the amendments introduced by the law of the Russian Federation of March 14, 2020, № 1-FCL) // Russian newspaper. Collection of

Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.

4. Трофимов В.В. О факторах правообразовательного процесса // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 4.

5. Червяков Н.Н. Проблемы совершенствования ведомственного нормотворчества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.

6. Шафиров В.М. Объективные и субъективные факторы правотворчества // Правотворчество в Российской Федерации: проблемы теории и практики: сб. научных трудов научно-практ. конф. / отв. ред. В.М. Сырых, М.А. Занина. М., 2010.

7. Нашиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника / под ред. Д.А. Керимова. М., 1974.

legislation of the Russian Federation. 2020. №. 11. Art. 1416.

4. Trofimov V.V. On the factors of the legal education process // Actual problems of Russian law. 2008. №. 4.

5. Chervyakov N.N. Problems of improving departmental rule-making: auth. abstr. diss. ... cand. of Law. Moscow, 2000.

6. Shafirov V.M. Objective and subjective factors of lawmaking // Lawmaking in the Russian Federation: problems of theory and practice: Sat. scientific papers scientific and practical. conf. / resp. ed. V.M. Syrykh, M.A. Zanina. Moscow, 2010.

7. Nashits A. Lawmaking. Theory and legislative technique / edited by D.A. Kerimov. Moscow, 1974.

© 2022 г. Умярова Регина Рушановна,
адъюнкт Нижегородской академии МВД России.
E-mail: regina65765@mail.ru

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРАВОСУДИЕ, СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ: ВЗАИМОСВЯЗЬ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье анализируются актуальные и спорные вопросы соотношения понятий «судебная власть», «правосудие и судебный контроль». Рассматриваются обоснованные подходы к их пониманию, имеющиеся на сегодняшний день. Производится попытка разграничения указанных определений и построения систематизирующей связи между ними.

Ключевые слова: судебный контроль, правосудие, судебная власть, суд, права и свободы личности, уголовное судопроизводство.

Umyarova Regina Rushanovna – Adjunct, the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

JUDICIAL POWER, JUSTICE, JUDICIAL CONTROL: THE RELATIONSHIP IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article analyzes actual and controversial issues of the relationship between the concepts of «judicial power», «justice and judicial control». The grounded approaches to their understanding which are available today, are analyzed. An attempt to differentiate these definitions and build of systematizing relationship between them is made.

Keywords: judicial control, justice, judicial power, court, personal rights and freedoms, criminal proceedings.

Обеспечение защиты конституционных прав участников уголовного судопроизводства представляет собой важный вектор развития правового государства и необходимое условие достижения целей уголовного судопроизводства, реализуемое судом. В дореволюционной литературе можно найти высказывание И.Я. Фойницкого, в котором говорится, что «суд ограждает права государственные, общественные и личные. Но в основании всех прав личности лежит ее свобода. Поэтому естественно, что одной из важнейших функций судебной власти признается ограждение свободы личности, на стражу которой становится суд для устранения посягательств, направленных против нее как преступными действиями частных лиц, так и распоряжениями властей посторонних» [1, с. 183].

Установленная система гарантий часто вызывает критические возражения российской уголовно-процессуальной доктрины, профессиональных судей, сотрудников правоохранительных ведомств и является причиной научных дискуссий, направленных на поиск путей оптимизации и модернизации правовых средств, которые обеспечивают их соблюдение в уголовном судопроизводстве. Особо актуальной проблема обеспечения прав и сво-

бод граждан является в рамках осуществления судебного контроля. Указанный институт постоянно совершенствуется, но до сих пор законодателем не выработана дефиниция судебного контроля, что создает значительные сложности в его понимании [2, с. 28–31].

С помощью систематизации понятий выявлено, что в основной части научных исследований, направленных на изучение судебного контроля и его сущности, содержатся размышления относительно соотношения трех понятий: «судебная власть», «правосудие» и «судебный контроль». Для разграничения указанных определений и выстраивания систематизирующей связи между ними был сделан акцент на соотношение судебного контроля и правосудия, что наиболее актуально для выбранной темы.

Интересен взгляд на эту проблему И.В. Чепурной. Автор считает судебный контроль в досудебном уголовном судопроизводстве России отдельной самостоятельной формой осуществления судебной власти наравне с правосудием, аргументируя это тем, что основной функцией суда является защита прав и свобод граждан, соответственно, как у правосудия и судебного контроля. Причем важно заметить, что автор не отрицает и иных

подходов к этому вопросу. И.В. Чепурная, рассматривая правосудие в широком смысле, конвенционально соглашаясь с другими процессуалистами, относит судебный контроль и к правосудию [3, с. 18].

Некоторые авторы акцентируют внимание на отсутствии возможности судебного органа подробно вникать в сущность обвинения и полностью исследовать обстоятельства расследуемого преступления при осуществлении судебного контроля, что является прерогативой исключительно правосудия. При судебном контроле суд разрешает лишь вопросы о законности ограничения прав и свобод участников уголовного судопроизводства, возникающие на этапе предварительного расследования, что свидетельствует о том, что правосудие и судебный контроль – разные самостоятельные способы осуществления судебной власти, имеющие собственные цели [4, с. 518–551].

Нельзя проигнорировать и позицию Н.А. Колоколова. Для него судебный контроль на этапе предварительного расследования не входит в содержание правосудия, а носит вспомогательный характер по отношению к нему и является отдельной специфической функцией судебной власти [5, с. 29].

Н.В. Костерина также признает судебный контроль особой самостоятельной функцией суда и отрицает его взаимосвязь с правосудием. Она считает, что судебно-контрольная деятельность на предварительном расследовании формирует условия для отправления правосудия на судебных стадиях уголовного процесса, именуя его как «своеобразный процессуально-правовой фильтр», способствующий выявлению и устранению нарушений прав, свобод и законных интересов граждан. Кроме того, указанный автор не согласен, что решения судебного органа относительно ограничения конституционных прав граждан входят в институт судебного контроля. Аргументом стало то, что суд не просто проверяет и придает процессуальному решению, вынесенному органом предварительного расследования, законную силу, а сам принимает такое решение [6, с. 76]. Данный подход носит противоречивый характер, т. к. при самостоятельном вынесении решения о применении конкретной меры пресечения или производстве следственного действия суд выступает на стороне уголовного преследования. Это противоречит основам судебного контроля и судебной системы в целом, поскольку

указанный орган государственной власти является независимой и автономной стороной в уголовном судопроизводстве. В связи с этим суд не сам принимает процессуальное решение, а проверяет законность и обоснованность ходатайства субъекта предварительного расследования.

Предположительно проблема в понимании соотношения правосудия и судебного контроля в отсутствие законодательного закрепления дефиниции правосудия. В юридическом словаре указанный феномен понимается как форма государственной деятельности, которая заключается в рассмотрении и разрешении судом отнесенных к его компетенции дел – об уголовных преступлениях, гражданских спорах и др. [7].

Некоторые процессуалисты под правосудием рассматривают только деятельность суда по разрешению уголовного дела по существу с вынесением приговора относительно виновности/невиновности подсудимого и т. п. По мнению П.А. Луценко, в широком смысле, выступает как совокупность приемов и способов реализации полномочий суда; в узком – как деятельность суда, связанная с разрешением уголовного дела по существу [8, с. 38]. Соответственно, последнее реализуется только на судебных стадиях, что объясняет позицию многих ученых относительно самостоятельности оперативного судебного контроля, т. к. он реализуется только на досудебном этапе. Сам же указанный автор относительно изучаемой проблемы предполагает, что основной функцией судебной власти выступает защита прав и свобод граждан, а правосудие является самостоятельной формой ее реализации, как и судебный контроль [8, с. 45]. П.А. Луценко придерживается «узкого» понимания дефиниции правосудия.

Похожее мнение относительно самостоятельности судебного контроля принадлежит В.Н. Галузо [9, с. 57]. Он считает контрольную деятельность суда самостоятельной функцией судебной власти. Для О.В. Химичевой изучаемый феномен на досудебных стадиях выражается одним из проявлений судебной власти и играет важную функцию для осуществления правосудия [10, с. 25–27].

Таким образом, отдельные авторы считают судебный контроль самостоятельной функцией, формой или способом осуществления судебной власти и не связывают его с правосудием. Главным аргументом в основном

выступает тезис об отсутствии правового спора между сторонами судопроизводства, где суд выступает в качестве арбитра [11, с. 86]. Например, А.В. Солодилов считает, что при принятии судом решения о заключении лица под стражу отсутствует спор, и данная деятельность не относится к правосудию [12, с. 32–43].

Однако это положение является заблуждением. При осуществлении судебного контроля спор сторон уголовного судопроизводства может быть двух видов – явный и конвенциональный. Явный – представляет собой спор, выраженный в прямом волеизъявлении участников процесса, выступающих противоборствующими сторонами, которые защищают свои законные интересы. Конвенциональный конфликт представляет собой скрытый спор, когда одна из сторон прямо не выражает своего намерения перед судом, но потенциально выступает участником спора (как предмета разрешения суда). Например, ст. 165 УПК РФ предусматривает специальный повод проведения оперативного судебного контроля, заключающийся в инициативе следственных органов, ходатайствующих о реализации отдельных следственных действий. И, несмотря на то что сторона защиты явно не выражает своей позиции относительно отсутствия оснований к проведению какого-либо процессуального действия в отношении него, она потенциально выступает как конфронтирующий участник стороны обвинения. Причем А.В. Солодилов указывает, что если в основе реализации судебного контроля лежит спор участников уголовного судопроизводства, то такой контроль относится к правосудию. В данном случае указанный автор признает только явный спор сторон уголовного процесса, исключая конвенциональный. Последнее А.В. Солодилов рассматривает как деятельность суда по приданию законной силы решениям органов предварительного расследования [12, с. 32–43].

Однако еще в 1970 г. к выводу о том, что любая деятельность суда (не связанная с разбирательством дела по существу) должна относиться в широком смысле к правосудию, пришел В.П. Нажимов. Автор указал, что судебный контроль можно рассматривать не только как функцию, а как новый способ осуществления правосудия [13, с. 8–9]. В подтверждение этого Ю.К. Якимович дал собственное определение правосудию, определив его как «всякая деятельность суда по разрешению отнесенных к его компетенции правовых споров» [14, с. 25].

Рассуждая относительно сути правосудия, Т.А. Савельева заявляла, что единственной формой реализации судебной власти является именно правосудие, что исключает самостоятельность иных направлений [15, с. 85–86].

В.А. Лазарева также утверждает, что единственной функцией судебной власти является правосудие, которое выражается в разрешении социально-правовых конфликтов, защите и восстановлении прав граждан [16, с. 20–24]. Идентичной позиции придерживается Т.З. Зинатуллин.

Изучив исследование Н.Н. Ковтуна, диссертант выстроил схему зависимости изучаемых терминов. Судебная власть (суд) обладает определенными функциями, в том числе по защите прав, свобод и законных интересов личности, которая реализуется через форму отправления правосудия. Последнее также обладает отдельными формами, включая судебный контроль, который автор именует как «самостоятельной, особой (процессуальной) формой осуществления правосудия» [17, с. 17–65].

Однако необходимо указать, что вопрос относительно функций и форм судебного контроля до сих пор остается обсуждаемым. Некоторые авторы осуществление правосудия относят к функциям суда, другие к формам, а кто-то считает данные дефиниции идентичными.

По мнению А.С. Сбоева, основная содержательная часть судебной власти заключается в отправлении правосудия, а судебный контроль представляет собой его особую форму. Кроме того, автор делает акцент на том, что в Конституции РФ говорится о правосудии как о гарантии обеспечения защиты прав, свобод и законных интересов личности, а судебный контроль не указан, поэтому нельзя говорить об отделении и уравнивании данных понятий. По мнению данного автора, законодатель включил в «правосудие» в том числе и контрольную функцию суда. А.С. Сбоев указывает на такой элемент, как процедура судебного заседания, которая является процессуальной формой осуществления правосудия. При реализации судебного контроля суд принимает решение на официальном заседании, в присутствии должностных лиц (с учетом разъяснения прав участвующих лиц, исследования документов, оглашения результатов и т. п.) [18, с. 44–45]. Тем самым автор указывает на косвенное отнесение законодателем судебного контроля к правосудию.

Как ранее было сказано, отношение авторов к вопросу соотношения судебного контроля и правосудия зависит от того, в каком контексте рассматривается последнее. Для И.Л. Петрухина правосудие непосредственно связано с раз-

решением уголовного дела и принятием решения относительно виновности подсудимого (узкий смысл понятия), что объясняет его позицию относительно соотношения рассматриваемых нами элементов. Профессор приводит пример, связанный с выдачей разрешения должностному лицу на производство следственных действий, указывая, что это не является окончательным результатом разрешения дела по существу, а лишь выступает промежуточным решением. Это свидетельствует о том, что судебный контроль, осуществляемый на стадии предварительного расследования, содержит только элементы правосудия [19, с. 13].

Тем самым судебный контроль и правосудие всегда реализуются судебной властью, но, как мы заметили, позиции по вопросу взаимосвязи контрольной функции суда и правосудия значительно разнятся. В своей работе Н.Н. Ковтун отметил несколько направлений соотношения текущего судебного контроля и правосудия:

- судебный контроль как самостоятельная судебная функция;
- судебный контроль как форма осуществления судебной власти наряду с правосудием;
- судебный контроль как особая форма отправления правосудия;
- судебный контроль как часть (элемент) правосудия [17, с. 56–57].

Дополнительно в работе Н.Г. Муратовой судебный контроль отождествляется со способом реализации правосудия [20, с. 110].

Так как формирование дефиниции судебного контроля во многом зависит от правосудия, необходимо выделить характерные признаки последнего, выдвигаемые в доктрине:

- реализация правосудия только судом;
- соблюдение предусмотренного процессуального порядка (процессуальной формы), регламентированного законом;
- отправление правосудия только установленным законом способом;
- результат осуществления правосудия выражается в вынесении особого судебного решения (акта правосудия), носящего общеобязательный характер [21, с. 19–27].

Характерные черты судебного контроля включают в себя ранее упомянутый спор сторон, специальный повод, конкретный предмет контроля, обязательность проведения судебного заседания и вынесение акта правосудия. В связи с этим можно заметить, что признаки правосудия соответствуют признакам судебного контроля. Однако несмотря на единство целей по разрешению правовых конфликтов и обеспечению защиты прав, сво-

бод и законных интересов граждан их содержание и задачи разнятся. Так же как и итоговые решения отправления правосудия и судебного контроля не идентичны по правовой природе и юридическим последствиям. В ст. 5 УПК РФ разделяются понятия «итоговое судебное решение» (приговор, иное решение суда, вынесенное при разрешении уголовного дела по существу) и «промежуточное» (все определения и постановления суда). Но несмотря на это оба вида решений представляют собой обобщенное судебное решение, о котором и говорят авторы, выделяя признаки правосудия и судебного контроля (акты правосудия).

В Конституции РФ прямо предусматривается положение относительно осуществления правосудия только судом. Однако в ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» есть некоторые уточнения. В первой статье говорится, что «судебная власть в Российской Федерации осуществляется только судами в лице судей и привлекаемых в установленном законом порядке к осуществлению правосудия присяжных...», т. е. правосудие (в отдельных предусмотренных УПК РФ случаях) помимо непосредственно судей имеют право осуществлять и присяжные заседатели, а судебный контроль – только судьи [22]. Важно заметить, что судебный контроль должен полностью обладать особенностями правосудия, контрольная функция суда не является полным его отражением, а выступает как непосредственная часть и одна из форм. В данном случае вопросов не возникает, т. к. правосудие осуществляется судьями, как и судебный контроль, ведь оно шире и охватывает и понятие судебного контроля.

Возможные возражения вышеуказанному тезису содержатся в п. 50, 54 ст. 5 УПК РФ. В указанных нормах сказано, что судебное заседание выступает процессуальной формой реализации правосудия, причем как при досудебном, так и при судебном производстве, и что судья – это должностное лицо, осуществляющее правосудие. Данные законодательные основы свидетельствуют, что правосудие охватывает и досудебные стадии уголовного судопроизводства, а судья выполняет единственную функцию – отправление правосудия. В ст. 29 УПК РФ указываются формы реализации правосудия, включая разрешение уголовного дела по существу (ч. 1 ст. 29 УПК РФ) и иные полномочия, осуществляемые на стадии предварительного расследования, в том числе судебный контроль (ч. 2, 3 ст. 29 УПК РФ). Подтверждением этому являются п. 48 и 52 ст. 5 УПК РФ, где указывается, что суд (суд

первой инстанции) рассматривает уголовное дело по существу и выносит иные решения на досудебном этапе. Если бы законодатель разделял правосудие от того же судебного контроля, законодательная установка была бы следующей: «осуществляет правосудие и принимает иные решения на досудебной стадии производства по уголовному делу». В данном случае законодатель просто разделил на формы (единое) правосудие, еще раз подчеркнув, что последнее значительно шире, чем просто разрешение уголовного дела по существу.

При обращении к Конституции РФ необходимо отметить ст. 124, где рассматривается вопрос о финансировании судов, которое «производится только из федерального бюджета и должно обеспечивать возможность полного и независимого осуществления правосудия». Это указывает на то, что законодатель все полномочия суда объединяет в единую функцию судебной власти – правосудие, т. к. отдельно сфера судебного контроля не рассматривается (как это было уже замечено А.С. Сбоевым). В заключительных и переходных положениях Конституции РФ также указывается, что суды реализуют правосудие в соответствии с их полномочиями. Иных функций суда данный акт не предусматривает, что вновь наталкивает на явное отнесение законодателем правосудия к единственной функции судебной власти.

На исключительность правосудия указывает гл. 31 «Преступления против правосудия» Уголовного кодекса РФ, в том числе ст. 294 «Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования». В комментарии к рассматриваемой статье можно встретить толкование деятельности по его осуществлению. Под ним понимаются любые действия суда, реализуемые как в коллегиальном составе, так и в лице единоличного судьи, которые он выполняет в соответствии с установленным законодательством порядком, включая рассмотрение дела по существу и разрешение иных, отнесенных к его ведению вопросов. В частности, проверяет законность и обоснованность действий и решений следователя или дознавателя, дает разрешение на производство следственных и иных процессуальных действий, ограничивающих конституционные права и свободы участников судопроизводства и др. [23].

Для единообразного использования судами конституционных норм при осуществлении правосудия в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 указа-

но, что предусмотренные ст. 18 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина являются действующими и «обеспечиваются правосудием» [24].

Тем самым мы видим, что гарантией защиты (всех) прав, свобод и законных интересов граждан выступает в широком смысле правосудие, а непосредственно судебный контроль как часть правосудия. Причем они имеют идентичную цель – разрешение социально-правовых споров. Если бы контрольная функция суда рассматривалась законодателем как самостоятельная, то в Постановлении Пленума от 31.10.1995 № 8 была бы ссылка не на правосудие, а на судебный контроль.

Таким образом, позиция относительно самостоятельности судебного контроля остается актуальной только в связи со сравнительно недавним введением института судебного контроля. Генезис рассматриваемого феномена дает основание утверждать, что многолетнее подавление основ судебного контроля и попытки заменить его прокурорским надзором как самостоятельной формой проверки досудебного расследования на протяжении долгого времени не дают возможности признать расширение сущности правосудия [25, с. 273–280]. Это связано с тем, что еще недавно суд, реализующий судебную власть, признавался как орган правосудия, осуществлявший свои полномочия по большей части в судебных стадиях процесса. Однако действующий УПК РФ возложил на суд дополнительные полномочия (ч. 2, 3 ст. 29), в том числе связанные с осуществлением судебного контроля на досудебной стадии.

Конечно, интересными являются положения доктрины, рассматривающие широкий и узкий смыслы правосудия, объясняющие подходы процессуалистов по изучаемому вопросу. Понятно, что такая позиция носит теоретический характер, в связи с этим позволим себе согласиться с мнением авторов, которые разделяют и признают позицию единства судебного контроля и правосудия. Таким образом, правосудие – единственная исключительная функция судебной власти, выражающаяся в нескольких формах, в том числе в судебном контроле на досудебном этапе и разрешением уголовного дела по существу на судебных стадиях уголовного судопроизводства.

В подтверждении сказанному приведем еще один аргумент, который содержится в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1, где указано, что, исходя из общих положений уголовно-процессуального законодательства, рассмотрение жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ происходит в форме

осуществления правосудия по правилам состязательного судопроизводства в открытом судебном заседании [26]. Таким образом, данное положение еще раз подтверждает справедливость нашей позиции относительно судебного контроля как формы правосудия.

Кроме того, для устранения неточностей в соотношении судебного контроля и право-

судия законодателю необходимо ввести дополнительный п. 48¹ в ст. 5 УПК РФ, который будет содержать исчерпывающее понятие «правосудие». Видится целесообразным введение точного и компактного определения правосудия – «исключительная (единичная) функция судебной власти, реализуемая на всех стадиях уголовного судопроизводства».

Литература

1. Умярова Р.Р. Понятие и формы судебного контроля на стадии предварительного расследования // Устойчивое развитие науки и образования. 2021. № 5(56).
2. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 2.
3. Чепурная И.В. Судебный контроль в досудебном уголовном производстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
4. Трунов И.Л., Трунова Л.К. Права личности и условия их обеспечения в уголовном процессе // Научные труды РАЮН. 2002. № 2.
5. Колоколов Н.А. Судебный контроль в стадии предварительного расследования преступлений: важная функция судебной власти: проблемы осуществления в условиях правовой реформы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998.
6. Костерина Н.В. Судебный контроль на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005.
7. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001.
8. Луценко П.А. Судебный контроль в досудебных стадиях уголовного процесса Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.
9. Галузо В.Н. Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности органов внутренних дел в свете новой Конституции Российской Федерации // Межвуз. сб. науч. тр. адъюнктов и соискателей. 1995.
10. Химичева О.В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004.
11. Рябцева Е.В. Судебная деятельность в уголовном процессе России. Ростов н/Д, 2006.
12. Солодилов А.В. Судебный контроль за проведением следственных действий и решениями прокурора и органов расследования, ограничивающими конституционные права и свободы граждан, в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1999.

Bibliography

1. Umyarova R.R. The concept and forms of judicial control at the stage of preliminary investigation // Sustainable development of science and education. 2021. № 5(56).
2. Foynitsky I.Ya. Course of criminal proceedings. St.Petersburg, 1996. Vol. 2.
3. Chepurnaya I.V. Judicial control in pre-trial criminal proceedings: diss. ... cand. of Law. M., 2005.
4. Trunov I.L., Trunova L.K. Personal rights and conditions of their provision in criminal proceedings // Scientific works of RAYUN. 2002. № 2.
5. Kolokolov N.A. Judicial control at the stage of preliminary investigation of crimes: an important function of the judiciary: problems of implementation in the context of legal reform: dis. ... cand. jurid. sciences'. Moscow, 1998.
6. Kosterina N.V. Judicial control at the pre-trial stages of criminal proceedings: dis. ... cand. jurid. sciences'. Volgograd, 2005.
7. Big Legal Dictionary / edited by A.Ya. Sukharev, V.E. Krutskikh. 2nd ed., reprint. and additional Moscow, 2001.
8. Lutsenko P.A. Judicial control in the pre-trial stages of the criminal process of the Russian Federation: diss. ... cand. of Law. Moscow, 2014.
9. Galuzo V.N. Issues of improving law enforcement activities of internal affairs bodies in the light of the new Constitution of the Russian Federation // Inter-university. collection of scientific. tr. adjuncts and applicants. 1995.
10. Khimicheva O.V. Conceptual foundations of procedural control and supervision at the pre-trial stages of criminal proceedings: dis. ... Dr. of Law. Moscow, 2004.
11. Ryabtseva E.V. Judicial activity in the criminal process of Russia. Rostov-on-Don, 2006.
12. Solodilov A.V. Judicial control over the conduct of investigative actions and decisions of the prosecutor and investigative bodies restricting the constitutional rights and freedoms of citizens in the criminal process of Russia: diss. ... cand. of Law. Tomsk, 1999.
13. Nazhimov V.P. The court as a body of justice in criminal cases // Issues of the organization of

13. Нажимов В.П. Суд как орган правосудия по уголовным делам // Вопросы организации суда и осуществления правосудия в СССР. 1970.
14. Якимович Ю.К. Избранные статьи (1985–1996 гг.). Томск, 1997.
15. Савельева Т.А. Конституционные основы судебной власти: реализация Конституции в Российской Федерации. Саратов, 1994.
16. Лазарева В.А. Судебная власть. Судебная защита. Судебный контроль: понятие и соотношение. Самара, 1999.
17. Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002.
18. Сбоев А.С. Механизм судебного контроля в досудебном уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2004.
19. Петрухин И.Л. Прокурорский надзор и судебная власть. М., 2001.
20. Муратова Н.Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2004.
21. Гуценко К.Ф. Правоохранительные органы. М., 2016.
22. О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
23. URL: <https://stykrf.ru/294> (дата обращения: 11.12.2021).
24. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 (ред. от 03.03.2015). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
25. Умярова Р.Р. Генезис судебного контроля за законностью и обоснованностью производства следственных действий в уголовном процессе России // Вестник Воронежского института МВД России. 2021. № 3.
26. О практике рассмотрения судами жалоб в порядке ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 (ред. от 29.11.2016). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
- the court and the administration of justice in the USSR. 1970.
14. Yakimovich Yu.K. Selected articles (1985–1996). Tomsk, 1997.
15. Savelyeva T.A. Constitutional foundations of the judiciary: the implementation of the Constitution in the Russian Federation. Saratov, 1994.
16. Lazareva V.A. Judicial power. Judicial protection. Judicial control: concept and correlation. Samara, 1999.
17. Kovtun N.N. Judicial control in criminal proceedings of Russia: diss. ... Dr. of Law. N. Novgorod, 2002.
18. Failures A.S. The mechanism of judicial control in pre-trial criminal proceedings in Russia: dis. ... cand. jurid. sciences'. Orenburg, 2004.
19. Petrukhin I.L. Prosecutorial supervision and judicial power. M., 2001.
20. Muratova N.G. The system of judicial control in criminal proceedings: issues of theory, legislative regulation and practice: diss. ... Dr. of Law. Kazan, 2004.
21. Gutsenko K.F. Law enforcement agencies. Moscow, 2016.
22. On the judicial system of the Russian Federation: Federal Constitutional Law № 1-FKL of 31.12.1996. Access from the legal reference system «ConsultantPlus».
23. URL: <https://stykrf.ru/294> (date of access: 11.12.2021).
24. On some issues of application by courts of the Constitution of the Russian Federation in the administration of justice: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 31.10.1995 № 8 (ed. from 03.03.2015). Access from the legal reference system «ConsultantPlus».
25. Umyarova R.R. Genesis of judicial control over the legality and validity of investigative actions in the criminal process of Russia // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 3.
26. On the practice of consideration by courts of complaints in accordance with Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 10.02.2009 № 1 (ed. of 29.11.2016). Access from the legal reference system «ConsultantPlus».